

ISSN 1999-2629

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

POLITICAL LINGUISTICS

3(33)'2010

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

3(33)'2010

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте Уральского государственного педагогического университета: www.journal.uspu.ru
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 19.02.2010 №6/6

Екатеринбург 2010

УДК 409.34
ББК Ш 107
П 50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

кандидат филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

Члены редакционной коллегии:

доктор философии, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва)

доктор философии, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор философии, профессор Дж. ДАНН (Глазго, Великобритания)

ректор УрГПУ, доктор пед. наук, профессор Б. М. ИГОШЕВ (Екатеринбург)

доктор философии, профессор И. ИНЬИГО-МОРА (Севилья, Испания)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург)

доктор философии, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург)

доктор филологии, профессор П. ЧЕРВИНЬСКИ (Катовице, Польша)

Технический редактор: А. И. СУЕТИНА,

Выпускающий редактор: кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА

Заведующий отделом перевода: И. С. ПОЛЯКОВА

Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО
П 50 «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2010. Вып. 3(33). – 194 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает четыре основных раздела – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура» и «Классика политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш 107

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
ВЫПУСК 3 (33)

Подписано в печать 03.09.2010. Формат 60x84/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. – 24,25. Тираж 500 экз. Заказ 3382.
Оригинал макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru

ISSN 1999-2629

© ГОУ ВПО «УрГПУ», 2010
© Политическая лингвистика, 2010

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

3(33)'2010

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editor-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)

Vladimir N. Bazylev Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)

Petr Cerwinski Ph.D., Prof. (Katowice, Poland)

John Dunn, Ph.D., Prof. (Glasgow, the UK)

Boris M. Igoshev, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Isabel Iñigo-Mora, Ph.D., Prof. (Seville, Spain)

Vasiliy V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)

Eleonora Lissan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)

Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Patrick Seriot Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)

Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)

Ekaterinburg 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ		8
РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ		
Базылев В.Н. Москва, Россия	Политика и лингвистика: «В начале было «Слово...»	9
Дурович Т., Силаски Н. Белград, Сербия	Метафоризация политики – роль когнитивного сдвига в сербском политическом дискурсе	25
Карасик В.И. Волгоград, Россия	Эмблематический концепт «благополучие»	34
Милостивая А.И., Серебрякова С.В. Ставрополь, Россия	Идеологический потенциал диссимметрии в политическом нарративе	41
Терехова Е.В. Москва, Россия	Рекуррентные конструкции в английском политическом дискурсе как лингвистический инструмент мониторинга изменений общественного сознания	50
РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ		
Вдовиченко Л.В. Сургут, Россия	«Порядок» и «беспорядок» как ценность и антиценность в политическом дискурсе России и США	57
Ворошилова М.Б. Екатеринбург, Россия	Алексей Леонидович! Нащупали дно?: Прецедентное имя в политической карикатуре о мировом кризисе	61
Гусев Д.В. Нижний Новгород, Россия	Концептуально-дискурсивные структуры в послании Президента Федеральному Собранию РФ 2008 года	64
Иванова С.В., Сподарец О.О. Уфа, Россия	Реализация стратегии субъективизации в структуре новостного политического дискурса СМИ	71
Красильникова Н.А. Екатеринбург, Россия	Советский Союз, фашистская Германия или Россия XXI века? (образ России в дискурсе общественности на сайтах СМИ Великобритании)	76
Кушнерук С.Л. Челябинск, Россия	Образ президента – визитная карточка России: текстовые миры прессы, адресованной зарубежным читателям	87
Маклакова Е.А. Воронеж, Россия	Политическая корректность и тональность общения как семантические признаки наименований лиц (на материале контрастивных исследований в русском и английском языках)	93
Нахимова Е.А. Екатеринбург, Россия	Мифологема <i>Александр Невский</i> в современной массовой коммуникации	105
Садуов Р.Т. Уфа, Россия	Автобиография как стержневая компонента политического дискурса Барака Обамы	109
Цыцулина С.Г. Набережные Челны, Россия	Политический деятель через призму агональной метафоры	119

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Алексеева Н.В. Ульяновск, Россия	«Ташкентский роман» Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы»: социокультурный феномен Города, рожденного «ветрами исторических потрясении»	124
Барковская Н.В. Екатеринбург, Россия	«И далее по тексту»: политические реалии в современной поэзии	128
Багдасарян О.Ю. Екатеринбург, Россия	«Взрослая дочь молодого человека» и «Памятник неизвестному стилиаге» В. Славкина: поколение 1950-х в эпоху застоя	133
Коноваленко И.В. Омск, Россия	Концепт «закон» в жанре обращения граждан в официальные инстанции	138
Кретов А.А. Воронеж, Россия	Динамика маркем в русской литературе XVIII – начала XX веков как отражение социокультурных процессов	141
Лазарева Э.А., Тельминов Г.Н. Екатеринбург, Россия	Использование коммуникативных стратегий вежливости в американской интернет-рекламе	151
Макеева С.О. Екатеринбург, Россия	Конный городской прокат в дискурсивной практике трех лингвокультур	155
Малышева Е.Г. Омск, Россия	Универсальная идеологема 'спорт': этнокультурная специфика	163
Филипацци Ю.А. Екатеринбург, Россия	Образы русских в итальянском комическом театре	171

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Гриббин У. Виржиния, США	Метафора «джаггернаут» в американской риторике	175
------------------------------------	--	-----

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Дементьев В.В. Саратов, Россия	Языковые заимствования: российско-польские параллели и оппозиции	181
Мухин М. Ю. Екатеринбург, Россия	Системный взгляд на язык советского периода	185
Пименова М.В. Кемерово, Россия	Летняя международная научная школа «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования» (1-9 июля 2010 г., Омск)	187
Правила предоставления рукописей авторами в журнал «Политическая лингвистика»		191

CONTENTS

EDITORIAL		8
PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS		
Bazylev V.N. Moscow, Russia	Politics & Linguistics: “In the Beginning was “the Word...”	9
Đurović T., Silaški N. Beograd, Serbia	Framing Politics – the Role of Conceptual Shift in Serbian Political Discourse	25
Karasik V.I. Volgograd, Russia	An Emblematic Concept “Well-being”	34
Milostivaya A.I., Serebryakova S.V. Stavropol, Russia	The Ideological Potential of Dissymmetry in the Political Narrative	41
Terekhova E.V. Moscow, Russian	Recurrent Constructions and English Political Discourse: Linguistic Instrument of Monitoring Social Changes in the Society	50
PART 2. POLITICAL COMMUNICATION		
Vdovichenko L.V. Surgut, Russia	“Order” and “Disorder” as Value and Antivalue in the Political Discourse of Russia and the Usa	57
Voroshilova M.B. Yekaterinburg, Russia	Aleksej Leonidovich! Have You Groped the Bottom?: Precedent Name in the Political Caricature on the World’s Crisis	61
Gusev D.V. Nizhny Novgorod, Russia	The Conceptual Discourse Structures in Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation in 2008	64
Ivanova S.V., Spodarets O.O. Ufa, Russia	Implementation of Subjectivization Strategy in the Structure of Mass Media Political Discourse	71
Krasilnikova N.A. Yekaterinburg, Russia	Soviet Union, Fascist Germany or XXI Century Russia? (Metaphorical Image of Russia in British Internet Media Public Discourse)	76
Kushneruk S.L. Chelyabinsk, Russia	The Image of the President as Russia’s Visiting Card: Text Worlds Addressed to Foreign Readers	87
Maklakova E.A. Voronezh, Russia	Political Correctness and Tonality Of Communication as Semantic Features of Persons’ Nominations (on the Basis of Contrastive Research in Russian and English)	93
Nakhimova E.A. Yekaterinburg, Russia	Mythologem <i>Alexander Nevsky</i> in Contemporary Mass Communication	105
Saduof R.T. Ufa, Russia	Autobiography as a Key Component of Barack Obama’s Political Discourse	109
Tsytsulina S.G. Naberezhnye Chelny, Russia	Political Figure through the Prism of Agonal Metaphor	119

PART 3. LANGUAGE – POLITICS – CULTURE

Alekseeva N.V. Ulianovsk, Russia	Tashkent Novel «On the Sunny Side of the Street» by D. Rubina: the Social and Cultural Phenomenon of the City Born by “The Winds of Historic Upheavals”	124
Barkovskaya N.V. Yekaterinburg, Russia	«Then follow the Text as it is»: Political Realia in Modern Poetry	128
Bagdasaryan O.Y. Yekaterinburg, Russia	“The Grown-up Daughter of the Young Man” and “The Monument to the Unknown Stilyaga” by V. Slavkin: the Generation of 50-s During the Stagnation Epoch	133
Konovalenko I.V. Omsk, Russia	Concept «Law» in the Genre of Appeal of the Citizens to the Official Instances	138
Kretov A.A. Voronezh, Russia	Dynamics of Markemes in the Russian Literature of XVIII – Beginning of XX Centuries as a Reflection of the Social Cultural Processes	141
Lazareva E.A., Telminov G.N. Yekaterinburg, Russia	Use of Communicative Politeness Strategies in the American Internet Advertising	151
Makeeva S.O. Yekaterinburg, Russia	Urban Horse Industry in Discourse Practice of Three Cultures	155
Malysheva E.G. Omsk, Russia	Universal Ideologem ‘Sport’: Ethno-Cultural Specificity	163
Filipazzi Y.A. Yekaterinburg, Russia	Image of Russians in Italian Comic Theatre	171

PART 4. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Gribbin W. Virginia, USA	The Juggernaut Metaphor in American Rhetoric	175
------------------------------------	--	-----

PART 5. REVIEWS. CHRONICLE

Demytyev V.V. Saratov, Russia	Language Borrowings: Russian-Polish Similarities and Oppositions	181
Mukhin M.Y. Yekaterinburg, Russia	Systemic View on the Language of the Soviet Period	185
Pimenova M.V. Kemerovo, Russia	International Summer Science School “Cognitive Linguistics and Conceptual Investigations” (July, 1-9, 2010, Omsk)	187
Manuscripts requirements		191

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия представляет тридцать второй выпуск «Политической лингвистики». Редакционная политика остается прежней.

Мы по-прежнему сохраняем узкую специализацию с ориентацией на максимально широкий круг читателей. Наши авторы представляют различные научные школы и направления в России и в других странах.

Мы по-прежнему не платим гонораров, но и не берем денег за публикацию с авторов. К сожалению, мы не всегда имеем возможность бесплатно выслать каждому автору экземпляр журнала, в котором опубликована его статья.

Мы сохраняем четыре основных раздела нашего журнала:

– «Теория политической лингвистики» (этот раздел предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике);

– «Политическая коммуникация» (раздел включает статьи и материалы преимущественно практического характера);

– «Язык – политика – культура» (представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики);

– «Из истории политической лингвистики» (здесь публикуются впервые переведенные на русский язык статьи, написанные много десятилетий назад, но сохраняющие свою значимость для теории и истории науки).

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса. Однако вынуждены подчеркнуть, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

Мы не имеем возможности достойно оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а поэтому ответственность за возможные опечатки или иного рода недочеты несут авторы соответствующих публикаций.

Мы лишены возможности достойно оплачивать труд профессиональных переводчиков. Поэтому вполне возможно, что переводчики-волонтеры не всегда блестяще справляются со своей работой, но мы надеемся, что публикуемые переводы дадут достаточно точное представление о содержании оригинальных текстов.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, однако стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Нам приятно, что для очередного выпуска предложили свои публикации известные специалисты – профессора Н.В. Алексеева (Ульяновск), В.Н. Базылев (Москва), Н.В. Барковская (Екатеринбург), В.В. Дементьев (Саратов), Т. Дуровски и Н. Силаски (Белград, Сербия), С.В. Иванова (Уфа), В.И. Карасик (Волгоград), А.А. Кретов (Воронеж), Э.А. Лазарева (Екатеринбург), М.В. Пименова (Кемерово), С.В. Серебрякова (Ставрополь), но мы не менее рады и статьям относительно молодых исследователей политического дискурса.

С содержанием предшествующих выпусков данного журнала можно ознакомиться на сайте cognitiv.narod.ru, а также на сайте Уральского государственного педагогического университета uspu.ru. На сайте cognitiv.narod.ru размещены также другие публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики. Мы готовы удовлетворить заявки и на пересылку этого и предшествующих выпусков в отпечатанном варианте.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны: (343) 2357612 (кафедра);

(343)3361592 (гл. редактор А.П. Чудинов).

Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Приятно сообщить, что по данным Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на начало 2010 года наш журнал находится среди лидеров в разделе «Филология», поскольку наш импакт-фактор РИНЦ снова возрос.

Более полные данные о Российском индексе научного цитирования и импакт-факторе РИНЦ представлены на сайте РИНЦ (<http://elibrary.ru>) и в журнале «Вопросы когнитивной лингвистики» (2010, № 2, с.143).

С уважением и надеждой на сотрудничество:

профессор Анатолий Прокопьевич Чудинов,
доцент Эдуард Владимирович Будаев,
доцент Мария Борисовна Ворошилова,
техн. редактор Анастасия Игоревна Суетина

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Базылев В.Н.
Москва, Россия

ПОЛИТИКА И ЛИНГВИСТИКА:
«В начале было «Слово...»»

Bazylev V.N.
Moscow, Russia

POLITICS & LINGUISTICS:
«In the Beginning was «The Word...»»

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

ГЧТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Аннотация. Статья посвящена анализу российско-советской научно-популярной исторической дискурсивной практике, в которой конструирование догмы официального патриотизма обусловлено языковым посредничеством. Обсуждается феномен успешности подобных общественно значимых практик, который обеспечивается разносторонними средствами создания псевдоисторических текстов идеологически ориентированными писателями, филологами-дилетантами и историками-любителями.

Ключевые слова: дискурсивные практики, псевдоисторический текст, язык официальной патриотической догмы.

Сведения об авторе: Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор.

Место работы: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва).

Контактная информация: 123056, Москва, ул. Красина, д. 7, кв. 126.
e-mail: vladimir@4unet.ru.

Abstract. The article is an attempt at a critical analysis of some discursive practices of Russian historical public language belonging to the Russian and Soviet political discourse. The construction of the language of official patriotism was an important aesthetic intervention in the language. The success in pseudo-historical texts can be attributed to a multi-faceted approach on the part of an ideological writer, a self-taught philologist and an amateur historian. The patriotic dogma has been elaborated through a quite fantastic linguistic theory and a no less mythologized theory of Russian and Soviet history.

Key words: discursive practice, language of official patriotism, pseudo-historical texts.

About the author: Bazylev Vladimir Nikolayevich, Doctor of Philology, Professor.

Place of employment: The Pushkin State Russian Language Institute (Moscow).

Современная культура пытается вырваться из замкнутой вселенной исторических и языковых символов. И все потому, как напишет Н.Е. Копосов, что «история дана нам, прежде всего, хотя и не исключительно, в лингвистической форме, и для ее понимания необходимо пройти через уровень лингвистического анализа... Однако изучение языковых механизмов на каждом шагу ведет нас за пределы языка, обнаруживая взаимодействие лингвистических и нелингвистических механизмов» [Копосов 2001: 25; Копосов 1997: 33]. Или, как скажет М. Веллер: «Истории неведома благодарность, но свойственно отмщение. Не присуща честность, но мил миф. В ней нет справедливости, но скрыт смысл... По русской традиции читать между строк и разгадывать ребусы власти мы видим то, что нам не показывали, слышим то, чего нам не говорили, и знаем то, чего не происходило» [Веллер 2009: 3]. Разве это удивительно в той замкнутой вселенной символов, в которой мы живем? Вовсе нет. Разве символ трудно создать? Вовсе нет.

Напомню мало кому известный исторический анекдот: любопытную историю из своей студенческой юности вспоминает А.А. Фет в своей книге 1893 года «Ранние годы моей жизни»: «...в числе других посетителей григорьевских антресолей был любезный правовед Калайдович, сын покойного профессора и издателя песен Кирши Данилова. Молодой Калайдович не только оказывал горячее сочувствие моим стихам, но, к немалому моему удовольст-

вию, ввел меня в свое небольшое семейство, проживающее в собственном доме на Плющихе. Через молодого Калайдовича я познакомился с его друзьями: Константином и Иваном Аксаковыми. Однажды, начитавшись песен Кирши Данилова, я придумал под них подделаться, и мы с Калайдовичем решили ввести в заблуждение любителей и знатоков русской старины братьев Аксаковых. Отыскав между бумагами покойного отца чистый полулист, Калайдович постарался подделаться под руку покойного, передал рукопись Константину Сергеевичу, сказав, что нашел ее в бумагах отца, но желал бы знать, можно ли довериться ее подлинности. В следующий мой приход я с восхищением услышал, что Аксаков, прочитав песню, сказал: «Очень может быть, очень может быть; надо хорошенько ее разобрать». Но, кажется, в следующее затем свидание Калайдович расхохотался и тем самым положил конец нашей затее» [Фет 1983: 52].

Но так ли безобидны подобные затеи в культуре и для культуры, если они воспринимаются серьезно и служат каким-то политическим целям, в том числе сохранению этнической идентичности в плане языка и истории? Конечно же нет. Истинное лингвоисторическое знание, немислимо без того, что составляет его фундамент и остов – без достоверных фактов, извлекаемых из исторических источников, прежде всего из письменных документов, – будь то летопись, государственный акт, письмо, мемуары. Со временем они утрачивают свое зна-

чение с точки зрения задач, решавшихся в момент их создания, но тогда они становятся фрагментом ретроспективной социальной памяти, помогают сохранять этническую идентичность. В противном случае грань, отделяющая символическое от знакового, разламывается, и символические основания этнической идентичности переводятся в план воображаемого. Проще всего это осуществляется с использованием литературы и фольклора. Это давно и тщательно разрабатываемое направление филологии, литературоведения и текстологии [Уайтхед 1986; Масанов 1940; Берков 1965; Ланн 2009; Рукописи... 2002; Попова 1992].

Меньше внимания лингвистика пока уделяла нелитературным фальсификациям: взаимосвязи политики и лингвистики не лежат на поверхности, они требуют специальных приемов фиксации, описания и интерпретации. Наша статья посвящена именно вопросам интерпретации политически актуальных или политизированных фальсифицированных исторических текстов с лингвистической точки зрения обусловленности их возникновения и бытования в культуре

Фальсификация исторических источников – это создание никогда не существовавших документов либо подправки подлинных документов, что связано с целой системой различных приемов и способов, как об этом пишет В.П. Козлов [1996: 4]. И в том и в другом случае налицо сознательный умысел, рассчитанный на общественное внимание, желание с помощью полностью выдуманых фактов прошлого или искажения реально существовавших событий «подправить» историю, дополнить ее несуществующими деталями в интересах, как совсем еще недавно говорили, текущего политического момента. Хорошо, когда фальсификации вовремя разоблачаются, но бывает и так, что они живут, порождая новые мифы, расстаться с которыми отдельным людям и обществу в целом бывает порой очень трудно.

Приведу пример того, о какого рода текстах пойдет речь. К началу XIX в. относится изготовление «указа» царя Алексея Михайловича от 18 мая 1651 г. «Указ» известен в четырех списках XIX в., один из которых относится к 1814 г., то есть возникновение «указа» можно отнести ко времени не позже 1814 г. Стилизованным под «древность» языком в нем говорилось, что в Москву начали прибывать разные еретики-немцы и просить царской службы. «И мы, – продолжал указ, – собра архиепископы, архiereи, архимандриты и иереи на думу», где решили «оних сукиных детей немцев на воеводство не посылать», а только «в службу нашу царскую вступать по нужде, в ратную». Политический подтекст этой подделки был очевиден – это был протест против иностранного засилья в бюрократическом аппарате России. Ее автор изобрел актуальный и для XVIII в. и для начала XIX в. «исторический прецедент», на который обращалось внимание современников. «Указ» в

силу своей злободневности получил широкое распространение, волнуя патриотически настроенных читателей своей категорической решительностью – не назначать иностранцев на должности, и известной государственной хитростью – использовать иностранцев в ратной службе [Лихачев 1913: 87].

Именно т.н. патриотизм приводит к тому, что в письменной культуре общества с завидным постоянством появляются тексты, отстаивающие те или иные государственные приоритеты – территориальные, интеллектуальные и пр. Так, в начале 50-х годов XX века советская общественность заинтересовалась работами уже известного в то время писателя-мариниста Константина Бадигина, посвященных истории российского мореплавания и российских географических открытий. Одна из них была издана в двух январских номерах газеты «Красный флот» за 1951 г. Говоря о плаваниях россиян в начале XV в. на Новую Землю и в Карское море как о вполне само собой разумеющемся деле, К. Бадигин впервые упомянул для подтверждения своей точки зрения целый ряд дотоле никому не известных источников. Он писал, что ему известен весьма древний документ, относящийся к первой половине XV в. Год спустя он был опубликован в качестве специальной главы исторического очерка «Русские северные мореходы», приложенного к его повести «Путь на Грумант», изданной 90-тысячным тиражом. Рукопись фигурирует под заголовком «Си книги оуставець акияна моря русьского и воде и ветром. Хожение Иванново Олельковича сына Ноугородца». Впервые здесь приводились более подробные сведения и о происхождении рукописи. По словам К. Бадигина, она когда-то хранилась в Анзерском скиту, во втором десятилетии XX в. оказалась в библиотеке Соловецкого монастыря, где была частично скопирована писателем Б.В. Шергиным. Он-то и поделился своей находкой с автором. Сообщает К. Бадигин и более подробные сведения о самой рукописи. По его словам, в ней находится рассказ о встрече Ивана Новгородца с основателем Соловецкого монастыря Савватием и скорой смерти последнего. Это позволяет датировать памятник первой половиной XV в., поскольку известно, что Савватий умер в 1435 г. Из дальнейшего рассказа К.Бадигина и приводимых им цитат ясно, что «Хождение» Ивана Новгородца представляло собой сложный в жанровом отношении исторический документ. Это были одновременно автобиографические записки, мемуары, древняя лоция, лирическое произведение, описывающее северные морские красоты, записки рассказов об опыте мореплавания, этнографические зарисовки северных народов.

Приведенные К. Бадигиным цитаты рисовали яркую картину ледовых плаваний древних россиян, их пылкий ум, жажду познаний, мужественную, подчас смертельно опасную дея-

тельность по освоению северных морских просторов. Комментируя ряд выписок, К. Бадигин старательно пытался извлечь из них сведения, напрямую относящиеся к теме его исследовательских интересов. По его словам, сочинение Ивана Новгородца замечательно тем, что дает возможность определить район ранних плаваний россиян на восток и на запад от Белого моря, характер их гидрографических работ, технологии ледового судостроения, искусство судовождения и т.д. Все это позволяло К. Бадигину сделать ряд важных выводов, касающихся древнерусской морской культуры: Иван Новгородец и его предки намного опередили иноземных путешественников в освоении Арктики – строили корабли, превышавшие размерами, технической оснащенностью, скоростными качествами западноевропейские суда.

Как выяснилось позже, «сочинение» К. Бадигина являлось подлогом [Козлов 2001: 78]. Но, что интересно, подлогом не столько собственно литературного плана, а, скорее, формата политического. Историко-филологическое «творение» К. Бадигина оказалось своеобразным продуктом эпохи жизни его автора. На рубеже 40-50-х годов оно было востребовано и стало одним из элементов той официальной политической идеологии, которая в борьбе с так называемым космополитизмом и в противовес ему развернула шумную кампанию об исторически значимых национальных приоритетах, действительных и мнимых, в различных областях знаний. В этих условиях достаточно было лишь минимального умения стилизации современного языка под «древнерусский», элементарных исторических познаний, в том числе в области древнерусской литературы и реалий XIII-XV вв., чтобы облечь действительные и фантастические представления и домыслы о древнерусской морской культуре в оболочку исторического источника, игнорируя возможные последствия строгого критического анализа.

Парадоксальность советской и постсоветской культуры заключается, однако, в том, что, несмотря на критику, подобные лингвополитические «изыскания» и создаваемые авторами тексты живут и в наши дни, ложно ориентируя неподготовленного читателя, служа поводом для «сенсационных» открытий, порождая самые фантастические домыслы недобросовестных популяризаторов исторических, политических и идеологических идей за счет языковой игры. Конечно же, любая фальсификация исторического источника является не просто результатом в той или иной мере удачной или неудачной языковой игры и фантазии ее автора. Подделка не появляется случайно. И не случайно востребуется обществом. Фальсификация пытается убедить современников и потомков в истинности представлений о прошлом и настоящем, воздействовать вымышленными фактами прошлого на умы и чувства. Как напишет В.П. Козлов: «Во всякой подделке исторического

источника как вымысле есть правда – правда самого вымысла» [Козлов 1996: 9]. Интересен и еще один аспект – языковая техника их изготовления. Как удается автору фальсификации выдавать свое изделие за подлинный документ, насколько искусны по понятиям его времени и с точки зрения современных филологов внешние признаки подделок, их содержание – какие политические задачи документ решал?

Обратимся в качестве иллюстрации сказанного еще к одному эпизоду, который достаточно наглядно показывает, как человек серьезно готовился с позиций филологической «подкованности» к реализации своих планов. Речь пойдет о В.И. Анучине, который на протяжении всей своей жизни вводил в научный и общественный обиход страны свою «переписку» с Лениным и Горьким [Козлов 2001: 62]. Он позволил себе однажды на склоне лет «посмеяться» над своими советскими современниками. 20 декабря 1940 г. он написал в редакцию журнала «Сибирские огни» замечательное письмо. Внимательно вчитаемся в некоторые его строки: «Когда лет 7-8 тому назад Истпарт предложил мне написать воспоминания о встречах и совместной работе с видными революционерами, я охотно принял это предложение. Будучи не подготовлен к подобной работе, я решил подковаться в отношении техники и засел за штудирование разных авторов, писавших воспоминания. Проработал около двадцати книг – и у меня навсегда пропало желание писать воспоминания. Все эти мемуары, все без исключения, страдают одним и тем же тяжелым пороком. Всегда получается так, что воспоминатель, нередко третьестепенная величина во всех отношениях, оказывается обязательно в центре, а вокруг него начинают вращаться, как планеты вокруг Солнца, таланты, знаменитости и крупные люди. Получается претенциозно и комично. Второе соображение: воспоминания – несомненно труднейшая литературная форма. В них неизбежно выявляются отношения автора к воспоминаемому лицу. На мой взгляд, воспоминания нужно писать так, чтоб в отношении, скажем, любимого персонажа в книге не было ни похвалы, ни комплиментов, ни панибратского похлопывания по плечу, но чтоб в то же время читатель чувствовал теплое, любовное отношение к данному лицу. Какой-то внутренний согрев нужен» [цит. по: Линецкая 1963: 166]. О чем говорили читателю эти строки? С неожиданной для 1940 г. смелостью В.И. Анучин заявляет, что по меньшей мере двадцать опубликованных книг о революционном движении в России не заслуживают никакого доверия. Такое заключение – это приговор той официальной мемуарной историографии, которая пыльным цветом расцвела в годы сталинизма. Между строк В.И. Анучин свидетельствует о том, что он будет действовать так же цинично, но в более цивилизованных формах. Подлог истории, подлог прошлого он мечтает осуществить

не в уязвимой мемуарной, а в более изощренной форме: он искал и нашел эту форму. «Переписка» Анучина с Лениным и Горьким – продукт не только честолюбивых и меркантильных интересов автора фальсификации. Это – циничный продукт эпохи, в которой жил фальсификатор, судя по всему, далеко не глупый человек, понявший, что его эпоха востребовала ложь, но не желавший, чтобы она была примитивной или, во всяком случае, облекалась в примитивную форму. Это, наконец, и способ самозащиты человека со сложной судьбой и характером от тоталитарного государства [Никитин 1993: 247].

Не менее изощренную филологическую подготовку обнаруживает и лингвоисторическое «творчество» еще одной довольно яркой советской общественно значимой фигуры второй половины XX века – А.А. Раменского. Даже сегодня нельзя не отдать должного его способностям и начитанности, знаниям в области истории. Всего лишь один, но очень показательный штрих. В литературе о Н.М. Карамзине вплоть до выхода книги Н.Я. Эйдельмана практически никогда не фигурировала небольшая публикация, посвященная судьбе архива историка, хранившегося в большом сундуке в одном из имений Нижегородской губернии. В фальсификациях Раменского мелькает «сундук Карамзина», с которым мечтал познакомиться Пушкин, – факт, примечательный для характеристики познаний А.А. Раменского. Эти знания и дали ему возможность изготовить подлоги, в высшей степени изящные и изощренные по своему содержанию, придумать хитроумные версии их бытования и обнаружения. Его фантазии оказались масштабны по географии и хронологии охвата событий и людей. Франция, Турция, Польша, Болгария, Венгрия, Соединенные Штаты Америки, события XIX, XVIII и даже XIV вв., Авраам Линкольн, Ленин, Горький, Островский и т.д. – все это было систематизировано, продумано и уложено в сложную схему истории учительской династии Раменских [подр. см. Козлов 2001: 137; Маковеев 1985: 218]. Быть может, именно эти масштабы, поражая слушателей и читателей, заставляли их верить и восхищаться общественно значимой деятельностью потомка учительской династии, которая в той ли иной мере соприкасалась с мемуаристом и ученым А.Т. Болотовым, революционером и публицистом А.Н. Радищевым, историком Н.М. Карамзиным, писателем И.И. Лажечниковым, художниками О.А. Кипренским и А.Г. Венециановым, политическими и общественными деятелями – М.А. Бакуниным, С.Л. Перовской, А.И. Желябовым, М.В. Фрунзе, Д.И. и М.И. Ульяновыми. Последний из рода, А.А. Раменский, оказался особенно востребован системой, которая в своих воспитательных потугах желала взрастить героев-созидателей, строителей светлого коммунистического завтра. Ради этого система создавала тот образ прошлого, который отвечал ее

идеалам. Ради этого она откровенно лгала и создавала мифы. Именно поэтому сам А.А. Раменский востребовал эту систему. Искренне или нет, но он ловко воспользовался ею для легализации своих подлогов. Может быть, он, работая с книгами и первоисточниками, осознал мифологичность истории своего Отечества, созданной партийными идеологами, и потому цинично и смело начал дополнять ее вымышленными фактами и людьми. Возможно и наоборот: именно такая история составила основу его искренних убеждений и чувств – не случайно в его подлогах фигурируют исключительно официально признанные герои и события, не случайно только после реабилитации Тухачевского он начинает прорабатывать его «след» в истории рода. Как бы там ни было, но именно на основе и с помощью существовавших официальных взглядов на прошлое он начал создавать и легализовывать свои подлоги. Мотивы поведения А.А. Раменского многообразны. В них, конечно, был свой меркантильный интерес. Всеобщее внимание, уважение и почет – вещи, не самые последние для человека вообще и тем более – в советском обществе XX века. И все же было в этом что-то от наивной фантазии, едва ли не детского желания принаровить себя через свой род к истории Отечества. Люди осваивали космос, страна начала забывать раны страшной войны, народ строил будущее и мечтал о нем. И тогда «маленький» человек начал создавать легенду, таким способом запечатлевая память о себе в истории. Но феномен их бытования – это уже загадка его современников. Магия веры или магия мифа словно окутывали романтическим покрывалом большинство тех, кто имел дело с его подлогами. «Рассказы» А.А. Раменского буквально гипнотизировали современников, помогавших потом ему творить мифы. Не было истинного знания, были вымыслы, которые старательно излагались печатно. Советский исторический китч торжествовал на вере, которую он остроумно использовал.

Как видим, идеологический подтекст ряда подделок говорит о том, что их изготовление было далеко не всегда безобидными «древностелюбивыми проказами», как выразился однажды в отношении фальсификаций А.И. Сулакдзева великолепный знаток русских письменных памятников Евгений Болховитинов. Политический смысл таких подделок, как «завещания» Петра I, Елизаветы Петровны, преследовал задачи, реализация которых могла повлиять на судьбы империи, на международные отношения в Европе. Эти подделки, как можно убедиться на примере трагической истории «принцессы Володомирской», затрагивали и людские судьбы [Козлов 1996: 248].

Российские исторические корни этой, в том числе и современной, как мы могли убедиться, культурной «страсти» – «открытие» никогда не существовавших памятников письменности, безудержное, прямо-таки маниакальное «ис-

правление» подлинных памятников, следует искать в общественной и научной атмосфере первых десятилетий XIX века. Начало века было ознаменовано замечательными открытиями в славянской и русской литературе и письменности: в 1800 г. вышло в свет первое издание «Слова о полку Игореве», спустя три года стал известен Сборник Кирилы Данилова, еще через четыре-пять лет – Остромирово Евангелие. На страницах периодики появились сенсационные известия о книгах Анны Ярославны, «древлянских рукописях», писанных руническими буквами, славянском кодексе VIII в., обнаруженном в Италии, и т.д. Все эти подлинные и мнимые открытия будоражили умы современников. Казалось, что прошлое Отечества, все больше и больше отодвигаясь в глубь веков, начинает щедро приоткрывать свои тайны. Энтузиазм первооткрывательства неизвестных источников поддерживался оптимизмом, надеждой и даже уверенностью, что от взора исследователей скрыто еще немало памятников, способных перевернуть все исторические знания.

Социальные явления, изменения в языковой теории и практике, особенно в начале XIX в., предопределили и еще один мотив действий людей той эпохи в случае «Песни Мстиславой» П.Ю. Львова, «Сказания о Руси и о вещем Олеге» Д.И. Минаева, сочинений И.П. Сахарова и др. Литературная и языковая старина становится полем сражения разных течений русского политико-литературно-языкового процесса. Подделка включаются в это сражение не только как признак обновления литературных жанров, языка, стилей, но, главным образом, как фактор, обуславливающий приверженность к извечно молодой, не утрачивающей своей важной роли старине. Стилизации под «древность», под исторические источники современных произведений, близкие уже к жанру литературных мистификаций, отразили многие из тех сложных явлений, которые появлялись в русском общественном сознании.

Красноречивым образчиком этих процессов может послужить «Опыт древней и новой летописи Валаамского монастыря», созданный А.И. Сулакадзевым [Козлов 1996: 155]. Основу этого сочинения составил труд иеромонаха Мисаила «Историограф Валаамского монастыря, или Разыскание о его древности и показание настоящего его положения». В «Опыте» наряду со ссылками на подлинные источники широко цитируются «Гимн Бояну», в котором обещается воспеть Невское (Ладожское) озеро, «вселетник» митрополита Иллариона с рассказом о перенесении в 1050 г. с Валаама в Новгород мощей преподобных Сергия и Германа и путешествии Андрея Первозванного на Валаам. В «Опыте» А.И. Сулакадзев впервые привел и выписки из «древо-славянских проречений на пергамине V в.», где говорилось, что Андрей Первозванный «от Иерусалима прошел Голяд, косог, Роден, скеф и скиф и славян смежными

лугами». Иначе говоря, в работе Сулакадзева по истории Валаамского монастыря речь идет о важных «свидетельствах» давней истории духовной обители Севера. Более того, автор «Опыта» сослался на принадлежащую ему рукопись «Оповеди». В ней, по его словам, рассказывается о возникновении Валаамского монастыря в X в. и о крещении тогда же преподобным Сергием некоего лица «во имя Куанта». А.И. Сулакадзев привел из «Оповеди» и рассказ о путешествии на Валаам Андрея Первозванного, который поставил здесь крест и «мужа камня содела». Примечательно, что этот «труд» А.И. Сулакадзева оказался востребован административной системой Николаевской России. В 1841 г. ее данные вошли в «Материалы для статистики Российской империи», в 1852 г. в книге «Остров Валаам и тамошний монастырь» она преподнесена как зафиксированная достоверное «местное предание» о существовании на острове уже в X в. иноческой обители, основанной преподобным Сергием, греком по происхождению, от которого принял крещение Герман, в язычестве называвшийся Мунгом. В четырех первых изданиях «Описания Валаамского монастыря», начиная с 1864 г. и вплоть до 1904 г., когда вышло пятое издание, «Оповедь» использовалась как подлинный исторический источник. А не так давно ее опять попытались ввести в круг исторических свидетельств: «Журнал Московской Патриархии» со ссылкой на нее упомянул о пребывании в Карелии Андрея Первозванного, советский историк В.Б. Вилинбахов сослался на это сочинение, как подтверждающее путешествие Андрея Первозванного на Валаам [Журнал... 1974: 4].

«Опыт» А.И. Сулакадзева, написанный им, очевидно, накануне прибытия в Валаамскую обитель в 1819 г. Александра I, пришелся по сердцу церковнослужителям, особенно Валаамского монастыря. Во-первых, в нем «документально» подтверждалась легенда о приходе на Русь Андрея Первозванного. Вокруг легенды бушевали страсти, причем ее опровержение рассматривалось подчас, говоря словами известного публициста и общественного деятеля начала XIX в. В.Н. Каразина, как «легкомысленные усмешки кощунов над религией». Во-вторых, сочинение А.И. Сулакадзева подтверждало древность Валаамского монастыря, его знатность и богатство в прошлом. С помощью фальсифицированных источников А.И. Сулакадзев доказывал в своем труде, что Валаам издревле был заселен не карелами и финнами, а славянами, создавшими здесь государство двенадцати князей по типу новгородского, имевшее связи даже с римским императором Каракаллой. «Опыт» имел вполне определенную идейную направленность. Он оказался несвободным и от примитивного угодничества. Об этом свидетельствует тот факт, что в выдуманном маршруте путешествия Андрея Первозванного А.И. Сулакадзев упомянул о местечке Дроутино,

трактуя его как «Грузино». Дело в том, что в селе Грузино находилось имение графа А.А. Аракчеева. Легендарное известие Степенной книги о путешествии Андрея Первозванного с упоминанием «Друзино» с именем всеильного временщика попытался соединить не только А.И. Сулакадзев, но и В.Н. Каразин. В 1816 г. он в письме к Аракчееву сообщал об этом «великой важности» известии, полагая, что оно дает «селу сему преимущество пред всеми селами и городами Российской империи». «Не говорю, – заключал Каразин, – чтобы оный анекдот был для нас в нынешнее время столько же достоверен, как, например, события при Петре Великом и при Екатерине Второй, – историческая истина не бывает математическою. Довольно, что он весьма вероятен, что он не противоречит ни разуму, ни истории..., что его нельзя проходить молчанием или отвергать, яко очевидное изобретение» [цит. по: Козлов 1996: 175].

Исходя из общественной значимой социальной логики эпохи возникла рукопись «О воздушном летании в России с 906 лета по Р. Х.» того же А.И. Сулакадзева. К «воздушным летаниям» в ней он отнес даже данные фольклорных записей Сборника Кирши Данилова, например о полете Змея Тугариновича. Старательно штудировав публикации древнерусских источников, он выписывал из них все, что хотя бы в малейшей степени имело отношение к полетам – будь то сказание, легендарные сюжеты или реальные факты, имевшие место в прошлом. В рукописи есть данные о попытках воздушных полетов в России в XVIII в., извлеченные Сулакадзевым из дел рязанской воеводской канцелярии, а также ссылки на записки его деда Боголепова. Аккуратно написанная, с минимальным числом поправок, рукопись Сулакадзева производит впечатление вполне добросовестного свода таких свидетельств. Благодаря наличию ссылок на использованные при ее подготовке материалы можно легко проверить каждый приводимый Сулакадзевым факт о воздушных полетах в России. Исключение составляют лишь дела Рязанской воеводской канцелярии и ныне неизвестные записки Боголепова. Приведем несколько образцов таких записей Сулакадзева. «992 года Тугарин Змеевич вышиною 3-х сажень, умел палить огнем. У Сафат реки замочило Тугарину крылья бумажные. Падает Тугарин со поднебеси. – Древние российские стихотворения, 1804 г.»; «1724 года в селе Пехлеце Рязанской провинции: приказчик Перемышлева фабрики Островков вздумал летать по воздуху. Сделал крылья из бычачьих пузырей, но не полетел... Из записок Боголепова»; «1745 года из Москвы шел какой-то Карачевец и делал змеи бумажные на шестинах, и прикрепил к петле. Под него сделал седалку и поднялся, но его стало кружить, и он упал, ушиб ногу и более не поднимался. Из записок Боголепова» [цит. по: Козлов 1996: 180]. Эту работу А.И. Сулакадзева обнаружил в библиотеке из-

вестного коллекционера Березина-Ширяева историк воздухоплавания А.А. Родных. В 1901 г. он приобрел ее у наследников Березина-Ширяева и затем опубликовал в журнале «Россия». Публикация не привлекла особого внимания. Зато спустя девять лет, когда все тем же Родных труд Сулакадзева был опубликован вторично, теперь уже фототипически, он получил более широкий резонанс: в том же году фотокопии отдельных страниц рукописи были выставлены в Мюнхенском музее истории науки и техники. В опубликованной рукописи сенсационным оказалось известие о том, что «1731 года в Рязане при воеводе подьячей нерехтец Крякутной фурвин сделал как мяч большой, надул дымом поганым и вонючим, от него зделал петлю, сел в нее, и нечистая сила подняла его выше березы, и после ударила его о колокольню, но он уцепился за веревку, чем звонят, и остался тако жив, его выгнали из города, он ушел в Москву и хотели закопать живого в землю, или сжечь. Из записок Боголепова». Особый интерес к этой записи вполне понятен: речь шла о первой отечественной попытке устройства воздушного шара и полете на нем, попытке, опередившей более чем на пятьдесят лет аналогичные опыты братьев Монгольфье. Именно так сулакадзевское известие и было интерпретировано в предисловии Родных, подчеркнувшего, что Россия имела славные страницы в истории воздухоплавания, опережала в этом деле другие страны, но к началу XX в. оказалась в числе отстающих из-за препятствий, чинимых энтузиастам воздушных полетов. Тетрадь Сулакадзева «О воздушном летании в России» стала использоваться как вполне авторитетное первое справочное пособие по истории отечественного воздухоплавания. Долгое время не вызывало никаких сомнений и приведенное здесь известие о полете Крякутного. Его имя вошло в одно из изданий Большой Советской Энциклопедии в пору борьбы с «космополитизмом» он стал национальным героем, утвердившим отечественный приоритет в воздухоплавании. 225-летнему юбилею «полета» Крякутного была посвящена специальная почтовая марка, в Нерехте у памятника подьячему принимали в пионеры. В работе историка русской науки и техники Б.Н. Воробьева сообщение тетради Сулакадзева уже дополнялось новыми драматическими подробностями атеистической направленности. «Необходимо, – писал он, – разыскать... документ из истории русского воздухоплавания, хранившийся до 1935-1936 гг. в одной из церквей города Пронска (Рязанской области). В этой церкви хранилась особенная книга, относящаяся к XVIII в. По ней в известные дни провозглашалась «анафема» (проклятие) согрешившим чем-либо против религии. В данной книге в числе подлежавших анафеме значился и подьячий Крякутной, совершивший «греховную» попытку летать» [Воробьев 1952: 127].

В сферу научного изучения тетрадь Сула-

кадзева с записью о Крякутном вновь попала в начале 50-х гг. нашего века, когда она поступила в Рукописный отдел Библиотеки Академии наук СССР. Тетрадь оказалась как нельзя кстати в связи с развернутой тогда работой над фундаментальным изданием сборника документов «Воздухоплавание и авиация в России до 1917 г.». При непосредственном знакомстве с рукописью составители сборника и сотрудники Библиотеки Академии наук обнаружили исправление в записи о Крякутном. Результаты фотоанализа показали, что первоначально здесь вместо «нерехтец» читалось «немец», вместо «Крякутной» – «кршеной» (то есть крещеный), вместо «фурвин» – по всей видимости, фамилия крещеного немца – «Фурцель». Итак, первоначальная запись, оказывается, имела совсем иной смысл: некий крещеный немец, по имени Фурцель, поднялся в Рязани на воздушном шаре, наполненном дымом. Прочитанная заново подлинная запись, конечно, наносила болезненный удар по патриотизму составителей сборника «Воздухоплавание и авиация в России до 1917 г.». Приходилось выбирать: или в интересах науки прямо сказать, что не существовало подъячего Крякутного, или, как в свое время Родных, умолчать об имеющихся в рукописи исправлениях. Составители нашли иной и прямо-таки достойный восхищения выход: в примечании к публикации записи о Крякутном они невинно заметили, что в «записи за 1731 г., рассказывающей о подъеме рязанского воздухоплателя (все так – и Фурцель, и Крякутно могут быть названы «рязанским воздухоплателем»), имеются некоторые исправления, затрудняющие прочтение части текста, относящейся к лицу, совершившему подъем» [цит. по: Козлов 1996: 184].

Как видим, мифологическое восприятие прошлого присутствует и в сознании людей, профессионально занимающихся теми или иными социально значимыми вопросами истории России: и в этом случае идол мифа подчас уступает место идолу концепции. Очень трудно избавиться от фактов из документа, «вписывающихся» или эффектно подтверждающих концепцию, сложившуюся на основе изучения подлинных и достоверных источников. В этом случае все получает концептуальную обоснованность. Как и в любом общественном явлении, здесь сталкиваются личности с их страстями, помыслами, увлечениями, знаниями. Правда, в какой-то момент это создает ощущение тупика, в котором оказывается практически-политическое знание той или иной эпохи: в нашем случае в России это повторяется с удивительной закономерностью [Касавин 1998: 47]. Существенную роль в том ощущении тупика – социального и политического – играет тот факт, что проблема подлинности того или иного считающегося первичным текста культуры ставится под сомнение, перестает быть научной проблемой и густо обрастает ненаучными

обертонами и политическими коннотациями [Касавин 2008: 208].

В 2008 году на прилавках книжных магазинов страны появляется переиздание книги С. Лесного (Сергей Лесной – литературный псевдоним советского историка-эмигранта Сергея Яковлевича Парамонова (1898-1968)) с характерным названием «Златое слово Руси. Крах антирусских наветов». Приведем цитатную цепочку из этой работы: «Не поняли они нашей национальной гордости..Филологи в силу вполне понятных причин не поняли всего в «Слове»... В их глубоком анализе эпохи и среды недостает только ссылки на зарождающийся капитализм, на начинающийся упадок феодализма в связи с зарождением пролетариата и цитаты из Карла Маркса, – тогда все будет в порядке... Хуже всего то, что в вопросе о «Слове» объединились русские всех цветов: белые, красные и зеленые, – очевидно их единодушие имеет под собой более солидную почву, чем даже политические разногласия...» [Лесной 2008: 86-87, 126-129]. Не менее определенно о политизации дискуссии вокруг текста «Слова» высказался и А.А. Зализняк: «В советскую эпоху версия подлинности «Слова» была превращена в СССР в идеологическую догму. И для российского общества чрезвычайно существенно то, что эта версия была и продолжает быть официальной, а версия поддельности «Слова» – крамольной. В силу традиционных свойств русской интеллигенции это обстоятельство делает для нее крайне малопривлекательной поддержку первой и психологически привлекательной поддержку второй. А устойчивый и отнюдь еще не изжитый советский комплекс уверенности в том, что нас всегда во всем обманывали, делает версию поддельности «Слова» привлекательной не только для интеллигенции, но и для гораздо более широкого круга российских людей. Сама тональность большинства работ советского периода по «Слову» такова, что читателю, и тогдашнему, и нынешнему, трудно воспринять их иначе как пропагандистские сочинения, созданные для внушения заранее заданной идеи. Естественной реакцией на все, что преподносится в такой тональности, является психологическое сопротивление. Отчетливо отрицательное впечатление производят, в частности, фразы типа «из этого следует, что «Слово» подлинно», повторяемые как рефрен после каждого существенного или несущественного наблюдения и очень часто там, где логически ничего не следует. И, конечно, убийственную роль для репутации этих работ у читателей играет лежащее на них клеймо советской цензуры, которая практически не допускала прямого цитирования А. Мазона или А.А. Зимина. Бесчисленные страстные доказательства подлинности «Слова» подразумевали наличие некоего коварного врага, который стремится обесчестить гордость советского народа и о котором по советской традиции чита-

телю не положено было знать сверх этого почти ничего; даже имена врагов предпочтительно было заменять безличным «скептики». А уже по другой, но тоже политической причине читателю не положено было знать о работах Р. Якобсона, активнейшего противника «скептиков». Справедливость требует отметить, что политизированное отношение к вопросу о подлинности или неподлинности «Слова» было характерно не только для СССР, но и для эмигрантских кругов на западе. «Патриотическая» окраска большинства выступлений в защиту подлинности «Слова» в глазах стороннего читателя вычитывалась из их собственно научной ценности. Стоит добавить к этому, что, даже независимо от политических обертонов, сама идея талантливой мистификации обладает известной привлекательностью. В самом деле, насколько живее и интереснее версия, по которой перед нами некая масштабная игра, а не просто еще одна единица хранения, долежавшая до великого московского пожара. Соблазнительной выглядит также мысль о том, какое количество почтенных специалистов оказывается в дураках, вот уже двести лет глубокомысленно наводя науку на чью-то озорную шутку. Сравни поразительно широкий успех в определенных кругах российского общества, который получила теория А.Т. Фоменко, провозгласившая подделку не просто одного какого-то сочинения, а тысячи документов и сочинений, на которых основаны наши представления о мировой истории» [Зализняк 2008: 26-28].

В свете сказанного А.А. Зализняком, нас вряд ли может удивить сегодняшнее особое внимание к этому тексту со стороны современных адептов славянского язычества: поиск его следов во многом опирается на материалы «Слова». Автор признается теперь то ли полужазычником, то ли двоеверцем в стиле Оруэлла. Образ Всемирного Древа, языческие божества Див, Жля и Карна, фантастические перевоплощения Бояна и его героев «создают впечатление», которое точно определил Зорян-Доленга Ходаковский: любителям языческой архаики Боян представляется неким волхвом-вещуном, отсюда и почтение к невнятному бормотанию старца. Восхищение перед пугающими образами мифических существ, которыми населили «Слово» комментаторы. Речь идет о таких последних работах по поводу «Слова» как [Тимофеев 2007; Подлипчук 2004]. В контексте нашей статьи интерес представляет характеристика авторов, данная в предисловиях к их книгам. Например, о В.П. Тимофееве: «От человека в науке совершенного нового этого (т.е. такой интерпретации «Слова») не ждали. Новый человек пришел из разведки, где прослужил двадцать пять лет. Он владел почти двадцатью языками. В их числе древними. С равной убедительностью он обращался к скандинавским, тюркским и общеславянским языковым корням. С дотошностью профессионального аналитика

препарировал и сопоставлял источники, исторические реалии, старые и новые гипотезы...Его исследовательская и творческая судьба оборвались трагически рано...» [Тимофеев 2007: 7].

Сформулированный нами заголовок статьи просто обязывает нас сделать теперь исторический экскурс к истокам политизации проблемы «Слова» в русской культуре.

Один из фрагментов этой политизации связан с наиболее курьезной, но тем более показательной, историей. Зная о гибели в огне московского пожара 1812 года рукописно-книжной коллекции графа А.И. Мусина-Пушкина, в которой хранилось и «Слово о полку Игореве», московский палеограф А.И. Бардин [см. подр.: Козлов 1996: 100-112] решил своеобразно «восполнить» утрату древнерусской поэмы, изготовив два ее пергаменных списка. Сохранилось несколько противоречивых свидетельств о последующих событиях, суть которых приблизительно можно восстановить следующим образом. В мае 1815 г. к одному из участников подготовки первого издания «Слова», директору Московского архива Коллегии иностранных дел А.Ф. Малиновскому, пришел московский мещанин Петр Архипов и предложил купить харатейный список поэмы, переписанный в 1375 г. Леонтием Зябловым. По словам Архипова, рукопись была выменена иностранцем Шимельфейном на разные вещицы в Калужской губернии у зажиточной помещицы, которая запретила ему объявлять о имени ее. Серьезный знаток рукописного материала, каким был Малиновский, искренне поверил в подлинность списка и немедленно заплатил за него 170 руб. Воодушевленный приобретением, он тотчас приступил к подготовке издания текста памятника, предварительно написав для публикации в журнале «Известие об открытии другого древнейшего списка «Слова о полку Игореве». В нем сообщалось об обстоятельствах находки, давалось подробное описание самой рукописи. По словам Малиновского, после гибели мусин-пушкинского списка поэмы «не оставалось уже никакого убедительного доказательства для сомнящихся в подлинности сего сочинения» и лишь вновь открытый «древний свиток» наконец-то закроет рот скептикам. «Почерк букв, – утверждал Малиновский, – настоящий уставной», а в заключение он сообщал: «Сия редкая по древности и по виду своему рукопись будет издана вновь мною с исправлениями в переложении оной на употребляемое ныне наречие, ибо и в первом ее издании я имел честь участвовать с его сиятельством графом Алексеем Ивановичем Пушкиным и покойным действительным статским советником Николаем Николаевичем Бантыш-Каменским. А по исполнении сей приятной пред учеными россиянами моей обязанности останется сей свиток навсегда в библиотеке Московской государственной Коллегии иностранных дел архива» [цит. по: Дмит-

риев 1960: 155-156].

Однако ни текст «Известия», ни текст «зябловского списка» «Слова» не появились в печати. Слухи о находке проникли в московские научные круги, встретив откровенно скептическое отношение. С недоверием к открытию отнесся брат известного коллекционера графа Н.П. Румянцева – С.П. Румянцев. По словам Калайдовича, последний имел «сильное предубеждение» относительно этого и многих других современных ему открытий в области древней письменности. Решительно как о подлоге, даже не видя рукописи, о «зябловском списке» «Слова» высказался Н.М. Карамзин, назвав его «любопытным». По запросу Н.П. Румянцева описание рукописи со снимком ее первых 16 строк было направлено на экспертизу известному петербургскому палеографу А.И. Ермолаеву. В июле 1816 г. мнение Ермолаева стало известно и Малиновскому. Секретарь Румянцева И. Нестерович сообщал ему: «Быв свидетелем невыгодного отзыва г-на Ермолаева о найденном древнем списке Песни о полку Игореве, будто список сей подделан, приятнейшим для себя почел долгом сообщить о сем вашему превосходительству» [цит. по: Козлов 1996: 103].

Однако до окончательного разочарования было еще далеко. Между июнем и ноябрем 1815 г. о находке нового списка поэмы стало известно Строеву, который сообщил о нем, как о подлинном, в своей журнальной статье «Не-что о мифологии славян российских и в особенности о богине Золотой бабе», вышедшей затем отдельной книгой. По меньшей мере, еще год Строев не сомневался в подлинности «свитка» и даже с недоумением писал Калайдовичу, что Карамзин, «не знаю, по каким причинам, почитает его подложным».

Вероятно, Малиновский все-таки решился бы на публикацию «Известия» и «зябловского списка» «Слова», а слухи о находке еще долго бы продолжали будоражить воображение современников, если бы все не разрешилось само собой, почти анекдотическим образом.

Воодушевленный тем, что удалось провести такого знатока и одного из участников первого издания «Слова», как Малиновский, Бардин изготовил еще один пергаментный список поэмы, в виде книги. С дерзкой смелостью он уже сам предложил свое изделие владельцу подлинной рукописи поэмы – Мусину-Пушкину. И граф также поверил фальшивке. Последующие события оказались достойны знаменитой заключительной сцены в гоголевском «Ревизоре». В восторге Мусин-Пушкин приехал в Общество истории и древностей российских при Московском университете и торжественно сообщил о приобретенной им «драгоценности». «Все удивляются, радуются, один Алексей Федорович [Малиновский] показывает сомнение. «Что же вы?» – «Да ведь и я, граф, купил список подобный...» – «У кого?» – «У Бардина». При сличении списки оказались одной работы» [подр. см.:

Сперанский 1956: 74-76].

Итак, две подделки, встретившись, разоблачили друг друга. «Шутка» московского библиофила обошлась двум его землякам-коллекционерам в круглую сумму, заодно нанеся серьезный удар по их научному авторитету. Зато Бардин с тех пор приобрел не только дурную славу фальсификатора, но одновременно и уважение за умение писать под древний почерк.

Впрочем, в оправдание Малиновского и Мусина-Пушкина все же хотелось бы сказать, что подобная «шутка» с ними могла произойти только в той пронизанной духом первооткрывательства, сенсационных находок древностей атмосфере, которая была характерна для первых десятилетий XIX в. Эти находки прямо или косвенно касались и «Слова». Почти одновременно с появлением бардинских подделок становятся известны и «Задонщина», и «Сказание о Мамаевом побоище», и знаменитая приписка на Псковском Апостоле 1307 г. с фразой, сходной с одним из мест поэмы. И казалось, что вот-вот будет действительно найден еще один или даже несколько списков «Слова». Азарт поиска и создал тот фон, на котором оказалось возможно обмануть двух участников подготовки первого издания поэмы.

В конце XX века, однако, «романтическая история» повторяется. В советской печати (газета «Труд» и «Литературная газета») появляется сообщение о том, что Малиновский имел второй, подлинный список поэмы, который и предлагалось искать энтузиастам [Иванов 1982].

Однако, к чему были все эти устремления: удревить историю российскую? А вот к чему: это еще одна попытка в культуре интерпретировать научные споры XVIII – начала XIX в., а также XX – начала XXI в. об уровне общественного и культурного развития славян в целом, и русских в частности.

Обратимся к еще одному достаточно наглядному примеру. Около 1807 г. А.И. Сулакадзе [см. подр.: Козлов 1996: 155-185; Ревзин 1979] сообщил Державину об имевшихся у него «новгородских рунах». Спустя три года тому же Державину, работавшему в это время над «Рассуждением о лирической поэзии», он предъявил выписки из якобы найденной им «Бояновой песни Славену», или «Гимна Бояну», а также известие о «Перуна и Белеса вещаниях», или «Произречениях новгородских жрецов». Отрывки из первого сочинения были даже опубликованы Державиным в 1812 г. в его собственном переводе.

Интерес к «Гимну Бояну» был вызван тем, что он раскрывал загадочную фигуру «песнотворца Бояна», к которой было приковано общественное внимание России начала XIX в. в связи с очень неясным и единственным упоминанием о нем в поэме «Слово о полку Игореве». Ю.М. Лотман в свое время достаточно подробно проанализировал этот текст и уста-

новил его фальсифицированный характер [Лотман 1962: 403]. Но эта подделка пропагандировала идею высокого уровня развития славянского народа, к которому принадлежал Боян: в обществе, описанном здесь, существовали суды, славившиеся своей справедливостью, развитые денежные отношения – оплачивался даже труд стихотворца, были высокая письменная культура и «песнотворчество». На первый взгляд перед нами – пример бессознательной модернизации фальсификатором общественных отношений древности, а также плод «оссианического поветрия», охватившего Европу после известных подлогов Д. Макферсона. Однако дело вряд ли сводилось только к этому. Смутные представления А.И. Сулакадзева, почерпнутые им из книг, о «варварском» периоде в истории народов, почему-то не побудили его развивать тему жизни своих героев того времени, когда их согревали, как сказано мимоходом в «Гимне Бояну», только «звериные меха». Наоборот, в патриотическом воодушевлении он последовательно раскрывает тему славы, победоносных походов славян. Это вряд ли можно признать случайным – фальсификатор по-своему интерпретировал научные споры XVIII – начала XIX в. об уровне общественного и культурного развития славян. Своим изданием он явно преследовал цель пополнить доказательствами ту точку зрения, согласно которой славяне оказались едва ли не преемниками Древнего Рима, опережая по своему развитию все остальные народы Европы. В этом смысле А.И. Сулакадзев действовал по логике Д. Макферсона и В. Ганки, хотя, разумеется, и не столь умело.

Действительно, несмотря на огромную эрудицию и работоспособность персонажи, о которых шла и еще будет идти речь в статье, остаются историками-дилетантами и лингвистами-самоучками. Они – дилетанты: они не могут остановиться у той черты, которая отделяет фантазию от истинного знания. К этому их подталкивает и своеобразно понимаемый патриотизм, и восторженно-умилительное преклонение перед разрушавшимися и разрушающимися по сей день – действительно или мнимо – на их глазах патриархальными устоями российского общества. При этом они как бы исправляют ошибки профессиональных ученых – историков и филологов. Как, например в николаевскую эпоху, этим активно занимался И.П. Сахаров (1807-1863), опубликовавший «Песни русского народа». Обратим внимание на следующее: в эпоху николаевской реакции подделки Сахарова не встречали сколько-нибудь серьезного отпора: сказались, видимо, и уровень изучения устного народного творчества, и та официальная поддержка, которую получили его публикации. Наоборот, в рецензиях на его труды долгое время преобладал восторженный тон: «нельзя не иметь доверия, – писал, например, в 1841 году анонимный рецензент «Песен рус-

ского народа», – к каждому стиху песен, сообщенных господином Сахаровым; везде слышится чисто народный склад, народное слово, народное выражение, и нигде не заметно ни малейшей подправки. Решительно, собрание песен господина Сахарова может быть названо у нас единственным и образцовым» [Отечественные записки 1841: 42]. Можно понять столь восторженный отзыв рецензента, призывающего автора: «Итак, в сторону критику, почтенный и трудолюбивый наш собиратель «Сказаний русского народа»! Давайте нам фактов, больше фактов, – и вы услышите громкое спасибо со всех сторон бесконечного царства русского» [Отечественные записки 1841: 40]. Сахаровские подделки, например, оказались в конечном итоге продуктом официальной идеологии эпохи их создания. Они отвечали официальному толкованию идеи народности прежде всего как одного из общественных устоев николаевской России. Идеализация старины, поиски в ней не существовавших образцов истинно народного характера, образа мыслей, обычаев были благодатной почвой для подделок И.П. Сахарова [Биография 1873: 915; Виноградов 1905: 250; Пыпин 1898: 31-32; Аникин 1989: 13].

К той же эпохе социально-политических преобразований в России относится и появление древнерусского текста любопытного памятника, озаглавленного: «Сказание о Руси и о вечах Олзе. Списано с харатейного листа ветхости его ради, а списано верно тожь. Сказание о том, как уставися прозвание Руси». Сделанный перевод приписывался известному в то время писателю Н.С. Курочкину. Вместе с оригинальным текстом сказания, набранным церковно-славянским шрифтом (с выделенными кинорьями заголовками), и двумя снимками почерка рукописи, в которой находился памятник, он был опубликован в журнале «Сын Отечества». Приведем фрагмент перевода этого памятника: «Былиной была эта сказка, в те веки начальные, в те годы усобные, в те лета бесплодные, а начало се таково... Царствовал страх по городам старым и по градам новым, страх от меча и огня, и в облаках дивные являлись знамения. В те поры вставал с четырех концов (земли русской) плач и вопль бороздил без устали по-дунайские земли, то народ славянский побивал насол от Преруна. ... С той поры, когда уже погаснул последний месяц сорокового года, когда уже окрепли славяне, и протрубили по окрестностям громкою славою, прошумели первыми боями в крепостях вражеских, побивая недругов уже не засохожником, а мечами обоюдоострыми, то пришли к ним из-за моря послы со всякими дарами и спросили у старшины того ж Крепкомысла, который уже имел снег на власах своих и сизую мглу в очах соколиных, и сказали: «Здесь город Коростень и с того ли конца пойдет Русь могучая?» Крепкомысл принял дары и, поклонясь тем послам,

отвечал: «Здесь город Коростень, здесь и река Днепр, то видно от нее пойдет на Север и Русь, силой могучая»... С тех пор и прослыла земля наших славян Росью, то же Русью, да и слову сему конец, аминь и три креста».

Здесь важно то, что исторически значимым в глазах читателей должно было выглядеть прежде всего «идеологическое» содержание. Идея народности – одна из идей т.н. николаевско-уваровской триады – была определяющей его чертой. Как было выяснено позже, этот текст был «измыслен» известным поэтом и общественным деятелем Д.И. Минаевым, который не раз определенно высказывал свои общественные позиции. Например в поэтическом предисловии к поэме «Слава о вещем Олеге». Здесь он констатирует: «Свершилось! Русь вниманье к Западу склонила» – и даже признает: «И Русь теперь в одежде новой / Стоит как Янус двухголовый». Однако он понимает, что процесс этот неизбежен: даже «устав от ассамблей», русский народ должен воспринимать все лучшее от других народов. Это не значило, по мысли Минаева, отказа и от национальности, и от старины. Поэтому свое поэтическое предисловие к поэме «Слава о вещем Олеге» он завершает словами: «Но будет время, он поймет / И свой язык, и свой народ! / Он наши посетит курганы / И берег Волги и Десны. / Мечтатель вспомнит, как в туманы / Садилось солнце старины. / Тогда отыщут наши сказки, / В них дух отцов заговорит; / Вглядятся в северные краски, / Полюбят русский колорит» [цит. по: Козлов 1996: 216].

Что же побудило Д.И. Минаева к фальсификации «Сказания»? «Сказание» в общественно-политическом контексте той эпохи можно рассматривать как попытку Д.И. Минаева проиллюстрировать свои идеи. Речь идет о дохристианском расселении славянских народов от Дуная на восток и север под давлением неких загадочных недругов. Былинное начало первой части произведения, в которое облечено описание расселения славян, как бы подтверждало мысль Д.И. Минаева о том, что именно в народной поэзии содержатся факты прошлого, имеющие значение для исторической науки. Этой частью «Сказания» Д.И. Минаев как бы дополнил то, что, по его словам, в летописях закрыто густой тенью и печатью молчания. В «Сказании» оказалась и «болванная песнь» – она, по мысли Д.И. Минаева, должна была являться одним из примеров того, как языческая поэзия «проползла» через христианские препоны к современному читателю.

Все это – фрагмент активной социальной позиции российской интеллигенции, которая, начиная с переломного рубежа XVIII-XIX в. отстаивала принципы национальной традиции и национальной идентичности, которые составляли часть авангардных идей того времени. Вопрос об исторической судьбе Отечества сопровождает историю России вплоть до сего-

дняшнего дня. И здесь на передний план выдвигается фигура, можно сказать, идеолога народности и патриотизма, определившего эволюцию российского знания – не только знания исторического, но и филологического. Возможно, имманентно определяющего его вплоть до сегодняшнего дня. Речь пойдет о А.С. Шишковой. Именно у А.С. Шишкова любовь к отечеству оказывается связана причинно-следственным образом с родным языком. В фокусе патриотической проповеди А.С. Шишкова находился язык – мистическая сила, которая творит народность и несет в себе традицию. Язык у А.С. Шишкова – показатель и источник исторической жизнеспособности народа. Русский язык, в интерпретации А.С. Шишкова, – это прирожденный носитель знаменования: икона русской народности и гарантия сохранения и исторической победы русской государственности.

По верному наблюдению И. Сандомирской, в российской научной традиции – у Тредиаковского, Ломоносова, Татищева, а затем и у Шишкова – подобные знаменования обнаруживаются в коренных русских словах, а последовательность этимологических трансформаций знаменует собой закономерность в историческом превращении. Благодаря «первоначалию Россов», коренные русские слова помнят всю мировую историю, свидетельствуют об этой истории, раскрывают ее загадки. Упомянутое у Птолемея таинственное географическое название Азагориум объясняется у Татищева тем, что выводится из русского Загорья. Название скифы – из ветхозаветной скинии. Как напишет тот же Татищев: «Зане в степях переходо в палатках или шалашах обитали». Скифы, стало быть, по своей древности – библейский народ. Есть, правда, и другая версия, озвученная М.М. Щербатовым: имя скифы происходит от имени чудь. Праславянское племя, следовательно, более первоначально, чем античный миф. И еще одна: скифы (скиты) – потому что жизнь свою проводили в скитаниях. Это уже версия, принадлежащая А.С. Шишковой. В названии русского города Перемышль, по мнению того же А.С. Шишкова, сохранилось имя Прометея. Следовательно, славяне – не только современники библейских патриархов, но и свидетели ранней греческой мифологии. Более поздняя история и подавно отразилась в славянских названиях. Угры (мадьяры) – от горы, потому что жили у гор. Норвегия называется так, потому что на самом деле – Наверхия, расположена наверху карты. Британия – искаженное имя Пристания, потому что там кельты пристали, нашли себе убежище. Слово кельты – от слова желтый, в соответствии с цветом волос. Амазонки – на самом деле омузонки, т.е. превратившиеся в мужей. Эта этимология восходит в своих началах к идеям В.К. Тредиаковского [Сандомирская 2001: 194].

Все эти закономерности, по мысли

А.С. Шишкова, можно наблюдать потому, что славянский язык – первоначальный, и не столько даже по отношению к своему историческому источнику, сколько ко всеобщему духовному: от него пошли все остальные языки мира. Кажется, что актуальный, не только для века XIX, политический смысл подобных текстов очевиден. Миф приводит А.С. Шишкова к признанию первоначалия славян. Это общее место риторики у всех устроителей русского языка. Славянский язык – хранилище мирового порядка, включающего в себя и амазонок, и кельтов, и Прометея, сына Яфетова, и скинию Завета, и Гога с Магогом. Различие языков – результат географического перемещения народов, забывших и искаживших свой первоначальный (славянский, богоданный) язык [Шишков 1825: 185]. Первенство славянского языка покоится, как на трех китах, на постулированных еще Третьяковским трех главнейших древностях российских: это первенство словенского языка пред тевтоническим; первоначалие Россов и тезис о варягах-руссах славянского звания, рода и языка [Третьяковский 1963: 8-9].

Мы видим, что поиски внутренней формы на этимологической стадии стремятся к утверждению универсализма русского языка – подобно отцу, русский готов принять под свою сень все остальные языки мира, вторичные по отношению к славянскому. Славянский готов дать этим языкам историческое и теософское пристанище; сохраняя в себе первоначалие, он предоставляет вторичным языкам (например, тевтонскому) возможность обрести себя в мифологизированной истории человечества, едва ли не единственным племенем которого оказываются славяне. Этот универсализм носит политический характер, но и он в свою очередь продиктован герменевтическим климатом эпохи. Это стремление: включать мировые события в собственную историю, характерная стадия коллективной самоидентификации, предшествующая национальному партикуляризму. Согласно этому мифу, обратимся еще раз к идеям А.С. Шишкова, славяне изначально включают в себе все, что содержится в божественном творении. Славянская история причастна всему, поскольку является свидетельством и собственным продолжением Священной истории. История других народов становится чем-то случайным и необязательным, она не способна дополнить историю славян до целого, поскольку именно история славян несет в себе эту целостность изначально. Эту позицию полностью не сможет отменить и романтическое представление о национальной специфике, и капиталистическо-империалистический универсализм XIX-XX в.

У этой филологии есть очень отчетливый политический момент. По словам А.С. Шишкова: «Некоторые Иностранные невежды из имен Славяне, Сербы, сделали имена Склавы, Эсклавы, Сервы, которые на их языках значат: уз-

ники, невольники, рабы. Из сих грубо превращенных слов заключают они, что Славяне всегда были в диком и рабственном состоянии, отчего так и прозваны. ...Вопросим теперь: можно ли, без крайнего невежества, сие чудовищное право полагать в России, когда в ней не подвержены оному даже и самые тяжкие преступники, осужденные вместо смерти на вечное заточение. Как? И сие зверское право полагается в той державе, в которой, единственной, нет смертной казни! Однакож некоторые Иностранцы, пишущие без всякой пред истинною и здравым разсудком ответственности, жалуют Домочадцев наших в Эсклавы! Но еще страннее и печальнее для нас, что некоторые Русские, как будто не Русские, к сим ложным бредням их в такой же степени заблуждения, слепо прилепляются» [Шишков 1880: 69-71].

Так в языке обретается не только миф об «истоках» и «первоначалиях», но обоснование политической системы. «Русскость» в этом пассаже оказывается уже не природным, не богоданным и даже не лингвистическим состоянием. «Русскость» – в противоположность «иностранности» – это образ мыслей. Кроме того, «русскость» отличается от «иностранности» самим устройством зрения. Где иностранец – ошибочно – видит ярмо рабства, там русский имеет узы семейственности, родственную связь между домочадцами. У «русскости» иные основания естественного права.

И вот двадцатый век с присущим ему размахом начал, вернее продолжил, пропагандировать подобные идеи, используя всю мощь средств массовой информации.

«Дощечки Изенбека», пожалуй, один из наиболее скандально известных с середины XX в. письменных источников, связанных с историей России и славянских народов.

Читающая публика впервые узнала об этом сочинении из небольшого сообщения в малотиражном журнале «Жар-птица», издававшемся в Сан-Франциско российскими эмигрантами. В ноябрьском номере этого журнала за 1953 г. под заголовком «Колоссальнейшая историческая сенсация» было сообщено о том, что «отыскались в Европе древние деревянные «дошки» V века с ценнейшими на них историческими письменами о древней Руси» [цит. по: Творогов 1990: 171]. С января 1954 г. в том же журнале началась публикация отрывков найденных текстов. Она продолжалась с перерывами до декабря 1959 г., когда журнал прекратил существование.

Публикация осуществлялась одним из издателей журнала, ученым-этимологом, специалистом по ассирийской истории А.А. Куренковым по материалам, присылавшимся из Брюсселя российским литератором-эмигрантом Ю.П. Миролюбовым.

Публикация в «Жар-птице», вероятно, оставалась бы известной лишь достаточно узкому кругу читателей журнала, если бы в 1957 г. в

6 выпуске своей «Истории русов в неизвращенном виде» ученый-эмигрант С. Лесной не посвятил «Влесовой книге» специальный раздел. В 1964 г. С. Лесной опубликовал книгу «Русь, откуда ты?», которая, изданная тиражом в тысячу экземпляров, сыграла свою роль в пропаганде: слухи о ней достигли и СССР. В 1970 г. именно по этим слухам в советской печати о «Влесовой книге» как о подлинном памятнике впервые упомянул поэт и художник И. Кобзев [1970: 49]. С этого времени в советских средствах массовой информации началась настоящая полемическая дуэль. Важно отметить, что она разворачивалась на фоне дискуссии по вопросу о подлинности «Слова о полку Игореве», инициированной профессором А.А. Зиминим. Правда, административное вмешательство в научный спор не позволило объективно обсудить и оценить все гипотезы о создании «Слова о полку Игореве». в XVIII в. Однако в 70-е годы ему удалось в ряде провинциальных и центральных изданий опубликовать серию статей с обоснованием своей точки зрения, встретившую ответные полемические выступления. Как увидим ниже, спор с А.А. Зиминим по поводу подлинности «Слова о полку Игореве» придал особую пикантность полемике вокруг «Влесовой книги», поскольку она привела к расколу внутри лагеря защитников «Слова»

Начало полемики в СССР вокруг «Влесовой книги» было положено статьей В. Скурлатова и Н. Николаева, опубликованной в еженедельнике «Неделя» [Скурлатов 1976: 10]. По их словам, эта «таинственная летопись» позволяет по-новому поставить вопрос о времени возникновения славянской письменности, внести кардинальные изменения в современные научные представления об этногенезе славян, их уровне общественного развития, мифологии. В том же 1976 г. газета «Неделя» поместила уже целую подборку восторженных отзывов о «Влесовой книге», среди которых все отчетливее зазвучало обвинение против тех, кто якобы стремился «замалчиванием отстранять» читателей и писателей от этого выдающегося произведения [Неделя 1976: 7]. Так патриоты отечественного прошлого одержали победу над ниспровергателями его духовного наследия. И основная заслуга негласно приписывалась в этой победе деятельности Ю.П. Миролубова. Умерший в 1970 г., он оставил после себя многотомное собрание поэтических, прозаических, этнографических и исторических сочинений. Главный и основной интерес Миролубова – древняя история славян, их общественное устройство, религия, мифология. Этим вопросам, помимо многочисленных статей, он посвятил несколько больших специальных сочинений: «Ригведа и язычество» (закончено в 1952 г.), «Русский языческий фольклор. Очерки быта и нравов» (закончено в 1953 г.), «Русский христианский фольклор. Православные легенды» (закончено в августе 1954 г.), «Материалы к праи-

стории русов» (работа 1967 г.), «Славяно-русский фольклор» (работа конца 60-х гг.) и др. В них Миролубов изложил свои весьма специфические представления о славянской истории и создал собственную картину этногенеза и истории славян.

Ю.П. Миролубов делает в своих трудах народ «славяно-росов» «древнейшими людьми на Земле». Их прародину Миролубов обнаруживает в районе между Шумером, Ираном и Северной Индией. Отсюда приблизительно за три тысячи лет до начала нашей эры «славяно-росы» начали свое продвижение, захватили территорию теперешнего Ирана, а затем «ринулись конницей на деспотию Двуречья, разгромили их, захватили Сирию и Палестину и ворвались в Египет». Приблизительно в VIII в. до н.э., по концепции Ю.П. Миролубова, «славяно-росы» ворвались уже в Европу, идя в авангарде ассирийского войска, и захватили «земли, которые им нравились».

Отождествляя древних «славяно-росов» с древними индийцами, Ю.П. Миролубов пишет, что религией первых являлся ведизм. Она долгое время сохранялась благодаря особой письменности, сходной с санскритским письмом. Однако со временем славянское жречество «огрубело, забыло ведический язык», и «скоро уже было невозможно записать по-санскритски сказанное по-славянски». Новая языческая религия «славяно-росов» предвосхитила христианство, позже во многом оказалась созвучной ему, идеологически «совпала» с христианским вероучением [цит. по: Козлов 2001: 101].

В основу своих построений Ю.П. Миролубов положил несколько источников. Он упоминает «Книгу о князем утерпении» как остатке древнего русского языческого эпоса, которую его «родители видели в прошлом веке», «припоминает» виденную им самим до Первой мировой войны книгу со славянскими «руническим надписями», наконец, ссылается на реально существующие памятники литературы и письменности: «Слово о полку Игореве», «Задонщину», «Голубиную книгу», «Хождение Богородицы по мукам». Но основным источником своих научных размышлений Ю.П. Миролубов делает собственные наблюдения «в народе» – за жителями украинских сел Юрьевки, Антоновки, Анновки, а также рассказы няни его отца – бабки Варвары – и еще одной старушки – Захарихи. Они были посвящены, по словам Миролубова, «описанию войн, нашествий и случаев из скотоводческого периода жизни славян». Достоверность и точность рассказов старушек Миролубов обосновывает тем, что эти люди жили вдалеке от городов и «железнодорожных станций», благодаря чему, по его словам, их жизнь «как бы застыла на целую тысячу лет в своих традициях». В сочинениях Ю.П. Миролубова часто речь идет не просто о традициях, но и о таких народных знаниях, которые, выражаясь языком Миролубова, стоили

«целого факультета истории и фольклора». Так, например, бабка Варвара вспоминает ему весь пантеон языческих богов: Огника, Огнебога, Сему, Ряглу, Дажба, и всех Сварожичей. Старый дед на хуторе под Екатеринославлем уверенно поучал его: «В старину люди грамоте знали! Другой грамоте, чем теперь, а писали ее крючками, вели черту богови, а под нее крючки лепили и читать по ней знали!» То же самое сообщает Миролюбову и еще одна старуха: «Наши пращурь умили писать по-нашему раньше всякой грамоты» [Козлов 2001: 102].

Но для чего Ю.П. Миролюбову потребовалось придумать столь фантастическую картину древней истории славян? Дело в том, как считает В.П. Козлов, что свои сочинения о славянской истории Ю.П. Миролюбов рассматривал как вклад в борьбу с советской системой и коммунизмом. По словам самого Ю.П. Миролюбова, побороть их можно, только накапливая в себе «божественное начало» христианской религии. Но, видимо, современное христианство его не удовлетворяло: он не принимал всерьез ту Православную Церковь, которая существовала в СССР, и не питал особых чувств и уважения к зарубежной Русской Православной Церкви. Истинное христианство он искал в глубокой древности: не случайно его «славяно-росы» оказываются в Палестине и других регионах, связанных с зарождением исторического христианства [Козлов 2001: 103].

Как видим, политические идеи той или иной эпохи, повторяясь, выводят нас в пространство патриотической риторики и в более широкое пространство дискурсивных практик (по М. Фуко), в котором идеология ищет себе самооправдание и самоопределение в слове как таковом. Господствующие взгляды на слово как таковое оказывают воздействие на язык политический.

Во всех случаях, о которых выше шла речь, фальсификации исторических письменных источников осуществлялись на фоне развития исторической и филологической науки, подчас как бы выполнявшей провокативную функцию. Так, например, в начале XIX в. огромное воздействие на русскую историографию оказала «История государства Российского» Н.М. Карамзина. Этот труд послужил не только основанием для нескольких подделок источников, в частности для А.И. Сулакадзева, но и породил многолетнюю ожесточенную полемику вокруг поставленных в нем проблем. Ряд участников этой полемики в своих спорах с Н.М. Карамзиным использовали фальсифицированные источники в качестве одного из аргументов в отстаивании собственной точки зрения. Так появились «Рукопись профессора Дабелова» и «донесения» Гримовского, о которой подробно в свое время писал В.П. Козлов [Козлов 1996]. Первая фальсификация доказывала давний интерес в России к произведениям латинских авторов, вторая – по существу иллюстрировала карамзинские взгляды на историю царствава-

ния Бориса Годунова и одновременно спорила с ними.

Фальсификаторы не могли не учитывать фактора развития филологического знания и старательно использовали отдельные элементы этого знания или даже их совокупность.

Атрибуты наукообразия всегда сопровождают введение псевдоисторических текстов в общественный оборот. Они включают всевозможные комментарии – текстологические и лингвистические, снимки почерков. Многочисленными комментариями по содержанию снабжены публикации «Песни Мстиславу» и «донесений» Гримовского, «Сказания о Руси и о вещем Олеге». Упомянутый нами в статье Д.И. Минаев, например, рискнул представить читателям факсимильные снимки почерков рукописей. «Дощечки Изенбека» выложены сегодня на многочисленных Интернет-сайтах. Авторы подкрепляли и подкрепляют свои произведения всевозможными признаками «древности». В процессе их изготовления используется пергамен, стилизация под древний почерк, фальсифицированные записи писцов и др. Приемы, способы, техника подделок исторических источников в определенной мере отражают состояние исторической критики и историографии. Те же А.И. Бардин с А.И. Сулакадзевым, «работая» под древний почерк, старались бы учесть те знания о развитии в русской письменности начертаний отдельных букв, которые в их время были доступны еще только узкому кругу профессионалов, и лишь много позже стали хрестоматийными.

А.И. Бардин, например, отталкивался от подлинных известных текстов источников, допуская по отношению к ним несколько видов фальсификаций. Во-первых, он подделывал внешние признаки древних рукописей. Значительная часть его подделок изготовлена в виде кодексов, в кожаных переплетках, на пергамене как новой выделки (состаренном им сознательно), так и старинном, с предварительно смытым текстом (палимпсесте). У него была, очевидно, своеобразная «мастерская» изготовления, старения или смывания пергамена. Свои подделки Бардин изготовлял и в виде свитков (пергаменных). В единственном случае – при изготовлении Торгового устава 1571 г. – А.И. Бардин использовал чистую бумагу XVII в. Внешними признаками он стремился «удревнить» свои изделия. Этому же служили и разработанные им типы почерков – под устав, полуустав и даже под скоропись. А.И. Бардин подражал в основном почеркам рукописей XIII-XIV вв. Он употреблял также вязь, для выделения заголовков текстов или названий рукописей использовал киноварь, золото, рисовал всевозможные заставки и миниатюры, то есть создавал «лицевые» рукописи [подр. см.: Козлов 1996: 108-110].

Также и Д.И. Минаев, для придания «Сказанию» древности не без таланта использовал

стилизацию под древнерусский язык, былинно-летописный стиль, почерк древних рукописей. Он изобрел записи писцов, снабдил публикацию многочисленными пространными комментариями, предисловием, где даны описание рукописи и характеристика вошедшего в ее состав памятника. Оригинальна была и методика изготовления подделки: сначала она была написана в стихотворной форме современным языком, а затем «переведена» на «древний» (славянский) язык с многочисленными «темными» словами и выражениями, которые автор толковал в соответствии с собственным пониманием их смысла.

От подделки к подделке тот же А.И. Сулакадзе, учитывая развитие филологии своего времени, совершенствовал отдельные элементы техники своего творчества с учетом реальных достижений науки. Его первая большая подделка – «Гимн Бояну» – в качестве первоочередного признака древности содержала бессмысленные слогонагромождения. То же самое можно сказать и относительно других фальсификаций, например «Оповеди». Иначе говоря, какое-то время Сулакадзе не придавал решающего значения палеографическим приметам, отдавая предпочтение «непонятности» текста, что открывало большие возможности для его вольной и фантастической интерпретации. Но время шло, и действительные открытия в русской и славянской письменной старине, успехи исторической науки заставляли фальсификатора быть осторожнее. А.И. Сулакадзе становится более изобретательным. Он все шире начинает прибегать к фальсифицированным припискам на недатированных рукописях. Сами приписки Сулакадзе старается стилизовать под почерк подлинной рукописи. В этой связи необходимо упомянуть еще один его труд: «Буквзор самых древних, средних и последних времен... азбуки и письма». В данном случае нельзя не отдать должного А.И. Сулакадзе. В то время, когда ученые приступили к целенаправленному и систематическому сбору и публикации палеографического материала, он также решил не «отстать» от науки. Его замысел был не лишен остроумия: поняв, что не искусные подделки под древний почерк грозят возможным разоблачением, фальсификатор решил поставить изготовление своих фабрикаций на «научную» основу. В «Буквзоре» старательно срисованы наиболее характерные начертания букв разных времен и систем алфавита. По сути дела, им была составлена своего рода палеографическая таблица реальных графем. С ее учетом Сулакадзе старался подражать почеркам разного времени и даже изобретал никогда не существовавшие системы письма, в том числе и «рунического».

О том, что фальсификатор в конце концов осознал важное значение палеографических примет и других данных в удостоверении «подлинности» изделий, красноречиво говорит, на-

пример, то, как постепенно им усложнялась характеристика «Гимна Бонну». В описании, представленном Державину, фигурировал пергаментный свиток, исписанный красными чернилами «руническими» и греческими буквами. В «Книгореке» к произведению дается уже подробная аннотация и вводятся новые палеографические признаки: «Боянова песнь в стихах, выложенная им, на Словеновы ходы, на казни, на дары, на грады, на волхвовы обаяния и страхи, на Злогора, умлы и тризны, на баргаменте разном, малыми листами, сшитыми струною. Предревнее сочин[ение] от 1-го века, или 2-го века». В «Каталоге» «Гимн Бояну» расцвечен новыми подробностями и признаками достоверности: «Боянова песнь Славену – буквы греческие и рунические. Время написания не видно, смысл же показывает лица около 1 века по Р.Х. или позднейших времен Одина. Отрывки оной с переводом были напечатаны Г.Р. Державиным под заглавием: «Чтение в Беседе Любителей Русского Слова», 1812 г., в книге 6-й, стр. 5 и 6. В «Записках» же императрицы Екатерины II на стр. 10, изд. 1801 г. изъяснено: «Славяне задолго до Рождества Христова письмо имели», а по сказаниям Нестеровым и иным видно, что они древние истории письменные имели. Равномерно в сочинении Зизания 1596 г. (в Вильне) – «Сказание, како состави св. Кирилл азбуку по языку словенску» на стр. 29 значится: «Прежде убо словяне суще погани (язычники) чертами читаху и гадаху». Драгоценный сей свиток любопытен и тем, что в нем изъясняются древние лица, объясняющие русскую историю, упоминаются места и проч.» Как видим, в конечном итоге, А.И. Сулакадзе снабдил описание «Гимна Бояну» уже целым «ученым трактатом», в котором для удостоверения подлинности фальшивки фигурируют такие авторы, как Зизаний, Екатерина II и Державин [подр. см.: Козлов 1996: 181].

XX век, правда, не привнес в эту серию методов ничего принципиально нового. В основу своей методологии работы «дощечками Изенбека» Ю.П. Миролубов также положил принцип неповторимости, необычности языка, графики и содержания.

Таким образом, в конечном итоге, мы попадаем в сферу эзотерической герменевтики: автор как бы стремится вычитать некий условно господствующий идеологический миф из языка, а затем стремится вчитать его в созданный им самим текст.

Подчас не только вера или убежденность в подлинности этих и других подлогов, а политическая целесообразность заставляли «оборонять» их, как мы могли убедиться, от выступлений критиков или делать все, чтобы умолчать об этих выступлениях. Это, со своей стороны, отражает явления и процессы определенных этапов общественного развития, которые то безжалостно разоблачают фальсификации, то начинают их активно востребовать. Бытование под-

логов, их подчас неожиданная реанимация много времени спустя после разоблачения отражают две особенности человеческого мышления: склонность к мифологии и политизированность. Как результат искусственного конструирования исторических источников подлоги, являясь своеобразным историческим сочинением, в некотором роде превосходят собственно исторические труды: догадки и гипотезы последних в фальсификациях представлены подчас яркими, но вымышленными «доказательствами». В силу этого они выглядят необычайно привлекательно – в этом их магическая сила, воздействующая прежде всего на обывателя.

Так было, скажет читатель. Ну, а мы сегодня – можем ли мы найти в себе силу духа, имеем ли способности ума, чтобы решиться обнаружить и разоблачить те сотни и тысячи созданных и еще не вырванных с корнем исторических мифов? Есть ли у нас, живущих сегодня, потребность в таком разоблачении? Может быть, жить в мире, где если не торжествуют, то уживаются с правдой легенды и мифы, проще и спокойней?

ЛИТЕРАТУРА

Аникин В.П. Жизнь, творчество и труды И.П. Сахарова // Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. – М.: Художественная литература, 1989. 398 с.

Берков П.Н. О людях и книгах. – М.: Книга, 1965. 144 с.

Биография И.П. Сахарова // Русский архив. 1873. № 6. С. 912-920.

Виноградов Н.Н. И.П. Сахаров и его «Русские народные загадки и притчи» // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. № 6. С. 250-256.

Воробьев Б.Н. Рукопись А.И. Сулакадзева «О воздушном летании в России» как источник историографии по воздухоплаванию // Труды по истории техники. 1952. Вып. 1. С. 122-127.

Дмитриев Л.А. История первого издания «Слова о полку Игореве: Материалы и исследования. – М.-Л.: Академия, 1960. 460 с.

Журнал Московской патриархии. 1974. № 12. С. 2-6.

Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 480 с.

Иванов М. Находки в старом архиве // Труд. 1982. 27 окт. С. 4 (переиздана в: Литературная газета. 1982. 4 нояб. С. 14).

Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. – СПб.: РХГИ, 1998. 408 с.

Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М.: Канон, 2008. 544 с.

Кобзев И. О любви и нелюбви // Русская речь. 1970. № 3. С. 44-52.

Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио. – М.: РОССПЭН, 2001. 224 с.

Козлов В.П. Тайны фальсификации. – М.: Ас-

пект Пресс, 1996. 272 с.

Копосов Н.Е. Замкнутая вселенная символов // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 33-47.

Копосов Н.Е. Как думают историки. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. 326 с.

Ланн Е. Литературные мистификации. – М.: Либроком, 2009. 234 с.

Линецкая Р. Письма В.И. Анучина к С.Е. Кожевникову // Сибирские огни. 1963. №10. С. 166-170

Лихачев Н. Вымышленный указ царя Алексей Михайловича // Сборник статей в честь Дмитрия Фомича Кобеко от сослуживцев по Императорской публичной библиотеке. – СПб.: Императорская публичная библиотека, 1913. С. 86-90.

Лотман Ю.М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII-начала XIX в. – М.-Л.: Академия 1962. С. 460 с.

Маковеев М. Обратить в пользу потомков // Новый мир. 1985. № 8 С. 195-213; № 9. С. 218-236.

Масанов Ю. Литературные мистификации // Советская библиография. 1940. Вып. 1 (18). С. 22-28.

Никитин Е.Н. Был ли фальсификатором В.И. Анучин // Новый мир. 1993. № 4. С. 247-249.

Отечественные записки. 1841. Т. XVI. С. 40-42.

Подлипчук Ю.В. «Слово о полку Игореве»: Научный перевод и комментарий. – М.: Наука, 2004. 327 с.

Попова И.Л. Литературная мистификация в историко-функциональном аспекте. Автореф... канд. филол. наук. М., 1992. 20 с.

Пыпин А.Н. Подделки рукописей и народных песен // Памятники древней письменности. – СПб. 1898. Т. СХХVII. С. 31-32.

Ревзин Л.Я. Бессмертный Сулакадзе // Русская литература. 1979. № 3. С. 44-52.

Рукописи, которых не было [Под ред. А.Л. Топоркова] – М.: Ладомир, 2002. 970 с.

Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик // Wiener Slawistischer Almanach. 2001. SBd. 50. 282 с.

Сперанский М.Н. Русские подделки рукописей в начале XIX века // Проблемы источниковедения. 1956. Вып. V. С.74-93.

Творогов О.В. «Влесова книга» // Труды Отдела древнерусской литературы. 1990. Т. XLIII. С. 170-254.

Тимофеев В.П. Другое Слово о полку Игореве. – М.: Вече, 2007. 432 с.

Третьяковский В.К. Три рассуждения о трех главнейших древностях российских // Третьяковский В.К. Избранные произведения. – М.-Л.: Советский писатель, 1963. С. 8-9.

Уайтхед Д. Серьезные забавы. – М.: Книга, 1986. 288 с.

Фет А.А. Воспоминания. – М.: Правда, 1983. 240 с.

Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова [Изд. 2-е.] – СПб.: Российская Императорская академия, 1880. 406 с.

© Базылев В.Н., 2010

Дурович Т.
Силаски Н.
Белград, Сербия

Đurović T.
Silaški N.
Beograd, Serbia

**МЕТАФОРИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ –
РОЛЬ КОГНИТИВНОГО СДВИГА
В СЕРБСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. Настоящая статья выполнена в рамках когнитивной теории метафоры и критического дискурс-анализа. В работе акцентируется внимание на использовании метафор в сербском политическом дискурсе. Анализируются метафоры, характеризующие предвыборный период двух парламентских выборов, проведенных в январе 2007 г. и мае 2008 г. соответственно. В указанный временной промежуток зафиксировано преобладание спортивных и военных метафор, которые подчеркивают соревновательный, жестокий и воинственный характер политической деятельности. Однако после указанных выборов запутанные отношения между политическими партиями представлены с помощью метафор ПОЛИТИКА – ЭТО ЛЮБОВЬ и ПОЛИТИКА – ЭТО БИЗНЕС. На первый взгляд, произошедшие когнитивные изменения указывают на то, что агрессивный и жесткий соревновательный характер ВОЙНЫ и СПОРТА, свойственный предвыборному периоду, сменился на романтические, спокойные и деловые отношения, которые характеризуются посредством метафор ЛЮБВИ и БИЗНЕСА. Дальнейший анализ показывает, что метафоры ЛЮБВИ и БИЗНЕСА, экстраполируемые на политику, несут в себе крайне негативные коннотации. Их использование обусловлено финансовой выгодой, сомнительными политическими махинациями, что еще раз доказывает силу метафоры в создании общественных реалий.

Ключевые слова: когнитивная теория метафоры, критический дискурс-анализ, сербский политический дискурс, когнитивный сдвиг, ПОЛИТИКА – ЭТО ВОЙНА, ПОЛИТИКА – ЭТО СПОРТ, ПОЛИТИКА – ЭТО ЛЮБОВЬ, ПОЛИТИКА – ЭТО БИЗНЕС.

Сведения об авторе: Татьяна Дурович, доктор филологии, доцент факультета экономики.

Место работы: Белградский университет.

Сведения об авторе: Надежда Силаски, доктор филологии, доцент факультета экономики.

Место работы: Белградский университет.

Контактная информация: 11000, Beograd, Kamenička, 6, Serbia.

e-mail: silaskin@sbb.rs, gtdjuro@eunet.rs.

**FRAMING POLITICS –
THE ROLE OF CONCEPTUAL SHIFT
IN SERBIAN POLITICAL DISCOURSE¹**

ГЧНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. Set within the theoretical framework of Conceptual Metaphor Theory and Critical Discourse Analysis, the paper focuses on the use of metaphors in Serbian political discourse. We deal with the metaphors characterising the pre-election periods of two parliamentary elections (held in January 2007 and May 2008 respectively) which were marked by the pervasive use of SPORT and WAR metaphors, stressing competitive, violent and pugnacious aspects of political activities. In the post-election period of these elections, however, the tangled relations between political parties were conceptualised by the POLITICS IS LOVE and the POLITICS IS BUSINESS metaphor. On the surface, such a conceptual shift suggests that belligerent and fiercely competitive aspects of WAR and SPORT from the pre-election periods are now superseded by romantic, tranquil and entrepreneurial aspects of LOVE and BUSINESS. A more thorough analysis shows that both LOVE and BUSINESS concepts, as mapped onto politics, carry extremely negative connotations, as being mainly motivated by vested interests, financial benefits or dubious horse-trading, proving once again the power of metaphors in creating social realities.

Key words: Conceptual Metaphor Theory, Critical Discourse Analysis, Serbian political discourse, conceptual shift, POLITICS IS WAR, POLITICS IS SPORT, POLITICS IS LOVE, POLITICS IS BUSINESS.

About the author: Tatjana Đurović, Doctor of Linguistics, Assistant Professor of Faculty of Economics.

Place of employment: University of Belgrade.

About the author: Nadežda Silaški, Doctor of Philology, Assistant Professor of Faculty of Economics.

Place of employment: University of Belgrade

1. Введение. Метафоры позволяют нам понимать одно абстрактное явление через другое, более конкретное. В связи с этим данные единицы широко используются в языке политической риторики в качестве средств убеждения и пропаганды. Основанием настоящей работы

служат теоретические положения когнитивной лингвистики и критического дискурс-анализа. Под одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики, метафорой, то есть когнитивной метафорой, представленной и детально разработанной Лакоффом и Джонсоном [1980], понимается набор соответствий через различные когнитивные сферы-источники. В данном процессе ментальная сфера-источник, более четкая и конкретная, переносит структуру, заключенного в ней знания, на более абстрактную сферу-мишень. Метафора обладает персуа-

¹ A shorter version of this paper, titled “Framing politics – metaphors in Serbian political discourse”, was presented at the 9th Slavic Cognitive Linguistics Conference (SCLC-2009), Charles University, Prague, Czech Republic, 15-17 October 2009.

живной функцией, поскольку несет в себе оценочную нагрузку. Принципиальную важность здесь имеет *метафорическая системность*, на которую указывают Лакофф и Джонсон, и под которой понимается представление одной стороны явления через другое, что всегда ведет к приуменьшению, сокрытию иных сторон описываемого явления [Lakoff & Johnson]. При выборе метафоры создатели текстов учитывают ее оценочный потенциал и то, какую сторону описываемого события она должна высветить, что, в свою очередь, выдает их идеологические воззрения.

С другой стороны, на протяжении последних двух десятилетий политический дискурс находился в сфере главных интересов критического дискурс-анализа (КДА). Интерес к КДА обусловлен желанием лучше понять настрой общества [van Dijk 1993: 280]. Водак, высказывая свою точку зрения относительно КДА, говорит о том, что «понятие идеологии, власти, иерархии и пола, рассматриваемые в социальном контексте, играют значимую роль при интерпретации и объяснении текста» [Wodak 2006: 6]. Более того, социально-когнитивная теория ван Дейка основывается на том, что «когниция занимает промежуточное положение между “обществом” и “дискурсом”» [Wodak 2002: 8], в то время как Чилтон и Ильин [1993] и Чилтон и Лакофф [1995] также говорят о необходимости учета когнитивной составляющей при КДА. Таким образом, «учитывая когнитивную составляющую, складывается новая методология выявления и анализа языковых средств манипулирования (что представляется важнейшей целью КДА), при этом предполагается, что КДА даст более детальные результаты, чем сейчас, и позволит уточнить некоторые из своих положений» [Hart 2005: 190].

Сочетание достижений когнитивной лингвистики и теории дискурс-анализа применялось преимущественно при исследовании когнитивных метафор [e.g. Musolff 2004, Đurović & Siliški в наст., работе], когда КДА использовался в процессе исследования когнитивных реалий, вплетенных в дискурс, то есть их языкового употребления. Поскольку основная цель КДА заключается «в выявлении политических и идеологических мотивов, которые представлены имплицитно» [Charteris-Black 2004: 29], то метафоры и метафорические выражения как значимые составляющие любого дискурса, политического в частности, стали чрезвычайно важны в КДА. К тому же, Лакофф и Джонсон подчеркивают «центральную роль метафоры в реконструкции социальной и политической реальности» [Lakoff & Johnson 1980: 159], что коррелирует с важнейшим положением КДА относительно его связи с социальными проблемами и тем, как в языке «отражена сила, управляющая дискурсом» [Koller 2003: 57]. Таким образом, в настоящей статье метафоры рассматриваются как дискурсивные единицы, анализ ко-

торых поможет понять определенные социальные процессы, более детально представить отношения между двумя политическими партиями, а также обозначить разницу в их понимании власти.

В настоящей работе под политическим дискурсом мы понимаем *внутреннюю* политическую коммуникацию, которая относится ко всем формам дискурса и касается, прежде всего, функционирования политики в политических институтах, то есть в правительстве, партиях и других организациях» [Schäffner 1996: 202], а также *внешнюю* политическую коммуникацию, нацеленную, прежде всего, на широкую публику, то есть людей, не связанных с политикой [Schäffner 1996: 202]. Тем не менее к политическому дискурсу мы относим язык, которым пользуются репортеры и политические комментаторы как главные посредники между политическими партиями и электоратом. Таким образом, разница между политическим дискурсом самих политиков с одной стороны и политическим медиа дискурсом с другой размыта. В этой связи мы включаем в понятие *политический дискурс* оба выделенных типа (первичный и вторичный).

Столь широкий подход к политическому дискурсу позволяет нам в рамках КДА [Fairclough 1989; van Dijk 1993; Fairclough & Wodak 1997; Wodak 2006] и когнитивной теории метафоры [Lakoff & Johnson 1980] рассмотреть язык как «социальную практику», где языковой контекст имеет принципиальную важность [Fairclough & Wodak 1997]. Предполагается, что применение двух исследовательских парадигм даст нам возможность исследовать сербский политический дискурс как воплощение более или менее скрытых отношений власти и борьбы за власть и контроль. Основная цель настоящей статьи заключается в том, чтобы показать, как могут быть использованы метафоры в качестве проводника скрытых и явных политических и идеологических целей в общественный дискурс в сложной политической обстановке в современной Сербии. Дискурс в рамках КДА понимается как явление «социально основополагающее и социально обусловленное одновременно» [Fairclough & Wodak 1997: 258], которое помогает «поддержать и воспроизвести социальный *status quo* и способствовать его изменению» [Fairclough & Wodak 1997: 258]. Основной целью КДА является идентификация и анализ лингвистических манипуляций. Иными словами, «КДА нацелен на критическое исследование того, как социальное неравенство выражается, создается, узаконивается и т. д. посредством языка (или в дискурсе)» [Wodak 2006: 4]. Главное преимущество совмещения *когнитивистского* и критического подхода для анализа политического дискурса, применяемого в настоящем исследовании, базируется на том, что метафоры могут заключать в себе больше, чем то, что выражает с их помощью говорящий.

Применение указанного подхода позволит обнаружить скрытые аспекты внутривнутриполитических отношений, а также с большей легкостью выявить их противоречия.

Материалом исследования послужили сербские ведущие ежедневные периодические издания (*Glas javnosti*, *Danas*, *Večernje novosti*, *Blic*, *Press*, *Kurir*) и политические еженедельники (*Vreme*, *Evgora*) опубликованные с 2006 по 2008 гг. Примеры, содержащие метафорические обороты, взяты из текстов, содержащих заявления политиков, сделанные ими на пресс-конференциях, в интервью, напечатанных в указанных изданиях; комментариев политических аналитиков и журналистов относительно политической ситуации в Сербии, а также высказываний читателей на сайтах публикаций. Исследование средств массовой информации различной политической окраски наравне с текстами первичного и вторичного дискурса обусловлено тем, что «социальные группы редко загерметизированы, в этой связи метафоры, используемые одной группой, влияют на метафоры других групп, которые подвергаются изучению, и наоборот» [Low 1999: 60–61]. Отобранные тексты тщательно исследовались с целью выявления метафорических оборотов, которые представляли собой когнитивные метафоры, анализируемые в настоящей работе. Затем мы применили методику выявления метафор (МВМ), предложенную Pragglejazz Group [2007] с целью проверки метафоричности выражений, относящихся к когнитивным метафорам, установления их контекстного и изначального значения.

2. Политическая обстановка. В январе 2007 года первые выборы, проводимые в Сербии после объединения с Черногорией, были аннулированы. Ни одна из партий не набрала абсолютное большинство, и правительство было сформировано из партий, каждая из которых придерживалась собственных взглядов относительно Косово, экономических реформ в Сербии, переговоров о вступлении в ЕС. В конечном счете, после более чем трех месяцев дискуссий по поводу создания коалиции две основные партии пришли к соглашению сформировать правительство, куда вошли консервативная и Демократическая партия Сербии, возглавляемая Воиславом Коштуницей (ДСС), и прозападная демократическая партия (ДС), лидер которой – Борис Тадич, занимающий в то время и по настоящий момент пост Президента Сербии. Правительство, называемое многими «неестественным», просуществовало только одиннадцать месяцев. Коалиция развалилась в марте 2008 г., чему предшествовало заявление Косово и своей независимости в феврале 2008 г. Президент Тадич провел досрочные выборы, состоявшиеся в мае 2008 г.

На майских выборах также не было абсолютного победителя. Большинство голосов получила проевропейская коалиция «За европей-

скую Сербию», возглавляемая Борисом Тадичем и его демократической партией. Однако завоевав только 38 % голосов, коалиция была вынуждена формировать правительство совместно с партией старого (т. е. Слободана Милошевича) режима, а именно социалистической партией Сербии (СПС), бывшей партией Милошевича. После выборов главные партии погрузились в напряженные дискуссии относительно коалиции, прежде чем было сформировано сомнительное правительство между партией Тадича и партией Милошевича. Лидер последней был смещен с поста в 2000 году. После долгих, напряженных переговоров 7 июля 2008 г. было сформировано новое проевропейское правительство. Новая коалиция между ДС и СПС считалась спорной, странной и противоестественной с самого начала, и вызывала недоверие у членов обеих партий придерживающихся диаметрально противоположенных политических и идеологических взглядов, что также отражало настрои общества, разделенного на проевропейский и националистический лагерь. Тем не менее, как сказал Президент Борис Тадич месяц спустя после формирования правительства, «прошлое не должно определять будущее», убеждая избирателей в том, что странная, на первый взгляд, коалиция будет функционировать.

В настоящей работе мы акцентируем внимание на использовании метафор в сербском политическом дискурсе в период до и после двух переломных парламентских выборов, проведенных в январе 2007 г. и мая 2008 г. соответственно. В указанный временной промежуток поднимались наиболее важные вопросы относительно будущего Сербии, решения которых вызвало противоречивую реакцию.

3. Метафоры в предвыборный период. Качественный анализ примеров показал, что для политического дискурса, характеризующего период до указанных парламентских выборов, свойственно превалирование спортивных и военных метафор, что подчеркивает соревновательный, жестокий и воинственный характер политической деятельности.

Спортивные метафоры достаточно распространены в политическом дискурсе, на что указывает ряд исследователей [см., e.g. Lipsky 1979; Howe 1988; Semino & Masci 1996; Thompson 1996; Herbeck 2000; Russo 2001 и др.]. Это обусловлено рядом причин. Политический дискурс, основанный на спортивных метафорах, требует минимальных усилий, затрачиваемых адресатом при его понимании [Orwell 1946]. Согласно точке зрения Липски [1979: 36], наделение политики спортивными чертами по существу является консервативным средством, препятствующим адекватной концептуализации новых стратегий и направлений в политике. Обращение к спорту для описания политических событий продиктовано желанием замаскировать сложность социального и политического

развития. Данный факт объясняет высокую частотность спортивных метафор в описании политической жизни. Сознательное, намеренное, манипулятивное упрощение политических процессов нацелено, в свою очередь, на приземление значимости политического развития и дает политическим партиям пространство, в пределах которого они могут воевать за власть, не будучи побеспокоенными, не находясь под контролем электората. Более того, двусмысленность, свойственная метафорическому способу выражения, и подразумевающая субъективную интерпретацию некоторых метафор, позволяет политическим партиям охватить большую часть избирателей. Как отмечают Семино и Масчи [1996: 224], «рассмотрение одного феномена сквозь призму другого может повлиять на то, как многие люди постигают эмоциональную, неоднозначную составляющие реальности, в которой они живут» [Howe 1988: 103]. Спортивные метафоры представляют политику как соревнование между оппонентами согласно предписанным правилам. Согласно точке зрения ряда исследователей [e.g. Howe 1988: 103], спортивные метафоры общеприняты и понятны при двухпартийной выборной системе, в которой «одна сторона стремится победить другую, но никак не может ее извести», в то время как в странах, где «количество партий значительно превышает количество участников в спортивных играх» [Howe 1988: 90], такие метафоры не играют ведущую роль в политическом дискурсе [cf. Semino & Masci 1996]. Сказанное выше опровергается политической ситуацией в Сербии на протяжении последнего десятилетия. Так, несмотря на большое количество зарегистрированных политических партий спортивные метафоры в современном сербском политическом дискурсе очень распространены.

Спортивные метафоры часто служат как когнитивные свертки сложных политических феноменов. В процессе метафоризации футбол, будучи самым популярным видом спорта в Сербии, является наиболее частотной ментальной сферой-источником. Выбор ФУТБОЛА в качестве сферы-источника обусловлен рядом причин. Некоторые метафоры лучше функционируют в одних обществах и хуже в других, что не связано с личными предпочтениями или ситуациями, в которых они используются. Выявленная тенденция объясняется особенностями общества в целом и подтверждает зависимость метафор от культуры [см. e.g. Kövecses 2005]. Таким образом, каждое общество обращается к тем метафорам, сфера-источник которых представляет собой самый популярный вид спорта, с которым знакома большая часть электората, что делает возможным мгновенное узнавание правил и поведения на спортивной площадке, а также спонтанное соотнесение с ними политических событий. Поскольку «метафоры, наиболее популярные у политиков, совмещают про-

стое объяснение и сильный эмоциональный посыл» [Ungerer & Schmid 2006: 150], то неудивителен тот факт, что футбол является высокочастотной сферой-источником метафорических выражений, используемой в сербской политике.

Спортивные метафоры востребованы в сербском политическом дискурсе в предвыборный период 2007 и 2008 гг. Данные единицы выступают как мощный прием убеждения и влияния на выбор избирателей относительно того, какой партии отдать предпочтение. Исходя из корпуса собранного нами практического материала метафора ПОЛИТИКА – ЭТО ФУТБОЛ включает в себя следующие фреймы:

(1) ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ – ЭТО ФУТБОЛЬНЫЕ КОМАНДЫ;

(2) ВЫБОРЫ – ЭТО ФУТБОЛЬНЫЙ МАТЧ;

(3) ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА ВЫБОРОВ – ЭТО ФУТБОЛЬНЫЕ ПРАВИЛА

Так, например, *ключевые политические игроки* ('ključni politički igrači') занимают наиболее важное положение в *политической команде* ('politički tim'). *Игроки средних способностей* ('vezni igrači') – политические партии, способные сформировать правительство благодаря способности к коалиции. *Зона пенальти* ('šesnaesterac') – метафорический оборот, посредством которого представлена сцена, на которой разворачиваются политические события Сербии. В *выборном матче* ('izborna utakmica') есть *фавориты* ('favoriti') и *аутсайдеры* ('autsajderi'), которые вероятно *выиграют / проиграют* ('pobede/izgube') выборы. Первый и второй этапы выборов концептуализируются как *первый и второй таймы футбольного матча* ('prvo i drugo poluvreme fudbalske utakmice'), причем второй этап выборов часто понимается как *дополнительное время* ('produžeci').

Ведение мяча ('driblanje') или *забивание гола* ('dati gol') – успешные действия политика/политической партии, тогда как *контратака* ('kontranapad') – это способ обращения с политическим соперником, бросившим вызов. Поскольку *правила выборов* осмысляются как футбольные правила, то у электората складывается ощущение честной политической игры, что подтверждается собранным практическим материалом. Политики получают *желтую карточку* ('žuti karton') или *красную карточку* ('crveni karton') как знак предупреждения со стороны избирателей за неодобрительное поведение, политическую ошибку или плохие политические действия. Если политик принимает опрометчивое решение, совершает неверное действие или делает заявление, дискредитирующее его самого, то говорят, что он *забил гол в свои ворота* ('dati autogol'), тогда как *оф-сайд* ('ofsajd'), запрещенная позиция в футболе, выражает соответствующее отношение к политике и решение его наказать.

Участники первичного и вторичного дискурса также концептуализируют политические из-

менения в исследуемых предвыборных периодах как ВОЙНУ, которая ведется не с помощью оружия, а посредством слов и принятия политических решений. Если, согласно Лакоффу и Джонсону [1980], СПОР – ЭТО ВОЙНА, а СЛОВА – ЭТО ОРУЖИЕ, то политика представляет собой подходящую основу, на которую нанесены различные аспекты войны.

Основываясь на корпусе примеров, мы выделили в метафоре ПОЛИТИКА – ЭТО ВОЙНА шесть фреймов, которые проиллюстрированы различными метафорическими оборотами:

(1) ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЦЕНА – ЭТО ПОЛЕ БОЯ;

(2) ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ – ЭТО ВОЕННЫЕ ВРАГИ;

(3) ВЫБОРЫ – ЭТО БИТВА;

(4) ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЛОВА/ДЕЙСТВИЯ – ЭТО ОРУЖИЕ;

(5) ОБЪЕДИНЕНИЕ УСИЛИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ – ПЕРЕМИРИЕ;

(6) ИЗБИРАТЕЛИ – ЭТО ВОЕННЫЕ ЖЕРТВЫ, ПОТЕРИ

Военная метафора ясно показывает сербские политические события в предвыборный период, которые представлены как *поле боя* ('ratno podrište'), где политические партии, в *укрепленных траншеях* ('ušancene'), борются за голоса. Политические партии ведут *холодную войну* ('hladni rat'), *партизанскую войну* ('gerilski rat') или *окопную войну* ('rovovski rat') против друг друга и совершают при этом *политические маневры* ('manevri'), опираясь на советы, исходящие из штаб-квартиры. Политические партии – это политические *враги* ('neprijatelji') в политической *битве* ('bitka'), которые *становятся союзниками* ('saveznici') для того, чтобы прийти к власти. С целью достижения победы в выборах члены политических партий, как политическая *пехота* ('pešadija'), так и высокопоставленные должностные лица, в частности партийные *генералы* ('generali'), должны придерживаться *военной дисциплины* ('vojnička disciplina'). Политические враги участвуют в *битве на выборах* ('izborna bitka'), формируют *выборные стратегии* ('izborna strategija') и *тактики* ('taktika') для получения *победы* ('pobeda') в выборах или *поражения* ('poraz').

Если в метафоре СПОР – ЭТО ВОЙНА слова концептуализируются как оружие, то политические партии Сербии имеют в своем распоряжении полный *запас вооружения* ('arsenal oružja') в предвыборный период. Политические *враги* ('neprijatelji') часто попадают *под перекрестный огонь* ('pod napakrtnom vatrom'), *огневой вал* ('pod baražnom vatrom') своих оппонентов, кидают друг в друга *ядовитые стрелы/копья* ('otrovne strele/koplja'), стреляют из *всех видов оружия* ('pucaju iz svih oružja'), чему обычно предшествует *поединок на изогнутых саблях* ('zveckanje oružjem'). Временное объединение между партиями, мотивированное их собственными интересами, представляется как

перемирие ('primirje') или *прекращение огня* ('prekid vatre'), когда они *закключают пакт* ('sklapaju paktove') или *складывают оружие* ('zakopavaju ratne sekire'). Наконец, избиратели мыслятся как *жертвы политических войн* ('žrtve političkih ratova'), *пострадавшие в политических битвах* ('žrtve političkih sukoba') или *сопутствующие потери партийных боев* ('kolateralna šteta partijskih obračuna').

Наше исследование показало, что спортивные и военные метафоры используются в предвыборный период двойственно [Hardway 1976: 79], что подразумевает сознательное, намеренное манипулирование электоратом. Данные единицы высвечивают агрессивный и конфронтационный аспекты политики, восхваляют победу, пряча тем самым другие стороны политики, такие как компромисс, консенсус, переговоры при ведении дел [Lakoff & Johnson 1980]. Избиратели, с другой стороны, вынуждены принимать чью-либо сторону незамысловатым способом, не включаясь в политические процессы, будучи пассивной аудиторией, которая в конце концов чувствует победителей. Венные и спортивные метафоры могут «заклечь тех, кто прибегает к метафорам в узкую колею, заставляя избирателей думать, что политика в силу своей природы должна принимать форму военной борьбы» [Wei 2001: 63].

Для исследуемых предвыборных периодов характерно то, что ни одна из политических партий не набрала абсолютное большинство голосов, правительство должно было быть сформировано из партий, придерживающихся разных взглядов относительно наиболее важных вопросов в Сербии. Описанная ситуация привела к различным соглашениям, которым предшествовали сомнительные махинации, произошел поразительный концептуальный сдвиг – крайне воинственный, состязательный характер войны и спорта, характерный для предвыборного периода, сменился на добрый, безмятежный, романтический, антрепренерский тон, характерный для любовных и деловых отношений.

4. Когнитивный сдвиг – метафоры в период после выборов. Достигнув главной политической цели – успешного завершения предвыборных кампаний – участники дискурса (политическая элита и средства массовой информации) выбрали разную когнитивную траекторию. Сейчас метафоры используются для победы над партией, завоевавшей большее количество голосов, которая концептуализируется как супруг(а) или партнер по бизнесу, что выводит на первый план более благоприятные, примирительные стороны общественной жизни.

Метафора любви, в которой заложена ориентация на отношения, используется для представления двух этапов отношений между политическими партиями в период после выборов в сербском политическом дискурсе: период до создания коалиции, т. е. предсвадебный, и коалицию, т. е. период супружества. Безобидная

на первый взгляд метафора любви используется участниками дискурса для «создания образов политической действительности» [Duesk 2001: 369]. Таким образом, стадия политических переговоров между сербскими партиями, где последние понимаются как любовники, предшествующая коалиции предстает как *ухаживание* ('udvaranje') и *соблазнение* ('zavođenje') (см. Đurović & Silaški в прессе). Охрана или защита политического влияния (с целью завоевания как можно больше мест) партии представляется как романтические отношения, в которых одна сторона пытается добиться любви у другой. Если быть более точными, то оценка значимости политической партии и ее убеждение вступить в коалицию в период после выборов приравнивается к ухаживаниям и уговорам заключить брак.

При представлении жестких, интенсивных переговоров по поводу вступления в коалицию, которые ведутся между политическими партиями разных идеологических взглядов, применяются жизнерадостные, романтические метафоры, с чьей помощью создается картина событий, доступная для понимания обычным людям. В данном случае мы говорим о способности метафоры упрощать сложные политические реалии. Как отмечает Лакофф [1991], «мысль метафорическая сама по себе не может быть ни хорошей, ни плохой. Она обычна и неизбежна. Абстрактные и запутанные, сложные явления всегда понимаются через метафоры». Метафоры *ухаживания* и *соблазнения* подчеркивают эмоциональный настрой политических партий. Их использование нацелено на создание отношений, основанных в их начальной стадии на доверии, желании идти на компромисс и терпении.

Тем не менее за любовными играми скрывается тщательно продуманный план относительно распределения власти между каждой из партий. То, как будет распределено могущество в будущей коалиции, оговаривается посредством *брачного договора* ('predbrachni ugovor'), где указано, что размер предоставляемой власти зависит от *приданого* ('miraz') партий. Брачные контракты обладают исковой силой и заключаются на основе добровольного соглашения двух сторон, решающих вступить в брак, разделить имущество. Метафора брачного договора выводит на первый план только одну сторону сферы-источника – деление имущества метафорически представлено как распределение власти – что намеренно ведет к преуменьшению значимости добровольной составляющей контракта. Как результат, не учитываются гендерные особенности приданного как того, что обычно дает семья девушки (деньги, недвижимость, другие ценности) ее мужу, когда они женятся. Под приданным, согласно собранному практическому материалу, подразумевается электорат партии, его идеологические ценности, а также количество мест, выигранных в вы-

борах (см. Đurović & Silaški). Размер приданого, таким образом, приравнивается к политической мощи партии, что укореняет неравенство. В надежде, что *приданого* хватит для отношений с другой партией, последние подписывают соглашение о коалиции, которое метафорически представляется как *свадебная церемония* ('venčanje') или *политическая свадьба* ('politička svadba'). Итак, выбранные метафорические обороты подчеркивают положительный исход переговоров относительно вступления в коалицию, которые имеют романтический, сентиментальный подтекст ухаживания.

Мусолфф отмечает, что «сценарий брака применим к любым двусторонним отношениям» [Musolf 2006: 34]. Вместо любви и компромисса, которые гипотетически являются основой брака, политические бракосочетания строятся на превалирующих интересах одной из партий. В этой связи брачный период *молодоженов* ('mladenci'), т. е. период коалиции после выборов в сербском политическом дискурсе, отмечается метафорами, которые открыто или завуалировано характеризуют власть и неравенство. Метафорические супруги в этом сценарии – политические партии, преследующие собственные интересы и с этой целью создающие «пары» для вступления в коалицию. Период коалиции представлен метафорой любви, в которой можно выделить несколько фреймов:

(1) ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОАЛИЦИЯ – ЭТО БРАК ПО РАСЧЕТУ;

(2) ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОАЛИЦИЯ – ЭТО ВЫНУЖДЕННЫЙ БРАК.

Выявленные фреймы структурируют политику и политическую власть с точки зрения участников исследуемого дискурса. Таким образом, политическая коалиция как БРАК не является, как можно было изначально предположить, союзом, основанным на искренней любви и уважении, но представляет собой *брак исключительно по расчету* ('brak iz golog interesa'), *вынужденный брак* ('brak na silu'), *неудачный брак* ('loš brak'), *несчастливый брак* ('srećan brak'), *короткий брак* ('kratkog veka'), *брак без любви, [...] заключенный ради собственных интересов и денег* ('brak u kojem nema ljubavi, i koji je napravljen iz interesa i zbog para'). Как брак по расчету, так и вынужденное бракосочетание являются союзами, построенными не на любви, но на жадности, желании получить социальный статус партнера, финансовую власть или достичь личных целей. Несмотря на то, что акцент делается на ЛЮБВИ и БРАКЕ, используемые метафорические обороты вскрывают истинную природу этих отношений. В них вступают ради политической выгоды, доминирования, т. е. получения власти. В метафорах БРАК ПО РАСЧЕТУ и ВЫНУЖДЕННЫЙ БРАК доминируют негативные коннотации. Указанные модели отношений представляются как «нечто худшее» (е. г. То был вынужденный брак, и это – самое худшее ['Ovo je bio brak na

silu, a to je najgore»). Даже сожительство – совместное проживание без соответствующей регистрации – в качестве политической метафоры для представления сотрудничества между партиями, придерживающимися разных идеологических взглядов и находящихся на разных уровнях власти, концептуализируется как ВЫНУЖДЕННЫЙ БРАК. При переносе отношений между политическими партиями на супружеские, метафора БРАКА «подчеркивает проблемы» и «неизбежные трудности, которые должны быть преодолены» путем обращения к «чувству порядка» [Wei 2003: 128]. Несмотря на то, что метафора ЛЮБВИ более человечна, чем метафоры ВОЙНЫ и СПОРТА, она «несет в себе отрицательные оценочные коннотации, используемые для характеристики расстановки политических сил» [Musolff 2006: 23].

Помимо метафоры ЛЮБВИ в период после выборов в Сербии используется метафора БИЗНЕСА, которая схожим образом рисует сотрудничество, взаимоуважение и компромисс. Данная метафора в политике представляет покупателей, продавцов, цены, сделки, рынки, торговлю акциями, где «эффективное управление политикой сродни эффективному управлению бизнесом» [Lakoff 1991] и где «политические победы рассматриваются как “прибыль”, а политические провалы считаются “издержками”» [Martin de la Rosa 2004: 108]. Достижение (не)благоприятного исхода определенных политических действий и заявлений приравнивается к положительному или отрицательному балансу, т. е. разнице между количеством денег, поступающих на счет и снимаемых с него. Другими словами, метафорическая покупка, продажа, торговля акциями, сделки и т. д. между политическими партиями Сербии обусловлены желанием приумножить собственную выгоду [cf. Lakoff 1991], поскольку в одном из примеров говорится, что Сербские партии – это *маленькие предприятия с огромным действующим капиталом, где денежная компенсация безусловно играет большую роль в двусторонних переговорах относительно захвата власти* ('mala preduzeća s velikim obrtnim kapitalom i novčana satisfakcija sigurno igra veliku ulogu u njihovim međusobnim dogovorima u osvajanju vlasti'). Как отмечает один из участников исследуемого дискурса, такова реальность сербского общества, в котором *политика является наиболее выгодным бизнесом, где можно обогатиться за одну ночь и наслаждаться многими привилегиями* ('u kojem je politika shvaćena kao najrentabilniji biznis koji omogućuje bogaćenje preko noći i obilje privilegija').

В корпусе практического материала метафора ПОЛИТИКА – ЭТО БИЗНЕС представлена следующими фреймами:

- (1) ПОЛИТИКА – ЭТО РЫНОК;
- (2) ПОЛИТИКА – ЭТО ФОНДОВАЯ БИРЖА;
- (3) ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ – ЭТО ТОРГИ;

(4) ПОЛИТИКИ – ТРЕЙДЕРЫ;

(5) ГОЛОСА, ВЫИГРАННЫЕ В ВЫБОРАХ / ДЕПУТАТСКИЕ КРЕСЛА – ЭТО ТОВАР.

В погоне за наибольшей прибылью политические партии облачаются в покупателей и продавцов и выходят на *грязный политический рынок* ('prljava politička pijasa'), который работает по принципу *бартера* (e.g. два места генеральных директоров за одно в совете директоров ['ja tebi dva direktorska mesta, ti meni jedno u upravnom odboru']). Кроме того, *сербские политики выторговывают* ('srpski političari trguju') условия вступления депутатов в должность, посты министров (иногда даже *покупают* друг друга ['kupiju jedni druge']), которые в свою очередь становятся *потенциальной валютой в политической торговле* ('moćna moneta u političkoj trgovini'). Если удача на их стороне, то им даруется *скидка при оптовой продаже* ('popust na količinu'). Как в настоящем бизнесе, политики, будучи трудолюбивыми бизнесменами, тщательно оценивают и анализируют *текущие политические ресурсы* ('politička ponuda'), т. е. свои политические программы (e.g. проевропейские или поддерживающие самостоятельное экономическое развитие) и обещания, *политический спрос* ('politička tražnja'), т. е. ожидания электората относительно политических переговоров. Они также знают, что им иногда приходится что-либо продавать, чтобы найти общий язык с теми, кто находится на другой по другой сторону ('a moraju nešto i da prodaju, usaglašavajući interese s drugom stranom u trgovini'), т. е. скорректировать свою политическую программу за одну ночь. Таким образом, политические торги неумолимо превращаются в политические махинации, поскольку партии *могут торговаться с теми, кто имеет противоположные взгляды* ('jer странke mogu da trguju sa nekim ko ima potpuno suprotan program od njihovog'). При проведении сомнительных торгов, руководствуясь лишь собственными интересами, политические партии идут на необходимые уступки, чтобы некоторым из них *получить больше, чем они на самом деле заслуживают, либо им предложат то, на что они раньше не имели права, а именно количество выигранных мест или избирателей* ('dobiti mnogo više nego što realno zaslužuje i u kojoj će joj se nuditi ono što joj realno ne pripada, ni po broju osvojenih mandata ni po broju pristalica'). Следовательно, как и практичные бизнесмены, политики стремятся следовать «тактике слияния» [Martin de la Rosa 2004: 109], которая полна риска и непредсказуема, но может привести к нужному исходу событий, т. е. прибыли. Более того, нежелание вступать в сотрудничество может рассматриваться избирателями как дурной знак, а они должны привлекаться обещаниями, многие из которых будут нарушены, как только изначальная цель – максимальная власть – будет достигнута. В этой связи такие составляющие метафоры БИЗНЕСА

СА, как сотрудничество и переговоры, занимают ведущее место при описании стремления политических партий действовать в угоду избирателям.

Сила и мощь политических партий измеряется особыми акциями, оценка которых происходит на *политической фондовой бирже* ('*politička berza*'). *Акции, имеющие низкий кредитный рейтинг*, припасены для политических оппонентов, представленных как *сторона, причиняющая ущерб* для того, чтобы никто не захотел покупать их ценные бумаги (хотя такие акции очень часто приносят высокую прибыль, указанный аспект нивелируется в метафоре). *Золотыми акциями* ('*zlatna akcija*'), в свою очередь, владеют партии, чье участие необходимо для создания правящей коалиции. Ключевым в данном случае становится понятие влияния, поскольку такие акции в частично приватизированной стране дают правительству возможность обладать контрольным пакетом акций и определять ее дальнейшее развитие. За политической партией, *обладающей золотыми акциями* ('*drži zlatnu akciju*') всегда остается последнее слово в переговорах, т. е. *торгах* ('*trgovina*'). Заключение сделки только с одной партией несет угрозу провала, т. к. это означает *положить все яйца в одну корзину, не рассматривая иные способы вложения* ('*ne sva jaja u jednu korpu, nego diversifikacija*'). Такие действия, подобные тому, чтобы вложить все деньги в одну компанию, считаются *невыгодными*. С целью минимизации риска и сохранения достигнутого положения ведется торговля голосами на выборах или местами депутатов, которые могут быть проданы, куплены как и любые товары, которые нужно куда-либо вложить, т. е. происходит распределение денег по различным сферам бизнеса для уменьшения возможного риска.

Представление ПОЛИТИКИ КАК БИЗНЕСА является спорным по двум причинам. Во-первых, как показывает анализ практического материала, политические партии и сами политики мыслятся метафорически как покупатели и продавцы, где «роль гражданина несущественна», он рисуется «пассивным наблюдателем, не активным участником происходящего» [Hellsten & Renvall 1997: 41]. В одном из примеров говорится, что «нравится им (гражданам) или нет, не в их власти решать с кем вести переговоры, кому предлагать и с кого требовать» ('*Sviđalo im se ili ne ko sa kim pregovara i šta nudi, a šta traži, oni na to ne mogu da utiču*'), что доказывает сказанное выше. В результате рассматривания ПОЛИТИКИ КАК БИЗНЕСА в период поле выборов в Сербии, создается иллюзия сотрудничества между избирателями и политиками, главный мотив которых – максимальное осуществление политических целей при минимальных потерях, что метафорически мыслится как *покупка и продажа*. Во-вторых, приравнение ПОЛИТИКИ к рыночному меха-

низму, фондовой бирже, экономике бартера и т. д., что для большинства избирателей является непонятным, «может рассматриваться как отстранение от самой политики» [Hellsten & Renvall 1997: 47] и ведет к лишению метафоры ее сущности – понимать и представлять одно явление в терминах другого, которое видится более конкретным и понятным.

5. Заключение. Как показал проведенный анализ, метафоры ВОЙНЫ, СПОРТА, ЛЮБВИ и БИЗНЕСА не используются как стилистическое украшение, но являются основными когнитивными приемами, которые позволяют участникам политического дискурса открыто или завуалировано высказывать свои идеи. Для привлечения внимания избирателей и создания эффективных предвыборных программ участники первичного и вторичного дискурса отдают предпочтение когнитивной картине, складывающейся под влиянием воинственного, агрессивного характера ВОЙНЫ, боевого, конфронтационного СПОРТИВНОГО духа. Положительный и отрицательный исход выборов, действительная или воспринимаемая власть политических партий приводят к корректировке когнитивного аппарата к новым обстоятельствам, а именно перегруппировке партий. В связи с этим агрессивные метафоры предвыборного периода сменяются на мягкие, изысканные, добрые и более человечные метафоры ЛЮБВИ, появляются также метафоры БИЗНЕСА, которым свойствен твердый характер.

Выявленные метафоры имеют высокий оценочный и перцепционный потенциал и употребляются в соответствии с заключением Лакоффа о том, что «метафора определяет то, что мы замечаем, высвечивает то, что мы видим и дает нам готовые выводы, над которыми мы размышляем» [Lakoff 1991]. Метафоры, представляющие ПОЛИТИКУ КАК СПОРТ, ВОЙНУ, ЛЮБОВЬ или БИЗНЕС в сербском политическом дискурсе, функционируют как мощные приемы убеждения, которые в большей степени создают, нежели отражают общественную реальность, которая воспринимается как данность, лишённая критики и ответных действий. Указанные процессы вытекают из самой природы метафор, которая заключается в их способности акцентировать и находить оправдание одним сторонам реальности и скрывать другие. Если, согласно точке зрения Вестергарда, дискурс (особенно политический) – это «не просто способ представления внешнего мира, но и способ создания, определения и сохранения своеобразия его составляющих», то метафоризация ПОЛИТИКИ как СПОРТА, ВОЙНЫ, ЛЮБВИ и БИЗНЕСА в сербском политическом дискурсе нормативна, поскольку «выражает мнение, показывает отношение к миру с той позиции, каким он должен быть» [Vestergaard 2000: 3], что приводит к манипулированию мнением реципиентов метафор, т. е. широкой общественности.

ЛИТЕРАТУРА

- Charteris-Black J. *Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis*. – Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan, 2004.
- Chilton P., Lakoff G. *Foreign policy by metaphor // Language and Peace* [Ed. by C. Schäffner, A.I. Wenden] – Aldershot: Ashgate, 1995. P. 37-60.
- Chilton P., Ilyin M. *Metaphor in Political Discourse: The Case of the 'Common European House' // Discourse and Society*. 1993. Vol. 4(1). P. 7-31.
- Dueck C. *Gendered Germanies: The Fetters of a Metaphorical Marriage // German Life and Letters*. 2001. Vol. 54(4). P. 366-376.
- Đurović T., Silaški N. (in press). *Metaphors we vote by – the case of MARRIAGE in contemporary Serbian political discourse // Journal of Language and Politics*. 2010. Vol. 9(2).
- Fairclough N., Wodak R. *Critical Discourse Analysis // Discourse Studies* [Ed. by T. van Dijk.] – London: Sage, 1997. P. 258-284.
- Fairclough N. *Language and power*. – London: Longman, 1989.
- Hardway F. *Foul play: sports metaphors as public doublespeak // College English*. 1976. Vol. 38(1). P. 78-82.
- Hart C. *Analysing political discourse: toward a cognitive approach // Critical Discourse Studies*. 2005. Vol. 2(2). P. 189-194.
- Hellsten I., Renvall M. *Inside or outside of politics? Metaphor and paradox in journalism // Nordicom Review*. 1997. Vol. 2. P. 41-48.
- Herbeck A.D. *Three strikes and you're out: the role of sports metaphors in political discourse // Baseball and American culture* [Ed. by P. M. Rutkoff.] – Jefferson, NC: McFarland, 2000. P. 133-146.
- Howe N. *Metaphor in Contemporary American Political Discourse // Metaphor and Symbolic Activity*. 1988. Vol. 3(2). P. 87-104.
- Koller V. *Metaphor clusters in business media discourse: a social cognition approach*. Ph.D. thesis submitted at the Department of English at the University of Vienna. URL: http://www.wu.ac.at/inst/english/koller_diss.pdf – 2003.
- Kövecses Z. *Metaphor in culture. Universality and Variation*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Lakoff G. *Metaphor and War: The Metaphor System Used To Justify War in the Gulf*. URL: http://www.ac.wvu.edu/~market/semiotic/lkof_war.html – 1991.
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. – Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Lipsky R. *The athleticization of politics: the political implications of sports symbolism // Journal of Sports and Social Issues*. 1979. Vol. 3. P. 36-42.
- Low G. *Validating Metaphor Research Projects // Researching and Applying Metaphor* [Ed. by L. Cameron, G. Low.] – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 48-69.
- Martin de la Rosa V. *Language evidence of a war waged in Europe: mad cow disease // RAEL: revista electrónica de lingüística aplicada*. 2004. Vol. 3. P. 102-114. URL: dialnet.unirioja.es/servlet/fichero_articulo?codigo=1396235
- Musolff A. *Metaphor Scenarios in Public Discourse // Metaphor and Symbol*. 2006. Vol. 21(1). P. 23-38.
- Musolff A. *Metaphor and political discourse: analogical reasoning in debates about Europe*. – London: Palgrave Macmillan, 2004.
- Orwell G. *Politics and the English language*. URL: <http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/orwell46.htm> – 1946.
- Pragglejaz Group. *MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse // Metaphor and Symbol*. 2007. Vol. 22(1). P. 1-39.
- Russo P. *Berlusconi and other matters: the era of 'football-politics // Journal of Modern Italian Studies*. 2001. Vol. 5(3). P. 348-370.
- Schäffner C. *Editorial: political speeches and discourse analysis // Current Issues in Language and Society*. 1996. Vol. 3(3). P. 201-204.
- Semino E., Masci M. *Politics of football: metaphor in the discourse of Silvio Berlusconi in Italy // Discourse and Society*. 1996. Vol. 7. P. 243-69.
- Silaški N., Đurović T. *Framing politics – metaphors in Serbian political discourse*. Slavic Cognitive Linguistics Conference (SCLC-2009), Charles University, Prague, Czech Republic, 15-17 October 2009.
- Thompson S. *Politics without metaphors is like a fish without water // Metaphor: implications and applications* [Ed. by J.S. Mio, A.N. Katz] – Mahwah, NJ: Erlbaum, 1996. P. 185-201.
- Ungerer F., Schmid H. *An introduction to cognitive linguistics*. – London and New York: Longman, 1996.
- Dijk T., van. *Principles of Critical Discourse Analysis // Discourse and Society*. 1993. Vol. 4(2). P. 249-283.
- Vestergaard T. *Political discourse and the discourse of politicians // International Journal of Applied Linguistics*. 2000. Vol. 10(1). P. 3-6.
- Wei J.M. *Virtual Missiles: Metaphors and Allusions in Taiwanese Political Campaigns*. – Lanham, Maryland: Lexington Books, 2001.
- Wei J.M. *Politics is marriage and show business. A view from recent Taiwanese political discourse // New Media Language* [Ed. by J. Aitchison, D.M. Lewis.] – London: Routledge, Taylor and Francis Group, 2003. P. 126-135.
- Wodak R. *What CDA is about – a summary of its history, important concepts and developments // Methods of critical discourse analysis: introducing qualitative methods* [Ed. by R. Wodak, M. Meyer] – Thousand Oaks and New Delhi: Sage Publications, 2002. P. 1-14.
- Wodak R. *Critical linguistics and critical discourse analysis // Handbook of pragmatics* [Ed. by J. Verschueren, J.O. Östman] – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2006. P. 1-24.

© Дурович Т., Силаски Н., 2010

Карасик В.И.
Волгоград, Россия

ЭМБЛЕМАТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ
«БЛАГОПОЛУЧИЕ»

УДК 49:008
ББК 81.871:71

Аннотация. Рассматривается концепт «благополучие», обозначающий спокойную гармонию в жизни и имеющий идеологически маркированные ассоциации в религиозном либо революционно-романтическом дискурсе.

Ключевые слова: концепт, советская эпоха, религиозный дискурс, революционно-романтический дискурс, ответственность, общественное благо, личное благо.

Сведения об авторе: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии.

Место работы: Волгоградский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 400005, г. Волгоград, пр. Ленина, д. 32, кв. 55.
E-mail: vkarasik@yandex.ru.

Karasik V.I.
Volgograd, Russia

AN EMBLEMATIC CONCEPT
“WELL-BEING”

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. The concept of well-being is analyzed. It means a quiet harmony in life and has ideologically charged associations in religious or romantic revolutionary discourse.

Key words: concept, the Soviet epoch, religious discourse, romantic revolutionary discourse, common values, personal values.

About the author: Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of English Philology.

Place of employment: Volgograd State Pedagogical University.

Лингвокультурные концепты – сложные ментальные образования, фиксирующие кванты переживаемого опыта – могут рассматриваться с различных позиций. С позиций аксиологической лингвистики на первый план выходит ценностная составляющая концептов, с позиций когнитивной лингвистики значимым оказывается соотношение понятийного и образного содержания того или иного ментального образования, с позиций интерпретативной лингвистики в центре внимания исследователя находится различие между коллективным и индивидуально-авторским осмыслением концепта, с позиций социолингвистики нас интересует специфическое осмысление действительности в сознании представителей определенной социальной группы (Воркачев, 2007; Демьянков, 2007; Карасик, 2004; Красавский, 2008; Пименова, 2004; Слышкин, 2004; Степанов, 1997; Стернин, 2008; Шмелев, 2002). Эти подходы взаимодополнительны.

В данной работе рассматривается концепт «благополучие» в русском языковом сознании и коммуникативном поведении. Предполагается, что этот концепт имеет социально-групповую специфику, т.е. по-разному осмысливается представителями различных коммуникативных сообществ, и отношение к благополучию является одним из признаков самоидентификации этих сообществ. Самоидентификация выражается в виде однозначно интерпретируемых и моментально осознаваемых эмблем: например, кто-либо позиционирует себя как взрослого интеллигентного человека, либо представителя артистической богемы, либо революционного романтика и т.д. Такое позиционирование, по справедливому замечанию Е.Д. Поливанова (1968), в значительной мере помимовольно, т.е. не зависит от намерения человека, а выражается как следствие важнейших смысложизнен-

ных установок, но вместе с тем включает и элементы сознательного конструирования своего образа.

Содержательный минимум рассматриваемого концепта определяется по данным толковых словарей следующим образом:

Благополучие 1. Спокойное и счастливое состояние, существование; жизнь в достатке. *Семейное благополучие. Материальное благополучие. Желаю Вам всякого благополучия (пожелание при прощании, поздравлении и т.п.).* 2. Нормальное, без каких-л. нежелательных явлений состояние чего-л. *Благополучие лесов (БТС). Спокойное течение жизни, не нарушаемое несчастьями, неудачами. Благополучие их семьи длилось не долго.* || Довольство, материальная обеспеченность. *Многие думают только о своем благополучии (Ушаков).* *Благоденствие, благосостояние, счастье, желанное состояние, душевное приволье, удовольствие. Донесения о благополучии – вообще все срочные донесения, не содержащие ничего, кроме известия, что все обстоит благополучно (Даль).* 1. Спокойное – без неудач и потрясений – течение дел, жизни. // Материальная обеспеченность, достаток. // Счастье в любви, в семейной жизни. 2. разг. Обычное – без отклонений от нормы или нежелательных явлений – состояние кого-л. (Ефремова). 1. Человека называют благополучным, если он имеет хорошую работу, достаточное денег и у него вообще нет проблем в жизни. *Вырасти в благополучной семье. Она бросила своего благополучного мужа.* 2. Благополучным называют то, что включает в себе спокойствие и довольство. *Благополучная страна. У них вполне благополучный брак. Жизнь казалась такой благополучной и удачливой.* 3. Благополучным называют то, что является удачным, успешным. *Шансов на благополучный исход у меня было*

немного. Мы надеялись на благополучное возвращение. 4. Благополучным называют то, что не вызывает тревоги и опасений. *Благополучное развитие событий. Экологическая обстановка в этом районе благополучна* (Дмитриев).

Приведенные дефиниции дают возможность выделить в содержании рассматриваемого концепта следующие признаки: 1) состояние человека, 2) спокойствие, 3) счастье, удовольствие, 4) отсутствие нежелательных явлений, 5) материальная обеспеченность. Словарные иллюстрации конкретизируют признаки благополучия: акцентируется семейное благополучие, подчеркивается быстротечность и кажимость благополучия, говорится о противопоставлении личного и общественного благополучия.

Внутренняя форма имени концепта прозрачна: это получение блага. Следует отметить, что из 70 слов с компонентом «благо», зафиксированных в современном толковом словаре, подавляющее большинство единиц является устаревшим, многие слова относятся к религиозному дискурсу (*благовест, благодать, благодеяние, благословение, благочиние*).

Рассматривая различные концепции счастья, С.Г. Воркачев противопоставляет два понимания этого состояния: отсутствие зла либо отсутствие скуки (Воркачев, 2004, с.76). Благополучие в этой связи представляет собой проявление спокойного счастья. Отмечено, что пассионарное счастье свойственно юным, с годами же человек приходит к осознанию ценности счастья как покоя.

Понятийные характеристики благополучия показывают определенную динамику в осмыслении этого концепта: в словаре В.И. Даля благополучие объясняется как душевное состояние, как счастье, в то время как в современных лексикографических справочниках на первый план выдвигаются материальный достаток и хорошая работа. Иначе говоря, наши современники под благополучием понимают объективные признаки жизни, тем самым противопоставляя взгляд на жизнь со стороны и изнутри.

Слово «благополучие» соотносится с близкими по значению лексическими единицами «благоденствие» (полное благополучие), «процветание» (успешное развитие, состояние подъема, расцвета), «преуспевание» (достижение успеха в чем-л.), «успех» (положительный результат, удачное завершение чего-л.; общественное признание, одобрение чьи-л. достижений). Успех является условием благополучия, как правило, люди прилагают усилия для достижения успеха. Процветание и преуспевание относятся к деловой, профессиональной стороне жизни, в то время как благополучие характеризует главным образом личную сферу повседневного бытия. Благоденствие выступает как интенсив по отношению к благополучию и в наши дни чаще звучит иронически.

Обратимся к образно-перцептивным и ценностным характеристикам рассматриваемого

концепта. В содержании регулятивных концептов, к которым относится и ментальное образование «благополучие», образные и ценностные характеристики неразрывно связаны между собой. В качестве источников использовалась текстовая база данных «Библиотека лексикографа» (сост. А.А. Бурыкин, ИЛИ РАН). Для выявления таких характеристик рассматриваются сочетаемостные особенности имени анализируемого концепта. Итак, каким бывает благополучие?

В широком смысле благополучие есть положительно оцениваемое состояние человека или общества:

Согласно определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), здоровье – это «состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие болезни» (А. Зубаирова).

Не случайно в текстах XIX века это слово во многом совпадало по своей семантике со словом «счастье»:

Иной педагог весьма благополучно протянет век свой с наивным «не рассуждать», а для ученика, может быть, вся задача жизни заключается именно в том, чтоб рассуждать – здесь его спасение и благополучие (Н. Лесков).

Внутренняя форма слова четко проявляется в его осмыслении:

Научные же, технические успехи есть дело возраста, и цивилизованные люди столь же мало в своем благополучии превосходят нецивилизованных, сколько взрослый человек превосходит в своем благополучии не взрослого. Благо только от увеличения любви (Л. Толстой).

Такое целостное понимание концепта «благополучие» соответствует английскому концепту «well-being».

В более узком понимании благополучие имеет определения «земное», «человеческое», «житийское»:

А расстаться с житейским благополучием для него было не так просто... (К. Бадигин).

К благополучию привыкают. Оно пронизывает всю повседневную жизнь, и его отсутствие остро ощущается. Вместе с тем благополучие имеет для человека значимость здесь и сейчас, оно конкретно и осязаемо:

Наш Базаров также, конечно, был неопровержимо логичен, когда отказывался служить интересам мужика, и высказывал полнейшее равнодушие к тому человеческому благополучию, которое должно наступить, когда из него, Базарова, «будет лопух расти» (С. Франк).

Для персонажа из известного произведения И.С. Тургенева значимы только смысложизненные цели, и он пренебрежительно относится к повседневности, тем более – к повседневности грядущей.

Четкое противопоставление благополучия и высших ценностей прослеживается в религиозном дискурсе:

Для каждого из нас настанет, в конце концов, последний смертный час, и всякое земное благополучие исчезнет, как пар, как дым, но это будет не «конец всему», а только начало новой жизни – в вечности (Аверкий Архиепископ).

В приведенном высказывании построен контраст между земным благополучием и вечностью, и в таком контрасте благополучие становится суетным и быстротекущим обманом, похожим на исчезающий пар или дым (традиционное сравнение жизни с паром изо рта восходит к известному образу в «Экклезиасте»).

Целостное понимание благополучия подразумевает осознание его мимолетности:

Рассеянные кое-где проклятия по адресу большевиков да идиллические воспоминания об утраченном благополучии не могли образовать новый, соответствующий событиям идейный состав их писаний (В. Ходасевич).

Русские эмигранты с тоской вспоминали о старой жизни. Отметим, что это были люди, потерявшие как материальный достаток и высокий социальный статус, так и душевный комфорт.

Важным признаком благополучия является осознание необходимости прилагать усилия для его обеспечения:

Дрянненький студент Трофимов красноречиво говорит о необходимости работать и – бездельничает, от скуки развлекаясь глупым издевательством над Варей, работающей не покладая рук для благополучия бездельников (М. Горький).

Такие усилия могут быть и напрасными, особенно если они прилагаются для недостойных людей.

Осмысление благополучия часто конкретизируется с семейной жизнью. Речь идет о благополучии семьи и детей:

Выброшенный за борт, ценой невероятных усилий, человек сильной воли и могучей энергии, Раевский без всякой посторонней поддержки сумел устроить свое материальное благополучие, обзавелся семьей и поставил на ноги детей (П. Щеголев).

В приведенном примере подчеркивается идея неблагоприятных обстоятельств, вопреки которым человек строит свое благополучие и благополучие своих близких.

Возрастной признак актуален при описании благополучия:

Молодой богатырь, творя новую жизнь, задевает своими мускулистыми руками чужое ветхое благополучие (М. Горький).

Эмблематическое противопоставление молодого и сильного, но бедного героя и слабого и богатого старика часто использовалось в идеологической революционной практике.

Внешним проявлением благополучия является здоровье:

Сам Брусничкин ходил свеженький как огурчик – чистенький, прилизанный, блестел большим квадратным лбом, розовые щеки его дышали здоровьем и благополучием, чисто выбритый круглый массивный подбородок отдавал хорошим одеколоном (И. Шевцов).

В приведенном примере благополучие героя показано в виде сочетания нескольких признаков – крепкое здоровье, чистая одежда, свежее выбритые щеки, хороший одеколон. Видно, что герой не симпатичен автору – об этом говорят слово «прилизанный», прилагательные с уменьшительными суффиксами «свеженький», «чистенький», такая деталь внешности, как круглый массивный подбородок. По-видимому, автор позиционирует себя как болезненного, не очень опрятного и не очень обеспеченного человека.

Внешними признаками благополучия являются хорошая одежда и особые манеры, свойственные успешным людям:

В общем, не знаю уж – увы или ура, но Саня – уже не прежний московский бич с галошей на одной ноге и с кедой на другой. Вместо «Яростной Гитары» на плечах у него твидовые пиджаки, на ступнях английские туфли, курит всегда что-то душистое, пилотирует BMW. Что больше повлияло – возраст или благополучие, но изменился Саня разительно, стал мрачноват, немногословен, похож теперь на выездного режиссера с Мосфильма, даже некоторое появилось высокомерие (В. Аксенов).

В ироничном портрете персонажа контрастируют галоши и кеды, с одной стороны, и английские туфли, с другой, гитара за спиной и дорогой твидовый пиджак, характерный вид божественного певца и солидная внешность бизнесмена. В списке эмблем значимы также марка дорогой автомашины, трубка с дорогим табаком, немногословие, свидетельствующее о том, что человек привык к внимательным слушателям.

Типичным определением благополучия выступает финансовый статус человека:

Сервировка стола зависела от материального благополучия хозяев (С. Васильев).

В связке с материальным статусом индивида идут его карьера и положение на социальной лестнице:

Меньше всего интересовало его материальное благополучие, положение, карьера (Ю. Тынянов).

Отметим, что пренебрежение этими эмблематическими признаками успешного человека свойственно тем, кто позиционирует себя как явного или скрытого оппонента истеблишменту, как изгоя.

Внешним показателем благополучия является сытость:

Вот Интендант. Так прозвали мы благоухающего сытостью и благополучием толстого полковника с чиновничьими погонами.

Он целый день или лежал, блестя своей лысиной, на высокой постели, прекрасно устроенной на чемоданах, или с наслаждением ел бесконечное количество всяких закусок, которые вез с собой (П. Бобровский).

Образ благополучного человека карикатурно показан в виде лысого толстяка, который лежит в постели и постоянно ест всякую вкусную снедь. Такой имидж закономерно возникает в сознании бедных и голодных людей:

...на фоне недоедания и обнищания большинства населения особенно бросались в глаза сытость и благополучие богатых классов (Э. Пиккио).

Благополучие в его внешних эмблемах является, как можно видеть, объектом критики обездоленных слоев общества.

Важным является противопоставление личного и общественного блага:

В этом коренное отличие нашей интеллигенции от западной, где забота о личном благополучии является общепризнанной нормой, чем-то таким, что разумеется само собою. У нас она – цинизм, который терпят по необходимости, но которого никто не вздумает оправдывать принципиально (М. Гершензон).

Благополучие выступает как базовый признак индивидуалистского образа жизни. Несмотря на то, что в России забота о собственном благополучии всегда являлась одной из витальных ценностей, считается, что демонстрировать эту заботу некрасиво, следует заботиться о других – прежде всего о своей стране, о народе, о деле, которому ты служишь, в меньшей мере о своей семье и в последнюю очередь – о себе.

В публицистике общим местом является противопоставление личного благополучия и душевного комфорта:

И как бы хорошо ни было житейски с неслыханным числом сортов колбас и розовым унитазом, но тех, кому Родина не слово, а целое понятие, для кого личное благополучие не самое главное и нет ненависти к родной стране – этих тянет домой неудержимо. Поэтому комфортно чувствуем себя лишь в нашем общем, пусть даже со съехавшей крышей, доме (Ю. Шуров).

Автор саркастически сводит западное благополучие к гастрономическому раю и чистому отхожему месту. Следует заметить, что в современной России исчезло понятие продовольственного дефицита, набор товаров в супермаркетах практически не отличается от соответствующих западных магазинов, а качественный санитарный фаянс доступен всем. При этом публицист честно отмечает, что важным признаком родного дома является съехавшая крыша, этот метафорический образ выступает в качестве эмблемы своего места. Журналисты и другие граждане нашей страны не раз ехидно констатировали, путешествуя за границей, что и там встречаются облупленные здания, гряз-

ные подъезды, замусоренные пляжи. Разница, как представляется, состоит в поддержании личного пространства в благополучии, и здесь уже речь можно вести о границах такого пространства у наших соотечественников и их западных современников.

Для романтиков важно противопоставить низкое благополучие и возвышенное счастье:

Когда я кончил бюст, Байрон мельком взглянул на него и сказал: «Вы сделали не меня, а благополучного человека. На вашем бюсте я не похож». – «Что же дурного, если человек счастлив?» – спросил я. «Торвальдсен, – сказал он, и лицо его побледнело от гнева, – счастье и благополучие так же различны, как мрамор и глина. Только глупцы или люди с низкой душой могут искать благополучия в наш век. Неужели на моем лице нет ни одной черты, говорящей о горечи, мужестве и страданиях мысли?» (К. Паустовский).

Счастье для романтического героя связано с борьбой и трагедией, в то время как благополучие – это размеренная спокойная жизнь. Эстетические эмблемы «мрамор» и «глина» подчеркивают красоту трагического счастья (вспомним, из мрамора делались храмы, статуи и надгробья) и обыденную неприязнительность глины (всем знакома жидкая и скользкая глина на дороге, и не случайно в библейской легенде акцентируется символически низкий исходный материал, из которого был создан Адам).

Идея контраста счастья и благополучия логически приводит к неизбежности жертвы, которую нужно принести ради счастья. Такой жертвой оказывается благополучие:

Отношение к истине в науке сродни отношению к истине Откровения в Средние века. И даже если сейчас жар этого отношения несколько поулег (и совсем не предсудительно не умирать за научную истину), то тем не менее истина – то, чему стоит приносить в жертву свое житейское благополучие, славу, успех, здоровье и т.п. (Т. Кузьмина).

Житейское благополучие идет первым в списке жертвоприношений. Программная установка на отсутствие благополучия выражена в строке из бардовской песни Ю. Кукина: «И неустроенность им заменяет уют».

Такая установка на жертву поддерживается длительной практикой выживания в критических условиях:

Народ чувствовал себя в истории, что он совершает историческое действие, что он при чем-то великом присутствует... Подобное чувство он испытывал еще только в войну... А что вы ему дадите? Сытую жизнь? Благополучие? Они никогда не будут для нас конечной целью. Другой замес. Нам нужен трагический идеал (С. Алексиевич).

Совершая подвиг и принося себя в жертву, люди ощущают великое счастье, которое несопоставимо с тихими радостями повседневной спокойной жизни.

Благополучие проявляется как упорядоченная, предсказуемая жизнь:

В доме у Блока был порядок, размеренность и внешнее благополучие. Правда, благополучия подлинного и здесь не было, но он дорожил его видимостью (Г. Чулков).

По мнению автора, Александр Блок при всей его внутренней трагичности ценил внешнюю обустроенность жизни. Этот тезис нуждается в уточнении. Ошибочно считать, что великим людям не нужны достойные условия для повседневной жизни. Трагедийность жизни не сводится к материальным лишениям. Для творчества не требуется аскеза. Но люди, лишенные творческого начала, считают благополучие смыслом и целью жизни, а люди творческие относятся к благополучию как к необходимой или желательной норме повседневности, четко противопоставляя свою миссию и свое физическое «Я». Трагедией для них является утрата вдохновения, понимание мгновенности бытия, осознание неизбежного исчезновения.

Революционное сознание требует подвигов как ежедневной нормы жизни, такая позиция разделяется не всеми:

В 1946 году один рабочий, проживавший в «Железном Миргороде», или, говоря точнее, в Детройте, сказал мне: «Почему вы все время говорите об американских капиталистах, о монополиях, об эксплуатации? Вы думаете, мы не знаем этого? Знаем. Но нам с нашими капиталистами живется лучше, чем вам без капиталистов...» Отсутствие классового сознания? Конечно. Но не только это – другое отношение к жизни, культ благополучия, страх перед подвигом, перед жертвами, перед неизвестностью (И. Эренбург).

Известный советский публицист фиксирует главную отличительную черту западного образа жизни: нацеленность на жизнь здесь и сейчас. Трезвый здравый смысл подсказывает американскому собеседнику нашего автора, что минусы капиталистической эксплуатации менее значимы, чем издержки социалистического государства с его неизбежным переносом смысла жизни на день грядущий, а не сегодняшний.

Благополучие выступает как идеологическая эмблема чужого образа жизни:

Воображаемый Запад придаёт смысл заложенному в миф «псевдоразвитию», как будто указывая направление движения («технологический прогресс», «цивилизованный быт», «потребительское благополучие») (Б. Дугин).

Автор использует кавычки, один из любимых знаков препинания тоталитарной эпохи, по В. Клемпереру, с язвительным цитированием таких концептов, как «прогресс», «цивилизованность», «благополучие» (по мнению автора, это спорные ценности, навязываемые миру Западом).

Весьма распространенной характеристикой благополучия выступает его кажимость, мнимость:

Современный мир представлен здесь в виде прекрасно оборудованного, комфортабельного парохода, пассажирами и командой которого, несмотря на видимость полного благополучия, овладевает беспокойство и страх – им кажется, что в трюме корабля скрыт труп: это означает, по поверьям моряков, неизбежность крушения судна (В. Адмони).

Отметим, что внешне благополучный мир выглядит очень красиво, но его обитателям в этом мире дискомфортно. Образ скрытого трупа на корабле символизирует неизбежность крушения судна. Соответственно, возникает устойчивая связь: внешнее благополучие есть признак неизбежной будущей трагедии. Такая связь представляет собой идеологическую установку автора.

Специфической характеристикой внешнего благополучия является его подчеркнуто поверхностная и показная сущность:

Что нужно деканату? Казенное благополучие. Чтобы процент хороших и отличных оценок неуклонно возрастал от сессии к сессии, а процент двоек падал (И. Грекова).

Когда говорят о казенном благополучии, то подразумевается, что на самом деле чиновники проявляют полное равнодушие к действительному положению дел, благополучие для них – это правильный, ожидаемый начальством рапорт, и что внешнее благополучие свидетельствует о кризисе и проблемах общества и организации. Эта идея очень глубоко укоренилась в сознании носителей русской культуры. Вспомним о «потемкинских деревнях» в царской России, о «полировке действительности» в отчетах местных руководителей, о штампах «законная гордость» и «глубокое удовлетворение» времен застоя (семидесятые годы в Советском Союзе). Это отношение точно выражено в ироничной песенке Булата Окуджавы:

Римская империя времени упадка сохраняла видимость твердого порядка: Цезарь был на месте, соратники рядом, жизнь была прекрасна, судя по докладом.

Иначе говоря, «благополучный» значит «фальшивый».

Если благополучие выступает эмблемой для определенного человека, то он стремится эту эмблему отчетливо продемонстрировать:

– Ну, покажи же нам свою квартиру, – подтолкнул Клинков Подходцева. – Я думаю, изнываешь от желания похвастаться благополучием... (А. Аверченко).

Герой хвастается своим благополучием, если чувствует, что это – его отличительный признак. Так, например, в наши дни вряд ли кто-то будет гордиться или хвастаться тем, что имеет компьютер или мобильный телефон.

Концентрированным обозначением приземленного бытового благополучия в советское время было слово «мещанство»:

И вдруг в эту атмосферу мещанского благополучия словно камень бросили в стоя-

чую воду, – в театре появилась Яворская (Т. Щепкина-Куперник).

Актриса сравнивает мещанское благополучие с болотом, со стоячей водой. Изначально слово «мещанство» обозначало «податное сословие из мелких городских торговцев, ремесленников, низших служащих, домовладельцев и т.п. В отличие от купцов, мещане платили подушную подать, могли подвергаться телесным наказаниям, рекрутской повинности. Принадлежность к мещанству наследовалась, при этом разбогатевшие (приобретшие капитал более 500 рублей) мещане могли свободно переходить в купечество, а купцы, разоряясь, становились мещанами» (БТС). Но постепенно этим словом стали называть поведение и образ жизни людей с мелкими, ограниченными интересами, узким кругозором. В центре критической оценки находится отсутствие общественного кругозора. Эмблемами мещанского благополучия были абажуры, кровати с перинами и множеством подушек, аляповатые безвкусные картины на стенах, гипсовые слоники на этажерках, канарейка в клетке. Приведу развернутое описание мещанского быта:

И дело тут, конечно, не в канарейках, кокетливо чирикающих в клетках, не в герани на окнах и не в других привычных атрибутах уютного квартирного мирка. Губительна для молодой души хлопотливая, самоуверенная пошлость, которая неизбежно ведет к тому, что человек отгораживается от всего мира тюлевыми занавесочками, геранью, патефоном, глухой стеной с крымскими видиками в ракушечных рамочках, бумажными веерами, целым стадом гипсовых слоников (якобы оберегающих домашнее счастье), бамбуковыми ширмочками, тряпичными ковриками, подушечками, всеми этими безвкусными вещами, как будто бы создающими комфорт, а на самом деле пыльным хламом, любезным только для клопов. Страшно то, что такие люди начинают думать, будто в этом отгороженном, тесном, непривлекательном мирочке истинный центр вселенной. А что там, снаружи, за окнами – пропади хоть все пропадом... Так этот жалкий вкус, страшящийся любого дуновения свежего ветра, ревниво оберегающий «милый» покой, начинает определять и образ жизни и все мироощущение человека (Л. Кассиль).

Критическая оценка благополучия в его эмблематических мещанских проявлениях (заполненное безделушками маленькое пространство, уютная клетка, знаки обеспеченности – занавесочки, герань, коврики, патефон) дается людьми, для которых существуют высшие ценности – произведения высокого искусства, социальные идеалы, борьба за светлое будущее человечества. Значимы в этом примере уменьшительные формы слов: подлинный мир противопоставлен мещанскому миру.

Отметим, что дурной вкус часто был атрибутом купеческого образа жизни, и здесь жест-

кая критика мещанства является наследием презрения к ближайшим социальным типажам со стороны разночинной интеллигенции.

Таким образом, сочетаемость характеристики слова «благополучие» свидетельствуют о том, что концепт, фиксируемый в этом слове, является идеологически маркированным. Такая маркированность появилась в содержании этого концепта тогда, когда возникла необходимость противопоставить ценности богатых и бедных. С точки зрения бедных, релевантным является противопоставление благополучия и счастья, при этом благополучие выступает как антипод спасения души (религиозное основание) и коллективного блага (классовое основание), благополучие часто является мнимым, свидетельствует о дурном вкусе, и оно должно быть принесено в жертву великой идее. Для бедных, постоянно испытывавших голод в прежнюю эпоху, важнейшим эмблематическим признаком благополучия являлась сытость. Благополучие – это эмблема западного потребительского общества, знак чужих в Советском Союзе. Официальная советская идеология утверждала романтическое отношение к жизни, и стремление к благополучию рассматривалось как бездуховность. В современной публицистике отрицательная оценка благополучия прослеживается в публикациях тех авторов, которые считают порочной рыночную модель общества.

Для определения современного понимания благополучия в России (лето 2010 г.) был проведен опрос информантов, которым было предложено написать короткое сочинение на тему «Когда я думаю о благополучии, я представляю себе...». Приведу типичные короткие сочинения.

Когда я думаю о благополучии, я представляю себе...

...Семью за столом. Все рады видеть друг друга, тихо беседуют, улыбаются. Вечер. В углу негромко работает телевизор. Особенно счастлива бабушка. Она молча переводит глаза с внуков на детей и улыбается. Двое подростков что-то увлеченно друг другу рассказывают. Видно, как им всем хорошо вместе.

...Хорошо одетого мужчину, который вышел из дорогого автомобиля и идет в свой дом. Этому человеку, наверно, около 40 лет. Он вернулся домой. Большой двухэтажный дом ярко освещен, за окнами мелькают силуэты людей. Слышится детский смех. К мужчине с лаем подбегает породистая собака, радуясь приходу хозяина.

...Пожилых туристов, мужа и жену, которые идут, взявшись за руки, по Парижу. Они приехали издалека, давно хотели здесь побывать. Они смотрят на город сияющими глазами. Они хорошо одеты. Жена что-то говорит мужу, он улыбается и кивает. Они с удовольствием проводят свой отпуск вдвоем.

...Веселую компанию на берегу реки. Они готовят шашлык. Это несколько человек, наверно, две или три семьи. Под деревьями в тени стоят автомобили. Дети весело бегают по песку.

В ответах всех респондентов называлась семья, часто указывался загородный дом, члены семьи собирались в своем саду, проводили вместе досуг. Таким образом, благополучие ассоциируется с домом, теплыми отношениями между близкими людьми, совместным проведением досуга. Критических оценок благополучия не было высказано. Интересно, что никто из респондентов не поставил на первое место материальный достаток. Идея материальной обеспеченности является пресуппозицией по отношению к концепту «благополучие», т.е. подразумевается, но не акцентируется. Благополучие проявляется в улыбках, часто в совместной трапезе. В «Русском ассоциативном словаре» приводятся данные от реакции к стимулу применительно к рассматриваемому концепту – *материальный (3), достаток, удобства (2), деньги, иметь, машина, надежность, ошибка, сделка, семья, создавать, стипендия, стремление (1)*. Эти данные свидетельствуют, что благополучие в современном языковом сознании в целом оценивается положительно (единственным косвенным доводом в пользу неоднозначной оценки благополучия является единичная реакция «сделка», т.е. благополучие как результат коммерческой операции, которая гипотетически допускает нечестность по отношению к партнеру).

Резюмирую.

Лингвокультурный концепт «благополучие» представляет собой сложное ментальное образование регулятивного типа. Его содержательный минимум стабилен и включает признаки удовлетворенности, спокойной гармоничной жизни, взаимопонимания с близкими людьми и материального достатка. Его ассоциативные признаки вариативны и характеризуются идеологической маркированностью, имеющей религиозную и политическую окраску. В религиозном плане благополучие – это нацеленность на обретение блага для души, а не для тела, в политическом плане – это эмблематическая самоидентификация романтических коллективистов, презирующих благополучие как индивидуалистское и материально-потребительское отношение к жизни. В современной российской коммуникативной практике благополучие оценивается как безусловное благо, как одно из условий счастья. Критическое отношение к благополучию высказывается только в оппозиционном российском публицистическом дискурсе,

участники которого отрицательно относятся к ценностям западной цивилизации, сориентированной на максимальное удовлетворение материальных потребностей людей.

ЛИТЕРАТУРА

Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.

Воркачев С.Г. Наполнение концептосферы // Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. С. 8-93.

Демьянков В.З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. М.-Калуга: Эйдос, 2007. С.26-33.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. М.: Гнозис, 2008. 374 с.

Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: Графика, 2004. 386 с.

Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Стернин И.А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. Вып. 1. / Науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2008. С. 8-20.

Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

Лексикографические и текстовые источники

Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. (БТС).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Терра, 1994.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: Ок. 160 000 слов. М.: АСТ; Астрель, 2006.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: Астрель, АСТ, 2002. (РАС).

Толковый словарь русского языка: В 3 т. / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Вече, Мир книги, 2001. (Ушаков).

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. М.: Астрель; АСТ, 2003. (Дмитриев).

Электронная текстовая база данных «Библиотека лексикографа» (сост. А.А. Бурыкин, ИЛИ РАН).

© Карасик В.И., 2010

Милостивая А.И.
Серебрякова С.В.
Ставрополь, Россия

Milostivaya A. I.
Serebryakova S. V.
Stavropol, Russia

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ДИССИМЕТРИИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

THE IDEOLOGICAL POTENTIAL
OF DISSYMMETRY
IN THE POLITICAL NARRATIVE

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

ГЧНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19, 10.02.04

Аннотация. Статья посвящена прагматическому анализу идеологического потенциала политического нарратива «Российско-украинский газовый кризис», осуществляемому при помощи традиционного для современных лингвосинергетических исследований метода сопоставления симметрии и диссимметрии элементов интерпретируемой сложной системы.

Abstract. The article is devoted to pragmasyntactic analysis of the ideological potential of the political narrative "Russian-Ukrainian gas crisis", carried out by means of traditional for the modern linguosynergic researches of symmetry and dissymmetry comparison method of complicated interpreted system elements.

Ключевые слова: идеологическая модальность, политический нарратив, симметрия, внешняя диссимметрия, внутренняя диссимметрия, коммуникативная стратегия, континуум политической речи

Key words: ideological modality, political narrative, symmetry, external dissymmetry, internal dissymmetry, communicative strategy, continuum of political speech

Сведения об авторе: Милостивая Александра Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода

About the author: Milostivaya Aleksandra Ivanovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Theory and Practice of Translation.

Место работы: Ставропольский государственный университет

Place of employment: Stavropol State University.

Контактная информация: 355042, г. Ставрополь, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 57, корп. 1, кв. 13.
e-mail: k-translat@mail.ru, k-translat@bk.ru.

Сведения об авторе: Серебрякова Светлана Васильевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода.

About the author: Serebryakova Svetlana Vassilievna, Doctor of Philology; Head of the Chair of Theory and Practice of Translation.

Место работы: Ставропольский государственный университет

Place of employment: Stavropol State University.

Контактная информация: 355035, г. Ставрополь, ул. Ленина, д. 246, кв. 57.
e-mail: svetla.na@mail.ru.

Современная лингвистическая наука полипарадигмальна, что вполне закономерно, т.к. «плюралистическая природа мира отрицает монополию на интерпретацию научного объекта» [Герман 1999: 101]. В подобных условиях презумпцией актуальной организации лингвистического исследования является принцип дополнительности, реализуемый в практической деятельности языковеда, прежде всего, посредством конвергенции прагматического и синергетического подходов к описанию языка, речи или текста, т.е. тех феноменов, в структуре и ткани которых воедино сплетены как социальные, так и природные моменты.

Изучение медиатекстов – не исключение из описанной выше интегративной модели современного лингвистического знания. В его рамках, как представляется, также возможен комплексный прагматический анализ объекта исследования. При этом особое значение в современных условиях приобретает рассмотрение идеологического компонента медиатекстов, что обусловлено, в первую очередь, возрастанием роли СМИ и созданием информационного общества, где «когнитивное освоение реальности во многом зависит от тех версий и интерпретаций, которые производятся и распростра-

няются по каналам массовой коммуникации» [Добросклонская 2005: 192]. Идеологический компонент медиатекста в нашем исследовании связывается с совокупностью «идей, взглядов, системы ценностей и социальных отношений, присущих тому или иному обществу или общественной группе» [Добросклонская 2005: 192]. Таким образом, идеология трактуется нами в соответствии с отечественной традицией как понятие, лишенное негативных стилистических коннотаций [Тер-Минасова 2000: 194-195].

Целью данной статьи является прагматический анализ идеологического потенциала политического нарратива «Российско-украинский газовый кризис», осуществляемый при помощи традиционного для современных лингвосинергетических исследований метода сопоставления симметрии и диссимметрии элементов интерпретируемой сложной системы. Российско-украинский спор по вопросам газовых поставок – это одна из актуальных реалий современности, характеризующих общественно-политические и социально-экономические отношения между двумя государствами. Данный спор имеет давнюю историю, за последние пять лет он неоднократно то затухал, то разгорался с новой силой. Достиг своего апо-

гея данный конфликт, однако, в декабре 2008-январе 2009 г. События именно этого периода подробно освещались на страницах крупнейших российских и немецких газет. Были рассмотрены такие ведущие надрегиональные качественные российские периодические издания, как «Известия», «Российская газета», «Труд». Среди немецких СМИ в поле нашего зрения попали аналогичные по ареалу и социально-функциональному статусу газеты «Frankfurter Rundschau», «Süddeutsche Zeitung», «Frankfurter Allgemeine». Объем выборки составил 395 русских статей и 164 немецких статьи. Подобные количественные расхождения обусловлены различной новостной ценностью описываемого в текстовом пространстве политического нарратива события для представителей российской и немецкой лингвокультур: в то время как в отечественном социуме российско-украинский газовый кризис является пиком напряженности в отношениях с братским народом и традиционным торговым партнером, для немцев он был лишь средством реализации своих геополитических интересов в Восточной Европе, представляя довольно незначительную угрозу их энергетической безопасности.

Исходной точкой для размышлений об идеологическом потенциале диссимметрии элементов в текстах масс-медиа служит понятие «политический нарратив». Под политическим нарративом в данной статье понимается «совокупность политических текстов разных жанров..., сконцентрированных вокруг определенного политического события» [Чудинов 2006: 77-78]. Нарратив предстает как некий «сверхтекст», соединяющий в своей структуре и ткани кванты, информации о конкретном социально релевантном событии. Таким образом, описание какого-либо политического события в большинстве случаев не ограничивается рамками отдельной статьи, которая являет собой, скорее, «кадр» коммуникативного процесса. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что политический нарратив обладает континуальной природой, которая и позволяет выделять в его структуре и ткани элементы различной симметричной природы.

Перед тем как перейти к намеченному выше анализу, определимся с тем, какое содержание мы будем вкладывать в ключевые с позиции данного исследования понятия «симметрия», «асимметрия» и «диссимметрия». Долгое время соотношение симметрии и асимметрии было прерогативой естественных наук, в которых симметрия традиционно означает «сохранение признаков П объектов О относительно изменений И» [Урманцев 1974: 194]. Итак, наиболее важными составляющими симметрии при таком подходе являются сохранение, изменение, а также определенная связь между данными параметрами. Асимметрия же характеризуется как противоположность симметрии, т.е. «категория,

обозначающая несохранение признаков П объектов О относительно изменений И» [Урманцев 1974: 195]. Таким образом, симметрия и асимметрия – это знаковые понятия современной теоретико-лингвистической картины мира, позволяющие осмыслить феномен языка, текста, текстовой коммуникации (одной из форм которой является политический нарратив. – С.С., А.М.) как материально-идеальных объектов.

Симметрия ассоциируется нами со статикой, упорядоченностью, референциальной персональной и пространственно-временной тождественностью, а следовательно, аксиологической нейтральностью передаваемого посредством текста сообщения. Вот примеры симметричного построения текстового фрагмента, эксплицирующие описанные выше параметры: **Laut russischer Darstellung hat die Ukraine die vier Transitleitungen gekappt, was eine Versorgung Westeuropas unmöglich mache. Aus der Ukraine heißt es dagegen, Russland habe seine Lieferungen komplett gestoppt** (Frankfurter Rundschau 08.01.2009); **Die Regierung in Moskau bezichtigt Kiew der Erpressung und des Diebstahls, Kiew wirft Moskau Wucherei und Erpressung vor** (Frankfurter Rundschau 05.01.2009). Симметричное указание субъекта действия влечет в данных случаях за собой вербальную репрезентацию аксиологических предпочтений двух сторон, противостоящих в газовом конфликте. Однако такой симметричный тип построения масс-медийного сообщения, скорее, исключение, чем социокультурная норма, т.к. симметричный способ представления позиций всех субъектов коммуникативного действия в пространстве политического текста не компактен, а следовательно, он слабо увязывается со стремлением к компрессии в текстах СМИ, связанным с необходимостью экономии места на газетной полосе. Кроме того, он довольно часто вступает в противоречие с идеологической функцией прессы, поэтому газеты, в подавляющем большинстве случаев ориентированные на определенную идеологическую линию своих учредителей, отказываются от симметричного представления позиций различных участников описываемых событий.

От симметрии мы отграничиваем диссимметрию, т.е. «частичное отсутствие элементов симметрии, расстройство симметрии, выраженное в наличии одних симметричных свойств и отсутствии других» [Пономаренко 2005: 39]. Диссимметрия в политическом нарративе более распространена, чем асимметрия, т.к., «как бы авторы ...политических текстов ни стремились просеять, отсортировать текст, кастрировать понятия, подчинить все его связи своим ... идеологическим установкам (а они, хуже или лучше, но всегда это делают), все равно он должен быть вписан в некую объективную реальность» [Аверьянов 2009: 292]. Способами выражения диссимметрии в политическом нарративе могут быть такие коммуникативные

стратегии, как конкретизация, персонификация, адаптация, дистанцирование, аддиция.

Под **конкретизацией** мы, вслед за Б. Зандиг [Sandig 1986: 319], будем понимать помещение в фокус, повышенное акцентирование одного из элементов ситуации, о которой идёт речь в политическом тексте. При использовании этой стратегии не происходит избегания остальных компонентов ситуации (ведущего к полной ее асимметризации), но акцентирования в этом случае вполне достаточно, чтобы оказать запланированное идеологическое воздействие на сознание реципиента текста: та информация, которая преобладает в тексте, оказывает наибольшее воздействие, а детали, в большинстве случаев, стираются. Дополнительные кванты информации, вербализуемые посредством использования стратегии «конкретизация», могут иметь эксплицитно-оценочный характер, связанный с реализацией идеологической направленности той или иной статьи. Далее мы проиллюстрируем данный тезис посредством анализа диссимметричной природы номинации одного из главных участников российско-украинского спора по вопросам газовых поставок – компании «Газпром». На страницах немецких изданий она предстает как:

- *Allerdings handelt es sich dabei nicht einfach um Differenzen, wie sie unter Konzernen üblich sind. Denn der Monopolist Gazprom unterliegt der vollständigen Kontrolle des Kreml* (Süddeutsche Zeitung 02.01.2009);

- *Damit erweist sich der größte Steuerzahler des Landes, die von Wladimir Putin konzipierte strategische Waffe Gazprom, gar nicht mehr als stahlender Held* (Frankfurter Rundschau 02.01.2009);

- *Überdies hat die Einigung der EU mit Gazprom (oder der russischen Regierung; der Unterschied zwischen beiden ist hier nicht darstellbar) diese Frage offengelassen* (Frankfurter Rundschau 14.01.2009).

Таким образом, на основании приведенных выше текстовых фрагментов можно констатировать, что компания «Газпром» всякий раз предстает как подконтрольный Кремлю монополист, что ведет к ряду импликаций: *действия «Газпрома» = действия российского правительства*, следовательно, происходит трансформация участников описываемого действия и речь идет уже не о конфликте экономических интересов, где основными действующими лицами являются хозяйствующие субъекты, а *события здесь переходят в политическую плоскость* и, соответственно, на передний план при этом выходят немецкие государственные интересы.

В российских СМИ номинации концерна «Газпром» в текстовом пространстве анализируемого политического нарратива более сдержаны. Вот наиболее частотные «развернутые» номинации данного участника действия в отечественных периодических изданиях:

- *Ранее российская монополия также предлагала украинской компании рассчитать по долгам...* (Известия 01.12.2008);

- *«...Заметного прогресса достигнуто не было», – констатировали в пресс-службе «голубого гиганта»* (Известия 16.12.2008);

- *В свою очередь принявший участие в пресс-конференции заместитель председателя российского газового гиганта Александр Медведев подчеркнул...* (Известия 18.12.2008);

- *Такое заявление сделал ... глава российского газового холдинга Алексей Миллер* (Труд 20.12.2008).

Приведенные выше текстовые пассажи эксплицируют доминантные смыслы, связываемые с компанией «Газпром» в российском лингвокультурном социуме. Рассматриваемая организация позиционируется здесь, прежде всего, как субъект экономической деятельности (*российский газовый холдинг*). Кроме того, в политическом нарративе делается упор на то, что данная компания занимает ведущие позиции на европейском и мировом газовом рынке (*российский газовый гигант, российская монополия, «голубой гигант»*). Тем самым акцентируется экономическая составляющая газового кризиса, связь «Газпрома» с Кремлем в данном случае не конкретизируется на вербальном уровне. Следовательно, номинации такого участника политического нарратива, как «Газпром», диссимметричны в немецких и российских СМИ.

Персонификация предусматривает замену обозначения действий группы лиц, даже всего социума, действиями одного лица [Sandig 1986: 319]. Тем самым частично нарушается симметрия при обозначении участников событий. События излагаются так, что читателю представляется, как будто названный персонаж (политический деятель) действует один, вне общественного контекста и без участия других субъектов действия. Одним из самых распространённых способов экспликации рассматриваемой стратегии является замена наименования государства, пострадавшего в ходе российско-украинского газового кризиса, именем его руководителя, тем самым снимается ответственность с одной из участвующих в конфликте сторон за негативные последствия отключения газа для всего населения другой страны. В газете «Известия» в самом начале газового кризиса появилось информационное сообщение с броским заголовком «Юлия Тимошенко осталась без газа» (Известия 12.12.2008), в котором, в частности, сообщается, что украинский премьер остался без газа в своей собственной квартире. При этом вскользь упоминается, что в Киеве около пяти тысяч домов и объектов социальной сферы остались без тепла из-за снижения давления газа на киевской ТЭЦ. Фокусирование Юлии Тимошенко как основной жертвы газового кризиса акцентирует воздействие негативных последствий российского противостояния на

одного отдельно взятого человека, занимающего высокую государственную должность, что уводит реципиента статьи от размышлений о каждодневных трудностях, с которыми сталкиваются рядовые киевские потребители газа. Подобная логика построения текста, основывающаяся на диссимметрии участников текстового коммуникативного действия и участников описываемой в статье социально-экономической ситуации, способствует формированию у читателя когнитивного стереотипа, что наказан виновный, т.е. политический деятель, ответственный за принятие стратегических решений по вопросам газовых поставок, а не все украинское население, ставшее заложником сложившейся ситуации.

Реализацией стратегии «персонификация» нам представляется также акцентирование ведущей роли российского премьер-министра В. Путина в процессе разрешения российско-украинского конфликта по вопросам газовых поставок. В частности, в газете «Зюддойче Цайтунг» вышла в свет статья под заголовком “Wladimir Bismarck”, в которой проводится аналогия между деятельностью немецкого «Железного» канцлера и указанного российского политика: *So wie der Reichskanzler Otto von Bismarck Europa einst mit einem komplexen Gefecht von Bündnisverträgen im Gleichgewicht hielt..., so symbolisiert die russische Pipeline-Welt die neue Abhängigkeit von Moskaus Europa* (Süddeutsche Zeitung 08.01.2009). Аналогичная мысль прослеживается, на наш взгляд, в ряде материалов из той же газеты (например, в публикации под заголовком “Putin greift Ukraine an” (Süddeutsche Zeitung 08.01.2009) или в статье “Russland in die Nato”, где утверждается следующее: *Putins Großmachtsanspruch und -politik ist anfällig* (Süddeutsche Zeitung 12.01.2009). Аналогичная стратегия встречается и на страницах газеты «Франкфуртер Альгемайне», в одной из статей которой сразу бросается в глаза подзаголовок *Wladimir Putin lässt halb Europa zittern* (Frankfurter Allgemeine 11.01.2009). При этом утрачивается социально-политический фон развертывания газового спора: В. Путин действует как бы в своего рода вакууме, беря на себя всю ответственность за развертывание событий. Таким образом, как и в предшествующем примере, здесь имеет место диссимметрия участников событий, действующих в газетном текстовом пространстве (в данном случае это российский премьер В. Путин), и той социально-политической ситуации, которая отображена в нем (в последнем случае это широкий спектр российских политических сил, органы российской государственной власти, российские бизнесмены, занятые в газовой сфере), что является маркером идеологической коннотации. Возможно допустить, что она связана, в первую очередь, с политкорректным отношением немецкого субъекта газетной коммуникации к России как своему давнему надежному экономическому партнеру.

Стратегия «адаптация» заключается в выборочном изложении признаков предмета и компонентов описываемой в политическом нарративе ситуации в зависимости от интенции субъекта повествования. В.В. Одинцов так описывает эту стратегию: «Если характеризуемый предмет имеет некоторое множество существенных X1, X2, X3...X и несущественных Y1, Y2, Y3...Y признаков, то автор может остановиться на выгодных ему (подкрепляющих его тезис) признаках (X1 Y1) (X3 Y3), пропустив (или замаскировав) признаки (X2 Y2)... В этом, собственно, нет «лжи», это лишь фактор коммуникативной стратегии» [Одинцов 1980: 148]. Таким образом, при использовании данной стратегии одни элементы в текстах, конституирующих политический нарратив, сохраняются, а другие, напротив, варьируются. Следовательно, в данном случае проявляется диссимметрия в классической ее форме.

Рассмотрим соотношение фактов реальной ситуации и фактов, описанных в российской и немецкой прессе, на микроуровне, т.е. в пределах одной статьи. В качестве примера нами были взяты статья «Газпром» готов перекрыть вентиль Украине» из «Известий» (25.12.2008) и статья из газеты «Франкфуртер Рундschau» под заголовком «Russland will den Hahn abdrehen» (29.12.2008). Обе рассматриваемые массмедийные публикации относятся к жанру информационного сообщения, а следовательно, согласно конвенциональной структуре построения данного жанра, в них доминирует фактуальная информация, призванная адекватно отражать реальное положение дел. Однако в действительности так происходит далеко не всегда, что и является, с нашей точки зрения, проявлением идеологически детерминированной диссимметрии. Проиллюстрируем данные рассуждения при помощи следующей таблицы:

Параметр анализа	Реальная фактологическая информация	Фактологическая информация в газете	
		рос.	нем.
Действующие лица	1) «Газпром»	+	+
	2) «Нафтогаз»	+	+
	3) официальный представитель российского газового концерна Сергей Куприянов	+	-
	4) президент Украины Виктор Ющенко	+	+
	5) глава «Газпрома» Алексей Миллер	+	+
	6) глава «Навтогаза» Олег Дубина	+	-
	7) министр промышленности и торговли России Виктор Христенко	+	-
	8) Германия	-	+
	9) заместитель министра иностранных дел России Андрей Денисов	-	+

	10) кремлевские политики, принимающие участие в разрешении конфликта (Kreml-Aktivisten)	-	+
	11) российские молодежные организации проправительственной ориентации	-	+
	12) глава российского правительства В. Путин	-	+
	13) украинский министр энергетики Ю. Продан	-	+
Источники информации	1) официальный представитель российского газового концерна Сергей Куприянов	+	-
	2) заместитель министра иностранных дел России Андрей Денисов	-	+
Место действия	1) Москва	+	+
	2) Германия	-	+
	3) Киев	-	+
	4) газопровод на украинской территории, по которому газ поступает в Европу	-	+
Обстоятельства действия	1) У России есть и технические, и юридические возможности, чтобы перекрыть газ Украине	+	-
	2) реструктуризация долга в одностороннем порядке возможна только в случае дефолта на Украине	+	-
	3) протесты российских проправительственных молодежных организаций около украинского посольства в Москве	-	+
	4) в Европе возможны перебои с поставками газа	-	+

Комментарии к таблице:

+ + означает, что в данном фрагменте стратегия «адаптация» отсутствует.

+ – подтверждает наличие стратегии «адаптация».

Поясним данные, зафиксированные в таблице, при помощи анализа той социополитической ситуации, которая сложилась на момент рассматриваемых в газетных статьях событий. Каждый субъект подачи газетной информации стремится акцентировать внимание реципиента на выгодных для него деталях. Так, для российской стороны важно то обстоятельство, что газовый российско-украинский кризис – это чисто экономическая проблема. Данные соображения детерминируют следующие особенности логико-семантической организации политического нарратива:

1. Состав **участников** политического нарратива по данным российских СМИ включает хозяйствующих субъектов и политиков эконо-

мического блока, в то время как среди акторов с украинской стороны фигурируют заместитель министра иностранных дел России и представители российских проправительственных молодежных организаций, что переводит повествование в политическую плоскость.

2. Среди **обстоятельств действия** в российских газетах упоминается, что у России есть и технические, и юридические возможности, чтобы перекрыть газ Украине, а также подчеркивается возможность реструктуризации долга в одностороннем порядке только в случае дефолта на Украине. Параллель подобному истолкованию обстоятельств действия с немецкой стороны образует описание протестов российских проправительственных молодежных организаций около украинского посольства в Москве, а также возможных перебоев с поставками газа в Европу, т.е. во главу угла здесь ставятся политические проблемы, порождаемые газовым противостоянием, и тот узкий круг экономических вопросов, которые непосредственно связаны с газоснабжением Европы вообще и Германии в частности.

3. Доминирующим **источником информации** в текстовом пространстве российского политического нарратива является официальное лицо из российского газового концерна Сергей Куприянов, а с немецкой – тоже российский политик, но представитель внешнеполитического ведомства, что свидетельствует, на наш взгляд, об описанных выше контрастных доминантах в оценке ситуации русскими и немцами: акцент на экономический аспект кризиса в российской прессе и на политический – в немецкой.

4. Изображение **места действия**, наряду с другими компонентами структуры политического нарратива, уже упомянутыми нами, диссимметрично в российских и немецких газетах: с позиции россиян, события в рассматриваемой статье, сконцентрированы исключительно в пределах Москвы, немецкие журналисты, напротив, стремятся показать все возможные топы описываемого действия – не только Москву, но и Киев, Германию, а также район расположения газопровода, ведущего в Европу, на территории Украины. Как представляется, монотопологичность текста из российской газеты определяется стремлением его отправителя к сужению пространства описываемого действия, а следовательно, к фокусированию ведущей роли России в ходе разрешения спора по вопросу российско-украинских газовых поставок. Поэтому повествовательный ракурс, избранный немецким журналистом, более нейтрален с идеологической позиции.

Диссимметрия, реализуемая при помощи рассматриваемой стратегии, возможна на макроуровне, т.е. в во всем континууме политического нарратива на страницах российских и немецких газет. Обобщим результаты исследования следующей таблицей:

Основные темы статей	Кол-во статей в	
	рос. газетах	нем. газетах
Повышены тарифы на газ для населения Украины	4	0
Долг Украины перед «Газпромом»	185	51
Холода в Европе в период сокращения газовых поставок	63	134
Развитие российской газовой инфраструктуры	19	1
МВФ дал Украине кредит на оплату газа	3	0
Переход на рыночные цены в расчетах за газ с Украиной	79	39
Переговоры по поставкам российского газа в Украину	94	152
Стремление Украины в НАТО как основная причина эскалации российско-украинского газового кризиса	6	1
Разногласия и несогласованность действий украинского руководства в ходе газового кризиса	56	12
Экономический кризис в Украине	19	5
Подкарпатская Русь хочет выйти из состава Украины	1	0
Цена на газ для Белоруси ниже мировой	5	2
Евросоюз призывает Россию и Украину к скорейшему разрешению газового спора	31	63
Подача газа в Европе возобновлена	37	103
На Украине из-за отсутствия газа стоят промышленные предприятия	2	0
Оппозиционность руководства Киева Москве как основная причина газового кризиса	1	18
Стремление Европы к сырьевой независимости от России	2	53
В немецких газохранилищах имеются большие запасы газа	1	11
«Газпром» подкупает оппозиционные российские СМИ	0	2

Проанализируем данные, представленные в настоящей таблице. Для немецких газет как субъектов текстового коммуникативного действия важно сфокусировать внимание, прежде всего, на темах, интересующих западного читателя («Газпром» подкупает оппозиционные российские СМИ, в немецких газохранилищах большие запасы газа, холода в Европе в период сокращения газовых поставок, стремление Европы к сырьевой независимости от России, оппозиционность руководства Киева Москве как основная причина газового кризиса, подача газа в Европе возобновлена). Подобная селективность отбора тем формирует, как представляется, идеологическую направленность политического нарратива, устанавливая определен-

ные стереотипы восприятия новостного континуума.

Для российских субъектов масс-медийного коммуникативного действия существенны совсем иные цели:

1) ему важно представить украинскую сторону как основного виновника газового кризиса (долг Украины перед «Газпромом», стремление Украины в НАТО как основная причина эскалации российско-украинского газового кризиса, разногласия и несогласованность действий украинского руководства в ходе газового кризиса, экономический кризис в Украине);

2) им подчеркивается, что правительство Украины действует не в интересах собственного народа (повышены тарифы на газ для населения Украины, на Украине из-за отсутствия газа стоят промышленные предприятия);

3) акцентируется не вызывающий большого резонанса вопрос об автономии национального меньшинства прикарпатских русинов, который приобрел особую актуальность в период газового кризиса в связи с тем, что по территории компактного проживания представителей данного этноса проходят основные газопроводы (Подкарпатская Русь хочет выйти из состава Украины).

Таким образом, на основе проведенного нами исследования было установлено, что стратегия «адаптация», проявляющаяся как на макро-, так и на микроуровне, коррелирует с идеологической направленностью политического нарратива.

Дистанцирование предусматривает отделение точки зрения субъекта коммуникации на описываемые события от приводимых в статье оценок самими участниками происходящего. При этом наблюдается диссимметрия изображения событий – при константности изображения фактов варьируются их истолкования. Рассматриваемая коммуникативная стратегия манифестируется в текстовом пространстве политического нарратива «Российско-украинский спор по вопросам газовых поставок», прежде всего, при обозначении отношения к факту несанкционированного отбора газа из трубопроводов, ведущих в Европу через украинскую территорию. В немецких газетах данные факты в большинстве случаев именуется сдержанно. Если же речь идет о воровстве, то авторы статей дистанцируются при помощи вытек от подобной оценки происходящего:

- *Ukraine “stehle” Gas, die Regierung in Kiew verbreite “Lügen”* (Frankfurter Allgemeine 05.01.2009);

- *Moskau hatte Kiew zuletzt wiederholt “Gas-Diebstahl” vorgeworfen* (Süddeutsche Zeitung 13.01.2009).

В российских газетах, напротив, подобные действия украинской стороны напрямую именуются воровством:

- *Игра на трубе: Украина открыто ворует российский газ* (Известия 03.01.2009);

- *Украина снова ворует российский газ* (Известия 04.01.2009).

Следовательно, налицо диссимметрия при номинации факта несанкционированного отбора газа из российских трубопроводов на территории Украины. С одной стороны, о данном факте имеется информация как в немецком, так и в российском нарративе; с другой стороны, действия украинской стороны квалифицируются с различной перспективы – россияне напрямую его расценивают как воровство, а немцы отстраняются от данных оценок при помощи использования коммуникативной стратегии «дистанцирование», что эксплицирует более взвешенный подход к разрешению проблемы в немецких СМИ, а также их нежелание принимать чью-либо сторону и ориентацию на нейтралитет.

Довольно часто отправители политических текстов не указывают «фигурантов» действия, отстраняясь тем самым от ответственности за приводимые ими сенсационные или малоприятные истолкования фактов. Подобное опущение участников политического нарратива ведет к диссимметрии информации, представленной в тексте газетной статьи и в описываемой им актуальной политической ситуации. Вот пример подобного газетного заголовка из немецкой газеты «Зюддейче Цайтунг»: *Undurchsichtig und korrumpiert* (Süddeutsche Zeitung 15.01.2009). Данное высказывание, помещенное в «сильную позицию» текста, не несет, несмотря на это, никакой референциальной информации о действующем лице. Автор статьи пытается, используя данный прием, самоотстраниться от радикальных обвинений в адрес участников газового спора, проявляя тем самым идеологическую политкорректность. По аналогичной модели построен и заголовок *Unfrieden in der Pipeline* из газеты «Франкфуртер Рундschau» (Frankfurter Rundschau 06.01.2009), где не эксплицируется, кто из участников конфликта негативно оценивает сложившуюся ситуацию с газовым транзитом. В заголовках из российских газет «фигурант» действия довольно часто выпадает из поля зрения читателя в тех случаях, когда производится резкая оценка событий, которая способна вызвать негативную реакцию общественности. К примеру, в «Известиях» выходит статья с бессубъектным заголовком «Пора забыть о дружбе с Украиной» (Известия 11.12.2008), что звучит весьма полемично в контексте образа братского славянского народа, который характерен для традиционного русского менталитета. Не обозначен в поверхностной структуре высказывания заголовков и в тех случаях, когда речь идет о такой крайней мере, как закрытие газового вентиля и прекращение поставок газа в Украину: *Перекроет Украине газ. Эх раз, еще раз* (Известия 18.12.2008), *Кран Украине придется перекрыть* (Известия 24.12.2008), *Киев грозят оставить без газа* (Российская газета 15.01.2009). Тем самым ав-

торы газетных публикаций дистанцируют свою страну от действий, которые могут быть расценены как непопулярные среди потенциальных реципиентов СМИ.

Стратегия «аддиция» – термин В.В. Одинцова [Одинцов 1980: 149] – противопоставлена сокращению подаваемой информации, осуществляемой посредством действия адаптации, персонификации. Смысл её состоит в прибавлении новых мыслей, положений и фактов. В настоящем исследовании под «аддицией» мы будем понимать дополнительные коннотации, осуществляемые посредством выбора той или иной лексемы из синонимического ряда, делающие коммуникацию, осуществляемую при помощи политического нарратива, диссимметричной. При этом диссимметрия проявляется, прежде всего, в различии коннотаций в текстах СМИ, обладающих противоположной идеологической направленностью.

В качестве примера использования коммуникативной стратегии «аддиция» рассмотрим номинации нарратива «Российско-украинский газовый кризис» в отечественных («Известия», «Труд», «Российская газета») и немецких газетах («Франкфуртер Альгемайне», «Франкфуртер Рундschau», «Зюддойче Цайтунг»). Описываемое социально-политическое событие в российских СМИ именуется как нейтрально (*газовый конфликт России и Украины, ситуация с поставками газа, газовая проблема, газовый вопрос между двумя странами, газовый кризис, газовое противостояние, газовый спор, кризис с транзитом газа в Европу через Украину*), так и идеологически пристрастно, т.е. с добавлением ряда коннотативных сем, выдвигающих на передний план:

- украинскую задолженность за российский газ: *долг Украины перед «Газпромом», долг Украины за российский газ, традиционный спор вокруг цены газа для Украины, проблема «газовых долгов», вопрос оплаты за российский газ;*
- неспособность украинского руководства к конструктивному решению проблемы: *неспособность украинского руководства договориться о поставках газа, Украина провалила газовую атаку, на пути к «газовому миру»;*
- акцентирование вины украинской стороны в газовом конфликте: *история с российским газом, который Украина не допускает до российских потребителей, «газовый мюзикл» Украины, «украинский газовый шантаж», «газовый вопрос» по-украински, «газовые» махинации Украины, «газовые войны» Украины с Россией, украинская газовая блокада;*
- экстраординарный характер сложившейся ситуации с газовыми поставками в страны ЕС через украинскую территорию: *газовый тромб, капризный транзит, украинский «рубикон», беспрецедентная ситуация с транзитом российского газа через Украину, перега-*

зовка, «эксцесс» с газотранзитом через Украину, «ярмарка газового тщеславия», «холодная война», газовая головоломка, «газовый фронт»;

- кризисную ситуацию в энергоснабжении стран ЕС: «газовый голод» Европы.

В немецких газетах в подобной ситуации речь идет о таких идеологически нейтральных синонимичных лексемах, как *Gasstreit, Gaskollaps, Streit um die Verteilung, Gaslieferstreit, Gas-Lieferstopp, Gas-Streit zwischen Kiew und Moskau, Gaskrise, Energiekrise, der russisch-ukrainische Gaskonflikt, russisch-ukrainisches Gasgeschäft, Streit zwischen Russland und der Ukraine, Streit um Lieferbedingungen und Preise, Streit zwischen Kiew und Moskau*, и их эквивалентах, эксплицирующих особенности оценки описываемой действительности со стороны немецкого субъекта газетной коммуникации посредством акцентирования

- кризисной ситуации в энергоснабжении стран ЕС: *Lieferausfall in Europa, Transitfrage als gesamteuropäisches Problem, Strom-Engpässe in Deutschland, Streit ums Gas, mögliche Versorgungsaufälle in Europa*;

- ответственности российской стороны за газовый кризис: *Moskaus offene Gasrechnungen, der russische Lieferstopp, der gefährliche Energiestreit Russlands, Russlands Gaswaffe, Gaskonflikt mit der Ukraine*;

- экстраординарного характера газового кризиса: *bizzarrer Gasstreit, trotzköpfiger Gasstreit, leidiger Gasstreit, Kalter Krieg, Gas-Clinche, Zank ums Gas, grotesker Gasstreit, „Gaspoker“ zwischen Moskau und Kiew, das jährliche Gastheater zwischen der Ukraine und Russland*;

- отсутствия «привязки» описываемых событий исключительно к экономической сфере: *Streit über Gaspreis und Zahlungsmoral, Transitgebühren und West-Orientierung, Konflikt zwischen Russland und der Ukraine, Zuspitzung der Auseinandersetzung zwischen Russland und der Ukraine*;

- экономической подоплеки кризиса: *Streit über unbezahlte Rechnungen und den künftigen Gaspreis*.

Из приведенных выше примеров номинации нарратива «Российско-украинский газовый кризис» в отечественных и немецких СМИ очевидно, что выбор коннотативных сем с каждой стороны не случаен и определяется идеологическими предпочтениями отправителя текста газетного сообщения. С российской стороны в фокус повествователя попадают те номинации рассматриваемого социально-политического нарратива, которые эксплицируют в поверхностной структуре текста украинскую задолженность за российский газ, ответственность Украины за развязывание газового конфликта и неспособность нынешнего руководства этой страны к преодолению кризиса. Для немцев релевантны, в первую очередь, вопросы энергоснабжения Европы вообще и Германии в ча-

стности, а также политическая составляющая кризиса. При этом, в отличие от рассмотренной выше стратегии «адаптация», идеологическое воздействие в данном случае достигается не посредством селективного изображения объектов окружающей действительности в текстовой ткани политического нарратива, а при помощи модификации семного состава поверхностной структуры в ходе номинирования одного объекта, в проанализированном случае российско-украинского газового кризиса. Следует подчеркнуть, что использование аддитивной стратегии не ведет к полной асимметрии в отношении восприятия действительности с российской и немецкой сторон. Скорее, здесь речь идет о диссимметрии при ее отображении, т.к. в структуре значения лексем-номинантов газового кризиса в обоих случаях присутствуют общие инвариантные семы, показывающие экстраординарный характер сложившейся в ходе кризиса социально-экономической ситуации, а также экономическую подоплеку кризиса, описание которой в немецких газетах все же присутствует, хотя и не столь часто, как в российских.

Итак, на основании проанализированного политического нарратива возможно выделение двух типов диссимметрии при оформлении вербальной ткани текста, которые реализуются в форме коммуникативных стратегий. Назовем их внешней и внутренней диссимметрией. Внешняя диссимметрия проявляется в тех случаях, когда наблюдаются определенные расхождения в изображении событий между текстом газетной статьи и реальной социополитической ситуацией, которую этот текст описывает. В процессе анализа диссимметрии данного типа происходит сопоставление ключевых элементов фрейма газетной статьи и данных об аналогичных событиях из других источников. Внутренняя диссимметрия связана с фокусированием субъектом масс-медийного текстового коммуникативного действия различных аспектов описываемой действительности в немецкой и русской версиях политического нарратива, их маркированием и прагматическим акцентированием на фоне иных элементов изображаемой ситуации упомянутых в тексте. В ходе анализа внутренней диссимметрии лингвист не выходит за рамки текстов, конституирующих нарратив, а лишь сравнивает их контрастивную специфику в рамках сопоставляемых лингвокультур.

Далее мы проиллюстрируем в таблице соотношение внешней и внутренней диссимметрии с проанализированными коммуникативными стратегиями, функционирующими в текстовом пространстве политического нарратива «Российско-украинский газовый кризис»:

Коммуникативная стратегия	Диссимметрия	
	внешняя	внутренняя
Конкретизация	-	+
Персонификация	+	-
Адаптация	-	+

Дистанцирование	+	+
Аддиция	-	+

Проанализированный в нашей статье материал позволяет сделать вывод, что такой физический параметр политического нарратива, как позиционно-комбинаторная диссимметрия его элементов, способен выступать в качестве маркера идеологической модальности (термин «идеологическая модальность» см.: [Добросклонская 2005: 196] . – С.С., А.М.) континуума политической речи. Таким образом, очевидна зависимость природных и социальных аспектов коммуникативного действия, осуществляемого посредством текста.

ЛИТЕРАТУРА

Аверьянов Л.Я. Контент-анализ. – М.: КНОРУС, 2009. 456 с.

Герман И.А. К проблеме становления лингвосо-нергетической парадигмы // Культура. Образование.

Духовность. – Бийск: БГПИ, 1999. С. 98-103.

Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). – М.: УРСС, 2005. 288 с.

Одинцов В.В. Стилистика текста. – М.: Наука, 1980. 264 с.

Пономаренко И.Н. Симметрия / асимметрия в лингвистике текста. – Краснодар, 2005. 231 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. 262 с.

Урманцев Ю.А. Симметрия природы и природа симметрии: Философские и естественнонаучные аспекты. – М.: Мысль, 1974. 229 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.

Sandig B. Stilistik der deutschen Sprache. – Berlin / New York: Walter de Gruyter, 1986. 368 S.

© Серебрякова С.В.,
Милостивая А.И., 2010

Терехова Е.В.
Москва, Россия

РЕКУРРЕНТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
В АНГЛИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
ИНСТРУМЕНТ МОНИТОРИНГА ИЗМЕНЕНИЙ
ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. В данной работе из двух частей рассматриваются теоретические и практические вопросы функционирования рекуррентных конструкций в английском политическом дискурсе, показывается языковая динамика исследуемого дискурса в периоды крупных социально-политических событий, анализируются изменения дискурсивного функционирования лексических единиц и связанные с ними инновационные процессы. Первая часть статьи посвящена мониторингу изменений в языковом сознании посредством изучения функционирования ключевых концептов английского политического дискурса, а во второй её части внимание фокусируется на конкретном лексическом материале, в частности, рекуррентных конструкциях, которые служат кондуитом изложенных в первой части статьи положений.

Ключевые слова: Рекуррентные конструкции, мониторинг, языковая динамика, ключевые концепты, инновации, вербализация, социально-политические изменения, общественное сознание.

Сведения об авторе: Терехова Евгения Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, докторант.

Место работы: Институт Языкознания РАН (Москва).

Контактная информация: 117279 Москва, ул. Островитянова, дом 35 «А», кв. 901.
e-mail: evgeniavlavd@gmail.com.

Terekhova E.V.
Moscow, Russian

RECURRENT CONSTRUCTIONS AND ENGLISH
POLITICAL DISCOURSE:
LINGUISTIC INSTRUMENT
OF MONITORING SOCIAL CHANGES
IN THE SOCIETY

ГЧТИИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19, 10.02.20

Abstract. The paper under review has two parts dealing with theoretical and practical issues of using recurrent constructions in an English political discourse. It also discusses the linguistic dynamics of the analyzed discourse in the periods of large-scale social and political events, studies changes of discursive functioning of lexical units and the related innovative processes. The first part of the paper considers monitoring of the changes typical of the language consciousness by studying the key concepts of English political discourse, while the second focuses on specific lexical examples, recurrent constructions, in particular, which serve as a conduit of the theoretical issues discussed in the first part of the article.

Key words: Recurrent constructions, monitoring, linguistic dynamics, key concepts, innovations, verbalization, social and political changes, social consciousness.

About the author: Terekhova Evgeniya Viktorovna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Doctoral Student.

Place of employment: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow.

Задача исследования предлагаемой статьи состоит в том, чтобы использовать лингвистический анализ в прикладных целях – для получения объективной картины изменений, происходящих в общественном сознании в конкретной стране в конкретный период времени. В этой связи особенно интересен политический дискурс, поскольку в нем находят свое отражение не только факты политической жизни общества, но общественные умонастроения в целом и, таким образом, исследование политического дискурса во многом способствует мониторингу сознания всего общества.

В данной работе мы хотим показать, как при помощи лингвистических методов можно выявить и проследить динамику изменений, происходящих в политическом дискурсе, под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов. В рамках заявленного исследования особую значимость представляет *языковая динамика*, характеризующая английский политический дискурс в периоды крупных социально-политических событий и изменений. Материалом исследования послужил английский политический дискурс последних трёх-пяти лет, который был нами заимствован из оригинальных

газет «The International Herald Tribune» и журналов «Newsweek».

Роль языковых факторов в политическом дискурсе настолько значима, что как зарубежными, так и отечественными лингвистами давно высказывалось мнение о политической деятельности как деятельности преимущественно языковой [Dieckmann 1975, Edelman 1988, Шейгал 2000]. И наоборот: уже сама речь, как показал Э.Косериу, «политически нагружена», поскольку является знаком солидарности с другими членами общества, употребляющими тот же язык [Цит. по: Демьянков 2003: 117. Coseriu 1987: 24]. Язык, в свою очередь, выступающий как посредующее звено между мыслью и действием, всегда был «важнейшим фактором для установления политического подавления, экономической и социальной дискриминации» [Цит. по: Демьянков 2003: 117. L.Miles 1995: IX]. Автор политического дискурса конструирует его в таком виде, в котором описываются реальный и желаемый поворот событий, что и позволяет ему или ей навязывать своё мнение адресату сообщения. Опытный политик, используя лингвистические инструменты, например, семантическую многозначность или размытость выра-

жений, легко манипулирует чужим сознанием. А функции политического дискурса хорошо описаны, и вытекают они из его назначения как инструмента политической власти. Среди важнейших называются:

- акциональная (проведение политики через мобилизацию населения),
- агональная (борьбой языковыми средствами против политических противников),
- манипулятивная функции политического дискурса [Шейгал 2000, Михалева 2009 и др.], а также
- креативная функция политического дискурса. «Благодаря этой функции создается требуемое отношение социума к политической ситуации или отдельным политическим фигурам, причем иллюзорный мир, конструируемый при помощи языка, может полностью заменить существующую реальность» [Терентий 2009: 29].

Как показывают специальные исследования, см. работы В.З. Демьянкова, Т.Г. Добросклонской, А.Н. Баранова, В.Г. Костомарова, Л.П. Крысина, А.П. Чудинова, Дж. Лакофф, И.М. Джонсона, П. Серию и др., большинство специфических явлений в политическом дискурсе проявляются на лексико-семантическом, стилистическом и фразеологическом уровнях. Например, причиной появления новой для политического дискурса просторечной, жаргонной, иноязычной или сложносокращенной лексики, а также словосочетаний выступают новые события в стране, денотаты, требующие обозначения с помощью специфических знаков [Чудинов 2007: 91]. Можно также предположить, что эти же причины являются источником заимствований в английских политических текстах, используя в качестве примера французское заимствование «*laissez faire-y tales*» («убаюканные сказками»). Применение именно этой рекуррентной конструкции, дефиниция которых приводится ниже, обусловлено нынешним мировым финансовым кризисом, поскольку политический дискурс охотно использует подобные креативные заимствования в конкретных целях, называя новые события в США, «убаюкивая» общество сказками и, соответственно, манипулируя его сознанием. Маркированный член этой конструкции, глагол «*laisser faire*» («оставить всё, как есть; ничего не менять»), усложнен в своем способе передачи денотата, где под «усложненностью» мы понимаем такой фактор как нетривиальность восприятия данной конструкции носителями языка (американцами). А это уже манипуляция общественным сознанием с целью отвести внимание общественности от негативных событий. Лингвистически подобный эффект достигается наличием английского словообразующего форманта –у, который трансформирует французский глагол во франко-английское прилагательное, что дает нам основания рассматривать данное выражение как обладающее несколькими смысловыми слоями, один из кото-

рых весьма нетривиален.

Общеизвестно, что самым подвижным компонентом языковой системы является её *словарный состав*. Любые перемены в общественно-социальном развитии неизбежно влекут за собой как лексические инновации, так и изменения в текстовом функционировании уже имеющихся лексических единиц. В рамках данной работы анализируются как **изменения дискурсивного функционирования** лексических единиц, так и **инновационные процессы, связанные с ситуациями социально-политических перемен**. Первая часть статьи посвящена мониторингу изменений в языковом сознании посредством изучения функционирования ключевых концептов английского политического дискурса, в то время как во второй её части внимание фокусируется на конкретном лексическом материале, который служит кондуитом изложенных в первой части статьи положений.

Для определения наиболее значимых концептов, так называемых «ключевых слов» политического дискурса были исследованы и обработаны (данный статистический метод был разработан Д.Б. Никуличевой – *Автор статьи выражает глубокую благодарность своему научному консультанту д.филол. наук, с.н.с. ИЯЗ РАН Никуличевой Д.Б. за подаренную идею создания статьи и ряд использованных в ней примеров*) одинаковые объёмы текстов «первичных жанров» политического дискурса [Шейгал 2004: 286-287]. Были обследованы предвыборные партийные программы, выступления политиков, обращенные как ко всему обществу (теледебаты кандидатов в Президенты США), так и к более узкой аудитории (выступления на партийных съездах, статьи-комментарии).

Путем компьютерной выборки, было выделено 100 самых частотных слов исследуемого дискурса в расчете на страницу компьютерного текста. Основными лингвистическими критериями выявления концептов, отражающих важнейшие элементы национального политического сознания, стали принадлежность слова к классу существительных и его соответствие семантическому ограничению непередметность, так как именно эти критерии позволяют «выявить основные понятия, формирующие систему политических ценностей, которые отражают субъективную реальность и формируют восприятие носителей этого языка и этой культуры» [Готта 2008: 46].

Анализ ста самых употребляемых понятий английского политического дискурса в корпусе текстов политических партий выявил одну важнейшую закономерность. Риторика каждого из кандидатов в Президенты выявляет наличие *особо частотных лексем*, отличающихся не просто наибольшей встречаемостью на странице текста, но и тем, что от остальных частотных лексем их отделяет так называемый *статистический скачок*. Этим термином мы предла-

гаем обозначить явление, когда частотность употребления следующего слова списка оказывается существенно ниже, чем у предыдущих слов. В этом плане любопытный материал можно извлечь из диссертационного исследования О.М. Готта, которое показало, что, если принять за 100% количество употреблений самого частотного слова, то общая закономерность убывания частотности между двумя соседними словами списка в среднем составляет 1%. Во то же время граница между группой слов, лидирующей по частотности и остальными частотными лексемами политического дискурса отмечается падением частотности порядка 8% [Готта 2008: 48]. Это позволило утверждать, что риторика каждого из трёх американских политических деятелей, претендентов на президентское кресло в 2008 году, опирается на определенную ценностную базу, которая при общности ее ключевых концептов (*nation* «страна / нация», *changes* «изменения», *work / jobs* «работа», *community* «сообщество», *chances* «возможности / шансы», *development* «развитие», *man* «человек», и т.п.) различается теми приоритетами, которые объективно и субъективно характеризуют каждого из кандидатов в Президенты, а также его/её политическую платформу.

Что может дать указанная методика для мониторинга общественного сознания?

Во-первых, она позволяет **выявить общую ценностную базу**, объединяющую политическую риторику каждого из участвующего в президентской гонке претендента с учётом его или её культурно-исторического региона и/или социально-политической ориентации; с другой стороны, она позволяет **выявить узлы концептуальных несовпадений**. Наиболее важным из таковых является сверхвысокая частотность концепта «расовая толерантность» или разыгрывание «расовой карты» (*race card*) в разных проявлениях в американском политическом дискурсе в 2008 году. Специальный когнитивно-дискурсивный анализ употребления этого концепта для выявления его роли и места в языковой картине мира носителей английского языка в США может стать темой дальнейшего исследования.

Во-вторых, будучи примененной к сопоставительному анализу корпусов текстов, сходных по объему, а также по их жанровой и политической принадлежности, но созданных в разные исторические моменты, можно объективно **отследить изменения в общественном сознании**, произошедшие за определенный период времени. В нашем случае эти изменения накапливались за последние 8 лет пребывания у власти Джорджа Буша, и особенно ярко они проявились во время последней президентской кампании, когда на авансцену впервые в истории США вышел афро-американец Барак Обама и женщина-кандидат, Хилари Клинтон.

Динамику изменений мы собираемся пока-

зать, сопоставив **три корпуса политических текстов**. Все три корпуса текстов охватывают последние 3-5 лет, но первый корпус (далее – корпус 1) содержит тексты, характеризующие Барака Обаму, второй (далее – корпус 2) содержит тексты, созданные кандидатом в Президенты Джоном МакКейном, а третий корпус (далее – корпус 3) сопровождал избирательную кампанию Хилари Клинтон.

Временной границей, послужившей основанием для отнесения политических текстов к первому, второму или третьему корпусу послужили два события: с одной стороны, мировой финансово-экономический кризис, разразившийся с середины 2008 года, а с другой – старт президентской гонки в США, который начался задолго до 2008 года. Была выдвинута гипотеза о том, что произошедшие в его ходе перемены не могут не отразиться на политической риторике и что эти изменения проявятся как на уровне ключевых концептуальных составляющих всего языкового коллектива, так и позволят чётче определить специфику ценностной ориентации каждого из сопоставляемых предвыборных лагерей.

Мировой экономический кризис, затронул практически все без исключения страны мира, а некоторые страны, такие как Исландия, в одночасье стали банкротами. США, можно сказать инициатор этого кризиса, не мог оказаться в стороне от его негативных последствий – спада производства, банкротства банков и компаний, резкого сокращения рабочих мест и безработицы. К тому же происходящее в мире не могло не сказаться на общественных настроениях внутри страны, что в свою очередь должно было неизбежно отразиться в дискурсе, прежде всего, в таких значимых его жанрах, как дискурс СМИ и политики.

Таким образом, в ключевой лексике всех американских кандидатов на пост президента налицо **усиление семы активности**. Повышение частотности убедительно демонстрируют концепты, выражающие потребность в изменении, обновлении и активизации деятельности, что в свою очередь, свидетельствует об активном и конструктивном подходе к решению новых задач, вызванных эпохой кризиса, как о характерной особенности языкового сознания американского общества эпохи кризиса, а также грядущих перемен, связанных с правильным выбором Президента страны на очередной срок.

Кроме того, весьма показательным является динамика концептов *nation*, *state* и *changes*: «государство», «штат» и «перемены». Будучи высокочастотными в докризисном списке всех трёх корпусов текстов, они еще более повышают свои позиции, сохраняя прежний высокий рейтинг. Это убедительно свидетельствует о возрастании значимости государства на всех уровнях, федеральном и штата в политическом сознании американцев во время кризиса. А ре-

альный выход из кризиса большинству населения США виделся в переменах, в изменении власти на всех уровнях, что должно было принести положительные изменения в их жизни. Как видим, статистическая обработка ключевой лексики дает объективную картину изменений общественного сознания, происходящих в переходные исторические моменты.

Указанная методика имеет еще одно важное практическое применение. Ведь выявленные на каждом этапе развития общества ключевые концепты затем подвергаются тщательному лингвистическому анализу в плане их текстового функционирования, сочетаемости, ассоциативных связей, метафорического переосмысления – ниже мы приведем несколько конкретных тому примеров, используя для этой цели рекуррентные конструкции, и т.п. В результате выстраивается определенная концептуальная картина мира, организованная вокруг ключевых понятий. И эта картина способна не только констатировать состояние политического сознания нации в определенный период, но и **прогнозировать тенденции назревающих в обществе изменений**. Аналитикам и политикам нетрудно будет понять, в каком направлении качнется маятник политических изменений, более того, через свои СМИ они смогут осуществлять постоянный мониторинг этих тенденций, манипулируя сознанием электората и направляя его в нужном им русле.

Таким образом, результаты исследования английского политического дискурса ясно указывали на то, что необходимость изменений в США назревала уже давно, а значит, стало возможным принять такие меры в процессе выборной кампании, в результате которой в Овальный кабинет Белого Дома пришёл именно тот кандидат, который отвечал всем требованиям дня. Подводя итог, можно сказать, что когнитивный мониторинг общественного сознания является перспективным методом, который способен **как предупредить о назревании политических конфликтов в обществе эпохи перемен, так и повернуть его в нужном заданном направлении**.

На втором этапе исследования лексической динамики политического дискурса в переходные моменты развития общества делаются попытки получить ответ еще на один важный вопрос, а именно: какие вновь возникающие фрагменты внеязыковой действительности представляются значимыми для данного языкового коллектива, **какие новые общественные явления вербализуются** и начинают тиражироваться в политическом дискурсе, превращаясь тем самым в новый элемент языкового сознания носителей данного языка. Ответ на этот вопрос даёт анализ функционирования **рекуррентных конструкций** в политическом дискурсе.

Рекуррентные конструкции являются таковыми постольку, поскольку порождены или ре-

конструированы конкретным событием. Иными словами, **рекуррентными конструкциями** являются коллокации, которые воспроизводятся событийно или жанрово отнесённым дискурсом. Их можно воспринимать и как свободные словосочетания, если они не будут связаны, например, с данным событием и не обслуживают его. Но как только они попадают в сферу дискурса определенного события, в нашем случае – в сферу политического дискурса, свободные словосочетания могут утратить свою «свободу», событийность текста «связывает» их, превращая в конструкции, которые впоследствии тиражируются в текстах СМИ. В своём понимании этого термина автор работы придерживается, в основном, дефиниций, сделанных учёными А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским. Рекуррентные конструкции отсюда – **неоднословные выражения, которые в содержательном плане характеризуются слабоидиоматичным значением, т.е. их план содержания слабо поддаётся описанию посредством стандартных правил**. [Баранов, Добровольский 2008: 27].

Решение назвать эти словосочетания **рекуррентными конструкциями** вызвано также тем, что, во-первых, они возникают в сегодняшнем политическом дискурсе, на пике событий дня. Во-вторых, пока сложно определить, как будет складываться частотность употребления подобных конструкций, иными словами, насколько они будут востребованы и начнут воспроизводиться, или тиражироваться другими авторами в других СМИ или политическом дискурсе. Можно с определенной долей уверенности сказать, что такой компонент в следующих выражениях как *«tough»* – when the going gets tough, *«peacemaking»* – peacemaking program / offer, *«political»* – political deal, etc. будет использоваться довольно часто.

Любые перемены в общественном развитии также неизбежно влекут за собой изменения в словаре. Особенно если эти перемены, имеют место в переходную эпоху, и ответная реакция языка, который реагирует на эти изменения, создавая в процессе новые слова и словосочетания, служит ярким тому доказательством. По справедливому замечанию В.В. Виноградова, «причины появления новых слов и новых значений старых слов по большей части заключаются в изменениях общественной жизни, в развитии производства и других областей человеческой деятельности, а также в развитии мышления» [Виноградов 1975].

Политический дискурс по определению не может быть в стороне от всех общественных процессов, происходящих в стране и мире. Как утверждает А.Н. Баранов, «Лингвистический мониторинг политического дискурса предполагает постоянный анализ текстов средств массовой коммуникации для выявления состояния общественного сознания, изучения его динамики, когнитивного моделирования мышления по-

литических субъектов (как отдельных политиков, так и целых партий и общественных движений)» [Баранов 2003]. Этим учёным также высказывались гипотезы о наличии связи между переосмыслением устойчивых словосочетаний и кризисным состоянием сознания, с одной стороны, и проблемной ситуацией и с поиском решений проблемы, с другой.

Изменения в обществе происходят постоянно. Но некоторые события, как например террористический акт 11 сентября 2001 года, становятся по-настоящему поворотными моментами в развитии современного мира, и, конечно же, современного американского общества. Меняются ценности, цели, стратегии. И язык как неотъемлемый элемент общественного сознания закономерно отзывается на подобные события. Причем в первую очередь, это затрагивает область лексики как наиболее динамичную сферу языковой системы. А рекуррентные словосочетания – это передовой отряд лексических изменений и *источник инноваций*. Ведь подобные значимые события должны получить *именование*. И это именование должно быть понятно и разделяться всеми носителями данной языковой культуры. И рекуррентные конструкции для этого идеально подходят. Приведём лишь один пример.

Хилари Клинтон получила от своей ближайшей помощницы прозвище «Круэлла де Хил» (Cruella de Hil). Данное имя-прозвище было получено путем расчленения антропонима, имени собственного Hillary Clinton, на части, затем в результате определённых фонетических и структурных перестановок, а также в соответствии с испанскими нормами написания и произношения и «упаковки» слова в фонетическую оболочку испанского языка и было порождено данное прозвище. По-видимому, те, кто неплохо знает характер и нрав самой Хилари Клинтон, придумали его не без оснований и с определённой целью – это имя-прозвище соответствует его внутренней форме, которая делает данное выражение весьма экспрессивным – слово «*cuell* и *cuella*» в обоих языках, английском и испанском, означает *суровый/-ая, лишенный эмоциональных проявлений*. Есть все основания полагать, что данное прозвище «прилипло» к Хилари надолго, если не навсегда [Терехова 2010: 51].

Причины, побудившие многих авторов медийных средств начать активно тиражировать словосочетание «*Ground Zero*» – место взрыва двух башен Всемирного торгового центра после теракта / событий 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, находятся в политической плоскости. Кроме лежащей на поверхности причины создания этого словосочетания – необходимости точной передачи и/или развития авторской мысли (узуальной лексики или свободных словосочетаний для развёртывания дискурса может быть недостаточно), авторы конструкции «*Ground Zero*», ставшей бестселлером, пре-

следовали и иные цели:

➤ Наложить табу на использование узуальной лексики, чтобы не детализировать трагедию вербально и тем самым не беречь воспоминания населения Америки, особенно пострадавших в теракте людей, тем кошмарным событием;

➤ Использовать политический приём дозирования информации, хотя доступ к ней на первых порах, в 2001 году, был открыт для всех. Однако пространство этого доступа приобрело постепенно контекстуально-ограниченный характер;

➤ И, наконец, была найдена модель вербализации аналогичных событий, которая теперь могла позволить «стражам информационных врат» (*information gate keepers*) легко, если не переписывать историю, так интерпретировать и подавать её в том виде, который им был предпочтителен. Например, в 2008 году во время президентской выборной кампании были вброшены две аналогично смоделированные рекуррентные конструкции: *Watts' ground zero* и *1965's ground zero*. Неискушённому или молодому американцу трудно понять, о чём идёт речь, где и какое событие магнитуды террористического акта и разрушения двух башен Торгового центра в Нью-Йорке в 2001 году произошло в 1965 году в Америке.

Ответ следует искать либо в топонимическом названии *Watts* – район компактного проживания чернокожего населения Лос-Анджелеса, либо в дате – 1965 год. В тот год произошли самые мощные выступления негритянского населения в городе, эпицентром которого был указанный район. Массовые беспорядки, перешедшие в открытые кровопролитные стычки с полицией, проходили в указанном году и районе, в ответ на нежелание Президента демократа Л. Джонсона выполнить свои предвыборные обещания темнокожим жителям Америки. За что он и поплатился, проиграв на следующих выборах консерватору Р. Никсону, в то время как Губернатором Калифорнии стал также консерватор Р. Рейган. По-видимому, в наши дни кандидатам от демократической партии, идущим на смену консервативной Администрации Дж. Буша, не хотелось фокусировать внимание на событиях полувековой давности, выставляя свою партию в отрицательном свете как не сдержавшую свои предвыборные обещания. Отсюда и появление нового словосочетания, с помощью которого исторические события были каталогизированы, спрессованы до топонимической конструкции и использованы как инструмент мониторинга истории.

И, наконец, совсем недавно появившаяся рекуррентная конструкция «*Old Stomping Grounds*» – старое часто посещаемое, излюбленное место сбора людей с определённой, как правило, очень важной и значимой целью или животных (последним более подходит значение «выгул / выпас / водопой»). Подобным обоб-

щённым значением в политическом пространстве это словосочетание было надлено журналистами, которые хотели подчеркнуть один, но самый существенный факт: близкого общения с будущим Президентом будут удостоены очень немногочисленные политики как из демократического (сенаторы Джон Керри, Том Дашл), так и консервативного (сенатор Чак Хейгл) окружения сенатора Обамы. Для американской нации архиважное значение имеет, кто находится в ближайшем окружении Президента, к кому из своего ближнего круга он прислушивается более всего.

Таким образом «место взрыва», «место катастрофы» или же «ближний круг как место соприкосновения с Президентом» (разговорным аналогом данного устойчивого сочетания является конструкция «доступ к телу») – становится сигнификатом единого для всего языкового коллектива сверхзначимого денотата. Поначалу связь рекуррентной конструкции с конкретным денотатом нерасторжима. Затем понятие Ground Zero концептуализируется с более обобщенным значением «Место сверхзначимого драматического события», и это делает возможным то, что в психологии называется трансдеривационный поиск, когда аналогии события индивид начинает искать в своей предыдущей истории. В предыдущих событиях начинают усматривать аналогии событий, объединяющих семы «взрыв», «интенсивность», «катастрофичность» и «спрессованное по месту и во времени драматическое событие».

Приведём ещё пример. Ни одно другое здание в мире не внесло такой вклад в политику и язык политического дискурса как здание гостиницы Уотергейт (*Watergate*) в Вашингтоне. В 1972 году в этом здании располагалась штаб-квартира Демократической партии. Сторонники партии республиканцев, а эта партия, по утверждению всезнающей прессы, всегда отличалась лучшими способностями в плане сбора компрометирующей информации на своих соперников и конкурентов, установила прослушивающую аппаратуру в этой гостинице. Разразился страшный скандал, приведший к политическому кризису в стране, и Президенту США Ричарду Никсону пришлось с позором подать в отставку. Однако лингвистическое пространство обогатилось новым рекуррентным словосочетанием – «Уотергейтский скандал» (*the Watergate scandal*), за названием которого скромно и удобно можно было скрыть все неблагоприятные дела и детали столь громкого политического дела. И с тех пор суффикс «gate» стал использоваться в политическом дискурсе с набирающей скоростью частотой, причём модель образования аналогичных словосочетаний, весьма продуктивна, используется с большой долей изобретательности по разным поводам со стороны прессы в большинстве англоговорящих стран.

➤ Когда брат Президента США Дж. Карте-

ра Билли Картер (Billy Carter) был замечен в алкоголизме, это событие тут же окрестили как «Биллигейт» (*Billygate*).

➤ Когда члены городского Совета в Данкастере, графства Йоркшир (Doncaster, Yorkshire) были обвинены в злоупотреблениях и превышении власти, газета «Йоркшир Пост» (Yorkshire Post) мгновенно приклеила этому скандалу ярлык «Даннигейт» (*Donnygate*).

➤ Всем известные скандальные отношения между Принцем Уэльским Чарльзом и Камиллой Паркер Боулз – Camilla Parkers Bowles – был назван «Камиллагейт» (*Camillagate*).

➤ И, наконец, когда Президент США Билл Клинтон был обвинён в любовных связях с четырьмя различными женщинами, которые он имел во время своего президентства, этот скандал тоже получил своё название как «сексгейт» (*sexgate*) или «форнигейт» (*fornigate*). Причём в последнем слове можно заметить игру слов: «форни» – это числительное четыре, которое по-английски будет *four* [Beard 2000: 27].

Исследование рекуррентных конструкций позволяет, таким образом, сделать вывод о том, что 1) состояние общества в эпоху социальных потрясений, общественных перемен – это особенно благодатная среда для возникновения рекуррентных конструкций, являющихся продуктивным способом экспрессивного именования новых явлений в жизни общества; 2) возникшее сочетание либо остается именем конкретного события, либо создает *новый аспект семантической категоризации*, вербализуя смыслы, которые начинают восприниматься данной языковой культурой как особенно значимые. В качестве этих последних можно привести примеры с участием «gate» как «грязный политический скандал» по инвариантному имени гостиницы «Watergate», которая была буквально нашпигована прослушивающей аппаратурой. Второй пример иллюстрирует использование «Ground Zero», инвариантный смысл которого – сверхзначимость конкретного события, которое имело место в конкретном временном пространстве, для американской нации. То есть в эпоху перемен возникают как идиоматические, так и фразеологические инновации, которые затем могут превратиться в новую модель семантической категоризации мира, выступая при этом идеальным инструментом мониторинга изменений социально-политических настроений в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка) // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. С. 231-253.

Баранов А.Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // «Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования». – М., Изд-во МГУ. 2003: URL: <http://www.eartist.narod.ru/next/12109htm#312>.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. 656 с.

Готта О.М. Прагматика функционирования ключевых концептов в риторике датских политических партий. Дисс. ... канд филол наук. – М., 2008. 220 с.

Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие [Отв. ред. М.Н. Володина] – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003. С.116-133.

Михалева О.Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.

Терентий Л.М. Дипломатический дискурс: политика, наука, искусство. – М.: Научная книга, 2009.

Терехова Е.В. Рекуррентные конструкции в современном английском политическом дискурсе (статус и функционирование). – М.: Флинта;Наука, 2010. 204 с.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – М., Флинта;Наука, 2007. 255 с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.

Beard, Adrian. The Language of Politics. Routledge – NY, 2000. P. 134.

Dieckmann W. Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatic und Semantik der politischen Sprache. – Heidelberg: Winter, 1981. 279 S.

Edelman M. Constructing the Political Spectacle. – Chicago, 1988. P. 142.

© Терехова Е.В., 2010

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Вдовиченко Л.В.

Сургут, Россия

«ПОРЯДОК» И «БЕСПОРЯДОК» КАК ЦЕННОСТЬ И АНТИЦЕННОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ И США

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье уделяется внимание вопросу выражения ценностей и антиценностей в языке, также приводятся некоторые результаты сопоставительного исследования идеологем «порядок / беспорядок» как способа выражения ценностей и антиценностей в российском и американском политическом дискурсе.

Ключевые слова: идеологема, ценность, антиценность, оценка, политический дискурс, порядок, беспорядок.

Сведения об авторе: Вдовиченко Лариса Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков №1.

Место работы: Сургутский государственный университет ХМАО-Югры

Контактная информация: 628416, Тюменская обл., г. Сургут, ул. Бажова, д. 19, кв. 49.

E-mail: vdovichw@rambler.ru.

Vdovichenko L.V.

Surgut, Russia

“ORDER” AND “DISORDER” AS VALUE AND ANTIVALUE IN THE POLITICAL DISCOURSE OF RUSSIA AND THE USA

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article deals with the question of expressing values and antivalues in the language. Results of comparative research of ideologems “order / disorder” as means of expressing values and antivalues in the political discourse of Russia and the USA are listed.

Key words: ideologem, value, antivalue, evaluation, political discourse, order, disorder.

About the author: Vdovichenko Larisa Vladimirovna, Senior Lecturer, the Chair of Foreign Languages №1.

Place of employment: Surgut State University KhMAO-Yugra

Результатом возросшего интереса лингвистов к изучению ценностей стало возникновение нового научного направления в линвокультурологии – аксиологической лингвистики (Е.В. Бабаева, В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин и др.). Одной из ключевых задач аксиологической лингвистики является проблема выражения ценностей и антиценностей в языке. К примеру, М.Я. Блох и Н.В. Ильина считают: «Понятие ценности связано лишь с положительным значением, что и отличает ценность от оценки. Отрицательных ценностей быть не может, поскольку одно и то же явление не может быть одновременно и положительным, и отрицательным в одном и том же отношении и для одного и того же человека». [Блох, Ильина 1986:16]. Следуя логике различных определений понятий «ценность / антиценность», мы признаём, что один и тот же объект, оцениваемый с одной точки зрения, может выступать как ценность, а с другой – как антиценность. Ценности и антиценности, выявленные в процессе оценки, не являются естественными свойствами оцениваемых объектов, «хотя они неразрывно связаны со своими носителями и немыслимы без них. Поэтому нельзя сказать, что они объективны. С другой стороны, ценность или антиценность не могут быть названы субъективными. Они – момент единства субъекта и объекта» [Блох, Ильина 1986: 17]. Т.А. Светоносова при проведении сопоставительного исследования ценностей в российском и американском политическом дискурсе на материале выступлений Президента Российской Федерации В.В. Путина и Президента Соединенных

Штатов Америки Дж. Буша рассматривает ценность как биполярную категорию, т.е. каждой ценности соответствует антиценность, или даже несколько антиценностей. В данном исследовании ценность понимается автором как то, «за что президенты планируют бороться, к чему они обещают стремиться, как то, что они признают наиболее важным. Соответственно антиценность – это то, против чего Президенты планируют бороться, то, что считают нежелательным, тормозящим развитие страны» [Светоносова 2006: 6-7]. Проанализированный речевой материал позволяет автору сделать вывод, что Президенты обеих стран регулярно обращаются к таким политическим ценностям как закон / law, свобода / freedom, liberty, демократия / democracy. Т.А. Светоносова подчеркивает, что в качестве антиценностей в выступлениях В.В. Путина зафиксированы соответственно «незаконный», «рабство, зависимость», «тоталитаризм». В выступлениях Дж. Буша, как отмечает исследователь, демократии противопоставляются такие политические режимы, как «гитлеризм, милитаризм, коммунизм».

В.В. Воробьев в своей монографии исследует линвокультурологическое поле «русская национальная личность», в рамках которого автор занимается изучением культурологических ценностей русской национальной личности. «В основе русской национальной личности лежат ценности, усвоенные русским народом в процессе его исторического бытия» [Воробьев 2008: 163]. Анализ литературных текстов, словарных статей, публицистики позволяет автору сделать вывод, «что для русских характерна

ориентация на общину, мир, общество, государство. Отсюда: героизм и жертвенность («сам погибай, а друга выручай», «или грудь в крестах, или голова в кустах»), романтизм и склонность к роли «первопроходцев и благодетелей», борьба с мещанством и меркантилизмом, жизнь во имя будущего и детей и т.д. Именно общинный характер, при котором выше ценились слава («Хоть денег ни гроша, зато слава хороша»), духовность (святость), знание, справедливость, власть определяет особенности русской национальной личности». [Воробьев 2008: 164].

И.В. Ерофеева, занимаясь исследованиями в области аксиологии медиатекста в российской культуре, обращается к категории «национальной Модели Мира языковой личности», в которой фокусируются духовные ценности, вбирающие сущность национальной аксиологии. По мнению И.В. Ерофеевой, национальная Модель Мира языковой личности основывается как на когнитивной (существующей в виде концептов), так и на языковой картине мира (существующей в виде значений языковых знаков). Такая модель, концептуализирующая и репрезентирующая действительность, поясняет И.В. Ерофеева, «обусловлена стереотипами, паттернами мысли и поведения, сконцентрированными в менталитете». Языковая личность, как указывает исследователь, представляет собой не только совокупность особенностей вербального поведения человека, но и базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка. «Национальная личность в системе коммуникативных поступков объективирует языковую личность, которая непосредственно раскрывает себя в значениях языковых единиц и смыслах текстов, демонстрируя образ жизни и систему ценностных координат человека как представителя определенной культуры» [Ерофеева 2010: 24-25].

По мнению В.И. Карасика, ценностную основу культуры общества составляет аксиологический кодекс языка, образованный из совокупности оценочных признаков в лексических значениях слов [Карасик 2002: 328]. Таким образом, особый интерес представляют различные способы оценочности в языке, которые являются основными средствами отражения системы ценностей в языковой семантике (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Бабаева, Е.М. Вольф, В.Д. Девкин, Ю. Дольник, Г.Н. Склярская, В.Н. Телия). М.Н. Эпштейн относит способ выражения оценочности в языке к одной из тех лингвистических проблем, с которыми постоянно приходится сталкиваться при анализе идеологических текстов [Эпштейн 1991: 19]. На уровне лексики представляется важным отметить такие способы, как прагмемы, идеологемы, мифологемы, культураны (лингвокультураны). В современной политической лингвистике под идеологемой понимают языковую единицу, «семантика которой покрывает идеологический

денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [Купина 2000: 183]. Особый интерес представляют идеологемы – семантические оппозиции, в частности *порядок/ беспорядок*.

Исследование идеологем «порядок» и «беспорядок» как ценности и антиценности проводилось на материале современных российских и американских печатных и электронных СМИ. 820 (455 русскоязычных и 365 англоязычных) выявленных примеров позволяют сделать определенные выводы для сопоставительного анализа. Все примеры были, прежде всего, классифицированы в соответствии со сферой употребления на примеры, которые относятся к субсфере внутренней политики, и те, которые обнаружены при обращении к дискурсу внешней политики. Сравнительный анализ данных классификации выявил определенную иерархию ценностей / антиценностей. Так, в субсфере внутренней политики лидирующее положение занимает идеологема «порядок» как ценность и атрибут государственной власти, ее силы и могущества. Исследуемая идеологема зафиксирована в 70 русскоязычных и 30 англоязычных примерах. «Порядок – это сложившаяся при В. Путине система управления государством, которую некоторые политики называют «суверенной демократией». Наш народ горой стоит за порядок. Лучшее всего термин «порядок» характеризует знаменитая фраза Столыпина, сказанная им о революционерах: «Им нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия!» Нашему народу и нашей партии нужен такой ПОРЯДОК» (Лозунги партии социальной справедливости/Российская газета, 20.11.2007). «In America, political majorities live or die at the intersection of two public yearnings: for freedom and for order. Traditional liberalism died there because Americans – who had once associated it with order – came to associate it with disorder instead». (В Америке политические партии живут или умирают на пересечении двух общественных сильных желаний: свободы и порядка. Традиционный либерализм умер, потому что американцы – те, кто ассоциировал его с порядком – ассоциируют его теперь с беспорядком) (Peter Beinart, Time, 13.11. 2008). Идеологема «беспорядок» лидирует в значении «социальные беспорядки, стычки с милицией / полицией» – 84 и 37 примеров в политическом дискурсе России и США соответственно. «В России «свободной» конца 20 столетия, среди прочих, родилось новое поверье: когда в улице – порядок, беспорядки происходят на улице, когда беспорядок в голове, до улицы остается ждать немного. В России «тоталитарной» сталинского периода порядок был везде – и в головах, и на улицах. Тема порядка – беспорядка сегодня вдруг оказалась актуальной фактически везде, как некогда тема свободы слова» (Олег Головин, <http://zavtra.ru>. 18. 02.2003). «Without

any unifying themes in foreign or domestic policy, disorder reigned. Bush will find common ground reading about Carter's experience». (Без каких-либо тем, единых как для внешней, так и для внутренней политики, преобладал беспорядок. Буш найдет точку соприкосновения, читая об опыте Картера) (Julian E. Zelizer, Newsweek, 11.10.2008).

Особый интерес представляют результаты исследования в субсфере внешней политики. Следует отметить, что идеологема «порядок» в контексте нового мирового порядка занимает центральное место в политическом дискурсе и России, и США. Безусловным представляется ценность нового мирового порядка как порядка многополярного, как взаимодействие различных государств, как способ глобализации мира, на что указывает значительное количество примеров: 42 русскоязычных и 29 англоязычных. *«В настоящее время широко обсуждается проблема, каким должен быть новый мировой порядок. Нынешний миропорядок, конечно, далек от идеального. Содержание, параметры нового мирового порядка до конца определить невозможно. Можно предположить, что новый мировой порядок будет формироваться постепенно и сразу не охватит государства всех локальных цивилизаций, все континенты»* (Ю.Я. Киршин, Независимая газета, 10. 04. 2009). *«Obama promises the world a renewed America. With a steel never so pronounced in his campaign, he challenged America's adversaries – and, recently, some of its oldest friends – who have spied an America diminished by economic distress and war, and heralded a new world order in which America would give up much of its power»*. (Обама обещает миру обновленную Америку. С твердостью, никогда не декларированной в период его кампании, он бросил вызов противникам Америки – и, до недавнего времени, некоторым ее старым друзьям – которые обнаружили, что Америка подорвана экономическим бедственным положением и войной, и объявил новый мировой порядок, в котором Америка уступит большую часть своей власти) (The New York Times, 20. 01. 2009). В американском политическом дискурсе идеологема «order» занимает особое место. В начале 1990-х годов США выступили активным претендентом на глобальное лидерство. После падения режима Саддама Хусейна мир заговорил о практически безраздельном господстве Соединенных Штатов, что позволило США вмешиваться во внутренние дела других государств. «На Америку ложится бремя законодателя, арбитра и шерифа, который ведет за собой, подтягивает отстающих, наказывает смутьянов» [Бажанов 2009:18]. Согласно результатам исследования идеологема «order» в значении «соблюдение законности и правопорядка в различных странах мира» в иерархии ценностей представлена наиболее широко (43 примера). Тогда как в российском политическом дискурсе

не зарегистрировано ни одного примера с такой коннотацией. *«But few expect the Somali force can establish order»*. (Но немногие ожидают, что сомалийские власти могут установить порядок) (Salad Duhul, The Washington Post, 15. 01. 2009). Представляется необходимым подчеркнуть тот факт, что в американском политическом дискурсе присутствует большое количество примеров, в которых содержится критика войны и действий американского правительства в Ираке. *«There is no strong plan for turning Iraq over to Iraqi people and we're quickly losing even the ability to maintain order»*. (Не существует плана по передаче Ирака народу Ирака, и мы стремительно теряем способность поддерживать порядок) (Robert C. Byrd, The Washington Post, 15. 01.2009). Идеологема «порядок/order» как ценность существующего мирового порядка также отмечена и в российском, и в американском политическом дискурсе (33 и 34 примера соответственно). *«Возникший после 1945г. мировой порядок, позволявший избегать столкновений, признававший суверенитет государств над своей территорией и необходимость мандата ООН на вмешательство в случае международного конфликта, разрушен»* (Александр Шаравин, Независимая газета, 20.03.2009). *«The iron law of the post-cold war global order is in order to be influential or powerful, a nation must be prosperous, its economy must take part in the international system»*. (Железный закон глобального миропорядка после холодной войны таков: чтобы быть влиятельным или могущественным, любое государство должно быть процветающим, его экономика должна участвовать в международной системе) (Michael Hirsh, Newsweek, 13. 04. 2009).

Результаты исследования указывают на некоторые отличия в иерархии антиценностей, выраженных идеологемой «беспорядок / disorder». Так, в российском политическом дискурсе зафиксированы только случаи употребления исследуемой идеологемы в значении «отсутствие взаимодействия различных государств». *«Лишь видение реального врага и «чистые» спецслужбы, не вовлеченные в реваншистскую деятельность и не заинтересованные в распространении управляемого хаоса, способны остановить наступление Нового мирового беспорядка»* (В.С. Овчинников, Россия в глобальной политике, № 2, 2006). В отличие от российского политического дискурса, в американском политическом дискурсе отмечено большее количество использования идеологемы «disorder» для выражения антиценностей, таких как хаос в мировой экономике, слабость государственной власти (по мнению США) в других странах, беспорядок и рост преступности в некоторых странах мира. *«Deadly fires expose disorder in Putin's Russia. But the fast-moving fire on October 2, and the grotesque panorama of desperation, injury and death that accompanied it, underscored the enduring disorder be-*

neath Russia's partial revival». (Беспощадные пожары обнажают беспорядок в путинской России. Но быстро распространившийся пожар, произошедший 2 октября, и гротескная панорама отчаяния, смерти и ущерба, сопровождавшая его, высветили устойчивый беспорядок, который кроется за частичным возрождением России) (New York Times, 07. 11. 2007).

Итак, широкое употребление идеологемы «порядок» в политическом дискурсе России указывает на то, что в российском политическом сознании базовой ценностью является порядок, что обусловлено тем, что в социоцентристском российском обществе соседствуют установка «быть как все» и доминирующий принцип «запрещено всё, что не разрешено». Некоторые исследователи указывают на специфическую советскую окраску: «Порядок» – очень важная ценность для советского и постсоветского сознания – означал, прежде всего, порядок в рамках государства, устойчивую систему власти, обладающей силой и авторитетом, и лишь в самой малой степени воспринимался как порядок в делах отдельного человека или малой группы» [Пантин, Лапкин 1999: 147]. Большинство россиян и сегодня чувствуют себя уверенно только в ситуации, где существуют конкретные предписания, что и как делать, определённый порядок, регламентирующий нормы и правила поведения. Ситуация, где «разрешено всё, что не запрещено», допускающая свободу выбора и действий, в российском обществе часто оценивается как «непорядок». В любом обществе существуют нормы или социальные предписания, но только в социоцентристском обществе такие нормы носят тотальный и универсальный характер. В российском обществе эти нормы имеют также и политический смысл: любой способ жизнедеятельности должен быть разрешён инструкциями, законами, регламентами «сверху». Чем больше таких предписаний, чем больше сфер деятельности они охватывают – тем больше порядка в обществе. Поэтому в российском менталитете социальный порядок ассоциируется с государством, роль которого для большинства состоит в регламентации и приданию порядка всем общественным отношениям. Порядок кажется тем основательнее и надёжнее, чем больше государство издаёт законов и инструкций, подробно и детально определяющих все стороны жизни общества и индивида. Отсюда у русского человека «страсть к порядку» и готовность поддерживать государственную власть в деле «наведения порядка». Как отмечает Е. Бажанов, в России традиционно существует культ самодержца, строгого к своим, беспощадного к врагам. «Все уважаемые политические персонажи прошлого именно такие – Иван Грозный, Петр Первый, Николай I. Реформаторы, гуманисты – не в почете, ни Александр II, ни Никита Хрущев,

ни Михаил Горбачев. Тоталитарные настроения подхлестываются неудовлетворенностью нынешней жизнью. Людям кажется, что Сталин навел бы порядок и восстановил бы социальную справедливость» [Бажанов 2010: 21]. Следует отметить, что результаты многих социологических исследований, в частности всероссийских массовых репрезентативных опросов Фонда «Общественное мнение», социологических опросов «Левада – центра», целью которых явилось выявление динамики политических и других ценностных ориентаций жителей России в период становления новых политических и экономических институтов, указывают на яркую идеологическую окраску такой ценности как порядок. Идеологема «беспорядок» отражает ярко выраженную антиценность. Данное исследование подтвердило, что порядок не относится к числу фундаментальных американских ценностей. В XXI в. согласно результатам многочисленных исследований как американских, так и российских ученых, сложную систему, именуемую «фундаментальными американскими ценностями», составляют частная собственность, равенство (имеется в виду, прежде всего, конечно, равенство возможностей), свобода, индивидуализм, стремление к достижению «личного успеха». Эта система также дополняется такими естественными для американцев жизненными принципами, как свободное предпринимательство, деньги, богатство, конкуренция, расчет на собственные силы, высокий жизненный уровень, семья, демократия, религия.

ЛИТЕРАТУРА

- Бажанов Е. Сталин: ожившие мифы и отжившая реальность // Эхо планеты. 2010. №18.
- Бажанов Е. Несостоявшаяся «Pax Americana» // Эхо планеты. 2009. №45.
- Блох М.Я., Ильина Н.В. Структура и семантика оценочной конструкции // Функциональная семантика синтаксических конструкций. – М., 1986.
- Воробьев В.В. Лингвокультурология: Монография. – М.: РУДН, 2008.
- Ерофеева И.В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в.): Автореф. дис. докт. филол. наук. – СПб., 2010.
- Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
- Купина Н.А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. – М., 2000.
- Пантин В., Лапкин В. Ценностные ориентации россиян в 90-годы // Pro et contra. 1999. Т. 4. № 2.
- Светоноснова Т.А. Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006.
- Эпштейн М.Н. Идеология и язык // Вопросы языкознания. 1991. № 6.

© Вдовиченко Л.В., 2010

Ворошилова М.Б.
Екатеринбург, Россия

**АЛЕКСЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ! НАЩУПАЛИ ДНО?:
ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КАРИКАТУРЕ О МИРОВОМ КРИЗИСЕ**

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. В ситуации современного мирового кризиса в политическом дискурсе особое значение приобретает неформальная коммуникация, одним из самых эффективных орудий становится политическая карикатура, которая позволяет открыто и довольно точно выразить общественное, часто критическое мнение. В рамках настоящей статьи мы представляем результаты исследования функционирования прецедентного имени в современной русской политической карикатуре о мировом кризисе.

Ключевые слова: политическая коммуникация, неформальная политическая коммуникация, политическая карикатура, кризис, прецедентное имя.

Сведения об авторе: Ворошилова Мария Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, к. 285.

E-mail: shinkari@mail.ru.

Voroshilova M.B.
Yekaterinburg, Russia

**ALEKSEJ LEONIDOVICH!
HAVE YOU GROPED THE BOTTOM?:
PRECEDENT NAME IN THE POLITICAL
CARICATURE ON THE WORLD'S CRISIS**

ГЧНТИ 16.21.27, 16.21.33
Код ВАК 10.02.01

Abstract. In terms of the world crisis the important role in political discourse is given to informal communication. One of its most effective tools is political caricature while it allows openly and clearly express opinion of the public, which is often critical. In this article we present the results of analysis of the metaphorical image of the world crisis in contemporary Russian caricature.

Key words: political communication, informal political communication, political caricature, crisis, political metaphor.

About the author: Voroshilova Maria Borisovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

620017, pr. Kosmonavtov 26, k. 285.

Радикальные социально-экономические перемены, происходящие в России в начале XXI века в условиях мирового кризиса привели к коренному преобразованию социальных и культурных отношений, к пересмотру системы ценностей. Ожидаемым откликом на произошедшие преобразования стала актуализация неформальной политической коммуникации и особенно ее визуальных средств. Особое место в современном политическом дискурсе справедливо заняла карикатура: ее роль и значение определяется в первую очередь наглядностью передаваемой информации, используя концептуальные образы, автор может очень точно передать суть какого-либо социального явления, отношение свое и общества к изображенным персонажам, проблемам.

В рамках настоящего проекта мы представляем результаты исследования современной русской политической карикатуры о мировом кризисе. Методом сплошной выборки нами были отобраны 100 русских политических карикатур о мировом кризисе, представленные в Рунете. Ранее нами была описана метафорическая база анализируемых политических карикатур [подробнее см. Ворошилова 2010]: было отмечено, что метафорический образ мирового кризиса в современной русской политической карикатуре основан на 3 ключевых метафорических моделях:

- кризис – это падение (в том числе, катастрофа),
- кризис – это качели,
- кризис – тяжелая болезнь, смерть.

В ходе анализа мы пришли к выводу, что в качестве определяющих семантических компо-

нентов образа кризиса можно отметить следующие: нестабильность, неизбежность и трагичность последствий.

На настоящем этапе исследования мы обратились к анализу прецедентного имени в современной политической карикатуре о мировом кризисе. Именно прецедентное имя составляет ядро современной теории прецедентности, получившей свое признание по второй половине XX века в основополагающей монографии Ю.Н. Караулова (1987) и далее активно развиваемое в отечественной лингвистике под влиянием публикаций таких авторов, как: Ю.А. Сорокин и И.М. Михалева (1989), Д.Б. Гудков (2003) и В.В. Красных (2002), Н.А. Кузьмина (1999), Г.Г. Слышкин (2000, 2004), Е.А. Нахимова (2007).

Действительно в современном научном дискурсе активно исследуется так называемый феномен прецедентности, но, как правило, в центре внимания оказываются только вербальные единицы, в то время как визуальные прецедентные феномены остаются вне поля зрения ученых (справедливости ради отметим, что отдельные удачные попытки подобного «широкого» подхода все же были предприняты [см.: Мардиева 2007; Сметанина 2002]).

Но современная коммуникация развивается и требует соответствующей эволюции научного инструментария. В последние годы в лингвистике значительно возрос интерес и к невербальным средствам коммуникации, так называемой «визуальной информации», что отмечается в большинстве исследований, посвященных не традиционной лингвистике текста, а лингвистике семиотически осложненного, составного, поликодового, креолизованного текста (Е.Е. Аниси-

мова, В.М. Березин, Л.С. Большаянова, Н.С. Валгина, Л.В. Головина, Е.В. Горина, А.Ю. Зенкова, О.Л. Каменская, В.М. Ключанов, Э.А. Лазарева, Н.В. Месхишвили, О.В. Пойманова, Ю.А. Сороченко, Е.Ф. Тарасов и др.). Таким образом, современная коммуникация, в которой все большую роль начинает играть визуализация, а текст все чаще характеризуется поликодовой структурой, несомненно требует расширения зоны внимания исследователей прецедентности.

Значимость визуальных компонентов текстов бесспорна. Несмотря на тот факт, что на уровне глубинной семантики, действительно, не существует принципиальной разницы между значением вербальных и иконических знаков, тем не менее, специальные исследования свидетельствуют о том, что вербально и невербально передаваемая информация воспринимается по-разному: «визуальные средства в отличие от вербальных или интеллектуальных (слово, понятие, теории) позволяют человеку практически мгновенно воспринимать запрограммированное воздействие, причем это воздействие является и более глубоким, поскольку визуальные системы влияют не только на интеллект, но и на эмоционально-чувственный базис человека» [Розин 2006: 26]. Таким образом, вербально представленная информация влияет на сознание индивида как правило рациональным путём, использование же различных паралингвистических средств автоматически переводит восприятие на подсознательный уровень. Кроме того, визуально воспринимаемая информация, «впечатления глаза», по мнению исследователей, вызывает у адресата большее доверие. Так, Л. Войтасек пишет: "то, что мы видим, быстрее и легче принимается как истина, вызывает меньше опасений" [1981: 190].

Изображение, в отличие от слова, всегда представляющего чей-то интерес или позицию, принимается, как правило, в качестве некоей объективной картинки и не соотносится в сознании адресата с той или иной политической установкой адресанта, оно кажется более демократичным [цит. по Чудакова 2005: 189]. Таким образом, можно говорить об огромной воздействующей силе визуального компонента креолизованного текста, что и обуславливает их популярность и актуальность в рамках современного политического дискурса, а также еще раз подчеркивает актуальность обращения к изучению визуальных прецедентных феноменов, имеющих столь важное значение при «прочтении» текста с поликодовой структурой.

Итак, в рамках настоящего исследования в центре внимания оказались как вербальные, так и визуальные прецедентные имена неформального политического дискурса. Считаем необходимым отметить условность используемых терминов «вербальные» и «визуальные» прецедентные феномены, так как их структура и даже способы репрезентации зачастую не ограничиваются только знаками одной семиотической системы, что будет описано нами в ходе анализа.

Среди наиболее частотных в современной карикатуре о мировом кризисе нами были отме-

чены 5 имен современных политических деятелей: Кудрин А.Л., Путин В.В., Медведев Д.А., Обама Б., Горбачев М.С.

Отметим, что в политической карикатуре спецификой реализации прецедентного имени становится его метафорическая основа: автор в рамках единого визуального образа должен представить как реальное политическое лицо, так и оценку его деятельности, и главным инструментом в данном случае становится именно концептуальная метафора, нередко основанная на том или ином прецедентном феномене.

Так нами было отмечено, что «молодые» президенты Дмитрий Медведев и Барак Обама чаще предстают в образе детей, которые в полной мере не осознают происходящее: например, в популярной карикатуре «Опять двойка» Дмитрий Медведев – это младший брат, беззаботно катающийся на велосипеде, он скорее рад видеть брата, нежели озабочен «очередной двойкой». Возможно таким образом, авторы пытаются отчасти снять ответственность с «юных и неопытных» президентов.

Но нередко художники представляют Дмитрия Медведева и как растерявшего ребенка: он не знает, что надо сделать, его действия наивны – он искренне кричит в вдогонку убегающим долларам «Куда же вы?», так и хочется добавить «Я больше так не буду...».

Роль же отцов-наставников играют Владимир Путин и Михаил Горбачев, они не только хорошо осознают последствия кризиса (очередной двойки), но и готовы поделиться своим богатым опытом.

Нередко Владимир Путин предстает как «старший товарищ», готовый дать ценный совет и даже укорить оступившегося коллегу. Именно он предстает в образе старшего товарища в серии карикатур, основанных на прецедентном тексте советского политического плаката: «Брось доллары! Держи в рублях», – советует он гражданам. Именно он произносит заветную фразу «Алексей Леонидович! Нашупали дно?» перед тонущим в болоте Кудриным. Отметим также, что обращение к советскому плакату при формировании прецедентного имени Владимира Путина не случайно и обусловлено как реальными фактами биографии (Владимир Владимирович служил в КГБ), так и распространенными в современной политической дискурсе аллюзиями к советской власти.

Но наиболее интересным и богатым образом в современной политической карикатуре о мировом кризисе стало прецедентное имя Алексей Леонидовича Кудрина, который предстает то в образе деда Мазая, успокаивающего зайцев: «Спокойно, ребята! Самое страшное позади»; то в образе Герасима, выбрасывающего Му-Му-экономику со словами: «И вот как только достигнешь дна, тут-то он и начнется подъем».

Специфика прецедентного имени Кудрина в анализируемых карикатурах определена в первую очередь и тем, что его основой послужил именно вербальный компонент. Ставшие уже знаменитыми фразы Алексей Леонидовича о временной коррекции и дне кризиса и определили концептуальную базу данного образа. Авторы не столько оценивали его роль в ситуации кризиса, сколько конкретные фразы, вызвавшие серьезный резонанс общественности, фразы, возможно верные с экономической точки зрения, но шедшие в противовес ощущениям и желаниям общества. Именно поэтому специфика прецедентного имени А.Л. Кудрина в современной политической карикатуре определяется в первую очередь характером соотношения вербального и визуального компонентов, вступающих в оппозитивную корреляцию, когда содержание, переданное невербальными средствами, вступает в противоречие с вербальной информацией, на основе этого и возникает комический эффект, столь актуальный в неформальной коммуникации. Дед Мазай успокаивает зайцев «Спокойно, ребята! Самое страшное позади», но их уже настигает огромная волна – им не спастись. Очевиден и оценочный потенциал данного вида корреляции.

Таким образом, мы можем отметить, что прецедентное имя в политической карикатуре может быть представлено как на визуальном уровне средствами художественной типизации (в данном случае часто используются средства коллажа или шаржа), как на вербальном уровне (представляемое лицо узнается по некоей фразе), так и на обоих уровнях одновременно. Но целостный образ можно воссоздать только при анализе соотношения данных уровней, их корреляции, даже если отсылка к имени представлена только на одном из уровней.

В анализируемых текстах нами была отмечена следующая закономерность: если отсылка к прецедентному имени была представлена на вербальном уровне, то чаще использовалась оппозитивная корреляция; если же на визуальном уровне – интерпретативная корреляция, когда между содержанием вербального и невербального компонентов связь устанавливается не прямо, а на ассоциативной основе.

Также были отмечены случаи поддерживающей корреляции: один компонент дополняет, как бы поддерживает семантику второго (Михаил Горбачев читает «маленькому» Бараку Обаме книгу с названием «Перестройка»), но только если традиционно поддерживающий компонент выполняет функцию акцента, то в

анализируемых текстах он чаще выступает в роли некоей подсказки. Ведь адресат должен владеть необходимым фоновыми знаниями для целостного «прочтения» текст карикатуры, но как правило адресат Интернет молод, он знает о перестройке из учебников, имя Михаила Сергеевича Горбачева не актуально в современном политическом дискурсе, что и обусловило как низкую частотность данного прецедентного имени, так и необходимость использования поддерживающего компонента.

Предпринятая попытка анализа – лишь зарисовка к обозначенной проблематике, которая еще ждет своего решения.

ЛИТЕРАТУРА

Бойко М.А. Функциональный анализ средств создания образа страны (на материале немецких политических креолизованных текстов) (10.02.04 – Германские языки): Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук – Воронеж, 2006

Ворошилова М.Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007а. Вып. (3)23. с. 73-78

Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 20. с. 180-190

Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2007. Вып. (1)21. с. 75-80

Ворошилова М.Б. Кризис сквозь смех: метафорический образ мирового кризиса в русской политической карикатуре // Политическая лингвистика. 2010. Вып. (1)31. с. 90-95

Ворошилова М.Б. Политическая карикатура как креолизованный текст // Русский язык: человек, культура, коммуникация: сб. научн. тр. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2008. с. 256-263

Мардиева Л.А. Прецедентные визуальные феномены в газетно-журнальных текстах // Вестник ТГГПУ. 2007. № 1(8). URL: http://vestnik.tggu.ru/subdmn/vestnik/system/files/62-67_8.pdf (дата обращения: 28.12.2009).

Нахимова Е. А. Дискуссия о статусе и семантике имени собственного // Политическая лингвистика. 2010. Вып. (1)31. с. 171-175.

Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации – Екатеринбург, 2007. 207 с.

Полякова И.С. Роль прецедентного имени в формировании эзотеричности политического текста (на материале выступлений Кондолизы Райс) // Политическая лингвистика. 2010. Вып. (1)31. с. 126-131.

Розин В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и воспринимает мир. – М., 2006

Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры: Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. – СПб, 2002.

Чудакова Н.М. Концептуальная область "Неживая природа" как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000-2004 гг.) // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (10.02.01 – русский язык) – Екатеринбург, 2005

© Ворошилова М.Б., 2010

Гусев Д.В.

Нижний Новгород, Россия

**КОНЦЕПТУАЛЬНО-ДИСКУРСИВНЫЕ
СТРУКТУРЫ В ПОСЛАНИИ ПРЕЗИДЕНТА
ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ РФ
2008 ГОДА**

УДК 32.019.51

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье исследуются механизмы коммуникации власти с обществом. С помощью когнитивного подхода к политическому дискурсивному анализу выделены и изучены концептуально-дискурсивные структуры, использованные в ежегодном послании Президента ФС в 2008 году. Обозначена связь между применением концептуально-дискурсивных структур при реализации коммуникативной стратегии власти и состоянием современного политического процесса в России.

Ключевые слова: коммуникативное пространство, концептуально-дискурсивная структура, политический дискурс.

Сведения об авторе: Гусев Денис Владимирович, аспирант кафедры политологии.

Место работы: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Контактная информация: 603000, Нижний Новгород, ул. Юбилейная, д. 26, кв. 7.
e-mail: gusevdenis.inbox@gmail.com

Gusev D.V.

Nizhny Novgorod, Russia

**THE CONCEPTUAL DISCOURSE STRUCTURES
IN PRESIDENTIAL ADDRESS
TO THE FEDERAL ASSEMBLY
OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 2008**

ГЧТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article investigates communication mechanisms of authority with society. With the help of the cognitive approach applied to the political discourse analysis the conceptual discourse structures used in Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation in 2008 are allocated and investigated. Connection between application of conceptual discourse structures aimed at realization of communicative strategy of the authority and the condition of modern political process in Russia is designated.

Key words: communicative space, conceptual discourse structure, political discourse.

About the author: Gusev Denis Vladimirovich, Post-Graduate Student of the Chair of Political Science.

Place of employment: The Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Для послания Президента ФС РФ 2008 г. характерно использование концептов, уже ставших традиционными для современной российской власти и проявляющихся во многих ее коммуникативных сообщениях на протяжении последнего десятилетия, так и концептуализация новых когнитивных конструкторов, актуализированных рядом социально-политических, экономических событий второй половины 2008 г. Эти концепты находятся в определенных структурных отношениях с артикулирующимися в послании официальными политическими дискурсами. Попробуем на основании применения когнитивного подхода к дискурс-анализу [Водак 2004; Карасик 2002; Кибрик 2003; Филлипс Йоргенсен 2004; Шейгал 2001], теории концептуализации [Лакофф, Джонсон 2004], а также теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера [Скребцова 2002] разобраться в этих структурных отношениях и ответить на вопрос о значении подобной артикуляции выявленных в послании 2008 г. концептуально-дискурсивных структур.

В начале послания Президентом производится оценка событий 2008 года. Д.А. Медведев говорит о том, что на фоне различного рода социально-политических и экономических достижений произошли значимые для каждого жителя страны события, ставшие серьезным испытанием для России [Послание... 2008]. Первый когнитивный концепт, который используется в послании – концепт агрессии против Южной Осетии. Для концептуализации этого события применяются различные лексические и фреймовые механизмы. При развертывании концепта

агрессии против Южной Осетии лексически проявляются коммуникативно значимые элементы (слоты). При описании событий 08 августа 2008 г. на Кавказе используются формулировки трех категорий. Во-первых: «варварская агрессия против Южной Осетии», «нападение грузинской армии на российских миротворцев», «преступный авантюризм тбилисского режима». Вторая категория: «трагедия для многих тысяч людей, целых народов», «трагедия Цхинвала», «трагические события в Южной Осетии» и др. И третья категория: «напряжение во всем кавказском регионе», «конфликт на Кавказе» и пр. [Послание... 2008] Таким образом, реализуется концепт, в котором ситуация представляется автором и воспринимается адресатом коммуникативного сообщения, как агрессивные действия, направленные против малых народов (Южной Осетия) и России (первая категория высказываний), приведшие к трагическим последствиям (вторая категория). Ответственным за эти действия называется «тбилисский режим» (1-ая категория). И высказывания третьей категории осуществляют фреймовую связь концепта агрессии против Южной Осетии с традиционным для российского политического коммуникативного пространства концептом – концептом «кавказский кризис». Один новый концепт когнитивно связывается с другим традиционным концептом со всеми характерными ментальными репрезентациями последнего. То есть, на новое конструируемое ментальное пространство – концепт – проецируется структура исходного ментального пространства (Теория концептуальной метафоры Лакоффа [Лакофф, Джонсон 2004]).

Фактически концепт «агрессии против Южной Осетии» согласно теории концептуальной интеграции реализуется из «исходных» концептов «кавказский кризис» и «противостояние Россия – США» и связывается с ними с помощью фреймовых структур. Но концепт «противостояние Россия – США» не является конечным звеном в цепочке этой фреймовой структуры. Президент Д.А. Медведев в послании говорит о происхождении событий 08 августа в Южной Осетии. Нападение грузинской армии на Южную Осетию называется провокацией, повлекшей рост напряженности во всем кавказском регионе, а конфликт на Кавказе – «предлогом для ввода в Черное море военных кораблей НАТО» и «затем для ускоренного навязывания Европе американских противоракетных систем» [Послание... 2008]. С помощью подобной когнитивной цепочки происходит связь названных концептов с другим концептом, в данном случае – с концептом «ответственность США за события в мире».

Второй реализующийся концепт послания Президента 2008 года – «мировой финансовый кризис». Этот концепт связывается с концептом «агрессия против Южной Осетии» общим происхождением («Две очень разные проблемы, имеющие, однако, общее происхождение» [Послание... 2008]), а через общее происхождение происходит его связка с ролью США в мире, что в свою очередь снова задействует концепт «ответственности США». Репрезентация рассматриваемого концепта «мировой финансовый кризис» в тексте послания ФС происходит за счет меняющихся высказываний, описывающих кризис: «мировой финансовый кризис – как «локальное ЧП»», «непростые финансовые периоды», «экономический кризис», «глобальный экономический кризис». Изменения определения существующего кризиса также имеет когнитивное значение. Во-первых, эти изменения показывают глобальное влияние экономики США на национальные экономики других стран, а отсюда – снова связь с концептом «ответственности США за события в мире». Во-вторых – включенность России в глобальную экономику. Здесь прослеживается когнитивная связь с другим важным концептом послания Президента – концептом «глобальная экономика» (или «глобальный мир»). Концепт «глобальной мировой экономики» активизируется в тексте послания с помощью различных речевых формулировок, например: «свойство местных проблем становиться всеобщим», «мы сделали выбор в пользу глубокой интеграции России в мировой хозяйство» и др. [Послание... 2008].

Концепты «вовлеченности России в глобальную экономику» и «ответственности США за глобальные события» представляют собой в концептуально-интегративной схеме два «исходных» концепта для задействования другого концепта – «ответов России на глобальные события». Фактически концепт «ответы России»

есть не что иное, как заключенная в когнитивную форму программа действий власти по преодолению негативных кризисных событий 2008 г. Этот концепт активизируется в послании с помощью ряда когнитивных выражений: например, «ответные меры со стороны России», «Россия готова ... противостоять трудностям»; и информативных высказываний: «необходимо создать механизмы, блокирующие ошибочные решения некоторых членов мирового сообщества», «нужно радикально реформировать политическую и экономическую систему», «в ближайшем будущем сформируем современную самостоятельную финансовую систему», «противодействие США, НАТО, ПРО», «новые правила мировой финансовой архитектуры» и пр. [Послание... 2008].

Концепт «ответы России» является одним из двух доминирующих концептов президентского послания. Именно они – высшие звенья задействованной концептуально-интегративной цепочки. Второй подобный доминирующий концепт будет выделен в ходе дальнейшего анализа.

Такое значение концепта «ответы России» заключается в следующих факторах. Во-первых, информационные высказывания Президента, активизирующие рассматриваемый концепт, дают возможность понять позицию власти и прогнозировать ее дальнейшие действия, а, следовательно, и развитие политического процесса. Во-вторых, в когнитивной плоскости этот концепт призван утвердить в адресатах понимание действий власти как ответных на негативные «вызовы» внешних сил, формируя тем самым позитивное отношение к действиям власти, как к действиям защищающейся стороны. И, наконец, в-третьих – центральное положение в концептуально-интегративной схеме означает, что этот концепт в той или иной мере находится в отношениях фреймовой связи со всеми другими концептами, задействованными в послании.

Реализация концепта «ответы России» только за счет «исходных» концептов, связанных с внешним влиянием (концепт «вовлеченности в глобальную экономику» и концепт «ответственности США»), оказалась недостаточной. Поэтому в послании вводится новый концепт – «ценности России». Президент говорит о «вещах, которыми нельзя поступиться, ради которых нужно бороться и побеждать» [Послание... 2008]. В послании называется семь таких ценностей российского народа: справедливость, свобода, жизнь человека, межнациональный мир и защита малых народов, семейные традиции, патриотизм и идеология, в центре которой человек. На когнитивном уровне с помощью этих ценностей действия власти, выраженные концептуально в виде ответов России на угрозы и объясненные с позиции вынужденной защиты, оправдываются нравственной необходимостью. Такая реализация одного

концепта («ответы России») на основании другого «исходного» концептуально пространства» («ценности России») приводит к тому, что на ментальном уровне происходит связь современной российской политики с древними традиционными российскими морально-этическими принципами.

Концепт «российских ценностей» интегрирован с традиционным для российской власти концептуальным представлением о справедливом обществе. Президент использует такие выражения: «Россия будет процветающей демократической страной, сильной, комфортной для жизни, лучшей в мире», «государство будет выполнять все свои обязательства перед людьми», «Российская федерация – социальное государство» [Послание... 2008]. Они, во-первых, служат обоснованию действий современной власти, так как воспринимаются как ее цели, и, во-вторых, переводят когнитивное восприятие послания в другую область – сферу внутренней политики.

Президент, перейдя в своем выступлении к области внутренней политики, задействует новые концепты, которые формируют еще один крупный концептуальный комплекс в тексте послания.

Концепт «российских ценностей» и концепт «справедливого общества» являются исходными для реализации концепта «Конституции», как института, сыгравшего «решающую роль в становлении российской демократии» и «предопределившего путь обновления России как государства свободной нации», и концепта «демократической России».

Концепты «ответы России» и «справедливое общество» актуализируют на ментальном уровне когнитивное восприятие антикризисных действий. Концепт «антикризисная программа» впоследствии станет весьма популярным и будет часто использоваться во многих коммуникативных сообщениях власти. В послании 2008 г. он реализуется в связи с идеями Д.А. Медведева, обозначенными еще в докризисный период – концепцией «четырех «и»», к которым Президент добавляет пятый элемент – «интеллект». Эти пять элементов называются национальными приоритетами и предстают как неотъемлемая часть антикризисной программы, а консолидация для их реализации – залог успешного преодоления кризиса. Таким образом, ранее обозначенные концептуальные идеи власти связываются с новыми социально-политическими и экономическими реалиями и облекаются в новую форму программы «антикризисных мер».

Концептуальные пространства «Конституция» и «свободное общество» противопоставлены еще одному, важному для когнитивного восприятия послания, концепту, который задействует Президент – концепту «всесильная коррумпированная бюрократия». Президент говорит, что «государственная бюрократия по-

прежнему, как и 20 лет назад, руководствуется все тем же недоверием к свободному человеку, к свободной деятельности», «она порождает массовый правовой нигилизм, она вступает в противоречие с Конституцией, тормозит развитие институтов инновационной экономики и демократии» [Послание... 2008]. Тем самым, в послании с помощью концепта «всесильной коррумпированной бюрократии» формируется когнитивное представление о «внутреннем враге», с которым нужно бороться. И Президент предлагает способ такой борьбы – реформы.

С помощью негативной концептуальной интеграции, когда несколько «исходных» концептов противопоставляются другому, а он в свою очередь актуализирует также с помощью противопоставления еще один или несколько концептов, достигается реализация концепта «реформ». Этот концепт является вторым доминирующим центральным концептом послания Президента ФС 2008 г.

Несмотря на то, что Президент говорит о реформах в традиционной для президентских посланий, начиная с 2001 г., форме (структура традиционна – политические реформы, реформы административной системы, судебной системы, российского федерализма, миграционной системы, реформы в области кадров и образования, а также здравоохранения и пенсионной системы) и предлагает вполне конкретные меры по каждой из названных сфер, «реформы» в послании имеют не только информативный, но и важный когнитивный смысл. Само понятие «реформы» за последние 20 лет приобрело определенную эмоциональную окраску, а также часто воспринимается многими в российском обществе с негативным оттенком. В связи с этим концепт «реформ» важно было поместить в концептуальную структуру послания так, чтобы максимально нивелировать негативное восприятие упоминания реформ в первом послании ФС избранного Президента Д.А. Медведева. Авторам послания это удалось благодаря применению определенной схемы концептуальной интеграции при создании концептуального пространства «реформы». Для создания нового, положительно окрашенного, когнитивного концепта, связанного с реформами, были использованы три положительных «исходных» концептуальных пространства: «справедливое общество», «демократическая Россия», «авторитет Конституции», и одно негативное «исходное» концептуальное пространство – «внутренний враг» – «всесильная коррумпированная бюрократия». Через общее концептуальное пространство – «необходимости борьбы с врагом и победы над ним» создается новый бленд – положительно окрашенный концепт «реформы».

Концепт «реформы» является вторым доминирующим концептом послания Президента ФС 2008 г. Наряду с концептуальным пространством «ответы России», которое, по сути, вы-

ражает программу внешнеполитических действий власти, концептуальное пространство «реформы» есть не что иное, как выражение программы внутриполитических действий власти.

В заключительной части послания Президент снова говорит о том, с чего начал свое выступление – о событиях 08 августа 2008 г. в Южной Осетии и финансовом кризисе. Тем самым снова активизируется концепт «ответы России». Благодаря такому переходу, напрямую связываются два основных в послании концептуальных пространства – «ответы России на угрозы» и «реформы». За счет этого достигается две цели: с одной стороны, более целостное восприятие деятельности власти и, с другой стороны – взаимное обоснование двумя доминирующими концептами друг друга. Реформы подтверждают международные действия власти, а наличие внешних угроз усиливает необходимость реформ. И то и другое связывается общей целью – «свободное развитие людей и их социальная защита всегда будут приоритетом государственной политики» [Послание... 2008].

Коммуникативная деятельность власти имеет своей главной задачей дискурсивное обоснование ее действий. Дискурсивное обоснование означает то, что власть для доказательства «правильности» своих действий использует не определенные логико-рациональные методы доказательства, а когнитивные механизмы, формирующие на ментальном уровне позитивное отношение к ее действиям.

На следующем этапе исследуется то, каким образом на основе выделенной концептуальной структуры сформирована дискурсивная структура послания Президента ФС, а также то, какие цели имеет артикуляция политических дискурсов, входящих в эту структуру. Для этого сначала выделим базовую когнитивную схему послания без наполняющих ее концептов. Моделирование базовой когнитивной схемы необходимо для дальнейшего анализа, так как помогает понять, какие коммуникативные намерения лежат в основе реализации дискурсов в послании.

Базовая когнитивная модель послания представляет собой следующее: это две взаимосвязанные когнитивные системы логического противопоставления:

- 1) внешние угрозы – ответы на них;
- 2) внутренний враг – борьба с ним.

Таким образом, выстроенная в послании концептуальная цепь является ни чем иным, как частным случаем задействования традиционных когнитивных противопоставлений и бинарных оппозиций: «вызов – ответ», «мы, свои – они, чужие». В таких когнитивных противопоставлениях первая часть обосновывает, оправдывает вторую.

Если условно разбить две выделенные бинарные системы на блоки, то получатся «блок первых частей» («внешние угрозы» и «внутрен-

ний враг») и «блок вторых частей» («ответы на внешние угрозы» и «борьба с внутренним врагом»). В послании Президента к «блоку вторых частей» когнитивных бинарных систем относится все, что говорится о намерениях, действиях власти, предложенных реформах, а к «блоку первых частей» когнитивных бинарных систем относится все, что обосновывает деятельность власти. Кроме того, если элементы «блока первых частей» являются фоном друг для друга, то элементы «блока вторых частей» находятся в отношениях взаимного обоснования друг друга. Механизм такого обоснования заключается в том, что вокруг каждой части двух когнитивных бинарных систем создается связанное с ней определенное концептуальное поле, которое встраивается в существующую коммуникативную реальность для того, чтобы оно «обрело жизнь» и было понято и принято адресатом коммуникативного сообщения.

Встраивание концептуальных систем в реально существующее коммуникативное пространство и социальные отношения есть ни что иное, как процесс реализации дискурсов.

Таким образом, коммуникативное намерение власти, заключающееся в обосновании своих действий и формировании их поддержки социумом, реализуется на основании классической когнитивной системы «вызов – ответ» с помощью применения определенных концептуально-дискурсивных структур.

Теперь определим, как и какие дискурсы используются в послании Президента. Для начала выясним природу использования дискурса.

В рамках разных текстов один и тот же существующий дискурс всегда создается заново и по-другому. Доказательством этого служит то, что дискурс состоит из совокупности динамических структур взаимодействия и функциональности и статических лингво-текстуальных структур, где динамические структуры определяют существование дискурса вне одного текста, а статичность лингвистических структур определяет постоянное воссоздание дискурса в каждом отдельно взятом тексте. Таким образом, порождение и использование дискурсов есть синхронный процесс в рамках одного текста.

При сугубо лингвистическом «узком» понимании дискурса при исследовании его порождения используется интенциональная модель, представляющая собой цепочку: «исходное коммуникативное намерение» – «производное коммуникативное намерение» – «узел в риторической сети» – «семантическая единица» [Кибрик 2003]. В нашем исследовании дискурс трактуется более «широко», как ментальное пространство коммуникативной реальности, выраженное в тексте, которое состоит из концептов, взаимосвязанных между собой фреймовыми структурами, и имеет социально значимые последствия. Однако, принимая во внимание то, что использование дискурса воз-

можно только через его воссоздание, представляется возможным применить для анализа дискурсов в коммуникативных сообщениях власти ту же интенциональную модель, как в сугубо лингвистических подходах, но обозначенную иначе. Коммуникативное намерение выступает в роли импульса для концептуализации действительности в русле определенной доминирующей коммуникативной традиции. Процесс концептуализации заключается в обозначении с помощью различных лингвистических механизмов и семантических единиц определенных слотов (элементов общего знания о реальности – фрейма). Создание концептов в рамках одного текста приобретает характер производного коммуникативного намерения. Принимая во внимание, во-первых, то, что основной фактор, определяющий концептуализацию – доминирующая коммуникативная традиция – социально обусловлен; и, во-вторых, то, что социально-политическая концептуализация, несомненно, реконструирует коммуникативную традицию, можно говорить о взаимовлиянии социально-политических реалий и коммуникации в области исследования.

Так происходит использование и порождение политических дискурсов.

Базовое коммуникативное намерение послания Президента ФС 2008 года – обоснование деятельности власти – можно разбить на четыре коммуникативных намерения, каждое из которых является производным для формирования своего дискурсивного узла:

- 1) обоснование международной деятельности российской власти;
- 2) обоснование внутривнутриполитической деятельности российской власти;
- 3) формирование поддержки действиям власти у российского общества;
- 4) формирование поддержки действиям власти у международного сообщества.

Исходя из первого коммуникативного намерения (обоснования международной деятельности власти), происходит концептуализация таких фактов реальности, как: события 08 августа 2008 г. в Южной Осетии, состояние мировой экономики, внешнеполитическая деятельность США. Создаются концепты – агрессия против Южной Осетии, мировой экономический кризис, конфликт на Кавказе, ответственность США. Помещение этих концептов в доминирующее социально-политическое и экономическое коммуникативное пространство второй половины 2008 г. порождает дискурс кризиса.

Концептуализация реально существующих кризисных явлений в экономике и внешней политике и порождение дискурса кризиса уже тогда, в конце 2008 г., имели ряд социальных последствий и сыграли ошеломляющую по своему масштабу роль в социально-экономических изменениях в 2009 г. Тем, что впоследствии назовут «антикризисной программой» или антикризисными мерами, будут оправдывать часто

весьма непопулярные решения (массовые увольнения, закрытия промышленных предприятий и коммерческих фирм и пр.).

Дискурс кризиса возник и стал одним из доминирующих отнюдь не в послании Президента ФС, а за его пределами – в коммуникативном пространстве страны и мира, но российская власть, воссоздавая дискурс кризиса в послании, также его использовала для обоснования своей деятельности, и в первую очередь – деятельности внешнеполитической. Именно, благодаря использованию разросшегося до мирового масштаба дискурса кризиса, стало возможным обоснование в послании Президента таких внешнеполитических инициатив российской власти, как: военная операция по принуждению Грузии к миру августа 2008 г., отказ от расформирования ракетной дивизии в Козельске, намеченном на 2010 г., развертывание ракетного комплекса «Искандер» в Калининградской области, радиоэлектронное подавление ПРО США, более тесное военно-политическое взаимодействие со странами ОДКБ, создание «новой глобальной архитектуры безопасности», реализация идеи формирования полицентричной международной системы, формирование «новых правил мировой финансовой архитектуры», создание в России «одного из ведущих мировых финансовых центров», превращение рубля в региональную валюту и пр. [Послание... 2008].

Анализ послания показал, что дискурс кризиса оказался нужен власти не только для обоснования ее международной деятельности, но и для реализации второго коммуникативного намерения – обоснования внутривнутриполитической деятельности. Связанные когнитивно с кризисом внутривнутриполитические инициативы власти будут восприниматься во многом с иной позиции, нежели это могло бы быть без привлечения дискурса кризиса для их обоснования.

Можно говорить о том, что дискурс кризиса актуализирует второй дискурсивный узел послания, сформированный вокруг коммуникативного намерения – обоснования внутривнутриполитической деятельности власти. Для воссоздания дискурсов этого дискурсивного узла использованы такие концепты, как: «ценности России», «авторитет Конституции», «демократическая Россия», «антикризисная программа», «реформы», «изменения политической системы», «всесильная бюрократия», «коррупция». Как можно наблюдать, эти концепты структурируются по своей сущности и делятся на три группы: позитивные ценностные (традиции нравственные и политические), негативные (угрозы) и позитивные ответные (реакция на угрозы). Такое структурирование позволяет воссоздать и использовать специфические политические дискурсы. Сочетание концептуализации традиционных российских нравственных ценностей и демократических политических ценностей формирует дискурс сильного и эффективного государства и дискурс стабильности.

В оппозиционном сочетании с негативно окрашенными концептами («бюрократия», «коррупция») реализуется дискурс реформ. Политический реформаторский дискурс уже стал традиционным для российской власти, но в послании 2008 г. он воссоздается заново, так как предназначен для «правильной» реализации коммуникативного намерения – оправдать внутривластные действия власти. Подобное сочетание политических дискурсов и использование фона кризиса (один дискурс здесь выступает фоном для других) приводит к реализации коммуникативного намерения в четко определенном русле – обосновываются именно те принимаемые решения, которые необходимы власти. Политическая власть в России с 2008 г. основана на преемственности. Поэтому в основе реформаторского дискурса лежат политические дискурсы, характерные для предыдущего политического цикла – правления Президента В.В. Путина, такие как: дискурс сильного и эффективного государства и дискурс, созданный в предвыборный период 2008 г. перед избранием Президента Д.А. Медведева – дискурс стабильности (в данном случае – активно используются механизмы интердискурсивности и интертекстуальности). Эти дискурсы активируются с помощью обозначенной необходимости борьбы с неэффективной коррумпированной бюрократией и фоновым дискурсом кризиса. Таким образом, использование и воссоздание реформаторского дискурса объясняет и оправдывает действия власти, которые направлены на изменения с целью стабилизации, поддержания и укрепления существующей политической системы.

Указанные концепты, использованные для реализации дискурсивного узла второго коммуникативного намерения (обоснования внутривластной деятельности власти), оказались применимы и для реализации третьего коммуникативного намерения – формирования поддержки действиям власти у российского общества. Воссозданные дискурсы сильного и эффективного государства и специфический реформаторский дискурс «хорошо справляются» в когнитивном смысле с формированием поддержки и согласия с действиями власти у общества, особенно при наличии фонового дискурса кризиса. В качестве примера можно привести то, как в послании объясняются такие инициативы власти, как расширение конституционных прав Федерального Собрания и увеличения сроков конституционных полномочий Президента и Государственной Думы: «Сегодня, когда реализуются планы долгосрочного развития, а по сути, решаются задачи перехода к экономике нового типа, предстоит заниматься сразу множеством труднейших вопросов: противодействовать глобальному кризису и трудностям конкурентной борьбы, модернизировать армию и управлять гигантской и сложнейшей по своему национально-культурному составу

страной и в этих условиях укреплять демократические институты и поддерживать стабильность» [Послание... 2008].

Российское общество неоднородно, далеко не всем «придется по вкусу» усиление государства и вызовет позитивное отношение к подобным инициативам власти. Кроме того, ежегодные послания Президента ФС предназначаются не только для «внутреннего использования» внутри российского общества, но и представляют собой коммуникативные сообщения, адресатом которых является международное сообщество. В связи с этим в послании выделяется группа концептов, воссоздающих неолиберальный дискурс: «свободное общество», «демократическая Россия», «глобальная экономика» и пр.

Таким образом, использование неолиберального дискурса является как внутренней, так и международной коммуникативной необходимостью. В условиях доминирования в мире неолиберальной политико-экономической системы неолиберальный дискурс служит для адекватного «позитивного» восприятия российской власти в мире. Именно в русле неолиберального дискурса объясняются некоторые противоречия, наблюдаемые при поверхностном взгляде на послание ФС 2008 г. Укрепление государства и свободная экономика явно противоречат друг другу. Однако если учесть неолиберальное понимание государства, отстаивающего интересы бизнеса и прежде всего крупного бизнеса, такое противоречие уже не кажется непреодолимым, а принимая во внимание сущность государства в неолиберальной системе как крупной бизнес-корпорации, названное противоречие вообще перестает таковым являться.

В России государство действительно предстает как огромная бизнес-организация с разветвленной сетью госкорпораций и практически неограниченными возможностями на внутреннем рынке. «Борьба с коррупцией» не является популистским заявлением, если учитывать неолиберальный дискурс, в рамках которого это заявление прозвучало. Ни в одной бизнес-структуре недопустимо то, что мы называем коррупцией в государственной власти – воровство и взяточничество подчиненных. В послании ФС 2008 г. «борьба с коррупцией» не только актуализирует «внутреннего врага», но и является неотъемлемой частью господствующего неолиберального дискурса. С точки зрения этого дискурса послание Президента 2008 г. представляет собой проект российской власти по стабилизации существующей неолиберальной политической и экономической системы.

В послании 2008 г. в понятных и близких российскому обществу силе, стабильности, эффективности и благополучии государства дискурсивно постулируются сила, стабильность, эффективность и благополучие неолиберальной корпорации.

Проведенный анализ позволяет обозначить дискурсивную структуру послания Президента 2008 г. В послании воссоздается дискурс кризиса, ставший господствующим в мире ко второй половине 2008 г., который используется в качестве фонового дискурса для актуализации реформаторского дискурса. Интертекстуальное обращение к дискурсу сильного и эффективного государства и дискурсу стабильности производит специфическую реконструкцию реформаторского дискурса, в котором артикулируются изменения, направленные на стабилизацию и усиление государства и власти. Такой специфически реконструированный реформаторский дискурс усиливает и без того доминирующий дискурс неолиберализма.

Коммуникативные намерения власти достигаются путем использования концептуально-дискурсивных структур в послании для когнитивного формирования предпосылок поддержки российским обществом и международным сообществом реальных намерений и действий власти по стабилизации и укреплению неолиберальной экономической и политической системы в России.

ЛИТЕРАТУРА

Водак Р. Взаимосвязь «дискурс-общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу /

Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. С. 123-136. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/vodak-06.htm> (дата обращения: 22.02.2010).

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.

Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дисс. ... доктора филологических наук. – М.: МГУ, 2003.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004.

Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва, 05.11.2008. // Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/1968> (дата обращения: 22.02.2010).

Скребцова Т.Г. Языковые бленды в теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера // *Respectus Philologicus*. 2002. №2(7). URL: <http://filologija.vukhf.lt/2-7/skrebцова.htm> (дата обращения: 22.02.2010).

Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод [Пер. с англ.] – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004.

Шейгал Е.И. Власть как концепт и категория дискурса. Эссе о социальной власти языка. – Воронеж: ВГУ, 2001.

© Гусев Д.В., 2010

Иванова С.В.
Сподарец О.О.
Уфа, Россия

Ivanova S.V.
Spodarets O.O.
Ufa, Russia

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ
СУБЪЕКТИВИЗАЦИИ
В СТРУКТУРЕ НОВОСТНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА СМИ

IMPLEMENTATION OF SUBJECTIVIZATION
STRATEGY IN THE STRUCTURE
OF MASS MEDIA POLITICAL DISCOURSE

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.04

Аннотация. Цель данной статьи заключается в выявлении стратегии субъективизации, применяемой автором в новостных текстах печатных СМИ. Реализация данной стратегии позволяет автору решить дополнительную к основной цель, которая состоит в оценке описываемого события. Объектом исследования являются тексты новостного дискурса. Предметом настоящей статьи является стратегичность при передаче информации в новостных текстах СМИ.

Ключевые слова: новость, политический дискурс СМИ, стратегия субъективизации, стратегия объективного информирования.

Abstract. The aim of the present article is to single out the subjectivization strategy which the author tries to realize in print news materials. The implementation of this strategy brings about the achievement of an extra goal set by the author, which is the assessment of the event in question. The object of the investigation covers news articles in political mass-media discourse. The subject of the article is the strategic character of mass media news discourse.

Key words: political discourse of mass media, news article, subjectivization strategy, objective information strategy.

Сведения об авторе: Иванова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации и перевода факультета романо-германской филологии.

Место работы: Башкирский государственный университет.

Контактная информация: 450071, г. Уфа, ул. Менделеева, д. 213, кв. 30
e-mail: IvaSV@rambler.ru

About the author: Ivanova Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology of the Chair of Intercultural Communication and Translation, Professor and Head of the Chair.

Place of employment: Bashkir State University.

Сведения об авторе: Сподарец Оксана Олеговна, аспирант факультета романо-германской филологии.

Место работы: Башкирский государственный университет.

Контактная информация: 450105, г. Уфа, ул. М. Жукова, д. 22, кв. 73.
e-mail: tender_wo@mail.ru.

About the author: Spodarets Oksana Olegovna, Postgraduate Student of the Department of Romance and Germanic Philology.

Place of employment: Bashkir State University.

Цель данной статьи заключается в выявлении стратегии субъективизации, применяемой авторами новостных сообщений в рамках печатных СМИ. Объектом исследования являются тексты новостного дискурса. Предметом настоящей статьи выступают стратегичность при передаче информации в новостных текстах СМИ.

Стратегичность масс-медийной коммуникации является ее базовым свойством, что обусловлено целенаправленным характером данного типа коммуникации. Несмотря на то, что термин «стратегия» относится к числу наиболее востребованных в современной коммуникативной лингвистике, однако с сожалением приходится констатировать тот факт, что в языковедческой науке до сих пор не существует его единого определения. Так, Т. ван Дейк подчеркивает, что стратегия предполагает «общую организацию некоторой последовательности действий и включает цель или цели взаимодействия» [Дейк 1989: 272]. С точки зрения других исследователей, данное понятие может быть сведено к линии коммуникативного поведения [Леонтович 2005] или, наоборот, представлять собой сверхзадачу, идущую от адресанта, направленную на достижение коммуни-

кативной или практической цели и рассчитанную на определенный перлокутивный эффект» [Попова 2002]. В наиболее полном виде стратегия интерпретируется как «некоторый способ приобретения, сохранения и использования информации, служащий достижению определенных целей в том смысле, что он должен привести к определенным результатам» [Залевская 1999: 318]. В силу своей полноты в представлении всех базовых элементов стратегии данное определение принимается в качестве ведущего в рамках настоящего исследования.

Лингвисты выделяют разноплановые стратегии (коммуникативные, дискурсивные, когнитивные, семантические, саморепрезентации, вежливости, конфронтации и кооперации и т.д.), к реализации которых прилагает адресант в соответствии со своими целями, мотивами, психологическими особенностями, а также с учетом жанра дискурса.

В данной статье исследованию подвергаются стратегия субъективизации в рамках общих дискурсивных стратегий в новостных сообщениях политического масс-медийного дискурса. Известно, что основными условиями, которые должен соблюдать журналист в новост-

ных сообщениях, являются информативность, стремление к объективности и нейтральному стилю изложения. Это проявляется в наличии большого количества цитат и ссылок на различные источники информации, насыщенности новостного текста разными видами пассивных форм и безличных конструкций [Добросклонская 2008: 106]. Таким образом, можно говорить, что основной стратегией, применяемой журналистом в новостном дискурсе является стратегия объективного информирования.

Однако внимательное знакомство с целым рядом новостных сообщений позволяет обратить внимание на то, что важным звеном отражения события, которое воспринимает массовая аудитория, является сам журналист, так как именно от него зависит, какая информация выбрана, какие языковые средства для ее вербального представления используются, в какой последовательности представлены факты и т.д.

В этом случае можно предположить, что журналистский текст представляет собой не столько отражение мира действительности, сколько отражение мира, созданного субъектом, т.е. журналистом. Итак, помимо стратегии объективного информирования, автор новостного текста прибегает к использованию стратегии субъективизации, т.е. стратегии, направленной на выражение личностного отношения к сообщаемому. Выделение данной стратегии базируется на явлении субъективизации *per se*, которая предполагает «процесс отфильтровывания, сдерживания и отобрания того, что в индивидууме имеется противоречащего его "самости" или, наоборот, ей соответствующего. Этот процесс начинается, когда возникает динамическое противоречие между частным и общим в человеке. Например, интерпретируя чужие слова, мы ограничены своим фоном знаний, мнений, оценок, эмоций и другими элементами того, что нас характеризует как субъекта. Все, что не проходит через это сито нашей субъективности, так на нем и оседает» [Демьянков 1992: 29]. Таким образом, автор новостного сообщения оказывается между молотом установленных ограничений к данному виду текста и наковальней, которая предполагает реализацию тех целей, которые ему предписаны его собственными установками или заказчиком. Языковое наполнение новостной статьи «затачивается» под этим двойным прессом. Соответственно, автор вынужден тщательно продумывать, в какой форме будет представлен материал, учитывать структуру новостного дискурса, сознательно подходить к выбору номинативных единиц и способам кодирования смыслового содержания языковых единиц в тексте (использование оценочной и эмоционально-экспрессивной лексики).

Одним из ярких примеров реализации стратегии субъективизации на фоне объективного информирования является статья под заголовком *Russian warship rescues hijacked tanker*

(LATIMES 07/05/2010). Как уже было сказано, новостные тексты СМИ имеют устойчивую структуру, большинство новостных сообщений строится по «принципу перевернутой пирамиды» [Добросклонская 2008: 100], т.е. самая важная информация содержится во вводной части (*lead*), далее информационная нагрузка текста постепенно ослабевает. Помимо этого, особое предпочтение отдается заголовку, в котором, как правило, заложен основной смысл сообщения.

В анализируемой статье заголовки и вводная часть полностью соответствуют друг другу. Так, можно утверждать, что для автора главной темой сообщения является освобождение российского танкера «Московский университет» от сомалийских пиратов. Далее журналист сообщает, при каких условиях произошел захват танкера пиратами, указывает точное количество российских моряков на борту, которым удалось закрыться от бандитов в радиорубке, и в завершение главной темы дается описание спасательной спецоперации, проведенной личным составом военного корабля «Маршал Шапошников». Во второй части статьи автор считает нужным напомнить и о других случаях успешных спасательных операций. В заключение приводятся цифровые данные о заложниках, находящихся у пиратов, и суммы требуемых ими выкупов:

E.g.: (1) *Maritime authorities estimate pirates have attacked hundreds of ships in recent years and have negotiated ransoms totaling between \$100 million and \$200 million. Pirates are believed to be holding about 350 hostages and as many as 20 vessels, including a South Korean tanker captured in April.*

И всё-таки журналисту не удается остаться нейтральным по отношению к главным виновникам событий, либо он сознательно выбирает языковые средства, которые направлены на субъективизацию сообщения:

E.g.: (2) *Pirate attacks have jeopardized the crossroads of the Middle East and the Horn of Africa. Sea bandits have become increasingly brazen, especially since the U.S.-backed Somali government has been unable to control a country racked by crime, ethnic conflicts and Islamic insurgencies.*

Так, *to jeopardize* определяется как *“to risk damaging or destroying something important”* [Macmillan 2002: 768]; *brazen* *“used about someone’s behaviour that is not moral or socially acceptable”* [Macmillan 2002: 161], т.е. обе лексемы содержат оценочный, субъективный компонент. Таким образом, из информации, заключенной в этом абзаце, очевидно, что сомалийские пираты представляют серьезную угрозу на важных морских путях для всех стран, и их захватнические действия набирают все большие обороты.

Итак, помимо главной темы, представленной в заголовке, во вводной и основной частях, автор в заключение своей статьи, опираясь на

изложенные факты, указывает на другую более масштабную проблему – невозможность стран на данный момент справиться с возрастающим господством сомалийских пиратов на основных международных морских путях. В тексте новостного сообщения журналист называет сомалийских пиратов “*marauders*” и “*sea bandits*”, то есть использует лексические единицы, содержащие отрицательную оценку в денотативном компоненте значения (*marauding* означает “*going from place to place in order to find people to attack or things to steal or destroy*” [Macmillan 2002: 872], *bandit* “*a thief who attacks travelers, usually with other thieves*” [Macmillan 2002:94]). Кроме того, с целью придания большей выразительности ситуации с захватом российского танкера при ее именовании в тексте сообщения автор прибегает к употреблению лексики “*ordeal*”, что означает “*an extremely unpleasant experience, especially one that lasts a long time*” [Macmillan 2002: 999]. Таким образом, опосредованно вводится оценочный компонент (*extremely unpleasant*), который позволяет автору субъективизировать информацию о событии, представив его в предпочтительном для автора свете.

Так, внешнее соблюдение журналистом всех правил, которые диктует новостной дискурс (в данном случае стратегия объективного информирования), служит лишь фоном для достижения другой цели автора – представления оценочного суждения, что достигается посредством стратегии субъективизации.

Другая статья под названием *Obama and Medvedev Talk Economics* (NYTIMES 24/06/2010) рассматривает события, связанные с визитом российского президента Дмитрия Медведева в США. По заголовку сообщения можно предположить, что именно экономические отношения между двумя странами являются ключевыми в данной статье. Автор четко придерживается установленной структуры новостного дискурса – вводная часть статьи соответствует заголовку:

E.g.: (3) *With recent accords on national security behind them, President Obama and President Dmitri A. Medvedev of Russia engaged in a bit of economic summitry on Thursday, with Mr. Obama pushing for more exports to Russia and Mr. Medvedev seeking more American business investment, especially in technology.*

Далее журналист считает нужным напомнить об отношениях двух стран за последнее время, которые были довольно напряженными и ограничивались лишь вопросами, связанными с безопасностью и контролем вооружений.

Изучение композиционной структуры статьи, а также языковых средств, которые использует автор при описании событий, позволяет утверждать, что целью написания данной статьи является не столько информировать аудиторию об экономических переговорах России и США, сколько довести до читателя оценку

складывающихся между двумя лидерами отношений:

E.g.: (4) *More than anything the events surrounding Mr. Medvedev's visit served to underscore both the personal rapport the two men have developed and, more broadly, the increased cooperation between the countries after years of tension...*

Так, существительное *rapport* определяется как “*a relationship in which people like, understand, and respect each other*” [Macmillan 2002: 1168].

(5) *Mostly, however, they emphasized common ground, with Mr. Obama saying that he and Mr. Medvedev had had “excellent discussions, discussions that would have been unlikely just 17 months ago”.*

В данных примерах, сообщая читателю об отношениях между двумя главами государств, автор употребляет положительно окрашенную лексику (“*rapport*”), тем самым, выражая одобрение происходящего.

Далее журналист считает не менее важным упомянуть о том, что после официальной встречи в Белом доме лидеры России и США продолжили общение в неформальной обстановке – в ресторане быстрого питания *Ray's Hell Burger*. После его посещения Дмитрий Медведев находился в приятном расположении духа, шутил и поблагодарил президента США за гостеприимство:

E.g.: (6) *They returned for the news conference, throughout which Mr. Medvedev smiled widely. He joked that the Americans' hospitality was so complete, “even the weather is so warm”.*

(7) *Afterwards, despite a temperature of 100 degrees, the two men slung their suit jackets over their shoulders and walked from the White House across Lafayette Park to the headquarters of the United States Chamber of Commerce.*

Журналист заканчивает свое новостное сообщение словами Клауса Кляйнфельда, председателя совета директоров американо-российского делового совета:

E.g.: (8) *Mr. Kleinfeld cited “a new quality in the relations, both in politics and business” – not least the relations between Mr. Obama and Mr. Medvedev. “The two leaders are really getting along very well; there's a lot of progress on the political front”, he said, adding, “Business will now follow.”*

Таким образом, информация, содержащаяся в данных микротекстах, несколько противоречит значимости темы сообщения, отраженной в достаточно формально сформулированном заголовке, в то время как статья в большей степени посвящена неформальной стороне встречи двух президентов. Кроме этого, перед прочтением статьи первое, что обращает на себя внимание, – это несоответствие фотографии перед текстом сообщения и самого заголовка. На фотографии, сопровождающей данную статью, изображены главы двух госу-

дарств в неформальной обстановке (в ресторане быстрого питания), без пиджаков и в дружелюбном расположении духа. После ознакомления с информацией статьи становятся понятны намерения автора. При помощи фотографии автор еще в начале статьи старается выделить главную информацию в тексте. Эта информация представлена в форме поликодового текста, то есть журналист сочетает естественный языковой код с кодом другой семиотической системы, фотографии.

Поскольку жанр дискурса диктует свои установленные правила, журналист внешне придерживается их, но для достижения собственных целей прибегает к невербальным средствам передачи информации, что впоследствии приобретает вербальное подтверждение в тексте. В данной статье ведущей является стратегия субъективизации, а не стратегия объективного информирования.

Рассмотрим статью, посвященную визиту госсекретаря США Хилари Клинтон в Азербайджан – *Clinton makes fence-mending trip to Azerbaijan* (REUTERS 04/07/2010). Заголовок отражает только одну из тем, затронутых в новостном сообщении, так *to mend fences* означает “*to try to become friends again with someone you have argued with*” [Macmillan 2002:891]. Из заголовка можно предположить, что статья будет посвящена событиям, связанным с намерениями США восстановить дружеские отношения с Азербайджаном. Во вводной части статьи содержится следующая информация:

(9) *Azerbaijan urged the United States on Sunday to help solve the Nagorno-Karabakh dispute and U.S. Secretary of State Hillary Clinton pressed its authoritarian government on human rights.*

В этой части сообщения говорится о том, что намерения двух стран не совпадают – Азербайджан ждет помощи от США в урегулировании ситуации в Нагорном Карабахе, США же решительно настроены на увеличение значимости роли прав человека в этом регионе. Важность данной информации подтверждают использованные журналистом лексические единицы, содержащие оценочные и эмоционально-экспрессивные коннотации: *to urge* – “*to advise someone very strongly about what action or attitude they should take*” [Macmillan 2002: 1583]; *to press* – “*to try in a determined way to make someone do something or tell you something*” [Macmillan 2002: 1113].

Далее в тексте статьи автор вновь указывает на то, что ожидает президент Азербайджана Ильхам Алиев от визита Хилари Клинтон:

E.g.: (10) *Hosting Clinton at his palatal summer residence on the Caspian Sea, Azeri President Ilham Aliyev made clear that his priority was Nagorno-Karabakh.*

Priority определяется как “*something important, that must be done first or needs more at-*

tention than anything else” [Macmillan 2002:1120], то есть ключевой проблемой для Ильхама Алиева остается необходимость урегулирования карабахского конфликта.

Остальная часть новостного сообщения посвящена информированию читателя о проблемах в Азербайджане, которые в первую очередь волнуют госсекретаря США. Одной из приоритетных является ситуация, связанная с правами человека в Азербайджане. Это подтверждается многократным повторением данной в тексте новостного сообщения:

E.g.: (11) *Clinton also pressed Azerbaijan to show greater respect for civil liberties and said she had raised the case of two jailed opposition bloggers.*

(12) *Speaking to civil society advocates, including bloggers, Clinton later said Azerbaijan had some way to go on respecting its citizens rights.*

(13) *She told the Azeri foreign minister that the United States was “clear in encouraging and calling for more” progress in the area of human rights.*

Итак, как уже было сказано, вводная часть и заголовок рассматриваемой статьи, не соответствуют друг другу. Информация во вводной части и в основной части статьи являются лишь фоновой. Главным остается вопрос, почему США так обеспокоены ситуацией в Азербайджане.

В статье журналист лишь несколько раз указывает на важность укрепления союзнических отношений между США и Азербайджаном, поскольку нефть, газ, ключевое геополитическое положение на пересечении границ и т.п. создают перспективы для дальнейшего политического и экономического укрепления США в данном регионе:

E.g.: (14) *Strategically located between Russia and Iran, Azerbaijan has been a key supply for U.S. troops in Afghanistan <...>*

(15) *Since 2001, military aircraft and supply trucks have crossed the country carrying U.S. and NATO forces and equipment to Afghanistan. The Pentagon wants to avoid problems that could slow Obama’s 30,000-troop surge.*

Таким образом, в данной статье стратегии объективного информирования и субъективизации использованы журналистом в теснейшем взаимодействии.

Итак, на основе проведенного анализа текстов можно сделать вывод относительно тесного взаимодействия двух различных стратегий в рамках новостного текста. Так, учитывая установленные рамки, диктуемые новостным дискурсом, журналист реализует стратегию объективного информирования (использование цитат, ссылок на источники информации, нейтральной лексики, описание фактуальной стороны события). Однако одновременно он прибегает к стратегии субъективизации, которая предполагает внесение оценочного компонента в текст новостного сообщения. Данные стратегии взаимодействуют друг с другом, при этом

каждая отвечает за реализацию своей собственной цели. Вместе с тем порою наблюдается доминирование одной из стратегий над другой. Внешне автор соблюдает структуру построения новостного сообщения, т.е. стратегию объективного информирования. Далее с учетом психологических особенностей, предопределенных субъективным характером масс-медийной коммуникации, журналист окрашивает нейтральное полотно новостного сообщения соответствующими вербальными и невербальными средствами, прибегает к употреблению оценочных лексических единиц в связи с реализацией стратегии субъективизации. Результатом такого индивидуально продуманного «плана» является статья, которая с учетом целей, установок и оценок автора (или его заказчика материала) способствует формированию определенного мнения у читателя или ставит на повестку дня проблему, отличную от первоначально поставленной. Таким образом, реализация стратегии субъективизации, отвечающая за реализацию цели, не менее важной по значимости по сравнению с целью объективного информирования, – цели представления субъективной позиции автора, свидетельствует о том, что новостной текст является и остается продуктом индивидуального сознания автора (или направляю-

щего его заказчика), несмотря на имеющиеся ограничения к его формату.

ЛИТЕРАТУРА

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание, Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. 312 с.

Демьянков В.З. Личность, индивидуальность и субъективность в языке и речи // "Я", "субъект", "индивид" в парадигмах современного языкознания. – М.: ИНИОН РАН, 1992. С.9-34.

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. – М.: Флинта: Наука, 2008. 264 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. 382с.

Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография. – Москва: Гнозис, 2005. 352с.

Попова Е.С. Структура Манипулятивного воздействия в рекламном тексте// Известия Уральского гуманитарного университета № 24 (2002). Гуманитарные науки. Выпуск 5. Языкознание. URL: <http://proceedings.usu.ru>

Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Macmillan Publishers Limited, 2002-XIV, 1692 p.

© Иванова С.В., Сподарец О.О., 2010

Красильникова Н.А.
Екатеринбург, Россия

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ,
ФАШИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ
ИЛИ РОССИЯ XXI ВЕКА?

(образ России в дискурсе общественности
на сайтах СМИ Великобритании)

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье представлен когнитивно-дискурсивный анализ метафорического имиджа современной России, сложившегося в комментариях и обсуждениях читателей на официальных сайтах британских СМИ. Выявлены основные метафорические модели, конструирующие образ страны в глазах мировой общественности и отражающие отношение к России в контексте российско-грузинских отношений.

Ключевые слова: дискурс общественности, политический дискурс, концептуальная метафора, образ России, русские.

Сведения об авторе: Красильникова Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, директор Филиала УрГПУ в г. Новоуральске, зав. кафедрой общепрофессиональных дисциплин.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: E-mail: n_krasilnikova@mail.ru.

Krasilnikova N.A.
Yekaterinburg, Russia

SOVIET UNION,
FASCIST GERMANY
OR XXI CENTURY RUSSIA?
(metaphorical image of Russia in
British Internet Media public discourse)

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article presents a cognitive-discourse analysis of metaphorical image of modern Russia, formed in commentaries and discussions of readers at official sites of the British media. We have set the aim of revealing metaphorical models that construct the country image in the eyes of world general public and thus reflect the attitude to Russia in the frame of Russia-Georgia relations.

Key words: public discourse, political discourse, conceptual metaphor, image of Russia, Russians.

About the author: Krasilnikova Natalia Alekseevna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Director of Novouralsk Affiliate of the Ural State Pedagogical University, Head of the Chair of Professional Subjects

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Метафорическому образу России в когнитивно-дискурсивных исследованиях политического дискурса современные исследователи уделяют большое внимание.

Отправной точкой таких работ послужила ставшая классической монография А.П. Чудинова «Россия в метафорическом зеркале» (2001 г.), в которой впервые был проведен когнитивно-дискурсивный анализ концептуальных метафор 1991-2000 гг., репрезентирующих страну в **российском** политическом дискурсе, и предложена классификация метафор по субсферам-источникам политической метафоры [Чудинов 2001]. В результате исследования автор пришел к выводу, что «*современная Россия в метафорическом зеркале часто предстает как больное общество, проникнутое криминальными отношениями, как нечеловеческий мир, где идет «война всех против всех», где политическая жизнь напоминает театральное представление, а политики – артистов цирка или азартных игроков»* [Чудинов 2001: 9]. Вместе с тем А.П. Чудинов отмечает, что политическую метафору конца XX века также характеризует ряд традиционных позитивных образов, акцентирующих идею естественности и непрерывности развития жизни, взаимосвязанности человека и природы, значимость здоровья и другие базовые для русского национального сознания ценности [Чудинов 2001: 26].

В 2003 г. Н.А. Санцевич представила результаты диссертационного исследования моделирования вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публици-

стических текстов с 1991 по 2001 гг. [Санцевич 2003]. Материалом для данного исследования послужили метафоры и семантические оппозиции. Классифицировав метафоры, конструирующие образ России в немецкой и российской прессе, по девяти основным метафорическим моделям, автор выделил некоторые расхождения в представлении России внутри этих моделей.

Так, в **немецкой** прессе Россия находится относительно вертикальной оси пути в *постоянном падении*. Российская политическая действительность осмысливается как некий *спектакль*, актеры в котором – политические деятели, а народ – пассивный зритель. Россия, отождествляемая с В.В. Путиным, противопоставляется всему Западу в терминах конкуренции, где Запад и Россия – это *игроки*, которые стремятся выиграть партию. В пределах самой России противопоставляется народ и власть: власть находится в состоянии *войны*, народ является пешкой в руках правительства. Кроме того Россия представляется как *огромный механизм*, части которого постепенно выходят из строя. Россия – это *монархия*, где правитель не избирается народом, а наследует престол. В.В. Путин в немецком сознании созидает и занимает *реставрацией* поврежденных частей общего дома – России. Россия представляется немецкому наблюдателю неким вместилищем в виде *гнезда*, что в наивной картине мира занижает ее значимость и мощь за счет уменьшения размеров объекта. И, наконец, Россия осмысливается в немецкой периодической печати

как *больной* организм, сломленный как физически, так и духовно.

В соответствии с выводами Н. А. Санцевич развитие России в российской печати происходит преимущественно только в *горизонтальной* перспективе. Театральная метафорика распространяется на цирковые образы. Метафоры *игры* свидетельствует об игрушечном характере политики в России, где политическая деятельность носит характер эмоциональной разрядки для своих актеров. Однако на политической арене, как в *спорте*, действует «закон джунглей», и побеждает сильнейший. Если в немецкой периодической печати механизм России все время ломается, то в российских СМИ политические процессы оцениваются как положительные, имеющие созидательный характер. Концепт *народ* в российской периодической печати практически не употребляется, что свидетельствует о его отстраненности от политических процессов. В современной России идет этап становления, *активного строительства*. Политики действуют по команде сверху, которая предполагает предварительную *дрессировку* и подчинение хозяину. Состояние здоровья России не является совсем плачевным, она еще «на ногах».

О.А. Шаова (2005 г.) детально изучила метафорическую модель «Президент России – это монарх» в дискурсе **французских** СМИ и констатировала её востребованность французским адресантом, стереотипно представляющим президента России всевластным монархом [Шаова 2005]. Автор отмечает, что такое видение не ведёт к формированию позитивного образа российского президента в концептуальной картине мира представителя французской лингвокультуры. Все же отдельные фреймы отражают представление французами монарха как деятельного заботливого хозяина.

Концепт *Russia* и его субфрейм «Жители России» на материале дискурса **американского** еженедельника «NEWSWEEK» исследовала **О.Г. Орлова** (2006 г.). Согласно проведенному концептуальному анализу американцы подразделяют россиян на простых жителей и политиков. В результате создается впечатление, что «политическая элита России представлена в изучаемом дискурсе как находящаяся на вершине социальной пирамиды. Основание пирамиды – это граждане, которые обладают признаками пола, возраста, социальных ролей, места жительства, национальности» [Орлова 2006].

М.А. Бойко провела функциональный анализ средств создания образа страны на материале **немецких** политических креолизованных текстов (2006 г.) и обнаружила, что наиболее частотными темами, обсуждаемыми немецкими журналистами в статьях о России, являются темы коррупции и «войны внутри страны». Немецкие СМИ считают, что правительство России не может самостоятельно справиться с

проблемами и ищет поддержки, например, от Вашингтона или Берлина. Бессилие, по их мнению, является и внутренней проблемой России, где органов правопорядка беспомощны в борьбе с насилием, уровни жизни элиты и подавляющего большинства россиян несопоставимы [Бойко 2006].

А.А. Пшенкин посвятил свое диссертационное исследование изучению метафорического образа СССР/России в **американском** политическом дискурсе второй половины XX – начала XXI в. (2006 г.) [Пшенкин 2006]. Исследователь обнаружил, что метафорический образ СССР формируется при участии следующих моделей: СССР – ЭТО (ЗЛОБНЫЙ) ГИГАНТ / ВРАГ / РАССАДНИК БОЛЕЗНЕЙ / СОПЕРНИК / ПАРТНЕР / АРТЕФАКТ / ХИЩНИК / ЧУДОВИЩЕ, КОММУНИЗМ – ЭТО БОЛЕЗНЬ, НАСЕЛЕНИЕ СССР – ЭТО СКОТ, ПОЛИТИКА – ЭТО ТЕАТР, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ / ПРИРОДНЫЕ КАТАКЛИЗМЫ. Концептуальный вектор данных моделей в основном носит отрицательную направленность и выявляет недоверие, страх и враждебность по отношению к СССР.

В период с 1985 по 1992 гг. в метафорическом образе СССР происходят позитивные изменения. В центре внимания СМИ оказывается обстановка внутри СССР. Исследователь констатирует доминирование военной и моральной метафор как показателя характерного для политического дискурса США способа осмысления кризисных ситуаций. В последующие периоды для описания России дополнительно используются ориентационные и синестетические метафоры, привлекаемые для концептуализации и категоризации отношений двух стран на современном этапе, когда востребованы нейтральные метафоры, лишённые мелиоративного или пейоративного потенциала.

А.А. Пшенкин приходит к выводу, что метафорический образ России в политическом дискурсе США частично совпадает с образом России в российском дискурсе. Однако также выделяет и ряд особенностей: иной концептуальный вектор некоторых моделей (напр. ПОЛИТИКА – ЭТО БИЗНЕС), табу на сексуальные метафоры, использование нетипичной для России метафорической модели ИЗМЕНЕНИЯ – ЭТО СТИХИЙНЫЕ БЕДСТВИЯ, частотность ориентационных метафор, описывающих движение в вертикальной плоскости, и обращение к синестетическим метафорам.

Начало нашему исследованию метафорического представления современной России в СМИ США и Великобритании было положено в 2007 г. в статье «**Заложники русского медведя**» [Красильникова 2007]. В ходе работы над материалами американских и британских СМИ были выявлены следующие доминантные метафорические модели: РОССИЙСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ – РЕБЕНОК, РОССИЯ – ИМПЕРИЯ ЗЛА / МОНАРХИЯ / ДЕРЗКАЯ ВОЗЛЮБЛЕН-

НАЯ / МЕДВЕДЬ / ДУШЕВНО БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ / БАНДИТСКОЕ ГОСУДАРСТВО / БОГАТАЯ СТРАНА / СИЛЬНАЯ СТРАНА, ПУТИН – ДЕСПОТ / ЦАРЬ / ДРУГ, РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИКИ – СИЛЬНЫЕ И АГРЕССИВНЫЕ ЖИВОТНЫЕ, РУССКИЕ – ХУЛИГАНЫ. На фоне проявляющегося положительного концептуального вектора роста, силы и богатства страны, мы вынуждены были констатировать преобладание метафорических моделей с яркой отрицательной коннотацией. В политическом дискурсе США и Великобритании «заложниками русского медведя» оказались не только иностранные государства, зависящие от энергоресурсов России, но и сама Россия, угодившая в ловушки, расставленные историей государства с сильной властью, сосредоточенной в руках самодержца, и демократией в зародыше. По представлению западных СМИ, страна находится в плену своих традиций и стереотипов поведения.

2008 год запомнился всему миру не только величием грандиозной олимпиады в Китае, но и военной агрессией, захватившей территорию Осетии, и той информационной войной, которая ее сопровождала. В условиях обеспечения иностранных государств противоречащей информацией из Грузии и из России, читателям новостных хроник приходилось искать и подразумевать истинный ход событий, не имея подлинных доказательств. В это время метафорический образ России многие лингвисты начинают исследовать в сопоставлении с образом Грузии.

О.С. Шарманова (2009 г.) ставит в центр своего исследования метонимический образ российско-грузинских отношений (РГО) в **немецкоязычном** сознании и выделяет пять доминантных моделей: РГО – это августовский военный конфликт России и Грузии / двух соседей / Москвы и Тбилиси / русских и грузин / Путина и Саакашвили из-за Южной Осетии [Шарманова 2009]. При этом в сознании немецкоязычного обывателя возникают однозначные модели: ПУТИН – это МОСКВА / РОССИЯ / ПРЕДВОДИТЕЛЬ РУССКИХ / ПРАВИТЕЛЬСТВО; СААКАШВИЛИ – ДРУГ БУША / СОЮЗНИК АМЕРИКИ. О.С. Шарманова делает вывод, что августовский конфликт – это не только вооруженное столкновение между Россией и Грузией, но и информационная война между Россией и США.

Э.В. Будаев (2009 г.) сравнил метафорическое представление России, Грузии и стран Балтии в политическом дискурсе Великобритании и России и пришел к следующим заключениям: 1. для британских СМИ характерно осмыслять сферы-мишени «Россия» и «Грузия» в понятиях войны; 2. в метафорической картине российских и британских СМИ Россия выздоравливает, хотя страдает от психических расстройств; 3. российские и британские метафоры, концептуализирующие Россию, тяготеют к образам абсолютизма или сильной монархи-

ческой власти; 4. в британском политическом дискурсе прибалтийские республики представляются родственниками и членами европейской семьи, в то время как у России и Грузии современных метафорических родственников не выявлено [Будаев 2009].

Актуализацию концепта РОССИЯ в турецких СМИ исследовал **Р. Бозкурт** (2009 г.). На основе анализа лексической сочетаемости основных репрезентантов концепта в дискурсе турецких СМИ им были выявлены частотные модели «РОССИЯ – ГОСУДАРСТВО» и «РОССИЯ – ЭКОНОМИЧЕСКИЙ / СТРАТЕГИЧЕСКИЙ / ВОЕННЫЙ / КУЛЬТУРНЫЙ ПАРТНЕР» [Бозкурт 2010].

В 2008 г. мы начали когнитивное исследование дискурса комментариев общественности (public discourse), который сложился на сайтах СМИ Великобритании как реакция на российско-грузинский конфликт (РГК) [Красильникова 2008]. Нас заинтересовало восприятие мировым сообществом Грузии и ее президента, России и ее президента, как общество представляет себе сложившуюся ситуацию в оппозициях тиран – жертва, свои – чужие, друзья – враги, плохие – хорошие и т.д. В ходе данного исследования мы выявляем метафорические модели, наиболее распространенные в высказываниях людей, комментирующих статьи электронных СМИ в отношении РГК. Концептуальные метафоры, отобранные посредством сплошной выборки, позволяют заглянуть в сознание адресата, и составить представление о его картине мира, отношении к вопросу и сторонам конфликта.

В условиях информационной войны концептуальные метафоры это не только отражение мнения каждого человека, но и средство формирования общественного мнения. Люди оставляют комментарии после статьи, значит, их задевает тема или видение автора. При этом читатели готовы выражать и отстаивать свое мнение, они свободны в выражениях и могут анонимно написать все, что думают. Самые активные «комментаторы» оспаривают не только точку зрения автора статьи, но и мнение авторов других комментариев, что иногда приводит к развитию аргументированных и пространственных споров.

Мы проанализировали 470 концептуальных метафор. Интересно отметить, что из общего числа большинство метафор, посвящены характеристике президента Грузии и государству российскому, отстает по количеству концептуальный образ Грузии и ее граждан и экс-президента России В.В. Путина, на третьем месте по числу метафор финишировали США и Дж. Буш, самые немногочисленные упоминания относятся к НАТО и Осетии.

В своих предшествующих работах мы рассматривали метафорические образы Грузии и ее президента М. Саакашвили (2008, 2009). Цель данной статьи – изучить метафорическую ре-

презентацию России в рамках исследуемого дискурса.

Наиболее частотной и развернутой метафорической моделью, представляющей Россию в дискурсе общественности на сайтах СМИ Великобритании, стала модель **РОССИЯ – ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ** (23%). К ней мы относим все метафоры, персонифицирующие страну, характеризующие ее как человеческий организм с его физиологическими и эмоциональными особенностями. **Персонификация** является популярным приемом метафорической экспансии Ср.:

1. *To understand the Russians, one must think simple as with a child – a ccept their actions as reactive and language blunt. (Andrew Eberle, Whangarei NZ)* [Чтобы понять русских, надо просто думать, что общаешься с ребенком – принимать их действия как реакцию на раздражение и мириться с непонятливостью.] (Цитирование примеров приводится без изменений и исправлений, перевод для сохранения аутентичности стиля автора максимально приближен к дословному.)

2. *Russia is not an enemy just because it does not bow to Western dictates. (Arik Silverman)* [Россия не является врагом, только оттого что она не кланяется Западным диктатурам.]

3. *Russia is just getting mad because they want georgia to be under their shadows forever. (Nino, Washington D.C.,)* [Россия просто злится, поскольку они хотят, чтобы Грузия всегда была в их тени.]

4. *Does anybody understand that letting it get away with this invasion jeopardizes much more than just the independence of the ex-Soviet territories? They are getting nastier and hungrier by the day. (Tatyana, London)* [Кто-нибудь понимает, что если мы оставим ее в покое с этим вторжением, это подвергнет опасности гораздо более, чем просто независимость пост-советских территорий? Они становятся все более отвратительными и жадными с каждым днем.]

Россия воспринимается как **эмоциональный** ребенок со своими спонтанными и необъяснимыми реакциями и действиями. Основными характеристиками России становятся **гордость, непреклонность, желание доминировать**, а если этого не удастся добиться, страна **злится**, становится все **голоднее** и **своенравнее**. Концептуальный вектор таких персонифицирующих метафор формирует у адресата ощущение дискомфорта, давления, отрицания, определенного страха и рискованности отношений с таким своенравным партнером.

Когда человеком движут эмоции, а не разум, то вместо ведения переговоров и выяснения спорных моментов, он прибегает к использованию силы. Так характерными для рассматриваемого дискурса лексическими единицами, через которые актуализируются физиологические метафоры, являются **мышцы** и **кулаки** как символы сильной централизованной власти. Ср.:

5. *And if there was little fighting elsewhere it was because the Soviets ruled with an iron fist. Capitalism has its flaws, but the Soviet dictatorship was as bad as the Nazis. (Mark, New York, USA)* [И если еще где-то случались небольшие столкновения, то это, оттого что в Советском союзе правил железный кулак.]

6. *Russia is flexing its muscles and waving a rusty hatchet at the rest of the world. (ANARKEECHILD)* [Россия напрягает мышцы и размахивает ржавым топором на всех в мире.]

7. *There is no "peacekeeping" happening here – It is simply a nasty expansionist power flexing its muscles. (Peter Jack)* [Нет здесь никакого «миротворчества» – это просто угрожающее напряжение мышц власти экспансионистов.]

Также показательно употребление лексики **руки** в значении активности, жажды наживы и власти.

8. *If Serbia had invaded Kosova, there would have been hell to pay; yet Georgia gets to invade South Ossetia, kill Russian peacekeepers and expect Russia to sit on its hands and mouth platitudes. (John)* [Если бы Сербия захватила Косово, пришлось бы много чем расплачиваться; несмотря на это, Грузия захватывает Южную Осетию, убивает русских миротворцев и ожидает, что Россия будет сидеть, сложа руки, со спокойным лицом.]

9. *Russia wont's to take Georgia in his hands!!! It's warning for all europe! Next may be Ukraine, Lithuania & The Baltic Countries, Moldova, Poland & etc. (steve King)* [Россия хочет взять Грузию в свои руки!!! Это предупреждение всей Европе! Следующими могут быть Украина, Литва и страны Балтии, Молдова, Польша и т.д.]

10. *WE MUST NOT LET THE RUSSIANS TOUCH THOSE TERRITORIES AGAIN WITH THEIR DIRTY HANDS!! (Luigi, Italy)* [НЕЛЬЗЯ ПОЗВОЛИТЬ РУССКИМ СНОВА ПРИКОСНУТЬСЯ ИХ ГРЯЗНЫМИ РУКАМИ К ТЕМ ТЕРРИТОРИЯМ!!]

11. *It's always been and always will be our job, to appease nasty fascist lefties like Hitler and Putin, until it's too late and they've got their hands round our windpipe. (David Davis)* [Успокаивать таких мерзких фашистских радикалов как Гитлер и Путин всегда было и будет нашей работой, пока не станет слишком поздно и они не наложат свои руки нам на горло.]

В этой метафорической модели очень яркий концептуальный заряд имеет фрейм **БОЛЕЗНИ**. Россия видится мировой общественности как **больной организм**, страдающий от **паранойи, алкоголизма, расплодившейся преступности и ущемленной гордости**. Ср.:

12. *Add to that paranoid drunkenness and inbreed criminality. No wonder Georgians want nothing to do with Russia. (Frank)* [Добавьте к этому паранойидальное пьянство и расплодившуюся преступность. Не удивительно, что грузины не хотят иметь никаких дел с Россией.]

13. *What absolute drivel. Georgia invades Ossetia, Russia responds, and it's all about Russia's paranoia, and Georgia wanting to join NATO. (Mike)* [Какой бред. Грузия захватила Осетию, Россия ответила, и все говорят о русской паранойе, а Грузия хочет вступить в НАТО.]

14. *Russia suffers from injured pride and wishes to make an example of someone, anyone, to show it's still a force to be reckoned with. (Golodh)* [Россия страдает от раненой гордости и хочет взять кого-то за образец, хоть кого, чтобы показать, что она все еще сила, с которой следует считаться.]

К сожалению, приходится констатировать, что представление мировой общественности о России носит негативный характер и в некотором смысле бьет по больным местам. Думается, что такие места есть не только у русских: никто, например, не обвиняет немцев за чрезмерное употребление пива, никто не упрекает французов за то, что они выпивают за каждым приемом пищи, и даже обвинений в сторону англичан, устремляющихся в пабы с утра, не слышно. К русским же ярлык пьянства и безнравственности приклеился намертво, что во многом объясняется стереотипами, в том числе и теми, что сложились в эпоху президентства Б.Н. Ельцина. Ср.:

15. *We won't let u bully Kosovo and Serbia' by boozing and schmoozing Boris Eltsin at that time. (ANARKEECHILD)* [Мы не позволим обижать Косово и Сербию, спаивая и обалтывая Бориса Ельцина в то время.]

16. *here we go again same old russian paranoia its time they moved into the 21st century along with the rest of us. the country is morally bankrupt populated by deluded alcoholics. (john bull)* [ну вот опять одно и тоже – старая русская паранойя пора им переходить в 21-ый век вместе со всеми нами. Эта морально несостоятельная страна, населенная сбитыми с толку алкоголиками.]

17. *Ugly and fat mother Russia never stop...they occupied Georgia, Romania (the Moldavian part), Latvia, Lithuanian, Armenia, etc, etc, created enclaves with Russian drunker there, like Transnistria in Moldova or Ossetia in Georgia and right now control these regions by these enclaves after cold war (Ovidiu, Cluj, Romania)* [Уродливая и жирная матушка Россия никогда не остановится... они захватили Грузию, Румынию (Молдавскую часть), Латвию, Литву, Армению и т.д. и т.п. создали там анклавов с русскими пьяницами, такие как Транснистрия в Молдове или Осетия в Грузии, и прямо сейчас после холодной войны контролируют эти регионы своими анклавными.]

Также популярна в дискурсе общественности, сложившемся на сайтах Великобритании на тему РГК, метафорическая модель **РОССИЯ – МИР ЖИВОТНЫХ** (22%).

Как справедливо отмечает **И. Буданова**, исследующая переговорную практику ЕС и Рос-

сии, российская сторона, используя силовые методы решения конфликта, спровоцировала возрождение «медвежьей темы» в медиа-дискурсе Европейского союза. Западные СМИ подхватили и развили тезис о возрождении Медведя [Буданова 2008].

Исследователи «медвежьей метафоры» **Олег Рябов и Анджей де Лазари**, подтверждают, что образ медведя для характеристики России используется в культурах Запада, начиная с XVII века [Рябов 2008]. Его популярность ослабевала после окончания 'холодной войны', но в последнее время он снова прочно закрепился в западном сознании, во-первых, благодаря символике партии «Единая Россия», во-вторых, благодаря фамилии президента России, в-третьих, за счет поддерживаемого СМИ прагматически выверенного образа-символа России, поскольку за метафорической моделью РОССИЯ – МЕДВЕДЬ скрываются концепты МОЩЬ, СИЛА, ВЕЛИЧИЕ. С другой стороны, согласно русским поверьям и библейским текстам медведь олицетворяет сатану.

Поэтому неслучайно медвежья метафора получила широкое распространение в политическом дискурсе мировой общественности. В силу своей многогранности и универсальности, обусловленной мифологическими, культурологическими и национально-специфическими особенностями, медвежья метафора обладает контекстуальной гибкостью и носит то оправдательный, то обвинительный характер. В нашем исследовании соотношение медвежьих метафор с положительной и отрицательной коннотацией составило практически 50/50.

В первом случае, медведь предстает перед читателем как *образец* (досл. *остров*) *здравомыслия*, его *будят*, *дразнят*, а надо бы *оставить в покое*, еще лучше – *подружиться* с ним. Ср.:

18. *The Russian bear is the remaining island of sanity in this mad Western rush for Empire. (ThomasT)* [Русский медведь остается образцом (досл. – островом) здравомыслия в этой безумной гонке за верховной властью.]

19. *We should leave the bear well alone. Georgia started this and will now have to face the consequences. (Rob)* [Мы должны оставить медведя в покое. Грузия начала это, теперь пусть она и разбирается с последствиями.]

20. *The EU and USA woke the bear when they gave Kosovo independence. What goes around, comes around. I can't blame Russia much. (Mark)* [ЕС и США разбудили медведя, когда дали независимость Косово. Как аукнется, так и откликнется. Я не особо виню в этом Россию.]

21. *How can we take on the Russian Bear? – Why to take on it? Why not to befriend it? (Alar)* [Как можно отвечать на вызов русского медведя? – Зачем ему отвечать? Почему не подружиться с ним?]

Концептуальный вектор таких метафор отражает отношение к России как к серьезной и

разумной силе, которую не нужно раздражать, которой не следует противостоять, но с которой можно сотрудничать.

Во втором случае, Россия видится как злой медведь, который грубо вторгся на территорию Южной Осетии, которого понапрасну разбудили и этим разозлили, теперь он грозно рычит и может разорвать обидчиков. Ср.:

22. *Mr Saakashvili sent his troops into the capital in order to save the peacekeepers and citizens from themselves, but unfortunately this, let's say, "humanitarian" action was (far too) quickly repelled by the brutal intervention of evil Russians Bear. (Borisav)* [Г-н Саакашвили отправил свои войска в столицу, чтобы спасти миротворцев и граждан от самих себя, но, к сожалению, это, давайте назовем его «гуманное» действие было (уж слишком) быстро отражено жестоким вторжением злого русского медведя.]

23. *What the Georgians have done is woken a sleeping BEAR...and now it is growling and letting the world know exactly how annoyed it is with all. (Russian Supporter)* [Действия грузин разбудили спящего медведя... и теперь он рычит и дает миру понять, насколько он разозлен этим.]

24. *Seems to me that Georgia's parliament took a gamble and their bluff was called. Don't mess around with Bear's they tend to rip your head off. (Cromwell)* [Мне кажется, что грузинское правительство пошло на риск и его блеф был раскрыт. Не связывайтесь с Медведями, они склонны отрывать головы.]

В приведенных примерах медвежья метафора несет в себе сильный устрашающий и отпугивающий прагматический потенциал. Перед страшным разгневанным медведем президент Грузии М. Саакашвили предстает абсолютно беспомощным, при этом Западные страны не намерены решать данный конфликт за него, так как понимают, что это чревато серьезными последствиями. Они скорее станут подлизываться к русскому медведю и останутся при своих интересах. Сама идея того, что Грузия может принять вызов русского медведя, представляется по-детски наивной. Ср.:

25. *President Mikheil Saakashvili of Georgia, a true believer in freedom and democracy, is helpless before the Russia Bear, but in turning to the West he will be greatly disappointed. (George Mitrovich)* [Президент Грузии Михаил Саакашвили, истинно верующий в свободу и демократию, беспомощен перед русским медведем, но обратившись к Западу, он будет сильно разочарован.]

26. *we shouldn't take on the 'Russian Bear' especially not for a genocidal Georgian government who now wants us to fight their battles for them!! (Diana)* [нам не нужно мстить «русскому медведю», особенно вместо настроенного на геноцид правительства Грузии, которое теперь хочет, чтобы мы вели их сражения вместо них!!!]

27. *Simple take on the bear and it turn off*

the gas tap (Anil) [Только ответьте медведю, и он отключит вам газ.]

28. *We can tackle the Russian Bear by having more politicians, licking the Russian Bear, like the former German Chancellor Schroeder and getting paid for it by Directorships. (Joe Maguire)* [Мы можем противостоять русскому медведю, увеличив количество политиков, подлизывающихся к русскому медведю, как прежний канцлер Германии Шредер, и получающих деньги за пост директора.]

29. *And how childish too – we all know only too well that whoever dreamt up this title will not have guts to take on Russian Bear even in wildest of delusions. (Igor Emelianov)* [кроме того, это так по-детски, мы все слишком хорошо знаем, что кто бы там ни выдумал такой заголовок, у них не хватит смелости тягаться с русским медведем даже в их самых смелых заблуждениях.]

Большой интерес для когнитивных лингвокультурологических исследований представляют случаи использования медвежьей метафоры в окружении других звериных метафор, в которых концептуализируются другие страны. Грузия ассоциируется с обезьяной, животным, которое вертится во все стороны, суетится, но от которой нельзя ожидать серьезных продуманных действий и решений. Лидер Грузии метафоризируется через образ хитрой лисы, хищной и двуличной, хотя умной и красивой. Любопытен и оригинален образ Америки, которая предстает перед нами в виде свиньи, который в данном контексте и авторстве выглядит оскорбительным. Британцы получили в рассматриваемом дискурсе образ осла – символа упрямства и глупости, а жители поднебесной традиционно представлены через стереотипный и национально специфичный образ дракона.

30. *By entitling this discussion "How can we take on Russian Bear" someone anonimous has taken sides: in this clear-cut situation where a bunch of scoundrels has been caught red-handed they want to take not on Georgian Monkey, American Pig or British Donkey who really deserve a kick in the rear end, they want to take on Russian Bear. How schizophrenic is that? (Igor Emelianov)* [Называя эту дискуссию «Как мы можем отомстить русскому медведю?», некто анонимно встал на сторону противника: в данной определенной ситуации, где группа негодяев была поймана с поличным, автор хочет мстить не грузинской обезьяне, не американской свинье или британскому ослу, которые, действительно заслужили пинок под зад, он хочет мстить русскому медведю.]

31. *Better leave the bear alone and get busy with that cunning fox (Saakashvili). I have an impression every word of his is a lie. (Lexo)* [Лучше оставьте медведя в покое и займитесь этой хитрой лисой (Саакашвили).]

32. *If, for reasons of realpolitik, we can hold our noses and maintain cordial relations with the Chinese Dragon, there seems little sense in an-*

tagonising the Russian Bear. (Peter Lion) [Если, когда это так необходимо для реалполитик, мы можем зажать нос и поддерживать сердечные отношения с Китайским драконом, кажется нет большого смысла противостоять русскому медведю.]

Характерно, что во всех многонациональных примерах животными метафорами, образ медведя имеет положительную коннотацию на фоне лживости, глупости и неадекватности других национально-специфичных образов.

Следует отметить, что анималистическая метафора, концептуализирующая Россию, не замыкается на медвежьей метафоре. Гораздо реже, но встречаются *иные* метафоры, концептуальный вектор которых обнаруживает агрессивность. Например, действия России могут ассоциироваться с *собачьим лаем*, отпугивающим мировые супердержавы.

33. *Russia will use this as an excuse to commit a Genocide against the Georgians. The Russians are animals. (Enver)* [Россия использует это в оправдание за геноцид против грузин. Русские – животные.]

34. *What's the use being the world only super power who hides when Russia barks. (Rikki)* [Какой смысл быть единственной сверхдержавой, которая прячется, когда Россия лает.]

Не менее интересна *рыбная* метафорика в дискурсе общественности на сайтах британских СМИ, где комментирующие статью люди из разных стран дискутируют на тему РГК. В частности, ссылка на английскую пословицу «The great fish eat up the small» (Большая рыба поедает маленькую) является типичной для концептуальной проекции оппозиции победитель – проигравший. Руководство страны концептуализируется как *озёрная жизнь*, характеризующаяся своим миром, правилами и связями. Ср.:

35. *Tribalism is the bane of civilization, but the whales dominate the small fish. (Talisa, San Francisco, USA)* [Межплеменная вражда – это бич цивилизации, все же кит доминирует над мелкой рыбой.]

36. *Nothing new under the sun and all that rot. Big fish eats the little fish.* [Ничего нового под солнцем, и все это чушь. Крупная рыба съедает мелкую.]

37. *Now these same Jerks led by those same ex-KGB mob (endorsed by our own pond life) are trying to take over Georgia. (Robin)* [Теперь те же самые болваны, ведомые той же самой шайкой экс-КГБ (поддерживаемой нашим же собственным озерным миром) пытаются захватить Грузию.]

Менее распространена, но не менее эффективна в дискурсе общественности, сложившемся на сайтах Великобритании в отношении РГК метафорическая модель **РОССИЯ – ИМПЕРИЯ ЗЛА/СССР** (12%). Метафора, уходящая своими корнями в мировую историю, является сильным и действенным аргументом в споре людей, оставляющих свои комментарии

на сайте, поскольку затрагивает национальные интересы многих групп людей, которые из лучших побуждений устремляются в полемику, навевая тем или иным мнением, относящимся к историческим событиям. Ср.:

38. *The Evil Empire marches on from Afghanistan Iraq and Kosovo to new fields of blood for its Dracula appetite for conflict. (Walter)* [Империя зла идет маршем от Афганистана, Ирака и Косово к новым полям крови. Причиной тому – ее ненасытная жажда войны, в своем размахе истине достойная Дракулы.]

39. *Georgia is a tiny country with much longer history than US or Russia trying to survive among huge Evil Empires. (LetUsLive)* [Грузия – это крошечная страна с гораздо более длинной историей, чем США или Россия, пытающаяся выжить среди огромных Империй зла.]

40. *He may be consoled by its rhetoric, but in the end words won't save his country, and words mean nothing to Russia – the one and true Evil Empire. (George Mitrovich San Diego)* [Возможно его утешает это ораторское искусство, но, в конечном счете, слова не спасут его страну, и слова ничего не значат для России – единственной истинной Империи зла.]

Наблюдения и комментарии о схожести конфликтов современности и времен холодной войны иногда не заканчиваются обычной компаративной констатацией, а выливаются в яростный призыв к борьбе против зловещей империи. Ср.:

41. *Russia is the Evil Empire!!! NATO must help Georgia and STOP this RED ARMY!!! (Tom)* [Россия – Империя зла!!! НАТО должна помочь Грузии и ОСТАНОВИТЬ эту КРАСНУЮ АРМИЮ!!!]

42. *NATO, EU, USA must help to Georgia... Russia is evil empire it must stopped! (Alexander)* [НАТО, ЕС и США должны помочь Грузии... Россия – империя зла, ее надо остановить.]

43. *If we are seen to be backing down, Russia's resurgent bellicosity will know no bounds; none of the satellite states will be safe and all the work of the last 17 years in dismantling the Evil Empire will be undone. (Paolo Caldato)* [Если нас увидят отступающими, возрождающаяся агрессия России перейдет все границы; ни одно из государств-спутников не будет в безопасности, и вся работа последних 17 лет по разоружению Империи зла окажется напрасной.]

Следующая по частотности метафорическая модель, через которую актуализируется представление о России в дискурсе общественности на сайтах СМИ Великобритании, это модель **РОССИЯ – КРИМИНАЛЬНЫЙ МИР** (11%). Это может быть и просто аллегория с общим криминальным подтекстом или метафоры, заполняющие фреймы «Места заключения», «Преступники», «Преступления» и пр. Ср.:

44. *Lenin described the Russian Empire as a "prison of nations", after the Russian and then the Bolshevik Revolutions followed by the civil war,*

many of the imprisoned nations declared their independence... (Dr Andris Lielmanis) [Ленин описал Российскую империю как «тюрьму наций», после русской, а затем большевистской революции и последующей гражданской войны многие из заключенных наций объявили о своей независимости...]

45. ...systematically the Soviets attempted to reintroduce the independent nations to their cells by violent means defeated in the Baltic states, Lenin nevertheless managed to recapture the rest of the escapees. (Dr Andris Lielmanis) [...систематически СССР пытался вернуть независимые нации в их клетки насильственными средствами, потерпел поражение в Балтийских государствах, тем не менее Ленину удалось вновь захватить остальных бежавших из тюрьмы.]

46. Odd that the local Ossetian population has been growing with an inordinate number of Russian "immigrants" over several years and the local political positions are dominated by Russians backed by political thuggery. (Rook) [Странно, что местное осетинское население увеличивалось за счет чрезмерного количества русских «иммигрантов» в течение нескольких лет и, что на местных политических постах благодаря политическому бандитизму доминируют русские.]

47. I guess UK is fated to become a penal colony for Russian criminals. Letting a great culture go to waste. (Dan) [Думаю, Великобритании суждено стать исправительной колонией для русских преступников. Позволяем выбросить великую культуру в мусор.]

Все концептуальные метафоры данной модели дают России выраженную отрицательную оценку, прагматически отстраняя собеседника от обсуждаемого объекта и обособляя РОССИЮ в категорию «ЧУЖИХ», опасных, нечестных, бесчеловечных. Данная метафорическая цепь имеет большой потенциал к экспансии. Россия часто представляется в роли *обидчика*, поэтому в дискурсе общественности на сайтах СМИ Великобритании распространена лексема **bully** и схожие с ней лексические единицы для описания ее действий. Ср.:

48. Russia is trying to bully its smaller neighbours into not aligning themselves with the West and NATO and showing once again its aggressive true face not only in politics but also in business. (James, London) [Россия пытается заставить своих меньших соседей отказаться от объединения с западом и НАТО и показать еще раз свое агрессивное лицо не только в политике, но и в бизнесе.]

49. Mr Lucas sees Russia as a menacing bully led by ruthless rulers. (Philippe, Brussels, Belgium) [Г-н Лукас воспринимает Россию как грозного обидчика, возглавляемого беспощадными правителями.]

50. The West cannot ignore or be seen to be weak. Putin et al would see that as a chance to bully all the former satellite USSR states, and pos-

sibly a chance to put a stranglehold on energy supplies to the west. (Mark) [Западу нельзя игнорировать это или выглядеть слабым. Путин и др. восприняли бы это как шанс поиздеваться над всеми бывшими государствами-спутниками СССР, и возможно шанс наброситься мертвой хваткой на западные источники энергии.]

51. Since Russia has become rich on oil and gas it has constantly waved a big stick at other countries, previously it was economic, now it has turned to armed conflict. (Anthony) [С тех пор как Россия разбогатела на нефти и газе, она стала постоянно размахивать большой палкой в сторону других стран, раньше это был экономический конфликт, теперь он перерос в военный.]

Как и в рамках модели РОССИЯ – ИМПЕРИЯ ЗЛА, Россия не только концептуализируется как обидчик, часто в высказываниях комментирующих звучит призыв к действию, противостоянию или клятве защищать. Ср.:

52. Russia should be a little more conscience of other countries and stop being a bully in that area. (Javier Guinand) [России следует более сознательно относиться к другим странам и перестать хулиганить на этой территории.]

53. There are two sides to any war – but the Russians are brutally escalating the crisis. Kick them out of the G8 – they do not deserve the political respect accorded by such membership. (Martin Pople) [В любой войне усть два стороны – но русские жестоко обостряют кризис. Надо выпнуть их из Большой восьмерки – они не заслуживают политического уважения, соответствующего членству в этой организации.]

Следующая метафорическая модель **РОССИЯ – СИЛЬНЫЙ ЗАЩИТНИК** (10%) достаточно традиционна и ожидаема, поскольку в мире, где есть противники, обязательно есть и сторонники. Одни осуждают Россию за своевольное и нецивилизованное поведение, другие – защищают ее позицию, так как считают ее оправданной. Примеры тому уже приводились в данной статье, расширим их круг. Ср.:

54. They know Russia is in the right and that their future lies with Russia. (Dan) [Они знают, что Россия права и что их будущее зависит от России.]

55. Russia is not the evil empire – that tag belongs to another meddling warmongering nation. (R McAuley) [Россия не империя зла – этот ярлык принадлежит другой нации, которая вмешивается и разжигает войну.]

56. The Abkhaz would face the same fate as well were it not for actual Russian stewardship in this case as well. (OneWithEyesStillOpen) [Абхазцам пришлось бы столкнуться с такой же судьбой, если бы опять же не реальная услуга России в данном случае.]

Сторонники поведения России не только оправдывают ее действия, но и метафорически концептуализируют ее как *сильную мощную страну*, которая никому не позволяет лезть в свои дела, делает серьезные предупреждения,

дает отпор, ее тяжелый и уверенный взгляд не у всех хватит смелости выдержать. Ср.:

57. *Admit it, Russia is superpower in makeing and it shows that nobody can mess w/ it, including US backed Georgi (Vlad, los angeles, USA)* [Признайте, что Россия – это сверхдержава в процессе становления, и она показывает, что никто не может лезть в ее дела, включая Грузию с поддержкой США.]

58. *A powerful message has been sent by Russia to the west as it enhances its role (John Collns)* [Серьезное (досл. – мощное) послание Россия отправила западу, утверждаясь в своей роли.]

59. *The western leaders are gathered in the centre of authoritarianism in Beijing in the company of Prime Minister Putin. Do they have the nerve to stare Russia down? (Victor Perton, Melbourne, Australia)* [Западные лидеры собрались в центре авторитаризма в Пекине в компании премьер-министра Путина. Найдется ли у них смелость смутить взглядом Россию?]

Такие метафоры оказывают двойственное прагматическое воздействие – с одной стороны, интегрируют сторонников, привлекают к себе как все сильные мира сего, с другой стороны, дистанцируют противников, удерживая их на безопасном расстоянии. В любом случае, концептуальный вектор метафорической модели РОССИЯ – СИЛЬНЫЙ ЗАЩИТНИК носит позитивный характер.

Следующая по популярности в дискурсе общественности на сайтах СМИ Великобритании, посвященных обсуждению РГК, является метафорическая модель **РОССИЯ – ЛОЖЬ / ПРОПАГАНДИСТСКИЙ АППАРАТ**. Данная модель представляется весьма оригинальной и даже неожиданной, тем не менее, достаточно распространенной (8%). Ср.:

60. *It was interesting and funny at the same time to hear a hypocrite Lavrov accusing Georgia of genocide and ethnic cleansing; (ANARKEECHILD)* [Было одновременно интересно и смешно услышать, как лицемерный Лавров обвиняет Грузию в геноциде и этнических чистках.]

61. *Bush should be more like Kennedy to do with Cuba and make a stand against Russia and stop them postering. (Rikki)* [Буш должен действовать, как Кеннеди поступил с Кубой, и выступить против России и остановить их позерство.]

62. *Never trust the Russians, an old european saying still true! (Gil, Los Angeles, United States)* [Никогда не доверяйте русским, старая европейская поговорка остается истиной.]

Из примеров следует, что Россия, по мнению высказывающихся, *играет роль* жертвы, *лицемерит*, *позирует*, что ей *нельзя доверять*. В данной метафорической модели актуализируется лексема **пропагандистский аппарат**. Учитывая игру слов, в этом сочетании видится механистическая метафора, которая исключает человеческий фактор из перспективы

отношений с Россией – *запущена машина*, производящая пропаганду, ей *дали волю*, *хорошо смазали* и *настроили*, и она *официально начала работать*. Создается впечатление, что государство роботизировано и настроено на создание качественного типографского пиара, о развитии страны и жизни в ней умалчивается, либо и не подразумевается, в силу определенных причин, обусловленных зачастую национальной идеологией. Ср.:

63. *Russia is very good at twisting the facts to suit its own preferred interpretation (it is never at fault and never the aggressor) and with no free press in the country the propaganda machine is given free rein. (Richenda)* [Россия очень умело искажает факты, чтобы они соответствовали предпочитаемой ими интерпретации (она никогда не виновата и не является агрессором), и при отсутствии свободной прессы в стране пропагандистскому аппарату дана полная свобода.]

64. *Yes, the Russian propaganda machine is well oiled and out in force. (Michael Anthony)* [Да, русский пропагандистский аппарат хорошо смазан и работает в полную силу.]

65. *I read the replies, especially from Russia – sounds very familiar ... Russian official propaganda machine started working. (LD, London, UK)* [Читаю ответы, особенно из России – звучит очень знакомо... Официальный русский пропагандистский аппарат начал работать.]

Следует отметить, что яркая метафора, обладающая сильным прагматическим воздействием, сказанная одним человеком, быстро подхватывается другими, и уже не является столь оригинальной и авторской в последующих случаях. Все же для решения задач данного исследования важно учесть сущность мнения всех собеседников, даже если оно где-то перекликается и оказывается схожим.

Следующая группа метафор тоже имеет исторические корни, как и метафорическая модель РОССИЯ – ИМПЕРИЯ ЗЛА, но является культурно-специфичной и имеет другие ассоциативные связи, поэтому мы рассматриваем ее отдельно. Эту метафорическую модель можно обозначить как **РОССИЯ – ГЕРМАНИЯ 40-х гг.** Соответствующие примеры в процентном соотношении составили 7% от общего числа концептуальных метафор, актуализирующих образ России в международном дискурсе общественности на сайтах СМИ Великобритании, посвященных РГК. Ср.:

66. *The West must support Georgia against the Russian fascists. (Paolo Caldato)* [Запад должен поддержать Грузию против русских фашистов.]

67. *Russia has been claiming Crimea as Russian for all the last months. Only joint military force of the democratic world can stop the new aggressive Reih. (Stan)* [Все последние месяцы Россия утверждает, что Крым принадлежит ей. Только объединенные военные силы демокра-

тического мира могут остановить новый агрессивный Рейх.]

68. *Capitalism has its flaws, but the Soviet dictatorship was as bad as the Nazis.* (Mark, New York, USA) [У капитализма есть свои недостатки, но советская диктатура была такой же плохой, как Нацисты.]

Русские концептуализируются как агрессивные фашисты, безжалостно истребляющие неравных себе и желающие подчинить себе мир, советский диктаторский режим сравнивается с нацистским. Однако самой распространенной метафорой в данной модели является прецедентный антропоним **Гитлер**, не нуждающийся в особых комментариях. Ср.:

69. *Didn't Hitler use an excuse like this to invade Czechoslovakia?* (Shaun) [А Гитлер разве не использовал подобное оправдание для вторжения в Чехословакию?]

70. *To me, in many ways this situation looks eerily similar to Hitler's invasion of Poland in 1939.* (Kevin Dugger) [Мне данная ситуация во многом напоминает вторжение Гитлера в Польшу в 1939 году.]

71. *Hitler, Stalin, Putin Is children from one mother! The Chechen republic is already unable to resist there almost anybody is not present! Now Georgia! Who's next? (ser from UKRAINE)* [Гитлер, Сталин, Путин – дети одной матери! Чеченская республика уже не способна сопротивляться там почти никого не осталось! Теперь Грузия! Кто следующий?]

Сравнение России с Гитлеровской Германией достаточно распространено в рассматриваемом дискурсе, соответственно сопоставляются действия двух государств, их население, лидеры. Гитлера, Сталина и Путина объединяют метафорой родства, актуализируя смыслы жесткой диктатуры и неоправданной военной агрессии.

Последняя метафорическая модель **РОССИЯ – УЧАСТНИК ИГРЫ** (7%), выявленная нами в процессе исследования, так же распространена, как и предыдущая, и не менее актуальна и сильна по прагматическому воздействию как одно из эффективных средств формирования образа страны. У России имеется *свой план игры* в отношении Европейских государств, она *ведет игру с позиции силы*, а В.В. Путин развлекается *игрой в шпионов*, Ср.:

72. *I am certain that the various Governments in Europe are aware of Russia game plan, which means that Europe now has to look to defend its borders and hence this will result in a return to the cold war.* (Anthony) [Я уверен, что различные европейские правительства знают о плане игры России, что означает, что Европе теперь нужно следить и защищать свои границы, следовательно, это приведет к возвращению к холодной войне.]

73. *Russia is clearly involved in a power game (with Russian "Peacekeepers" in Ossetia) and does not like anyone it does chose in its back-*

yard, but then nor does America (Cuba/Venezuela) or China (Tibet/Burma). (Mark) [Россия явно вовлечена в игру с позиции силы (с русскими «миротворцами» в Осетии) и не хочет никого пускать в свой задний двор (воен. – глубокий тыл), но в то же время так же ведут себя Америка (Куба/Венесула) или Китай (Тибет/Бирма).]

74. *They are stating to Georgia – If you want to be rid of us, give up the two enclaves and build your pipeline. When NATO comes to this sliver of land – Putin will content himself playing spy games.* (Andrew Eberle, Whangarei NZ) [Они заявляют Грузии – если хочешь избавиться от нас, отдай нам два анклава и построй нефтепровод. Когда НАТО придет на эту полосу земли – Путин будет радовать себя шпионскими играми.]

Кроме лексемы *игра* часто используются метафорические единицы со сферой-источником «Азартные игры». В данном контексте Россия прибегает к *трюкам КГБ*, Грузия *играет в азартную игру* и ее *блеф* раскрывается (см. пример 25), Россия использует автономные регионы Грузии как *карты* в игре. Ср.:

75. *Russia uses the Georgian break away regions as cards to prevent Georgia joining NATO and forever escaping Russian influence.* (Ilan, Tel-Aviv, Israel) [Россия разыгрывает отколовшиеся от Грузии регионы как карты, чтобы предотвратить присоединение Грузии к НАТО и избавление от российского влияния навсегда.]

76. *There's no doubt in my mind and a lot of people here in UK, that this is nothing but another KGB trick.* (ANARKEECHILD) [У меня и у многих людей здесь в Соединенном королевстве нет никаких сомнений, что это ничто иное, как очередной трюк КГБ.]

Таким образом, Россия в дискурсе общест-венности, сложившемся на страницах сайтов СМИ Великобритании, посвященных РГК, чаще представляется в роли агрессора, безжалостного обидчика, который держит в своих руках сильную власть, обусловленную масштабами, ресурсами, политическими и криминальными связями. Россия – это эмоциональный непредсказуемый и непонятный человек, страдающий паранойей, пьянством и алчностью. Традиционным стал образ медведя, концептуализирующий Россию как мощное животное, которое разбудили и которое теперь злится, рычит и готово напасть. В то же время представители мирового сообщества все больше удивляются, зачем злить сильного русского медведя, если можно с ним просто подружиться.

Оригинальны в данном дискурсе исторические концептуальные метафоры, опирающиеся на прецедентные имена и события. Россия видится сквозь призму времен холодной войны или ассоциируется с фашистской Германией.

По-прежнему частотна в представлении России криминальная метафора. Страна воспринимается как «тюрьма наций», из которой пытаются бежать, но беглецов непременно си-

лой возвратят в их камеры. Кроме того жители мира по-прежнему обвиняют Россию в коррупции, лжи, пропаганде, политических аферах, ведении нечестной игры.

Положительный образ России создается посредством актуализации метафорической модели «РОССИЯ – СИЛЬНЫЙ ЗАЩИТНИК». Она объединяет вокруг себя сторонников России, оправдывающих ее действия, и дистанцирует противников.

Приходится констатировать преобладание в образе России пейоративных концептуальных метафор – страну либо упрекают за советское прошлое, либо обвиняют в раздувании военных конфликтов с целью подчинения территорий, либо боятся ей сопротивляться по политическим или экономическим причинам. Мелиоративные метафоры, одобряющие Россию и характеризующие ее в позитивном ключе, пока остаются в меньшинстве. Выводы об исходе информационной войны очевидны, хотя неутешительны.

ЛИТЕРАТУРА

Бозкурт Р. Актуализация концепта *Россия* в турецких СМИ // Политика в зеркале языка и культуры. – М.: ИЯ РАН, 2010. С. 364-370.

Бойко М.А. Функциональный анализ средств создания образа страны (на материале немецких политических креолизованных текстов) // Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2006.

Будаев Э.В. Метафорический образ России в современном мире. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009.

Буданова И. Переговорная практика ЕС и России в контексте «медвежьего» дискурса. URL: <http://cens.ivanovo.ac.ru/abstracts/budanova-2008.htm>

Красильникова Н.А. «Заложники русского медведя»: метафорическое представление современной России в британских и американских СМИ // Вопросы когнитивной лингвистики 2007. № 1.

Красильникова Н.А. Российско-грузинская война в дискурсе общественности на интернет-сайтах Великобритании // Политическая лингвистика. Выпуск (3)26. 2008.

Орлова О.Г. «ЖИТЕЛИ РОССИИ» как структурный компонент концепта «RUSSIA» (на мате-

риале дискурса еженедельника «NEWSWEEK») // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 18. С. 92-99.

Пшенкин А.А. «Метафорический образ СССР / России в американском политическом дискурсе второй половины XX – начала XXI веков» // Дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2006.

Рябов О., Лазари А. Миша и Медведь. Медвежья метафора России в дискурсе о грузино-российском конфликте. URL: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2008/09/m158721.htm>.

Санцевич Н.А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции) // Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2003. 245 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Екатеринбург, 2001.

Шаова О.А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских газет в сопоставлении с российскими): Дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.

Шарманова О.С. Грузино-российские отношения в зеркале вторичной непрямой номинации (на примере освещения военного конфликта 2008 в немецкоязычных СМИ) // Политическая лингвистика. 2009. Вып. (2)28. С. 96-104.

ИСТОЧНИКИ

Firth E. Georgia 'pulls troops out of South Ossetia' as Russian fighting intensifies. URL: [http://www/telegraph.co.uk/news/2008/08/10](http://www.telegraph.co.uk/news/2008/08/10).

Halpin T. Georgian forces attack Russian-backed separatists. URL: <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/erope/article4491342.ece> 2008/08/08.

Lucas E. How Georgia fell into its enemies' trap. URL: http://www.timesonline.co.uk/tol/comment/columnists/guest_contributors/article4488503.ece 2008/08/09.

Parsons R. Georgia pays price for its Nato ambitions. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news2008/08/09>.

Penketh A. Diplomatic Licence: Saving Saakashvili. URL: <http://blogs.independent.co.uk/independent/2008/08/saving-saakashv.html> 2008/08/12.

© Красильникова Н. А., 2010

Кушнерук С.Л.
Челябинск, Россия

Kushneruk S.L.
Chelyabinsk, Russia

ОБРАЗ ПРЕЗИДЕНТА –
ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА РОССИИ:
ТЕКСТОВЫЕ МИРЫ ПРЕССЫ,

THE IMAGE OF THE PRESIDENT
AS RUSSIA'S VISITING CARD:
TEXT WORLDS ADDRESSED
TO FOREIGN READERS

АДРЕСОВАННОЙ ЗАРУБЕЖНЫМ ЧИТАТЕЛЯМ
УДК 81'27
ББК Ш 100.3

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Аннотация. В статье обсуждаются способы конструирования образа российского президента в прессе, адресованной зарубежным читателям. Исследование проводится в рамках теории текстовых миров. Отстаивается точка зрения, в соответствии с которой переключения в дейктические производные миры способствуют пониманию текущей политической ситуации в терминах недавнего прошлого. Формирование позитивного образа главы российского государства осуществляется посредством обращения к универсально-прецедентным знаниям, входящим в когнитивную базу большинства представителей мировой цивилизации.

Abstract. The article explores the methods of constructing the image of Russia's President in the press addressed to foreign readers. The research is carried out within the framework of Text World Theory. The argument is that deictic world-switches enable foreign readers to understand the current political situation in Russia in terms of the recent past. The construction of the positive image of Russia's President is facilitated by the use of the precedent knowledge (facts, names, texts well-known to the majority of the world civilization).

Ключевые слова: образ президента, текстовые миры, дейктические производные миры, прецедентные знания

Key words: the image of Russia's President, text worlds, deictic world-switches, precedent knowledge

Сведения об авторе: Кушнерук Светлана Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент Челябинского государственного педагогического университета.

About the author: Kushneruk Svetlana Leonidovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of Chelyabinsk State Pedagogical University.

Место работы: Челябинский государственный педагогический университет.

Place of employment: Chelyabinsk State Pedagogical University.

Контактная информация: e-mail: Svetlana_kush@mail.ru.

С обновлением познавательных установок, определяющих принципы и методы лингвистических исследований, зарубежные и отечественные ученые сходятся во мнении, что симбиоз разных научных дисциплин создает комплексную методологическую основу для новых изысканий. В авангарде западной научной мысли теории, совмещающие достижения различных исследовательских программ (E. Lahey, J. Gavins, L. Hidalgo Downing, E. Semino, P. Stockwell, P. Werth).

Теория текстовых миров, в рамках которых мы проводим настоящее исследование способов конструирования образа российского президента, возникла в результате интеграции эвристик философии, логики, лингвистики текста, когнитивной психологии и теории литературы. Концепция учитывает роль контекстуальных факторов в лингвистическом анализе и предлагает их систематическое описание для создания общей теории текста и дискурса [Werth 1999]. Центральным в обсуждаемой теории является понятие текстового мира, который определяется как «контекст, сценарий или тип реальности, возникающий в нашем сознании при чтении текста» [Semino 1997: 1].

Терминологическим прототипом «текстового мира» называют понятие «возможный мир», введенное немецким философом Г. Лейбницем. В соотношении возможного и действительного идея возможного признана им более

фундаментальной, чем идея действительного. Действительный мир, по Лейбницу, есть наилучший из возможных миров. Лейбницевское понимание лежит в основе классической теоретико-множественной математики, а также господствует в семантике возможных миров.

«Возможный мир» является категорией модальной логики и используется для установления истинности/ложности модальных высказываний. По мнению Я. Хинтикки, возможный мир интерпретируется как возможное положение дел или возможное направление развития событий по отношению к субъекту, находящемуся в мире реальном, который свое реальное «я» проецирует в иные мыслительные пространства [Хинтикка 1980: 38]. Перешагнув границы логико-философских работ, теория возможных миров начинает получать развитие и в отечественном языкознании и литературоведении (А.П. Бабушкин, Вяч.Вс. Иванов, Ю.С. Степанов, Н.В. Черемисина, А.Д. Шмелев; детальный обзор см. [Бабушкин 2001]).

Семантика возможных миров в аспекте лингвистического исследования понимается как ментальный мир, материализованный в языковом знаке. Текст представляет собой ментальный конструкт, «когнитивный коррелят знания, которое содержится и активируется текстом в употреблении» [de Beaugrande 1980: 24]. Такое видение сопряжено с замещением принципов логики (логической необходимости и логической

возможности) когнитивными принципами, более созвучными с процессами текстопорождения и понимания, которые учитывают факторы переработки текста адресатом, а также внутренней организации текстового мира.

Идеи теории возможных миров приобретают широкую дискурсивную перспективу в модели текстовых миров, предложенной П. Вертом [Werth 1999]. Синтезируя концепции формальной семантики, когнитивной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон) и ментальных пространств (Ж. Фоконье), голландский ученый приходит к пониманию того, что любой подход к языку в отрыве от контекста обречен на провал.

Он предпочитает использовать термин «дискурс», признавая, что объяснение языковых процессов должно осуществляться с учетом вербального и ситуативного контекстов вокруг языкового события. Именуемая когнитивно-дискурсивной грамматикой (*Cognitive Discourse Grammar*), концепция становится альтернативной по отношению к традиционной генеративной грамматике, ограничивающейся изучением текста на уровне предложений, каждое из которых анализируется независимо от контекста и пользователя.

Рассматривая язык сквозь призму человеческого опыта, П. Верт понимает дискурс как «намеренную совместную деятельность продуцианта и реципиента, направленную на выстраивание «мира», в котором соответствующие пропозиции связаны и имеют смысл» [Werth 1999: 51]. *Намеренная*, потому что дискурсы (кроме патологических случаев) создаются с конкретной целью. *Совместная* указывает на наличие двух сторон – продуцианта и реципиента, которые вносят обоюдный вклад в производство и понимание дискурса. Роль реципиента не сводится к пассивному наблюдению, превращая его в активного участника двустороннего процесса. *Пропозиции связаны*, если они соответствуют контексту. *Пропозиции имеют смысл*, когда они дейктически закреплены, то есть относятся к миру, изображенному дискурсом.

В пику последователям Н. Хомского Верт признает наличие концептуального фона, значимого в процессах переработки информации. Ему соответствует текстовый мир (термин заимствован из работ Т. ван Дейка и Я. Петофи [van Dijk 1977]). Текстовый мир представляет собой «дейктическое пространство, первоначально определяемое самим дискурсом, а затем более специфическими дейктическими и референциальными элементами» [Werth 1999: 51]. Названные элементы являются строительным каркасом текстового мира. Они очерчивают его пространственные границы, фиксируя в определенном месте, – реальном или воображаемом, новом или знакомом. В целом, число значимых характеристик языковых ситуаций П. Верт сводит к следующим [Werth 1995: 183–184]:

1. Место.
2. Время.
3. Действующие лица.
4. Объекты.

Место и время могут эксплицироваться различными языковыми средствами. Дж. Гевинс классифицирует пространственные дейктики, выделяя локативы (*in Sheffield, downstairs, abroad*), пространственные наречия (*here, there, far away*), демонстративы (*these, those, that*), глаголы движения (*come, go, run away*). Исследовательница подчеркивает, что время часто концептуализируется как пространственный феномен. К числу средств, устанавливающих временные параметры, относятся локативы (*in ancient times, three months ago, in future years*), наречия времени (*today, yesterday, tomorrow*), а также варьирование временем и аспектом (*I'm still getting cravings now, even though I gave up smoking years ago*). Дейксис не ограничивается указанными категориями, в строительном арсенале имеются личные местоимения (*I, she, you, it*), определенный артикль и определенная референция в целом (*the dog, Fido*) [Gavins 2007: 36–37].

Место и время являются первостепенными, но не единственными строительными параметрами текстового мира. *Действующие лица* включают *участников и персонажей*. Используя термин *участники*, мы характеризуем коммуникантов дискурсивного мира, подразумевая прежде всего говорящего (отправителя) и слушающего (получателя). Наличие, по крайней мере, одного говорящего / пишущего и одного слушающего / читающего – обязательное условие существования дискурсивного мира, поскольку именно участники коммуникации определяют характер взаимодействия. Каждый из них имеет личный культурно-детерминированный опыт. Апеллируя к тем или иным фоновым знаниям, коммуниканты вносят часть «багажа» личного опыта в каждое языковое событие. Такой «груз» не отягчает условий коммуникации, а задает параметры дискурсивного мира, оказывая влияние на выбор используемых языковых средств, предопределяющих интерпретацию.

Прилагая обоюдные усилия, участники выстраивают текстовый мир на основе взаимодействия информации, представленной в тексте, и знаний, привнесенных в дискурсивную ситуацию каждым из взаимодействующих субъектов. В текстовом мире фигурируют *персонажи*. Некоторые из них активные исполнители, другие – пассивные наблюдатели, чье присутствие, тем не менее, осознается.

Термин *объекты* понимается широко и включает не только физические предметы, но массы, скопления, силы, а также концепты, представляющие абстрактные понятия и эмоции. Термин *сущности* становится зонтичным для обозначения персонажей и объектов, населяющих текстовый мир.

Вышеперечисленные параметры закладывают фундамент строительства текстового ми-

ра. Отклонение от любого из них ведет к созданию производного текстового мира (*subworld* в терминологии П. Верта), отличающегося неповторимой спецификой и выполняющего функции детализации представленной в исходном мире ситуации. Поскольку адресаты склонны выстраивать миры в зависимости от личного культурного опыта и их наполнение может существенно отличаться от того, что первоначально планируется отправителем, обдумывая сообщение, автор должен сконцентрироваться на том, как наилучшим образом реализовать поставленные коммуникативные цели.

Рассмотрим, как достигаются желаемые коммуникативные эффекты, на примере статьи (1) под заголовком «*Dmitry Medvedev: Russia's hi-tech president*», опубликованной в онлайн-приложении «*Russia Now*».

(1) *Every time Dmitry Medvedev meets the press, there is always the same question asked – usually by a foreign journalist – “How is your relationship with president Putin developing?” There is a million variations of asking this question, but the subtext is always the same: “When will you quarrel, at last?”*

So, two years have passed, but the predicted quarrel never materialised. The reason for that was certainly not the absence of news. On the contrary, two years of president Dmitry Medvedev's presidential term were a difficult time for the country, a time of upheavals on both domestic and foreign fronts.

The war in Georgia in August 2008, global financial crisis, several “waves” of unemployment, an upsurge of violence in North Caucasus and now two terrorist acts in Moscow do not provide a rosy background for a “quiet presidency.” In similar circumstances, in the late Eighties members of the Soviet Union's communist elite quarreled badly with each other, at a certain moment leaving the country rudderless and finally making the collapse of the Soviet Union inevitable.

Both Putin and Medvedev belong to two generations which lived through this period of Russian history, with their lives profoundly marked by the upheaval born out of a conflict inside the country's elite. They witnessed the sad end of this elite, with some of its top members, once the masters of the country, living on meager post-Soviet pensions.

Before making Medvedev his successor in 2007, Putin obviously agreed with him not to make the country a hostage to the power ambitions of two men, as it was the case between Mikhail Gorbachev and Boris Yeltsin in 1991 [...].

Being a modern man, Medvedev is trying to put technology at the service of democracy, eagerly embracing the ideas of “electronic government,” digital television and internet revolution. In fact, technology has already done important service to democracy in Russia. All cases of misconduct by state officials (“forgotten” car accidents with the participation of influential people or their relatives, abuse of powers by policemen, etc.) immediately

become topics of hot debate and video exchange on the internet, with Medvedev, himself an ardent blogger, never failing to take an action in the framework of his powers [...]. In the modern world, being a president on the internet is sometimes even more important than being the president in your own warm presidential office.

Начнем с анализа дискурсивных условий. Используемый электронный ресурс [www.telegraph.co.uk/sponsored/russianow] содержит материалы о России, адресованные зарубежным читателям. Это международный проект, созданный и поддерживаемый по инициативе «Российской газеты», который имеет одновременное распространение в США, Великобритании, Франции, Индии, Болгарии, Бразилии, Италии и Аргентине [www.rg.ru].

Важно подчеркнуть, что, по мысли инициаторов, приложение должно развеять мифы о России, создавать образ, предлагая гражданам других стран увидеть, какие обновления происходят в стране в ответ на изменения общемировой ситуации, какие они, русские, на самом деле, и каковы культурные ценности необъятной загадочной державы.

Другие параметры дискурсивного мира включают время выхода материалов (31 March 2010), виртуальные места (сайты газет, размещающих данную информацию, – *The Washington Post*, *The Daily Telegraph*, *The Economic Times* и др.), а также автора-участника – корреспондента РИА «Новости». В плане целеполагания данная дискурсивная ситуация отражает намерение автора содействовать созданию и тиражированию позитивного образа главы российского государства, идущего в ногу со временем.

Дискурсивная ситуация определяет концептуальное пространство, именуемое текстовым миром. Читатели создают ментальную репрезентацию на основе символического значения действительных и референциальных элементов текста, предоставляемых дискурсом, которые указывают на время, место, действующих лиц и объекты, присутствующие в мире, а также их характеристики и взаимоотношения. Вместе с тем, эти элементы активируют когнитивные структуры, адекватные для переработки и понимания дискурса.

Заголовок называет российского лидера «*Russia's hi-tech president*» [букв.: *hi-tech* = *high-tech* высокотехнологичный]. Вспоминая типологию Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2004], отметим использование ориентационной метафоры, благодаря которой власть, сила, высокий социальный статус ассоциируются с верхом (*high*). Вместе с тем президент осмысливается как механизм, работающий на передовых технологиях.

Базовый текстовый мир создается во временной зоне настоящего, о чем свидетельствуют формы глаголов в *Present Simple* (*meets, there is always the same question*). Хотя место

события точно не определяется, можно вывести, что оно находится в резиденции российского президента, где регулярно проходят встречи с прессой (*Every time Dmitry Medvedev meets the press...*).

Действующими лицами являются президент (*Dmitry Medvedev*), представители прессы (метонимич. *the press*), иностранный журналист (*a foreign journalist*). Значимые объекты: задаваемый вопрос (*the same question asked*). Переключение в другие текстовые миры осуществляется посредством введения пряморечных конструкций «*How is your relationship with president Putin developing?*», «*When will you quarrel at last?*».

В терминологии П. Верта, это примеры дейктических подмиров (*subworld*). По нашему мнению, приставка *sub-* в значительной степени дискредитирует избранный термин, искажая его семантику. Возникает представление о том, что каждый появляющийся текстовый мир является подчиненным (*subordinate*) по отношению к базовому, что не всегда справедливо. Критикуя Верта, Д. Гевинс предлагает термин *переключение мира* (*world-switch*), который, в сущности, отражает изменение установленных параметров текстового мира, но не называет новое концептуальное пространство. Назначение рабочего термина, как нам кажется, должно заключаться в обозначении текстового мира, образованного от другого. По этой причине мы предпочитаем пользоваться в дальнейшем термином *производный мир*.

Первое из названных переключений связано с введением очередного действующего лица (*president Putin*), второе – с ожидаемым развитием событий (*quarrel*). Происходящие изменения концептуализируются как имеющие место в этом же текстовом мире, но с акцентом на других сущностях (*relationship with president Putin*) и в иное время (использование временной формы *Future Simple*).

Как уже отмечалось, дейктические и референциальные элементы приводят в действие когнитивные механизмы, отвечающие за переработку имеющегося дискурса. Ведущими из них считаются фреймы, соотносящиеся с определенными областями опыта и знания. В нашем примере прецедентное имя *Putin* формирует фрейм, который содержит представления о бывшем президенте, а ныне премьер-министре России. Автор открывает «окно» в текстовый мир, где взаимодействуют два наиболее авторитетных в стране человека. Кратковременный переход обозначает проблему, интересующую зарубежную общественность, и прогнозирует оценку ситуации, связываемую с возможным конфликтом влиятельных сторон.

Дальнейшее изменение временных параметров базового текстового мира сопряжено со временем пребывания российского президента на своем посту (*two years have passed, two years of president Dmitry Medvedev's presidential*

term). Период характеризуется как сложное время для страны (*difficult time for the country*), время неурядиц на внутренних и внешних фронтах (*upheavals on both domestic and foreign fronts*). Милитарная метафора призвана создать дополнительный уровень концептуализации, поскольку ее переработка влечет активацию культурно-специфичных знаний читателя. В сознании реципиента смешиваются представления о беспорядках, происходящих на войне, и невзгодах, которые неизбежны в деструктивных условиях. На этом фоне образ президента насыщается значимыми деталями.

Продвижение дискурса обуславливает отклонения от базовых параметров текстового мира, что ведет к цепочке последовательных переключений в дейктические производные миры. На текстовом уровне это маркируется введением новых значимых сущностей (*the war, global financial crisis, "waves" of unemployment, an upsurge of violence, two terrorist acts*). Одновременно меняются и пространственные координаты (*in Georgia in August 2008, in North Caucasus, in Moscow*). Вместе с тем временная зона базового текстового мира остается прежней, что подтверждается использованием глагольных форм *Present Simple* и наречием времени (*do not provide a rosy background, now*).

Отметим, что автор апеллирует к феноменам, которые, благодаря широкой известности, можно считать универсально-прецедентными (*the war in Georgia in 2008, global financial crisis, violence in North Caucasus* и т.д.). Обращение к ним должно способствовать лучшему пониманию текущей ситуации в России. Автор инициирует их включение, чтобы продемонстрировать, в каких непростых условиях приходится работать лидеру российского государства.

На фоне строительных элементов дейктических производных миров действуют единицы, ведущие дискурс вперед. В теории текстовых миров эта роль отводится пропозициям, обеспечивающим функциональное продвижение. К ним относятся действия, события, аргументы, а также любые утверждения о сущностях, населяющих текстовый мир [Gavins 2007: 59-61]. Пропозиции, или мыслительные субъектно-предикатные структуры, пилютируют дискурс в нужном направлении.

Подчеркнем, что идея ссоры, раздора (*quarrel*) между нынешним и бывшим президентами России красной нитью вплетена в текстовую ткань. Фрейм ССОРА активируется впервые в связи с характеристикой отношений между Медведевым и Путиным и содержит ожидания относительно разногласий и вражды. Он модифицируется в ходе дальнейшего развития дискурса. Подтверждением этому служит анализ пропозициональных особенностей дейктических производных миров, проектируемых во временных зонах будущего, недавнего и отдаленного прошлого. Ср.: «*When will you quarrel, at last?*»; ...*the predicted quarrel never materialized*;

members of the Soviet Union's communist elite quarreled badly.

На смену недавнему прошлому приходит прошлое двадцатилетней давности. Дейктические характеристики обновляются для установления производного мира, содержащего информацию о действиях коммунистической элиты. Общие знания, закрепленные фреймом ССОРА, дополняются дискурсивно-специфичными знаниями. Меняется временной параметр (*in the late Eighties*), появляются новые персонажи (*members of the Soviet Union communist elite*) и объекты (*the country, Soviet Union*). Прецедентное название *Soviet Union* содержит фрейм, который взаимодействует с фреймом ССОРА. Текстовая обусловленность процесса интерпретации обеспечивает достаточно информации (*making the collapse of the Soviet Union inevitable*), чтобы зарубежный читатель вывел необходимое умозаключение: *раздор верхов в Советском Союзе привел к его краху.*

Проводя параллели с коммунистическим прошлым, автор стремится высветить благоприятное развертывание событий настоящего. Это происходит по мере продвижения дискурса. Эффект присутствия российских лидеров в советском прошлом достигается благодаря обновлению концептуального ландшафта производного текстового мира посредством апелляции к прецедентным именам (*Putin and Medvedev belong to two generations which lived through this period of Russian history*). Персонажи становятся свидетелями печального конца правящей элиты, живущей на нищенскую постсоветскую пенсию (*living on meager post-Soviet pensions*). Другой ретроспективный кадр меняет дейктическую точку обзора, сдвигая временной промежуток ближе к настоящему (*Before making Medvedev his successor in 2007, Putin obviously agreed...*). Одновременно конструируется еще один производный мир, в котором фигурируют новые участники, и обновляется фактор времени (*Mikhail Gorbachev and Boris Yeltsin in 1991*).

Концептуальное расширение, возникающее вследствие обращения к прецедентным именам *Mikhail Gorbachev* и *Boris Yeltsin*, должно способствовать лучшему пониманию существующих отношений между российскими президентом и премьером. Анализ пропозициональной основы вскрывает одну из разновидностей тактики создания образа «темного прошлого» [Руженцева 2004: 131-132]. Коммуникативные действия направлены на резкое отделение пары *Putin – Medvedev* от пары *Mikhail Gorbachev – Boris Yeltsin* с целью укрепления доверия к лидерам настоящего, осознавшим ошибки правителей прошлого, за счет дискредитации последних (*Putin obviously agreed with him not to make the country a hostage to the power ambitions of two men, as it was the case between Mikhail Gorbachev and Boris Yeltsin in 1991*).

Благодаря использованию метафоры *hostage* возникают сопутствующие ассоциации со сферой криминала – людьми, захваченными бандитами или террористами и насильственно удерживаемыми с целью выполнения властями определенных требований. Дополнительный уровень концептуализации транслирует негативную оценку действий Горбачева и Ельцина. На этом фоне подчеркивается, что инициативы действующих глав не имеют целью ставить людей в тотальную зависимость и покушаться на их свободы. Они находят консенсус и не склонны выносить сор из избы (*they so far manage to find consensus or at least to keep the divisions "in the house"*).

С точки зрения обработки, калейдоскоп дейктических производных миров не представляет трудностей для реципиентов. Как отмечает Д. Гевинс, в мгновение ока читатель способен создавать множественные сети текстовых миров, не прилагая к этому серьезных когнитивных усилий [Gavins 2007: 49].

Так, из временной зоны прошлого читатель без труда перемещается в настоящее, фиксируемое формами глаголов в *Present Progressive*, *Present Perfect* и *Present Simple* (*is trying to, technology has already done, immediately become*). Формированию желательных читательских умозаключений способствует использование метафор, программирующих образ российского президента как лидера, стремящегося поставить современные технологии на службу демократии, воплотить в жизнь идеи «электронного правительства», цифрового телевидения и совершить интернет-революцию (*Being a modern man, Medvedev is trying to put technology at the service of democracy, eagerly embracing the ideas of "electronic government", digital television and internet revolution*). Метафора *revolution* вносит в базовый текстовый мир значимые коннотации, которые закрепляют представления о первом руководителе как о человеке, осуществляющем коренной переворот в жизни общества, разрушающем старые стереотипы, направляющем страну по пути высоких технологий.

Усиление аргументации в пользу инновационных перемен, происходящих под контролем президента, сопровождается сменой дейктических производных миров, открывающих сцены должностных преступлений (*"forgotten" car accidents with the participation of influential people or their relatives, abuse of powers by policemen*), и реакции президента-блоггера в рамках возможностей, предоставляемых интернетом и высоким политическим статусом (*immediately become topics of hot debate and video exchange on the internet, with Medvedev, himself an ardent blogger, never failing to take an action in the framework of his powers*). Фокусируя внимание на виртуальном местоположении (*on the internet*), автор синхронизирует сцены, сопоставление которых должно привести читателя к

выводу, эксплицируемому в заключении: *In the modern world, being a president on the internet is sometimes even more important than being the president in your own warm presidential office.*

Позитивный образ главы российского государства формируется по мере развертывания концептуального сценария, призванного продемонстрировать новаторство подходов, избираемых президентом в качестве ориентиров политической деятельности.

В результате отклонений от параметров базового текстового мира, проектируемого во временной зоне настоящего, возникают производные дейктические миры, которые вносят значительный вклад в формирование модели мира массового нехарактеризованного зарубежного читателя, отличающегося самой неоднозначной системой политических оценок в отношении российского президента.

Набор дейктических производных миров представляет короткие ретроспективные сцены, создающие ментальные образы советского и постсоветского времени, которые способствуют пониманию происходящих событий в терминах недавнего прошлого. Трансляция оценочного суждения происходит посредством апелляции к универсально-прецедентным феноменам, хорошо известным мировой общественности и поэтому, с точки зрения дешифровки, не представляющим особой сложности. Формирование желательных читательских умозаключений через обращение к фонду универсально-прецедентных знаний прогнозирует доступ-

ность обработки и понимания зарубежными читателями.

ЛИТЕРАТУРА

Бабушкин А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. 86 с.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем [Пер. с англ.; Под ред. А. Н. Баранова]. – М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приёмы в российском политическом дискурсе. – Екатеринбург, 2004.

Хинтиikka Я. Логика в философии – философия логики // Логико-эпистемологические исследования: сб. избранных статей. – М.: Прогресс, 1980. С. 36-67.

de Beaugrande, R. Text, Discourse and Process. Norwood, NJ: Ablex, 1980.

Gavins J. The Text World Theory: An Introduction. – Edinburgh University Press, 2007.

Semino E. Language and World Creation in Poems and Other Texts – Longman: London and New York, 1997.

van Dijk T. A. Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse – London: Longman, 1977.

Werth P. “World Enough, and Time”. Deictic Space and the Interpretation of Prose // Twentieth-Century Fiction: From Text to Context. – New York: Routledge, 1995. pp. 181-205.

Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. – London: Longman, 1999. 390 pp.

© Кушнерук С.Л., 2010

Маклакова Е.А.
Воронеж, Россия

Maklakova E.A.
Voronezh, Russia

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ
И ТОНАЛЬНОСТЬ ОБЩЕНИЯ
КАК СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ
НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ**

**POLITICAL CORRECTNESS
AND TONALITY OF COMMUNICATION
AS SEMANTIC FEATURES
OF PERSONS' NOMINATIONS**

(на материале контрастивных исследований
в русском и английском языках)

(on the basis of contrastive research
in Russian and English)

УДК 81'37:81'27

ГЧТИ 16.21.27

ББК Ш 100

Код ВАК 10.02.19

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы описания семантики наименований лиц в ракурсе феномена политической корректности и с точки зрения тональности общения на материале контрастивных исследований в русском и английском языках. В статье обосновывается необходимость введения специальных словарных помет, которые желательно использовать в словарных дефинициях при описании семантической структуры упомянутых слов или словосочетаний в соответствующих изданиях и в процессе контрастивного анализа единиц данной лексики и их переводных соответствий в языке сопоставления.

Abstract. The study presents the problems of persons' nominations' semantic description from the perspective of political correctness and from the point of view of tonality of communication on the basis of contrastive research in Russian and English. The study gives proof of introduction requirements of special lexicographic labels, which are desirable to be used in lexicographic definitions when describing semantic structure of the abovementioned words and word combinations in the corresponding editions or in the process of contrastive analysis of the given language units and their translations in the language of comparison.

Ключевые слова: политическая корректность, тональность общения, наименования лиц, контрастивный анализ, функциональный макрокомпонент значения, лексикографическая помета.

Key words: political correctness, tonality of communication, persons' nominations, contrastive analysis, functional macro component of the meaning, lexicographical label.

Сведения об авторе: Маклакова Елена Альбертовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

About the author: Maklakova Elena Albertovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Foreign Languages.

Место работы: Воронежская государственная лесотехническая академия.

Place of employment: Voronezh Forest Engineering Academy.

Контактная информация: e-mail: elena.maklakova5@mail.ru.

В последние десятилетия особое внимание в среде лингвистов и социологов уделяется вопросу так называемой *политической корректности*. Начавшись в США в процессе борьбы за права чернокожих и подхваченное впоследствии феминистками, это явление с каждым годом охватывает все новые и новые сферы общественной жизни и выходит далеко за пределы американской культуры.

Под влиянием идей политкорректности английский язык, а также и другие языки мира, подвергаются серьезным изменениям. Не удивительно, что в настоящее время данный феномен находит как своих сторонников, так и противников, которые не упускают случая посмеяться над иногда доходящим до абсурда проявлением политической корректности в каком-либо высказывании.

По мнению некоторых ученых [Иванова, Корти, Лобанова] политическая корректность предполагает регламентацию принципов толерантности на практике, предписывает строгое следование стандартам лингвистического поведения. При всем уважении к «богатому многообразию культур», «форм самовыражения» и «способов проявлений человеческой индивидуальности» [Декларация принципов толерантности 1995] политкорректность устанавливает общеобязательные нормы лингвистического поведения, таким образом, становясь

общим знаменателем политического дискурса в демократическом обществе.

В некоторой степени политическая корректность призвана стать инструментом профилактики «конфликтов в поликультурном обществе – между черными и белыми, между мужчинами и женщинами и т.д. – путем установления специальных норм речевого этикета, прежде всего, употребления особого языка, содержащего исключительно выражения, которые будут эмоционально положительно восприняты представителями всех или большинства групп адресатов, и табуизации целого ряда слов и выражений, которые могут привести к негативным ассоциациям» [Базылев 2007: 8].

Следует отметить, что, хотя термин *политическая корректность* стал использоваться в русском языке относительно недавно, сама идея быть политически корректным или просто соблюдать языковой такт существует уже очень давно. Вернее будет сказать, что чувство языкового такта изначально свойственно природе русского языка и русской культуры. Появление же в русском языке все большего количества слов и выражений, которые принято относить к политкорректным, свидетельствует о раскрепощении языкового сознания, его готовности изменять устоявшиеся нормы.

Политическая корректность оказывает

наиболее осязаемое воздействие на лексический состав языка, в особенности на те слова и словосочетания, которые используются для обозначения наименований лиц. Лексика, как наиболее подвижный уровень языковой системы, мгновенно реагирует на происходящие в обществе перемены.

Основными распространителями политкорректности (*political correctness*), как в английском, так и в русском языковом сознании, являются СМИ. В теле- и радионовостях часто можно услышать, как вместо *бедные* говорят *простые люди* или *социально непривилегированные слои населения*, или *малообеспеченные слои населения*.

Когда-то общеупотребительное слово *бродяга* было заменено аббревиатурой *бомж*, теперь гораздо чаще ту же суть стали передавать с помощью развернутого определения *лицо без определенного места жительства* либо слова *бездомный*. Подобные субституции становятся неотъемлемой частью современного русского языка, что принято считать проявлением лексической политкорректности.

Возникает ситуация, схожая с той, что была в советское время. Тогда слова *механизатор* и *оператор машинного доения* входили в употребление вместо слов *тракторист* и *доярка*, вероятно, чтобы повысить престиж данных профессий. Видимо, политическая корректность, как и политически корректные термины могут эволюционировать в процессе исторического развития общества и присущей ему языковой картины мира. Это явление наиболее ярко проявляется в периоды экономических, социальных и других изменений в обществе: именно тогда появляется огромное количество неологизмов, большинство из которых со временем благополучно выходит из активного употребления.

Аналогичные проявления политкорректности наблюдаются и в английском языке: *bin man* (бомж, роющийся в помойках) именуется *refuse collector* (коллекционер или собиратель вещей, от которых отказались); *poor* (бедные люди) превращаются в *disadvantaged* (лишенных возможностей / преимуществ) или *economically disadvantaged* (экономически ущемленных) граждан; *unemployed* (безработные) в *unwaged* (не получающих зарплаты); *alcoholic* (алкоголика) именуется *substance abuse survivor* (злоупотребляющим алкоголем) либо *person of differing sobriety* (индивидуумом иной трезвости).

Как вполне убедительно доказывают многие авторы исследований на тему политической корректности, семантические неологизмы нередко возникают вследствие эвфемизации – стремления заменить грубые или прямые обозначения более мягкими. При этом жестокая и безобразная действительность облачается в лексику, не режущую слух, что тем самым сознательно смягчает реакцию слушателя / слу-

шательницы или читателя / читательницы и заставляет его / её относиться к самому явлению, по мнению апологетов политкорректности, с большей терпимостью.

Политкорректность, по утверждению С.Г. Тер-Минасовой, сводится к стремлению «найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.» [Тер-Минасова 2000: 215].

Отечественные филологи неоднократно пытались ввести другие термины для обозначения сути явления политкорректности. Например, С.Г. Тер-Минасова предложила термин «языковой такт» [Тер-Минасова 2000: 215], а Т.В. Киселева использует термин «коммуникативная / культурная корректность» [Киселева 1998: 115]. Несмотря на то, что в русскоязычной среде эти термины были бы более понятны и обозначали бы именно то, что мы понимаем под политкорректностью, они все же не смогли «прижиться», поскольку термин *политическая корректность* уже довольно прочно вошел в употребление.

Совершенно обоснованно считается, что с точки зрения лингвистики, политически корректные высказывания сильно напоминают эвфемизмы, которые, «будучи эмоционально нейтральными словами или выражениями, употребляются вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [ЛЭС 1990: 590].

Однако при этом следует сделать уточнение, что речь идет не об эвфемизмах вообще, а об их политически корректных проявлениях, которые отличаются от обычной человеческой вежливости. Если последняя связана с желанием наладить доброжелательные отношения с конкретным человеком, то «политически корректный эвфемизм – это всегда эвфемизм, введенный с целью избежать того или иного оскорбления какой-либо группы населения» [Киселева 1998: 116].

Соответственно противоположным вариантом политической корректности будет считаться использование неполиткорректных выражений по отношению к различным группам граждан или *неполиткорректность*.

Неполиткорректность может быть осознанной или преднамеренной, что по своей сути будет представлять собой то, что принято понимать под антонимами эвфемизмов – дисфемизмами. Действительно, умышленное и осознанное употребление в речи неполиткорректных слов и выражений, очень похоже на использование дисфемизмов, представляющих собой «замену естественного в данном контек-

сте обозначения какого-либо предмета более вульгарным, фамильярным или грубым» [Ахманова 2007: 137], цель которой – оскорбить, унижить, стилистически окрасив сказанное, усилив его экспрессивность.

Неосознанной или непреднамеренной неполиткорректность будет считаться в том случае, когда говорящий проявляет лексическую некомпетентность в высказываниях о предмете обсуждения, демонстрируя тем самым, незнание общепринятых норм публичного выступления.

Тем не менее, существуют, серьезные отличия неполиткорректных форм наименований лиц от обычных дисфемизмов. Прежде всего, подобные наименования лиц, которые в публичных высказываниях и в прессе заменяют политически более корректными словосочетаниями, в словарных изданиях не описываются с помощью отрицательно коннотативных помет, равно как и не относятся к ненормативной лексике. Следовательно, говорить о вульгарных, грубых или фамильярных словах или выражениях не представляется правомерным и не соответствует истинному положению вещей.

Отметим также, что *крайнюю степень неполиткорректности* в лексике можно в определенной степени рассматривать в качестве *лексического табу*, когда употребление слова «запрещено вследствие мифологических верований, суеверий и предрассудков, а также по причине цензурных запретов, боязни грубых или неприличных выражений» [Ахманова 2007: 467].

При этом нужно учитывать, что *табу неполиткорректности* не тождественно по смыслу вероятностному признаку нормативности / ненормативности тех или иных единиц языка, согласно которому такие разряды лексики как грубая и нецензурная квалифицируются соответственно как неприличная и непристойная и исключаются моральным запретом общества из публичного употребления.

Несомненно, понятия *политкорректность* и *неполиткорректность* также лежат в морально-этической плоскости общественного сознания, в связи с этим классификация языковых единиц на *политкорректные* и *неполиткорректные* носит именно морально-этический характер, который, очевидно, должен основываться на их объективном лексико-семантическом анализе.

Для лингвистического исследования важен языковой аспект проблемы, позволяющий уточнить какими объективными языковыми характеристиками, семантическими и функциональными особенностями должна обладать та или иная лексическая или фразеологическая единица, чтобы можно было определить ее статус как *нерекомендуемой* / *рекомендуемой* или *недопустимой* / *допустимой* к общественному употреблению или *неполиткорректной* / *политкорректной*.

Вполне возможно предположить, что опре-

деленные языковые единицы из числа наименований лиц отличаются неким *функциональным семантическим признаком*, который выявляет их принадлежность к обособленной группировке данного корпуса, сформировавшейся под воздействием общественного мнения по принципу коммуникативной уместности / неуместности. Выделенную таким образом группировку следует относить к разряду неполиткорректных языковых единиц, что необходимо учитывать участникам общения, а в более широком смысле – в процессе межкультурной коммуникации.

При этом на наш взгляд, существует необходимость во ведении специальной словарной пометы, которую желательно использовать в словарных дефинициях при описании семантической структуры упомянутых слов или словосочетаний в соответствующих изданиях и в процессе контрастивного анализа единиц данной лексики и их переводных соответствий в языке сопоставления.

Учитывая, что именно публичное употребление лексических единиц данной группировки вызывает осуждение и нарекания в адрес говорящего со стороны общества, политкорректность / неполиткорректность можно рассматривать как семантический признак на уровне функционального макрокомпонента значения наименований лиц, который характеризует показание или противопоказание к их употреблению в коммуникативном общении по отношению к определенным группам граждан. Данный признак описывается специальными пометами, используемыми для обозначения лексики, имеющей различную степень коммуникативного показания или противопоказания для общественной речевой деятельности.

Словарные пометы об ограничении словоупотребления наименований лиц в связи с политкорректностью или неполиткорректностью встречаются в последнее время довольно часто в англоязычных изданиях толковых словарей, среди них отметим следующие:

– *now considered offensive* (считается оскорбительным в настоящее время).

– *Some people think that this word is offensive.* (Некоторые люди считают это слово оскорбительным).

– *Taboo. Do not use this word.* (Табу. Не употребляйте данное слово).

Принимая во внимание подобный опыт в лексикографическом описании наименований лиц, следует ввести пометы, которые характеризуют как нежелательность или недопустимость публичного употребления исследуемых языковых единиц: *допустимо* / *табу*, так и пометы, которые демонстрируют их градуальное противопоставление, характеризующееся различной степенью проявления рассматриваемого функционального признака в их семантике, сформулировав их следующим образом:

политкорректное,

*неполиткорректное,
табу политкорректности.*

Принято выделять словообразовательный, лексический и синтаксический уровни политкорректности. На синтаксическом уровне речь идет о правилах построения целых фраз и предложений, которые иногда в результате совершенно теряют свой первоначальный смысл, так как из них абсолютно невозможно понять, о ком идет речь: о мужчине или женщине, белом или черном. В данном исследовании мы будем обращаться к примерам первого и второго уровней.

Как показывает анализ наименований лиц, в семантической структуре которых выявляется исследуемый признак, основными тематическими группами, в состав которых входят подобные языковые единицы, являются следующие:

- наименования лиц по национальному / расовому признаку,
- наименования лиц по территориальной принадлежности,
- наименования лиц по гендерному признаку,
- наименования лиц по сексуальной ориентации,
- наименования лиц по возрастному признаку,
- наименования лиц по материальному / социальному положению,
- наименования лиц по семейному положению,
- наименования лиц по физическим особенностям.

Создание политически корректного языка объясняется непрекращающейся борьбой за равные права определенных категорий граждан, которая в значительной мере определяет социальную жизнь в последние десятилетия, и желанием исключить возможность любых видов дискриминации людей в современном обществе.

Как известно, в рамках борьбы с дискриминацией разрабатываются программы расширения прав, предоставления льгот определенным расовым, национальным, сексуальным и другим социальным меньшинствам. Существуют курсы специальной подготовки, разрабатываются рекомендации, в том числе и лексического плана, для руководителей всех рангов и администраторов с учетом того, что в состав руководимых ими коллективов входят представители различных социумов.

Самым распространенным видом дискриминации считается расовая дискриминация. В связи с этим, под влиянием движения за политкорректность в английском языке произошли некоторые изменения, которые следует учитывать при контрастивном сопоставлении наименований лиц, объединенных в тематический разряд исследуемого корпуса лек-

сики по признаку национальной / расовой принадлежности.

С учетом введения в употребление новой пометы семантическое описание функционального макрокомпонента у членов контрастивных пар, включающих в свой состав наименования лиц исходного языка и их переводные соответствия в английском языке, увеличивается на дополнительный микрокомпонент – сему «политическая корректность» и принимает следующий вид:

<i>негр-1 – African-American / Aframerican</i>	
межстилевое	межстилевое
общенародное	общенародное
современное	современное
общераспространенное	американское
употребительное	употребительное
политкорректное	политкорректное
<i>негр-1 – Afro-Caribbean</i>	
межстилевое	межстилевое
общенародное	общенародное
современное	современное
общераспространенное	британское
употребительное	употребительное
политкорректное	политкорректное
<i>негр-1 – Black</i>	
межстилевое	разговорное
общенародное	общенародное
современное	устаревающее
общераспространенное	общераспространенное
употребительное	малоупотребительное
политкорректное	неполиткорректное
<i>негр-1 – Negro</i>	
межстилевое	разговорное
общенародное	общенародное
современное	устаревающее
общераспространенное	общераспространенное
употребительное	малоупотребительное
политкорректное	табу
<i>негр-1 – darkie</i>	
межстилевое	разговорное
общенародное	общенародное
современное	устаревающее
общераспространенное	общераспространенное
употребительное	малоупотребительное
политкорректное	табу

Поскольку пометы о недопустимости или нежелательности публичного употребления некоторых лексических единиц часто встречаются в современных англоязычных изданиях, то данное дополнение о том, что данное слово или словосочетание коммуникативно противопоказаны или наоборот разрешены к употреблению и не оскорбляют чувства и достоинство людей, можно расценивать как совершенно обоснованное. В противном случае, игнорирование информации на эту тему при выявлении семантических признаков на уровне функционального макрокомпонента значения может привести к неправильному семантическому описанию наименований лиц, неверному тол-

кованию слов и ошибочному словоупотреблению, что в конечном итоге осложнит непониманием процесс межкультурного общения представителей двух языковых сообществ.

Действительно, использование подобной пометы позволяет осуществить контрастивный анализ русских наименований лиц и их английских переводных соответствий более достоверно и конкретизировать функциональные особенности семантики языковых единиц в соответствии с учетом современных тенденций в развитии двух языковых картин мира на предмет выявления национально-специфических различий между ними (различающиеся функциональные признаки выделены жирным шрифтом):

мулат политкорректное – *mixed race* политкорректное;

мулат **политкорректное** – *mulatto* **неполиткорректное**;

мулат **политкорректное** – *coloured* **табу**;

индеец политкорректное – *American Indian/Native American/American* политкорректное;

индеец **политкорректное** – *Indian* **неполиткорректное**;

индеец **политкорректное** – *Red Indian/Masaca* **табу**.

Как показывают результаты контрастивного анализа членов контрастивных пар, образованных наименованиями лиц по территориальной принадлежности, описание функционального признака с использованием данной стилистической пометы для значительного количества данных языковых единиц будет иметь вид: политкорректное – политкорректное. Например, лексические единицы *абхазец* – *Abkhazian*, *австралец* – *Australian*, *горец* – *mountain-dweller*, *европеец* – *European*, *житель* – *citizen / dweller / resident / inhabitant*, *земляк* семема-1 – *fellow-countryman / compatriot* – относятся к нейтрально политкорректной лексике, и соответствующая помета при описании их семантики может показаться незначительной или малоинформативной, так как для контрастивного анализа, направленного на выявление семантических различий в контрастивных парах, подобный функциональный признак будет относиться к разряду семантических соответствий.

Однако следует заметить, что зачастую бывает довольно трудно определить заранее, будут ли переводные соответствия русских наименований лиц отвечать требованиям политкорректности, принятой в англоязычных странах, или нет. Следовательно, в семантическое описание контрастивных пар наименований лиц, относящихся к перечисленным выше тематическим разрядам, необходимо включать данную стилистическую помету, ибо без выявления обозначаемого ею признака, семантическое описание, на наш взгляд, будет неполным и не вполне соответствующим требованиям времени:

абориген политкорректное – *indigenous in-*

habitant / person политкорректное;

абориген **политкорректное** – *native* **неполиткорректное**;

иностранец политкорректное – *alien / newscotter* политкорректное;

иностранец **политкорректное** – *foreigner* **неполиткорректное**.

Тем не менее, с учетом вероятностного характера данного семантического признака, его можно фиксировать в описании не всех языковых единиц исследуемого корпуса, а только принадлежащих к упомянутым тематическим разрядам наименований лиц или к ограниченной группировке наименований лиц, к которым в соответствии с современной политически корректной формой высказывания предъявляются подобные требования.

Поскольку данный семантический признак относительно недавно стал предметом изучения и обсуждения, а сам феномен политкорректности претерпевает изменения эволюционного характера, то вполне возможно, что потребуется определенное время для того, чтобы сформировалось более четкое представление о том, что и в какой степени считать стилистически уместным или неуместным в публичном общении. В настоящее время даже в рядах защитников политкорректности не всегда наблюдается единодушие и последовательность в отношении употребления политкорректной терминологии. Например, мнения о неполиткорректности или политкорректности для следующих наименований представителей населения Азии оказались диаметрально противоположными в Америке и в Европе: *азият*

ср. *Asian* (**американское, политкорректное**), но (**британское, неполиткорректное**)

ср. *Oriental* (**американское, неполиткорректное**), но (**британское политкорректное**).

Или к примеру, наименование лица *Chicano* (американец мексиканского происхождения / мексиканец, живущий в США) по данным словаря «American Heritage Dictionary of the English Language» в некоторых юго-западных регионах США считается положительной характеристикой, отражающей этнорасовую самобытность, однако в других частях страны относится к **неполиткорректной** лексике с презрительной коннотацией и сопровождается в лексикографическом издании рекомендацией именовать представителей данной группы населения *Mexican-American* как **политкорректное**.

Другой вид дискриминации и борьба с ней, которые отражаются в языковом сознании англоязычных представителей мирового населения, – это дискриминация по гендерному признаку или так называемый сексизм. Активная роль женщин в последнее время приводит к пересмотру многих политических и экономических программ, к уделению особого внимания женским проблемам. Влияние, оказанное на английский язык борьбой женщин за уравнение

прав, не ограничивается лишь новыми словами и словосочетаниями. Возникла даже феминистская лингвистика, которая была реакцией женщин на андроцентричность языка. Целью указанных неологизмов было привлечь внимание к монополии мужских взглядов в обществе, иногда даже путем нарушения лингвистических законов (*herstory, herstorian*).

Для создания инклюзивных слов возник нейтральный словообразовательный элемент *-person*, который входит в состав слов, содержащих в своей семантической структуре автономный признак «пол», указывающий на то, что обозначенные лица имеют признаки пола, но не уточняющий, каково конкретное содержание этих признаков. Феминистское движение обусловило широкое использование в сложных словах элемента *-person* вместо элемента *-man* в значении человек:

председательствующая персона – *chairman* **неполиткорректное** – *chairperson* **политкорректное**,

член конгресса – *congressman* **неполиткорректное** – *congressperson* **политкорректное**,

делегат – *spokesman* **неполиткорректное** – *spokesperson* **политкорректное**.

Под влиянием феминистского движения и для снятия трудностей перевода вместо традиционных слов в английский язык вошли новые слова и словосочетания:

оператор – *cameraman* **неполиткорректное** – *camera operator* **политкорректное**,

начальник – *foreman* **неполиткорректное** – *supervisor* **политкорректное**,

пожарный – *fireman* **неполиткорректное** – *fire fighter* **политкорректное**,

почтальон – *postman* **неполиткорректное** – *mail carrier* **политкорректное**,

директриса – *headmistress* **неполиткорректное** – *headteacher* **политкорректное**,

полицейский – *policeman* **неполиткорректное** – *police officer* **политкорректное**.

Сначала такие единицы казались искусственными для многих людей, которые привыкли к словам с элементом *-man* и никогда не думали, что эти слова обозначают только мужчин. Позднее феминистский взгляд на язык стал более допустимым и элемент *-person* употребляется как нейтральный по отношению к полу формант.

«Сексистские» морфемы, указывающие на гендерную принадлежность человека, вытесняются из языка вместе со словами, в которые они имели неосторожность войти. Взамен появляются новые наименования лиц, определяющие человека безотносительно к полу. Составляются специальные словарные издания с рекомендуемой для публичного употребления гендерно-нейтральной лексикой типа: *атлет* **политкорректное** вместо *спортсмен* (*sportsman*) **неполиткорректное**, *менеджер* **политкорректное** вместо *бизнесмен* (*businessman*)

неполиткорректное, – которую настоятельно советуют использовать общественным и политическим деятелям, а также административным работникам всех уровней.

Надо признать, что «феминистские движения одержали крупные победы на разных уровнях языка и практически во всех вариантах английского языка» [Тер-Минасова 2000: 218]. Так, появилось обращение *Ms.* **политкорректное** по аналогии с *Mr.* Оно не дискриминирует женщину, поскольку не определяет ее как замужнюю (*Mrs.*) или незамужнюю (*Miss*).

В современной политически корректной лексике, вполне обоснованно, широкое распространение получают выражения, которые используют для обозначения наименований лиц, отличающихся какими-либо физическими особенностями. Например, не рекомендуется обращаться к ним как к *инвалидам*, вместо этого желательно использовать политкорректное выражение *люди, преодолевающие трудности из-за своего физического состояния* (*physically challenged*). Вероятно, в этом есть свой резон, потому что подобная замена косвенно может повлиять на умонастроение окружающих и будет каким-либо образом способствовать решению стоящих перед обществом проблем подобного характера, в частности, и по отношению к *умственно отсталым детям* (*retarded children*), которых следует называть следующим образом: *дети, испытывающие трудности при обучении* (*children with learning difficulties*).

В приводимых ниже примерах представлены разные группы социально ущемленных людей, которых англоязычное общество старается уберечь от неприятных ощущений и обид, наносимых языком:

инвалид – *invalid* (инвалид), *handicapped* (имеющий физические недостатки), *disabled* (поврежденный) – **неполиткорректное**; *differently-abled* (обладающий другими способностями), *physically challenged* (человек, испытывающий трудности из-за своего физического состояния) – **политкорректное**;

глухой – *deaf* – **неполиткорректное**; *aurally inconvenienced* (с затрудненным слуховым восприятием) – **политкорректное**;

калека – *cripple* (калека), *physically handicapped* (страдающий каким-либо физическим недостатком) – **неполиткорректное**; *differently abled* (с ограниченными возможностями), *physically different* (физически отличающийся) – **политкорректное**;

толстые / полные люди – *fat people* (толстые / полные люди) – **неполиткорректное**; *big-boned* (ширококостные), *differently sized* (другого размера), *horizontally challenged people* (люди, преодолевающие трудности из-за горизонтальных пропорций) – **политкорректное**;

люди низкого роста – *short people* (люди

низкого роста) – **неполиткорректное**; *vertically challenged people* (люди, преодолевающие трудности из-за вертикальных пропорций) – **политкорректное**;

лысый – *bold* (лысый) – **неполиткорректное**; *hair-disadvantaged* (не имеющий волос) – **политкорректное**;

неуклюжий – *clumsy* (неуклюжий) – **неполиткорректное**; *uniquely coordinated* (со специфической координацией) – **политкорректное**.

В связи со значительным увеличением количества пожилых людей в развитых странах появилось понятие «поседения» населения (*greying британское, graying американское*), а с ним вошло в употребление слово *grey/gray* и его производные в специфических значениях *gray-hair/grey-hair* (*пожилой человек, пенсионер*) – **политкорректное**, которые обозначают пожилого человека без конкретизации его возраста. К подобной политкорректной лексике также можно отнести слово *O-word* – **политкорректное**, возникшее для обозначения той же возрастной категории граждан по аналогии эвфемистическим словом *F-word*, в котором аббревиатура обозначает известное нецензурное слово английского языка. Популярным в последнее время стало также образование *senior citizens* (старшие граждане) – **политкорректное** вместо *old age pensioners* (пожилые пенсионеры) – **неполиткорректное**.

В последнее время, в связи с новым этапом сексуальной революции, связанным с борьбой сексуальных меньшинств за свои права, современные языки пополняются лексикой и фразеологией, которая была ограничена лишь миром гомосексуальных людей, считалась их специфическим жаргоном и была табу для литературного языка. Такие лексико-фразеологические единицы в межстилевой лексике воспринимаются как новые: *гей* (ранее – жаргонизм, в настоящее время – политкорректное наименование *гомосексуалиста*, которое в последнее время рассматривается как аббревиатура *gay = good as you* – такой же, как и ты), *outer* – человек, который не скрывает своей гомосексуальности.

В борьбу за свои права вступили *бисексуалы* (**разговорное** от *бисексуальный bisexual*) – лицо, мужской или женский пол, испытывает половое влечение к лицам своего и противоположного пола. Также не остались в стороне представители межсексуальных групп:

трассексуал (**разговорное** от *транссексуалист transsexual*) – лицо, мужской или женский пол, страдает психическим отклонением, выражающимся в физическом и душевном ощущении себя человеком другого пола; *транссвеститум* (*transvestite*) – лицо, особенно мужской пол, носит одежду другого пола. Лица, принадлежащие к перечисленным выше меньшинствам, открыто демонстрируют свою принадлежность к таким социальным группам,

публично именуя себя подобным образом, поэтому принято считать, что данная лексика не оскорбляет представителей сексуальных сообществ и относится к разряду политкорректной.

В добавление хотелось бы заметить, что по большому счету, корни лингвистической политкорректности вовсе не такие уж «политические», как может показаться с первого взгляда. В подавляющем большинстве случаев корректность английского языка вызвана коммерческими мотивами. В центре внимания оказываются человек, рассматриваемый как потенциальный клиент, которого надо привлечь всеми возможными способами, побудить сделать то, что нужно компании или организации.

Такого рода корректность проникнута коммерческой заботой о человеке как составляющем элементе маркетинговой системы. В этом вопросе англоязычные создатели корректных наименований лиц достигли высокого мастерства. Так пассажиры разных видов транспорта делятся на: *first class* (первый класс), что престижно и возвышает человека в собственных и чужих глазах, а также *business class / club class* (бизнес-класс) – тоже избранных, но рангом чуть ниже, у которых и билеты, соответственно, дешевле.

Все остальные, конечно, не второй класс. Второго класса вообще не существует: клиенту не нравится принадлежать ко второму классу или сорту. Поэтому эти пассажиры относятся к *economy class* (экономичный класс). Ведь быть экономным не зазорно, а даже похвально. У пассажиров железнодорожного класса имеется в этом случае другое наименование – *standard class* (стандартный класс), что также не обижает и не унижает, стандартно – это как у всех.

Помимо положительного экономического эффекта следование канонам политкорректности качественным образом отражается и на воспитательном процессе в учебных заведениях, когда в школах заменяют таблички с надписями, запрещающими бегать и кричать (*No Running and No Shouting*) на рекомендации типа *Please Walk and Please Speak Quietly* (пожалуйста, ходите спокойно и разговаривайте тихо).

Конечно, при анализе языкового материала на данную тему встречаются примеры, которые кроме как курьёзными или нелепыми назвать нельзя, потому что некоторые, казалось бы, простые слова заменены настолько сложными выражениями, что порой иногда бывает трудно понять собеседника. Иногда сторонники политкорректности в своем неуёмном стремлении защитить и не обидеть чувства объекта наименования создают лексические творения, не всегда понятные окружающим, например:

animal trainer (дрессировщик зверей) **непо-**

литкорректное – *interspecies communicator* (коммуникатор между разными видами существ) **политкорректное**;

dead (мертвый) **неполиткорректное** – *terminally inconvenienced* (претерпевший заключительный дискомфорт);

metabolically different (наделенный иным метаболизмом) **политкорректное**.

Трудно объяснить, почему человека, совершившего террористический акт не следует называть *terroristom* (*terrorist*) **неполиткорректное**, а для обозначения данной категории лиц рекомендуется употреблять более щадящие наименования типа *bomber* – бомбометатель, *attacker* – нападающий, атакующий, *insurgent* – повстанец, *militant* – радикал, боец, борец, активист **политкорректное**.

Существуют даже следующие перлы политкорректности: *субъект гибкого расселения* (бродяга), *меланиново недоукомплектованный* (для людей белой расы), *сегрегированный от общества* (арестованный), которые вызывают недоумение и сомнение в необходимости замен подобного рода.

Совершенно беспочвенны также и такие, порой встречающиеся запреты, как:

– не желательно заказывать *black coffee* (черный кофе) – лучше сделайте заказ на *coffee without milk* (кофе без молока);

– не упоминайте название *thick Irish sausages* (толстые ирландские сосиски), потому что это может обидеть чувства представителей населения Ирландии, указывая на некоторый физический недостаток, хотя при этом всем понятно, что слово *thick* относится к *sausages*.

Остается сделать вывод, что политкорректно использовать далеко не все новые термины в их конкретном значении, более того, следует задействовать при этом здравый смысл. Наверно, нет необходимости именовать какого-либо политического деятеля *лицом, преодолевающим трудности из-за вертикальных пропорций и находящимся в стадии волосяной регрессии*. Применяя на практике принцип политкорректности, важно помнить о главном и фундаментальном принципе – гуманности и цивилизованности, и не допускать в своем речевом обиходе высказываний, способных уязвить других людей.

В противном случае, проблема механического использования правил политкорректности может стать новым препятствием на пути эффективной межкультурной коммуникации в демократических странах и фактически свести на нет все усилия по борьбе со всякого рода дискриминацией. При этом, очевидно, что подобные негативные общественные проявления будут иметь свое продолжение, но уже в политкорректной форме.

Таким образом, рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что в современном обществе объективно существует явление по-

литической корректности, что, несомненно, находит свое отражение в языковой картине мира каждого народа, причастного к подобному проявлению общественного сознания. Выявленные в исследуемой лексике наименования лиц, различающиеся функциональным признаком, характеризующим наличие политической корректности, равно как и её отсутствие, т.е. неполиткорректности, вызывают заслуженный интерес ученых-лингвистов как любое явление, связанное этнокультурными языковыми особенностями народов мира.

Можно с уверенностью констатировать, что на современном этапе развития английского и русского языков сформировался новый функциональный семантический признак – *политкорректность словоупотребления*, а также функциональный признак – *допустимость публичного употребления* лексических или фразеологических единиц, которые должны находить отражение в лексикографическом описании слов при контрастивном исследовании.

На наш взгляд, целесообразно ввести особые стилистические пометы для признака политкорректности: политкорректное / неполиткорректное / табу политкорректности, которые могут не использоваться в практике описания как регулярные.

Подводя итог вышесказанному, следует добавить, что лингвистическая политкорректность – обширнейшая и любопытнейшая языковая тема, обойти вниманием которую вряд ли представляется возможным при контрастивном сопоставлении наименований лиц русского языка и их переводных соответствий в английском языке. На наш взгляд, такого рода пренебрежение к современным тенденциям в развитии английского языка может негативно отразиться на качестве результатов контрастивного анализа семантики наименований лиц в двух сопоставляемых языках.

Аналогичного внимания, на наш взгляд, заслуживает еще одна проблема, связанная с описанием функционального макрокомпонента значения наименований лиц.

Поскольку считается, что «установление говорящим своего отношения к действительности выражается в языковых знаках любой протяженности и устройства» [Степанов 1973: 342], то можно рассматривать лексические и фразеологические единицы как элементы некоторого коммуникативно-ориентированного речевого комплекса с позиции их прагматического потенциала.

С учетом данного подхода, при выявлении общих закономерностей и специфических особенностей функционирования языковых единиц в процессе межличностной коммуникации, определенный интерес представляет проблема, связанная с возможностью отражения такого отношения говорящего к объекту наименования в семантике номинативной языковой единицы. К примеру, в толковых словарях

русского языка можно обнаружить следующие пометы, которые в определенной степени дают указания на нормативное использование языковых единиц в зависимости от ситуации общения или статуса коммуникантов:

маэстро – почтительное; *мудрец* (2зн.) – почтительное; *старец* – почтительное; *метр* – уважительное; *сударыня* – вежливое, учтивое; *голуба* – ласково-фамильярное; *матушка* (1зн.) – ласково-почтительное; *братан* (1зн.) – фамильярно-ласкательное; *голубчик* – ласково-фамильярное; *старина* (5зн.) – фамильярное, дружеское; *дорогуша* – фамильярное; *милочка* – фамильярное; *дядька* – фамильярное; *батенька* (2зн.) – фамильярное; *старушенция* – фамильярно-шутливое; *луженая глотка* – фамильярное; *барабанная шкура* – фамильярное бранное; *хамово племя/отродье* – бранное; *рвань* – бранно; *пьянь* – обычно бранно; *сукин / собачий / чертов / курицын сын* – бранное; *ханжа двуликая* – бранное; *мымра* – бранное; *чёртова перечница* – бранно; *медный лоб* – бранное; *шантрапа* – грубо; *старый сыч* – бранное; *старый хрыч* – бранно.

Делая основной акцент на нормативные аспекты выбора языковых единиц с точки зрения оптимизации достижения стоящих перед коммуникантами прагматических целей, нельзя не отметить, что речевые стратегии, типичные для данного языкового коллектива, не могут быть объяснены в чисто «поведенческих» терминах; в действительности они представляют собой внешнее выражение скрытой системы «культурных правил», «культурных сценариев», несоблюдение которых вызывает «эмоциональный дискомфорт» [Вежицкая 2001: 159].

Следовательно, обитая в определенном социуме, нельзя не считаться с «системой устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной *тональности* соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке» [ЛЭС 1990: 413].

В связи с этим, определенно можно говорить о наличии ряда единиц языка, которые, помимо всего прочего, предназначены для оказания воздействия на собеседника. Такое воздействие бывает связано со стремлением говорящего продемонстрировать доброжелательное или недоброжелательное отношение к слушающему, уважение или неуважение к его личности, и тем самым поддержать или прекратить межличностное общение.

Выбор подобных единиц языка может быть обусловлен рядом причин, среди которых следует отметить культурно-исторические особенности народа-носителя языка в целом,

принадлежность личности к определенной социальной группе, личные качества характера человека.

Поскольку «есть ситуации, в которых все должны вести себя предельно прямолинейно, и ситуации, в которых все избегают прямолинейности (табуируемые темы общения)» [Карасик 2007: 80], то существует и так называемый «регистр общения – система и закономерности отбора языковых средств в зависимости от социальной ситуации» [Швейцер 1988: 245]. Выбор стратегий определяется «тремя основными факторами:

1. Социальная дистанция между говорящим и слушающим (D – distance);
2. Относительная власть между говорящим и слушающим (P – power);
3. Абсолютные ранги импозиций в определенной культуре (R – rankings)» [Robinson 1972: 74].

Принимая во внимание сказанное выше, можно заключить, что помимо уже существующего и прошедшего положительную апробацию в ряде контрастных исследований подхода к структурированию функционального макрокомпонента на стилистический, социальный, темпоральный, территориальный и частотный микрокомпоненты значения, возникает потребность введения и употребления в практике компонентного анализа семантики слов и словосочетаний новой пометы, отражающей *тональность общения*.

В лингвистической литературе понятие *тональность общения*, в основном, рассматривается в функциональной сфере коммуникации. Например, А.А. Ричардс выделял «четыре аспекта, называемые им функциями, в интерпретации содержания речи: 1) смысл, 2) чувство, (т.е. установка по отношению к тому, о чем говорится), 3) *тон (установка по отношению к слушающему)* и 4) намерения говорящего» [Richards 1948: 182].

В выводах Н.М. Фирсовой и О.С. Ческовой находим, что «формы общения (ФО) детерминированы рядом конкретных функций, основными из которых можно считать следующие: привлечение внимания адресата (апеллятивная), контакто-устанавливающая (фатическая), социально-регулирующая, этикетная / неэтикетная ориентация на адресата (конативная), стилистическая... В соответствии со стилистической функцией ФО указывают на *тональность общения*» [Фирсова 1987: 8].

В.И. Карасик выделяет «коммуникативную *тональность*» и понимает этот термин как «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [Карасик 2007: 80].

Тональность общения в качестве терминологической единицы не всегда принималась учеными-лингвистами к употреблению, тем не

менее, в ряде работ наблюдается разграничение, например: между «2) моральной дисциплиной и оценочностью (суждение, оценка, порицание)» и «6) эмоциями – позитивные и негативные, 7) эмоциональными отношениями: приветствия, лесть, враждебность и т.п., 8) безличностными отношениями – вежливости и статуса: степень формальности / неформальности» [Wilkins 1973: 85].

Это ни в коей мере не противоречит положению аспектного подхода к описанию семной структуры языковых единиц, поскольку, например, оценочность может быть описана, как с помощью денотативных, так и коннотативных сем, с фиксацией признака «неодобрение» и «одобрение», позитивные или отрицательные эмоции – с помощью коннотативных эмоциональных сем «шутливое», «презрительное», «ласкательное», «положительно-/отрицательно-эмоциональное» и др., функциональные стилистические семы передают заключенные в семантике данных единиц стилистические особенности их функционирования в речи: «высокое», «официально-деловое», «разговорное» и т.д.

Однако пометы «вежливое», «почтительное», «оскорбительное» и др. в русском языке или английские «*a respected way of talking to or about someone*» (почтительное), «*not polite*» (невежливое), «*a very offensive word*» (очень оскорбительное), «*used in a friendly way to someone*» (дружеское), «*an insulting way of talking to or about someone*» (оскорбительное), которые встречаются в словарном толковании определенной группы наименований лиц, следует отнести, на наш взгляд, к характеристике *тональности общения*.

Учитывая вышеизложенные точки зрения на *тональность общения*, нельзя не согласиться с мнением, что это явление представляет собой «многогранный социокультурный феномен, определяющий основные параметры общения представителей какого-либо общества в статусно- и ситуативно-обусловленных контекстах» [Аристова 2007: 4].

Что касается регистрации признака «*тональность общения*» в структуре семантики наименований лиц, то она основывается, в первую очередь, на анализе словарных дефиниций. В связи с этим, следует признать, что поскольку компонентный анализ не является обязательным условием для составления словарной статьи толкового словаря, то и указания на функциональные семантические признаки, входящие в структуру значения той или иной языковой единицы, приводятся в лексикографических изданиях такого типа не в полном объеме и непоследовательно. Например:

голубушка фамильярное иногда с оттенком ласки – *darling* помета отсутствует;

балбес разговорное бранное – *twit* разговорное оскорбительное;

выродок разговорное неодобрительное

бранное – *bastard* очень оскорбительное табу не используйте это слово;

прохвост разговорное / просторечное бранное – *fink* сленговое;

неженка разговорное – *sissy* разговорное невежливое;

подхалим помета отсутствует – *brownie* фамильярное / *dolly dancer* фамильярное / *Ack Charlie* бранное грубое фамильярное;

дрянь бранное – *shit(ass)* невежливое;

нахалюга грубое просторечное – *smart ass* американское разговорное невежливое;

– *smart arse* британское разговорное невежливое;

коммуняка грубое просторечное – *commie* разговорное оскорбительное.

деревня пренебрежительное – *hillbilly* оскорбительное;

ведьма бранно – *witch* оскорбительное;

сброд презрительное – *riff-raff* оскорбительное;

менты разговорно-сниженное – *the fuzz* разговорное оскорбительное;

лентяй помета отсутствует – *lazybones* дружеское;

вахлак бранно – *yobbo* сленговое.

Анализ подобных словарных помет ставит перед изучающими данный язык в качестве иностранного больше вопросов, чем ответов, а именно: можно ли считать бранное слово или словосочетание оскорбительным, а грубое – невежливым, допустимо ли их употребление как единиц разговорной лексики?

Некоторые авторы при описании тональности общения выделяют «следующие регистры общения: возвышенный (максимально-официальный), высокий (официальный), нейтральный (обиходно-разговорный), фамильярно-бытовой, низкий (вульгарно-грубый)» [Фирсова 1987: 10]. На наш взгляд, подобные пометы более уместны для описания стиля, в котором употребляется слово или словосочетание. Принимая за основу классификацию функционально-стилистических сем на «книжное», «межстилевое», «разговорное», «сниженное», отметим, что данные пометы указывают на то, в каком типе общения, в каком виде речи данное слово или словосочетание преимущественно употребляется.

Следует также отметить, что «бранная и нецензурная лексика образуют в совокупности пласт грубой ненормативной лексики, которая с морально-этической точки зрения квалифицируется как неприличная, а выражение мысли при помощи неприличных языковых единиц создает неприличную языковую форму выражения мысли» [Стернин 2008: 107].

Кроме того, что важно для нашего исследования, «нецензурная лексика, также как и бранная, может иметь установку на оскорбление, а может и не иметь такой установки. Она тоже может использоваться безадресно, для спонтанного выброса эмоций, но это не сни-

мает запрета на её публичное употребление» [Стернин 2008: 236].

Например, слова *чума, язва, идол, погань, морда* и т.п. могут служить, как для обозначения лиц, обладающих крайне негативными характеристиками, так и утрачивать свою идентифицирующую функцию и использоваться в качестве бранных слов, усиливающих экспрессивность высказывания. А при употреблении слов *обормот, пакостник, поганец, плут, шалопай, пройда, негодник* и т.п. по отношению к лицам детского возраста, в структуре семантики их производных семем проявляется энантиосемический эффект, что выражается в смене отрицательной коннотации на положительную коннотативную оценку и эмоцию в зависимости от коммуникативной ситуации:

басурман

(-) в зн.: иной веры – коннотативная оценка: неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;

(+) в зн.: чрезмерно шаловливый ребенок – коннотативная оценка: одобрительное, шутовское;

барбос

(-) в зн.: грубый – коннотативная оценка: неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;

(+) в зн.: крупный, плотный, обычно большоголовый ребенок – коннотативная оценка: одобрительное, шутовское;

подлец

(-) в зн.: подлый, низкий, бесчестный – коннотативная оценка: неодобрительное, отрицательно-эмоциональное; употребляется бранно;

(+) в зн.: о любимом, обычно близком, дорогом человеке – коннотативная оценка: одобрительное, фамильярное;

Анализ вышеприведенных эмоциональных лексем показывает, что все они употребляются в случаях эмоционального возбуждения человека: когда он либо сердится, злится, радуется, удивляется чему-то, либо его охватывает какое-либо иное эмоциональное чувство.

При этом эмоциональность говорящего может характеризоваться разной степенью искренности выражаемых чувств, т.е. соотношением подлинных и предьявляемых чувств. Когда говорящий скрывает свои чувства, сдерживает себя в эмоциональном отношении, то предьявляемые чувства могут не соответствовать подлинным; эмоции могут быть показными, неискренними и тогда, когда говорящий демонстрирует их в пользу вынужденного поведения.

Такое выражение эмоциональности может быть обусловлено характером межличностных отношений между участниками коммуникации и особенностями самого общения. Уважительное отношение к собеседнику способствует выражению по отношению к нему добрых чувств, антипатия к собеседнику порождает противоположные чувства. Характер общения

может диктовать необходимость сдерживания или, наоборот, показа чувств. Иными словами, естественная рефлексия говорящего может совпадать или не совпадать с речевым актом и выражаться в совпадении или расхождении предьявленного и подлинного чувства. Человек может в пользу вынужденного поведения в разговоре с неприятным ему собеседником и приветствовать его, и называть его как положено, но это будет показное чувство, не соответствующее подлинному.

Принимая во внимание возможность стратегического или двупланового общения, тем более следует выявлять и фиксировать в семантике языковых единиц, в нашем случае, служащих для обозначения наименования лиц, семантический признак «*тональность общения*». На наш взгляд, данный признак отражает личностное отношение говорящего к объекту наименования в ситуативных или статусно обусловленных контекстах и выражается в использовании им в процессе общения языковых единиц (в том числе и общепринятых форм обращения и упоминания) с модальной окраской, с целью оказания эмоционально-волевого воздействия на слушающего.

Целесообразно отнести признак «*тональность общения*» к функциональным признакам в семантике наименований лиц и использовать следующие виды сем при его описании: *почтительное, вежливое, фамильярное, дружеское, тонально-нейтральное, невежливое, оскорбительное, тонально-недопустимое*.

Отметим также, что данный признак может проявляться в семантике наименований лиц чаще всего как *тонально-нейтральный*, следовательно, его описание может носить нерегулярный характер, что позволяет отнести вышеуказанные семы к типу вероятностных.

Контрастивный анализ семантики русской языковой единицы и её английских переводных соответствий с учетом национально-специфических особенностей их семных структур будет выглядеть следующим образом (словарные статьи приведены в сокращенном виде, жирным шрифтом отмечены несовпадающие семы):

пьяница – an old soak

пьет спиртное	пьет спиртное
постоянно и много	постоянно и много
разговорное	разговорное
неодобрительное	неоценочное
неэмоциональное	шутовское / пренебрежительное
общераспространенное	британское
тонально-нейтральное	часто фамильярно-дружеское

пьяница – piss artist

пьет спиртное	пьет спиртное
постоянно и много	постоянно и много
разговорное	сленговое
неодобрительное	неодобрительное
неэмоциональное	отрицательно-эмоциональное

общераспространенное тонально-нейтральное	британское оскорбительное
	<i>пьяница – pisshead</i>
пьет спиртное	пьет спиртное
постоянно и много	постоянно и много
разговорное	сленговое
неодобрительное	неодобрительное
неэмоциональное	отрицательно- эмоциональное
общераспространенное тонально-нейтральное	британское тонально-недо- пустимое
	<i>пьяница – plonko</i>
пьет спиртное	пьет спиртное
0	дешевое и пло- хого качества
постоянно и много	постоянно и много
разговорное	сленговое
неодобрительное	неодобрительное
неэмоциональное	презрительное
общераспространенное тонально-нейтральное	британское оскорбительное
	<i>пьянь – piss artist</i>
пьет спиртное	пьет спиртное
постоянно и много	постоянно и много
просторечное	сленговое
неодобрительное	неодобрительное
отрицательно-эмоцио- нальное	отрицательно- эмоциональное
общераспространенное обычно оскорбительное	британское оскорбительное

Отражение в лексикографическом описании лексических и фразеологических единиц нового функционального семантического признака – *тональность общения*, выявленного при контрастивном исследовании, способствует более качественному анализу семантики языковых единиц и, как следствие этого – фиксации национально-специфических сходств и различий, свойственных наименованиям лиц в двух лингвокультурах.

В заключение добавим, что в национальной картине мира посредством языка фиксируются и номинируются концепты, образующие концептосферу того или иного народа, причем только те, которые обладают коммуникативной значимостью для представителей данной этнокультуры. Концепты «политкорректность» и «тональность общения» обсуждаются в различных странах и приобретают все более выраженный языковой характер. Поскольку в лингвистике сложилась традиция изучения отражения специфики национального мировидения в языке, которая, в частности, касается исследования семантики слов и словосочетаний, то вполне актуальной, на наш взгляд, является потребность рассматривать лингвистическое воплощение подобной специфики в словарных материалах, что и представлено в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА

Аристова Н.С. Коммуникативные стратегии высокой тональности общения (на материале английской художественной литературы XIX-XX вв.): автореф. дис. ... канд. фил. наук – Н.Новгород, 2007. 15с.

Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Изд. 4-е, стереот.] – М.: КомКнига, 2007. 576 с.

Базылев В.Н. Языковые императивы «политической корректности» // Политическая лингвистика. Вып. 3(23). 2007. С. 8-12.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов – М., 2001. 288 с.

Декларация принципов толерантности. Утверждена резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 г. URL: <http://www.un.org/russian/document/declarat/toleranc.htm>.

Иванова О. Политкорректность в России // Вестник Евразии. 2002. № 3. URL: <http://www.eavest.ru/archive/2002/ivanova.html>.

Карасик В.И. Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып.5. – Волгоград, 2007. С. 78-86.

Киселева Т.В. Коммуникативная корректность в языковой картине мира // Языковая семантика и образ мира [Материалы международной научной конференции, 7-10 октября 1997 г.] – Казань: Казанский государственный университет, 1998. Т. 1. С. 115. URL: http://www.kcn.ru/tat_ru/science/news/lingv_97/n62.htm.

Корти М. Столкновение культур и политическая корректность. // Независимая газета, 24.03.2003. URL: http://www.ng.ru/courier/2003-03-24/14_islam.html.

Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. 590с.

Лобанова Л.П. Осторожно: Политкорректность! // Глагол. 2004. № 9. URL: <http://www.glagol-online.ru/arc/n9/Politkor>.

Степанов Ю.С. Семиотическая структура языка: (Три функции и три формальных аппарата языка) // ИАНСЛЯ 1973. Т.32. Вып.4. С.340-355.

Стернин И.А. Избранные работы. Теоретические и прикладные аспекты языкознания [Науч. ред. З.Д. Попова]. – Воронеж: Истоки, 2008. 596 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. 215с.

Фирсова Н.М., Чеснокова О.С. Обращение в современном испанском языке: монография. – М. 1987. 203с.

Richards I.A. Practical criticism: A study of literary judgment – 6th impression – L.: Routledge & Kegan Paul, 1948. 282 p.

Robinson W. Language and social behaviour– Harmondsworth (Middlesex): Penguin, 1972. 149 p.

Wilkins D. An investigation into linguistic and situational content of the common core in a unit-credit system. – Strassbourg: Council of Europe, 1973. 257 p.

© Маклакова Е.А., 2010

Нахимова Е. А.
Екатеринбург, Россия
**МИФОЛОГЕМА АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ
В СОВРЕМЕННОЙ
МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ**

УДК 81'373.2
ББК Ш 103.1

Аннотация. Рассмотрены источники афоризмов, которые в современных российских СМИ связывают с именем князя Александра Невского.

Ключевые слова: миф, мифологема, Александр Невский, массовая коммуникация, афоризм.

Сведения об авторе: Нахимова Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, докторант.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620144, г. Екатеринбург, Фурманова, д. 66, д. 8.
E-mail: v.nakhimov@rambler.ru.

Nakhimova E. A.
Yekaterinburg, Russia
**MYTHOLOGEM ALEXANDER NEVSKY IN
CONTEMPORARY MASS COMMUNICATION**

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.01

Abstract. The article analyses the sources of aphorisms, which are linked in the contemporary Russian mass media with the name of Alexander Nevsky.

Key words: myth, mythologem, Alexander Nevsky, mass communication, aphorism.

About the author: Nakhimova Elena Anatolyevna, Candidate of Philology, Doctoral Student.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Мифологичность – традиционная черта ответственной массовой коммуникации. В соответствии с концепцией Е.И. Шейгал и ее последователей, современные мифы – это «принимаемые на веру стереотипы массового сознания», для которых характерны гиперболичность, аксиоматичность, неverifiedируемость, внерациональность [Шейгал 2004: 133-136; Немирова 2010: 128-129], а также динамичность, зависимость от социального этапа развития общества и его идеологии. Названные свойства в полной мере проявляются в социальном восприятии образов отечественных великих князей, царей, императоров и политических лидеров послереволюционной России (князь Владимир, Иван Калита, Иван Грозный, Борис Годунов, Петр Великий, Александр I, Александр II, А.Ф. Керенский, В.И. Ленин, И.В. Сталин и др.).

На каждом этапе развития страны портреты ее прошлых руководителей в массовой коммуникации заметно преобразуются, на первый план выносятся то одни, то другие поступки, качества личности, детали биографии. Наши современники (как и их предшественники) обращаются к опыту прошлого не только в стремлении к истине и справедливости, но и в поисках аналогов, прецедентов, которые помогут понять и решить современные проблемы [Нахимова 2008а, 2008б, 2009а, 2009б]. Аналогичные процессы наблюдаются в американской, немецкой и иных лингвокультурах: мифологемы выдающихся политических лидеров былых времен (Бисмарк, Линкольн, Рузвельт, Черчилль, Наполеон и др.) очень активно используются в массовой коммуникации Великобритании, Франции, США, Германии [Кулявцева 2007а, 2007б, 2008, Слышкин 2004, Черноморец 2010 и др.].

Мифологема *Александр Невский* принадлежит к числу ведущих героических (по классификации Е.И. Шейгал) отечественных мифологем, к которой к которой издавна апеллируют люди, придерживающиеся совершенно различных политических убеждений. Все это ярко проявляется и в современных условиях.

Настоящее исследование базируется на результатах контент-анализа материалов современных печатных и электронных СМИ (проанализировано 200 публикаций, представленных в «Национальном корпусе русского языка» (режим доступа: guscorpora.ru) и на сайтах ведущих российских газет. Обращение к этим материалам показывает, что авторы последовательно выделяют следующие черты личности Александра Невского:

- патриотизм, защита национальных интересов Руси, способность ради них поступиться личными обидами;
- героизм, воинская доблесть и талант полководца, которые особенно ярко проявились в Невской битве (1240 г.) и Ледовом побоище (1242 г.);
- религиозность, борьба против католицизма и защита православия, причисление к числу православных святых;
- мудрость, способность найти решение, которое благотворно скажется на дальнейшей истории страны;
- дипломатические способности, умение договориться с ханом Золотой Орды, что позволило несколько снизить тяжесть татаро-монгольского ига;
- риторические способности, умение говорить ярко, афористично и тем самым достигать необходимых результатов.

В зависимости от идеологической позиции, целей конкретной публикации и иных факторов автор может акцентировать внимание читателей на тех или иных свойствах личности князя и соответствующих фактах его биографии, а также предлагать свою интерпретацию мотивов тех или иных действий. Например, при рассказе о Ледовом побоище в одних текстах подчеркиваются патриотические мотивы, а в других – защита православия от католического мира. Все это существенно влияет на восприятие идеологемы читателями.

Важно отметить, что средством создания и развития идеологемы является не только акцентирование и интерпретация каких-то исторических фактов, но и их игнорирование, умол-

чание о тех или иных событиях. Показательно, что в современные журналисты и политики крайне редко вспоминают о том, что могло бы негативно сказаться на восприятии образа нравственно безупречного патриота, народного защитника и дипломата. Однако внимательный анализ древнерусских летописей показывает, что Александр Ярославович активно участвовал в междоусобных войнах, жестоко расправился с изгнанными его новгородцами и просил хана Золотой Орды покарать родного брата Андрея, который якобы незаконно присвоил себе Великое Княжение и обманывал монголов, присваивая часть собираемой для хана дани [Кучкин 1996 и др.]. Впрочем, еще Н.М. Карамзин писал, что сведения о жалобах хану и другие обвинения – это «вымысел Татищева» [Карамзин 1992, т.4 : 201]. Сторонники этой точки зрения встречаются и среди современных историков [Гумилев 2008].

При оценке подобных дискуссий следует помнить, что Александр Невский был сыном своего времени, где господствовали такие представления о добре и зле, о законе и справедливости, которые не в полной мере совпадают с современными нормами [Гумилев 2008, Кучкин 1996 и др.]. Важнее то, что в народной памяти его имя не связывается с чрезмерной жестокостью, стяжательством и предательством, а орден его имени считался почетным как в эпоху самодержавия, так и в советские годы. Князь Александр Невский прочно вошел в когорту героев, прославивших свою страну в борьбе с иностранными захватчиками.

При обращении к идеологеме много зависит от социальных условий и исторического этапа развития страны, от убеждений автора и специфики адресата, от задач соответствующей публикации и лежащей в ее основе коммуникативной стратегии. Показателен следующий факт. В 2008 году российское телевидение провело конкурс «Имя России», в процессе которого была поставлена задача по итогам массового голосования телезрителей определить национального лидера, человека наиболее значимого для отечественной истории, вызывающего максимальные народные симпатии. Таким национальным лидером оказался именно Александр Невский, которого телезрителям представлял Патриарший местоблюститель митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (в настоящее время Патриарх Всея Руси), постоянно ссылавшийся на Житие Святого Благоверного князя Александра Невского, канонизированного в 1547 году.

Позднее, отвечая на вопросы телезрителей, Патриарший местоблюститель Кирилл сказал: «Я убежден в том, что именно святой Александр Невский должен стать именем России. В своих выступлениях я многократно аргументировал свою позицию. Кто, как не святой, может и должен быть назван «именем России»? Святость – это понятие, не имеющее границ, простирающееся в вечность. Если наш народ выбирает своим национальным героем именно святого, это свидетельствует о духовном возрождении,

происходящем в сознании людей. Сегодня это особенно важно» [Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл : 2008].

Для политической мифологии вовсе не характерно точное следование историческим фактам, «общеизвестность» мифологем часто воспринимается как лучшее доказательство их истинности. Это в полной мере относится и к образу Александра Невского в современной массовой коммуникации, в том числе к его высказываниям. В СМИ последних лет чаще всего воспроизводятся три афоризма, которые авторы считают словами именно Александра Невского. У каждого из этих высказываний своя судьба, и эта судьба далеко не всегда восходит к глубине веков.

1. Первый из рассматриваемых афоризмов связан с победой, которую войска Александра Невского одержали над крестоносцами в 1242 году. Как пишет автор-составитель книги «Речи, которые изменили Россию» Радислав Гандопас, «во многих воинских частях России мы найдем фразу «Кто с мечом к нам войдет – от меча и погибнет!». И подпись под ней: «Александр Невский» [Гандопас 2010: 14]. Наши журналисты и политики постоянно цитируют этот афоризм, однако удивляет тот факт, что он был совершенно неизвестен в досоветской России и даже в первые годы советской власти. Как это могло случиться?

Дело в том, что слова «Кто с мечом к нам войдет – от меча и погибнет!». впервые прозвучали в художественном фильме «Александр Невский», который был снят Сергеем Эйзенштейном в 1938 году по сценарию Петра Павленко. Их произносит актер Николай Черкасов – исполнитель роли Александра Невского, обращаясь к чужеземным воинам, которых после разгрома и пленения на Чудском озере отпускают из Новгорода в родные края [Гандопас 2010: 14]. Эта фраза в дискурсе предвоенных лет звучала как еще одно предупреждение возможным агрессорам.

По словам Владислава Быкова и Ольги Деркач, кинофильм «Александр Невский» – «это просто товарищ Сталин в роли старика Фрейда. На историческом фоне звучит прямотаки неприкрытая угроза: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет». Фраза была так хороша, что ее много лет приводили в качестве подлинного высказывания Александра Невского в школьных учебниках [В. Быков, О. Деркач 2000: 18]. К счастью, для автора сценария и режиссера ценители искусства из НКВД и отделов пропаганды не обратили внимания на то, что эти слова Александра Ярославовича – по существу перифраз цитаты из Евангелия от Матфея: «Взятые меч мечом и погибнут». О библейских истоках этих слов пишут и другие специалисты.

Вместе с тем некоторые современные авторы стремятся сделать рассматриваемую фразу еще более яркой. Так, в опубликованной газетой «Сельская новь» статье «Неизвестный Александр Невский» журналист пишет: «Александр всегда был предстателем и защитником

России. И теперь, в годы новых бедствий, он не оставляет России, как не прекращаются и моления к нему. Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет» (С.Н. Присекин – Сельская новь, 11.11.2003). Трудно сказать, насколько сознательной была эта трансформация: возможно, автор статьи просто плохо помнил прецедентный текст.

2. Современные СМИ часто пишут об Александре Невском как о князе, который был блестящим дипломатом, умел договориться с ханом Золотой Орды и обеспечить участие татаро-монгольских отрядов в защите западных рубежей России. Так, в статье В. Пруссакова «России надо искать друзей на Востоке, в Исламе», размещенной на сайте «Центральная Азия», сообщается, что «во времена Святой Руси прозвучали как завет потомкам, слова святого благоверного князя Александра Невского: «Крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке». Далее автор пишет: «Можно лишь искренне пожалеть, что многие современные руководители России запомнили мудрый совет великого князя, основанный не только на личном опыте, но и на геополитических реалиях» (В. Пруссаков – 2010).

В «Национальном корпусе русского языка» представлено более двадцати подобных контекстов, и закономерно встает вопрос об источнике афоризма, о котором «запомнили» не только руководители современной России, но и их предшественники в советскую и досоветскую эпоху.

Можно предположить, что прежние руководители нашей страны ничего не знали об этом афоризме. Анализ интернет-ссылок и иных материалов показывает, что впервые названная фраза обнародована в созданном на рубеже веков (1999) сочинении митрополита Ташкентского и Среднеазиатского Владимира (В.З. Икима). В заключительном абзаце этой книги сначала приводятся слова императора Александра III о том, что «У России есть только два друга – это ее армия и флот», а затем сообщается, что «во времена Святой Руси прозвучали и иные слова – завет благоверного великого князя Александра Невского: «Крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке» [митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир 1999].

К сожалению, священнослужитель не считал нужным указать, каким источником цитирования он пользовался, не уточнил где и при каких обстоятельствах он познакомился с соответствующими документами. Вместе с тем совершенно справедлива сама мысль о большой роли Александра Невского в установлении взаимодействия с восточными соседями, о его дипломатическом таланте. Показательно, что еще в досоветскую эпоху он считался святым покровителем российской дипломатии.

3. Третья фраза, которую постоянно упоминают современные СМИ, действительно восходит к словам Александра Невского. Как сообщает Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского», юный новгородский князь, получив сообщение о шведской агрессии, сказал

своей дружине: «Нас немного, а враг силен; но Бог не в силе, а в правде: идите с вашим князем!» [Карамзин 2004: 203]. Показательно, что по данным «Национального корпуса русского языка» названное высказывание постоянно цитировалось в досоветскую эпоху (обычно со ссылками на «Житие Святого Александра Невского»), но в период господства коммунистической идеологии почти не употреблялось, что, видимо, объясняется ее антирелигиозной направленностью. В постсоветские годы такое упоминание уже никого не смущает (даже коммунистов) и соответствующая цитата активно используется в СМИ.

Следует отметить, что в современной массовой коммуникации активно используется также вариант данного афоризма с иным порядком слов. Так, автор статьи в популярном националистическом издании использует данную фразу в статье, посвященной проблемам приватизации промышленных предприятий в Белгородской области о проблемах собственности и непосредственно в тексте. Ср.: «Как говорил наш святой князь-воитель Александр Невский, не в силе Бог, а в правде. Так что дело здесь не в личностных качествах, пристрастиях и антипатиях. Дело в том, социально-экономическом курсе, который взять администрацией области» (В. Алтухов – Завтра, 20.05.2003).

Депутат Государственной Думы РФ от КПРФ В.Ф. Рашкин на официальном портале своей партии пишет о том, что сила в Федеральном собрании на стороне «Единой России», а правда – на стороне коммунистов. Далее, ссылаясь на слова Александра Невского «не в силе Бог, а в правде», депутат делает вывод о том, победа силы («Единой России») над правдой (КПРФ) всегда временна (В.Ф. Рашкин – www.kprf.ru).

Подобные варианты словорасположения встречаются и во многих других современных публикациях, посвященных проблемам наших дней, а не древнерусской истории.

В докладе митрополита Ташкентского и Среднеазиатского Владимира, опубликованном на сайте «Интерфакс-Религия», сообщается о том, что фраза «Не в силе Бог, а в правде» представляет собой один из трех внешнеполитических принципов Александра Невского. По мнению автора, эта фраза имеет «прямую связь с ключевым принципом современного международного права – принципом неприменения силы или угрозы силой против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства» [митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир 2010]. Отметим также, что в текстах религиозного дискурса обычно подчеркивается, что, сражаясь с западными агрессорами, Александр Невский тем самым отстаивал интересы православия в его борьбе с католицизмом.

Рассмотренный материал еще раз подтверждает тесную связь идеологии с историческими условиями ее существования и позицией автора. Вполне закономерно, что в конце тридцатых – начале сороковых годов прошлого

века официальная пропаганда стремилась выдвинуть на первый план героическую борьбу Александра Невского с западными захватчиками и его патриотизм, что было политически важно в связи с надвигающейся войной. Именно эти прагматические потребности и стали причиной появления кинофильма, где впервые прозвучал афоризм, который впоследствии в массовом сознании стал восприниматься как подлинные слова новгородского князя, обращенные к захватчикам.

На современном этапе развития массовой коммуникации все чаще акцентируются дипломатические способности Александра Невского, его умение договориться с мусульманами, добиться помощи хана Золотой Орды при военных конфликтах с западными соседями. Эта тенденция породила приписываемую Александру Невскому фразу «Крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке».

Традиционное для российского сознания стремление к справедливости, противопоставление духовности грубой силе делают вполне естественными все новые и новые обращения к афоризму «Бог не в силе, а в правде», который часто цитировался в досоветскую эпоху, но оставался без внимания в период господства коммунистической идеологии.

Не менее закономерно и то, что в современной массовой коммуникации все чаще ссылаются на канонизированного православной церковью Святого Благоверного Александра Невского, подчеркивают его религиозность, стремление отстоять не только родные земли, но и православную религию, решительный отказ от католицизма. Соответственно в советскую эпоху, как правило, говорили о новгородском князе Александре Невском, который, защищая Родину, одержал славные победы над немцами и шведами, но избегали упоминать об его отношениях с православной церковью и борьбе с католическим влиянием.

В зависимости от политической позиции и задач текста одни современные авторы акцентируют патриотизм Александра Невского, другие – его воинскую доблесть и талант полководца, третьи – защиту православия и борьбу с католицизмом, четвертые – мудрость, дипломатические способности и умение решать проблемы с мусульманами. Таким образом мифологема приобретает признаки идеологемы – лексической единицы, использование которой в значительной степени определяется идеологической позицией автора [Купина 2003].

Важными средствами создания мифологемы является не только профилирование, выдвижение на первый план тех или иных поступков и личностных качеств героя, но и умолчание о некоторых обстоятельствах его жизни и деятельности. Эффективным средством украшения идеологемы служит цитирование подлинных или мифических высказываний Алек-

сандра Невского, однако некорректное цитирование способно негативно сказаться на доверии к автору и его аргументации.

ЛИТЕРАТУРА

- Быков В., Деркач О. Книга Века. М., 2000.
Гандопас Р. Речи, которые изменили Россию. М., 2010.
Гумилев В.Н. От Руси до России: очерки этнической истории. М., 2008.
Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1992. Т.4.
Кулявцева М.Ю. Концепт Джорджа Вашингтона в американской лингвокультуре // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире. Волгоград: 2007.
Кулявцева М.Ю. Концепт Франклина Рузвельта в американской лингвокультуре // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире – 2. Волгоград, 2008.
Купина Н.А. Идеологемы как ключевые единицы политического языка // Лингвистика. Бюллетень уральского лингвистического общества. Вып. 11. Екатеринбург, 2003.
Кучкин В.Н. Александр Невский – Государственный деятель и полководец средневековой Руси. М., 1996.
Немирова Н.В. Современный экономический кризис в зеркале прецедентности: мифы и реальность // Политическая лингвистика. 2010. № 2.
Нахимова Е.А. Прецедентное поле «Монархи» в дискурсе современных российских СМИ // Политическая лингвистика. 2009а. № 1.
Нахимова Е.А. Новая жизнь старых слов // Русская речь. 2009б. № 2.
Нахимова Е.А. Прецедентное поле *Смутное время* в современных отечественных СМИ // Известия Уральского государственного университета. Серия III. Вопросы образования, науки и культуры. 2008а. № 2.
Нахимова Е.А. Прецедентное имя *Керенский* в современных отечественных СМИ // Политическая лингвистика. 2008б. № 1.
Национальный корпус русского языка. Режим доступа: ruscorpora.ru.
Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Имя России – Александр Невский // Православие и мир, 29.12.2008 (www.pravmir.ru).
Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир (В.З.Иким). ... А друзей искать на Востоке. Православие и Ислам: противостояние или сотрудничество? 1999 (www.pravosludm.narod.ru).
Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир (В.З.Иким). Святой Александр Невский как полководец и дипломат. 2010 (www.pravosludm.narod.ru).
Слышкин Г.Г. Государственные деятели: след в языковом сознании // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. № 8 (175). 2004.
Черноморец М.В. Лингвокультурные концепты германских канцлеров: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – Волгоград, 2010.
Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.

© Нахимова Е.А., 2010

Садуов Р.Т.
Уфа, РоссияSaduof R.T.
Ufa, RussiaАВТОБИОГРАФИЯ
КАК СТЕРЖНЕВАЯ КОМПОНЕНТА
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
БАРАКА ОБАМЫAUTOBIOGRAPHY
AS A KEY COMPONENT
OF BARACK OBAMA'S
POLITICAL DISCOURSEУДК: 811.11
ББК III 80ГРНТИ 16.41.21
Код ВАК 10.02.04

Аннотация. Целью настоящей статьи является исследование тематической включенности автобиографических очерков 44 президента США Барака Обамы в его политический дискурс как средство обретения популярности. Опираясь на высказанное известным британским философом Саймоном Кричли мнение, что политический дискурс Б. Обамы основан на его биографии, автор статьи производит пошаговой анализ с целью подтвердить и обосновать данное высказывание мыслителя. При этом автор пытается сделать вывод о значении исследуемого явления для политической карьеры и имиджа Б. Обамы.

Ключевые слова: политический дискурс США, Барак Обама, автобиография, Саймон Кричли.

Сведения об авторе: Садуов Руслан Талгатович, аспирант факультета романо-германской филологии. Место работы: Башкирский государственный университет.

Контактная информация: 450077, г. Уфа, ул. Достоевского д.106, кв. 36
E-mail: rtsf@bk.ru.

Abstract. The aim of the present article is to investigate involvement of Barack Obama's autobiography into his political discourse as a means of gaining popular appeal. Relying on British prominent philosopher Simon Critchley's opinion that Barack Obama's political discourse is based upon his biography, the author of the article accomplishes a step-by-step analysis with the aim of proving and justifying the philosopher's observation. At the same time the author tries to make a conclusion on the significance of the investigated phenomenon for B. Obama's political career and image.

Key words: the US political discourse, Barack Obama, autobiography, Simon Critchley.

About the author: Saduof Rouslan, postgraduate student of The Department of Romance and Germanic Philology.

Place of employment: Bashkir State University

Целью настоящей статьи является исследование тематической включенности автобиографических очерков 44 президента США Б. Обамы в его политический дискурс как способ завоевания популярности. Б. Обама, согласно мнению ряда исследователей [What Makes Obama a Good Speaker?], является одним из самых ярких ораторов современной политики. Считается, что настоящую известность ему принесла произнесенная в 2004 году речь на Демократическом национальном съезде («Democratic National Convention») [Obama 2004]. Последующие выступления стали этапами становления политической карьеры Барака Обамы и, в итоге, обеспечили ему восхождение на высшую государственную должность.

Представляется, что характерной особенностью речей Б. Обамы является их автобиографичность: прямая, нарочито подчеркнутая взаимосвязь между политическими взглядами президента и его личным опытом, воззрениями и фактами биографии. Обладая красивым и звучным слогом, а также умением просто и ясно излагать свои мысли, Б. Обама стал автором двух автобиографических книг: «Dreams from My Father» (1995) и «The Audacity of Hope» (2006). Прежде чем начать конкретный анализ взаимосвязи названных книг с политическими речами Обамы, представляется логичным рассказать о самих книгах.

Первая, «Dreams from My Father», была написана будущим президентом в 1995 году, ко-

гда Б. Обама только начинал свою политическую карьеру. Основной сюжетной линией книги является биография самого Барака Обамы, начиная с малых лет и до того момента, как он поступает в Гарвард. Изложение событий сопровождается рассуждениями автора о тех или иных этапах жизни, а также рассказами о людях, которые повстречались на его пути.

Книга написана достаточно простым языком, который легко воспринимается читателем. При этом сама биография будущего президента, действительно, поражает своей экзотичностью и, в какой-то мере, исключительностью. Обама был рожден в смешанном межрасовом браке, что уже само по себе в конце 50-х – начале 60-х годов XX века было не столь частое явление. Детство будущего президента прошло на Гавайях и в Индонезии. А в молодости Б. Обама активно работал в социальной сфере.

Основным лейтмотивом книги (и это отражено в ее названии) является воспоминание об отце. Сам Барак видел его лишь однажды, в далеком детстве. Чаще всего противоречивый образ отца предстает перед читателем через отрывочные рассказы родственников Обамы. Примечательно, что будущий президент не старается идеализировать своего отца, но умеет выделить главное в его характере – стремление к знаниям, справедливость, бескомпромиссность и цельность характера. Вся книга представляет собой непрерывную попытку познать себя и свое предназначение. И происхо-

дит это именно через попытку понять своего отца. Книга содержит много размышлений автора на тему расы и расового неравенства.

Кроме того, «Dreams from My Father» интересна тем, что представляет собой красочную зарисовку той реальности, в которой Обаме пришлось побывать: нестабильный политический режим в Индонезии, бедность и безработица в Кении. Самого подробного, тем не менее, описания удостоивается современная американская действительность: небольшие сообщества людей, их проблемы, мысли, характеры, страхи, надежды, а главное – мечты.

Вторая книга, «The Audacity of Hope», вышла в свет после более чем десятилетнего перерыва и по этой причине сильно отличается от «Dreams from My Father». Первые же страницы автобиографии говорят о том, что перед нами повзрослевший, опытный политик. Как следствие, меняется содержание книги: теперь это не просто продолжение повествования о жизни, а в гораздо большей степени размышления о политической, социальной, экономической и религиозной сферах американской действительности. Сам автор книги определяет основную тему «The Audacity of Hope» следующим образом: «That's the topic of this book: how we might begin the process of changing our politics and our civic life» [Obama 2006: 7]. То есть, по большому счету, это книга о политике. Тем не менее, одновременно, она является и биографической, поскольку размышления о политике основаны на личном опыте Б. Обамы: «I offer no unifying theory of American government, nor do these pages provide a manifesto for action, complete with charts and graphs, timetables and ten-point plans. Instead what I offer is something more modest: **personal reflections** (*Здесь и далее выделение полужирным шрифтом наше – P.T.*) on those values and ideals that have led me to public life, some thoughts on the ways that our current political discourse unnecessarily divides us, and my own best assessment – **based on my experience as a senator and lawyer, husband and father, Christian and sceptic** – of the ways we can ground our politics in the notion of a common good» [Obama 2006: 8]. Следовательно, все размышления будущего президента в книге основаны на его личном опыте как сенатора и юриста, мужа и отца, христианина и скептика.

«The Audacity of Hope» разделена на ряд глав, каждая из которых повествует об одном из важнейших аспектов американской социальной реальности. Спектр рассматриваемых проблем, действительно, широк: межпартийная борьба, американские ценности, конституция, вопросы веры и сосуществования разных рас на американском континенте, семьи, проблемы стран за пределами США и многие другие.

Стоит упомянуть, что обе книги стали основой для изданного в 2008 году предвыборного биографического комикса «Presidential Material: Barack Obama» Джеффа Мариотта, где отдель-

ные отрывки из книг обрели поликодовый облик, «получив» к текстовой составляющей еще и графическую [Садуов 2009: 101-109].

Таким образом, Барак Обама – автор двух автобиографических книг, в котором рассуждения об американской жизни органично совмещаются с рассказом о событиях его личной жизни.

Примечательным представляется тот факт, что к моменту написания второй книги Б. Обама стал видным политическим деятелем, и в книге можно найти ссылки на уже произнесенные им речи, которые могут считаться неотъемлемой частью личного опыта Б. Обамы и частью его автобиографии:

(1) For the better part of a month, I travelled Illinois without drawing fire, before being selected to **deliver the keynote address at the Democratic National Convention** – seventeen minutes of unfiltered, uninterrupted airtime on national television [Obama 2006: 13].

(2) Back in 2002, just before announcing my Senate campaign, **I made a speech at one of the first antiwar rallies in Chicago** in which I questioned the Administration's evidence of weapons of mass destruction and suggested that an invasion of Iraq would prove to be a costly error [Obama 2006: 29].

(3) In April 2005, for example, I appeared on the program to dedicate the new Lincoln Presidential Library in Springfield. **It was a five-minute speech** in which I suggested that Abraham Lincoln's humanity, his imperfections, were the qualities that made him so compelling [Obama 2006: 73].

Тем не менее, известный английский философ Саймон Кричли полагает, что именно автобиографические книги оказывают влияние на политический дискурс Б.Обамы, а не наоборот. В своей лекции «Branding Democracy: Barack Obama and the American Void» он очень высоко оценивает книги политика. Их стиль, слог и лиричность привлекают исследователя и заставляют восхищаться мемуарами, что является одной из причин того, почему автобиографические издания он ставит в центр всего дискурса политика: «The presidential campaign <...> is based upon a person, a person who has constructed himself around a series of memoirs which are not... which are elaborately written. To write books – we know it takes to craft them; they are not short books either. They are beautifully... the lyricism... it's very and very powerful. <...> This seems to be a presidential campaign based upon an autobiographical stance. <...> The basis of his campaign [is] his improbable story, as the basis for “reclaiming the American dream”, the subtitle of “The Audacity of Hope”» [Critchley]. Обе книги, по мнению Кричли, были написаны по-настоящему мастерски: очевидно, что для их написания были приложены немалые силы («to write books – we know it takes to craft them; they are not short books either»). Тем не менее, он считает их ос-

новой политический дискурс Обамы не столько из-за их безусловной художественной ценности, сколько из-за «субъективности», которую эти книги в себе воплощают. Эта воплощенная «субъективность» затем проецируется на весь политический дискурс и становится его неотъемлемой чертой: «What fascinates me is what we might call “Obama’s subjectivity” and how it forms his political vision and how this might begin to explain his extraordinary popular appeal and maybe the limits of that popular appeal. The focus on subjectivity is justified. I mean this after all is a presidential campaign based on autobiography, based on memoir, based on confession, based on sincerity, based on – a word that he uses more than once – “authenticity”» [Critchley] / «Меня восхищает то, что можно было бы назвать “субъективностью Обамы”, а также то, как эта субъективность формирует его политические взгляды и как она может отчасти объяснить его необычайную популярность и, возможно, пределы этой популярности. Этот фокус на субъективность оправдан. Я имею в виду, что это, в конце концов, президентская кампания, основанная на автобиографии, мемуарах, исповеди, искренности, основанная на – слово, которое он использует не один раз – “подлинности”» (Перевод наш – Р.Т.).

Таким образом, Саймон Кричли обращает внимание на то, что в своем дискурсе Барак Обама опирается, прежде всего, на собственную биографию, «субъективно» воспринимая политическую и социальную реальность вокруг себя. Практически любая мысль, озвученная в речи, имеет свой референт в автобиографических книгах. Промежуточной целью данной статьи является проверка именно этого утверждения английского философа. Для ее достижения представляется необходимым выделить основные темы политического дискурса президента и поэтапно сравнить то, как они раскрываются в выступлениях Б. Обамы и в его автобиографических книгах.

Основные темы, на которые обращает внимание Б. Обама в своих книгах, вынесены им в названия глав, из которых состоят его книги. В политических выступлениях президента основные темы позволяют идентифицировать контекстуальный анализ. На его основе, а также исходя из заголовков в книгах политика, можно выявить следующие основные темы, рассматриваемые Обамой: расовое неравенство, здравоохранение и образование, альтернативные источники энергии, семья, проблемы молодежи, проблема разобщенности нации. При этом некоторые из тем тесно переплетаются между собой или находятся в прямой зависимости друг от друга.

Исходя из приведенного списка, представляется возможным провести сравнительный анализ тематической включенности исследуемой области художественного творчества Б. Обамы в его политический дискурс.

Заявленную Саймоном Кричли взаимосвязь логичнее всего проследить поэтапно, анализируя каждую из перечисленных проблем по отдельности, сравнивая их освещение в публичных выступлениях и в мемуарах.

Оговоримся, однако, что в данном исследовании были выделены только самые основные, но далеко не все проблемы, которые Обама поднимает в своих речах и автобиографических книгах.

Проблема расового неравенства в США

Поскольку Барак Обама является представителем афроамериканского сообщества, проблема расового неравенства имеет для него особое значение. Будущий президент пытается разработать разносторонний подход к вопросу, охватывая не только афроамериканское сообщество, но и представителей Азии, Латинской Америки и других стран, стараясь сформировать собственный сбалансированный взгляд на проблему. Вопрос о неравенстве рас находит подробное освещение в обеих книгах и многократно обсуждается в политических выступлениях.

Примеры из автобиографических книг:

(4) I had grown accustomed, everywhere, to **suspicion between the races** [Obama 2004: 69].

(5) **The emotions between the races could never be pure**; even love was tarnished by the desire to find in the other some element that was missing in ourselves. Whether we sought out our demons or salvation, **the other race would always remain just that: menacing, alien, and apart** [Obama 2004: 71].

Как видно, в первой автобиографической книге, «Dreams from my Father», вопрос о совместном существовании рас рассматривается с позиции их неравенства и с позиции собственного опыта этого неравенства. Обама много пишет о трудностях, с которыми повсеместно сталкивается чернокожее население штатов. Во второй же книге, «The Audacity of Hope», проблемам расы посвящена целая глава «Race». Тем не менее, здесь на первый план выходят более общие рассуждения по вопросу о расах. Это взгляд более зрелого политика:

(6) Statistically, **the number of African Americans who occupy the top fifth of the income ladder remains relatively small**. Moreover, every black professional and businessperson in Chicago can tell you stories of the roadblocks they still experience on account of race. Few African American entrepreneurs have either the inherited wealth or the angel investors to help launch their businesses or cushion them from a sudden economic downturn. **Few doubt that if they were white they would be further along in reaching their goals** [Obama 2006: 142].

В примере 6 Обама говорит не об отчужденности чернокожего населения, а об их реальных проблемах, об их экономической отсталости по сравнению с белым населением.

Кроме того, именно во второй книге расовая проблематика расширяется и начинает охватывать трудности, с которыми сталкиваются представители других рас, проживающих на территории США. В этом смысле Б. Обама исходит из основы американской демократии, «Декларации независимости», провозглашающей равенство всех людей:

(7) "WE HOLD THESE truths to be self-evident, that **all men are created equal**, that they are endowed by their Creator with certain unalienable Rights, that among these are Life, Liberty and the pursuit of Happiness" [Obama 2006: 33].

К этому же мотиву равенства он возвращается в своей книге, но на этот раз, приводя собственный пример:

(8) I met a Mexican woman who spoke no English but whose son was in Iraq; I recognized a young Colombian man who worked as a valet at a local restaurant and learned that he was studying accounting at the local community college. <...> I was reminded that **America has nothing to fear from these newcomers, that they have come here for the same reason that families came here 150 years ago** – all those who fled Europe's famines and wars and unyielding hierarchies, all those who may not have had the right legal documents or connections or unique skills to offer but who carried with them a hope for a better life. <...> **America is big enough to accommodate all their dreams** [Obama 2006: 157-158].

Обама приходит к выводу, что любой новоприбывший представитель иной страны или народа, независимо от своего происхождения и расовой принадлежности, как и любой гражданин Америки, имеет право на жизнь и свободу.

Примеры из публичных выступлений:

Аналогичное освещение проблем расового неравенства можно найти и в политических выступлениях Б. Обамы:

(9) But **race is an issue that I believe this nation cannot afford to ignore** right now [Obama 2008-a].

Б. Обама указывает не только на сам факт отчуждения афроамериканского сообщества, но и на его итог – менее высокие результаты академической успешности чернокожих выпускников школ.

(10) But we do need to remind ourselves that so many of **the disparities that exist in the African-American community today can be directly traced to inequalities passed on from an earlier generation** <...> **Segregated schools were, and are, inferior schools**; we still haven't fixed them, fifty years after Brown v. Board of Education, and the inferior education they provided, then and now, helps explain the **pervasive achievement gap between today's black and white students** [Obama 2008-a].

И, в итоге, Обама приходит к пониманию, что каждая раса, каждый член американского общества равноправен и важен:

(11) **My country has been greatly enriched by migration from Mexico. Mexican Americans form a critical and enduring link between our nations.** And I am committed to fixing our broken immigration system in a way that upholds our traditions as a nation of laws but also as **a nation of immigrants** [Obama 2009-f].

(12) Black, white, Hispanic, native American, Asian, Democrats and Republicans, young and old, rich and poor, gay and straight, disabled and not disabled, **all of us have something to contribute** [Obama 2009-f].

(13) ...problems that are neither black or white or Latino or Asian, but rather **problems that confront us all** [Obama 2008-a].

В *примере 11* Б. Обама рассуждает о том, как мексиканская культура обогатила американскую (**my country has been greatly enriched by migration from Mexico**), высказывание в *примере 12* уравнивает в правах различные расы и социальные группы в аспекте их важности для страны, а в *примере 13* – уравнивает разные этносы перед лицом общих проблем и опасностей.

Таким образом, проблема расового неравенства находит яркую и совершенно идентичную реализацию как в автобиографических книгах, так и в политических выступлениях политика.

Проблема американского образования

Проблема американского образования (а если точнее, его качества и стоимости) также является одним из ключевых вопросов, которые Барак Обама поднимает в своих автобиографических книгах и выступлениях.

Примеры из автобиографических книг:

(14) ...those same **children should be able to go to college even if their parents weren't rich** [Obama 2006: 6].

(15) We know that global competition – not to mention any genuine commitment to the values of equal opportunity and upward mobility – requires us **to revamp our educational system from top to bottom**, replenish our teaching corps, buckle down on math and science instruction, and rescue inner-city kids from illiteracy [Obama 2006: 15].

Основным мотивом здесь является стремление улучшить систему образования, сделав ее более доступной не только для состоятельных американцев, но и для выходцев из небогатых семей («**children should be able to go to college even if their parents weren't rich**»). Говоря о дороговизне образования, Обама приводит личный пример:

(16) Where Americans do need help, immediately, is in managing the rising cost of college – something **with which Michelle and I are all too familiar** (for the first ten years of our marriage, our combined **monthly payments on our undergraduate and law school debt exceeded our mortgage** by a healthy margin) [Obama 2006: 97].

Не понаслышке зная, как тяжело оплачивать образование («**with which Michelle and I**

are all too familiar»), будущий президент подходит к проблеме сквозь призму собственного опыта.

Примеры из публичных выступлений:

В публичных выступлениях проблема образования также остается одной из ключевых.

(17) The third challenge we must address is the urgent need to **expand the promise of education in America** [Obama 2009-c].

(18) The source of America's prosperity has never been merely how ably we accumulate wealth, but **how well we educate** our people [Obama 2009-d].

От понимания важности проблемы образования (The source of America's prosperity <...> **how well we educate** our people) Обама переходит к проблеме дороговизны и необходимости сделать его доступным:

(19) It's an investment that will create a new \$2,500 annual tax credit to put the dream of a college degree within reach for middle class families and **make college affordable for seven million students**, helping more of our sons and daughters aim higher, reach farther, and fulfill their God-given potential [Obama 2009-b].

Следовательно, проблема важности и, одновременно, дороговизны американского образования одинаково остро освещается Обамой как в книгах, так и в речах.

Здравоохранение

Как и образование, здравоохранение, по мнению Б. Обамы, функционирует малоэффективно, и при этом обходится слишком дорого. В приведенных примерах тональность высказываний об американском здравоохранении остается неизменной, независимо от того, откуда они взяты:

Пример из автобиографической книги:

(20) We know that **our health-care system is broken: wildly expensive, terribly inefficient, and poorly adapted to an economy** no longer built on lifetime employment, a system that exposes hardworking Americans to chronic insecurity and possible destitution [Obama 2006: 15].

Примеры из публичных выступлений:

(21) We will restore science to its rightful place, and wield technology's wonders **to raise health care's quality and lower its cost** [Obama 2009].

(22) **Our health care is too costly**; our schools fail too many; and each day brings further evidence that the ways we use energy strengthen our adversaries and threaten our planet [Obama 2009].

Как видно из приведенных отрывков (примеры 20, 21 и 22), Обама критикует здравоохранение за его излишнюю дороговизну и неэффективность.

Энергетика

и альтернативные источники топлива

Важным аспектом, заслуживающим пристального внимания, по мнению Обамы, является проблема энергетической безопасности

США. Этот вопрос политик затрагивает как в автобиографической книге, так и в речах.

Пример из автобиографической книги:

(23) Let's start with those investments that can make America more competitive in the global economy: investments in education, science and technology, and **energy independence** [Obama 2006: 94].

Примеры из публичных выступлений:

(24) At a time of such great challenge for America, no single **issue** is as **fundamental** to our future as **energy** [Obama 2009-a].

Характерно, что Обама рассуждает о необходимости новой политики в области энергетики не только исходя из безусловной пользы, которую извлечет Америка, но и из соображений заботы о других странах и об окружающей среде:

(25) And then, I would like to see us in **the United States take the lead on a new approach to energy** – because none of the developed countries are going to be able to sustain their growth if we don't start using energy differently, and **the world cannot survive all countries using energy in the same ways that we use it** [Obama 2009-e].

Единство нации

Одним из важнейших мотивов политического дискурса Б. Обамы является мотив единства нации, который имеет точки соприкосновения со многими другими проблемами, прежде всего, с проблемой расового неравенства. Политик всеми силами пытается доказать, что США – это единая страна и единая нация, даже несмотря на то, что состоит она из представителей многих этносов («nation of immigrants» из примера 11).

Примеры из автобиографических книг:

(26) ...a tradition that stretched from the days of the country's founding to the glory of the civil rights movement, a tradition based on the simple idea that **we have a stake in one another, and that what binds us together is greater than what drives us apart**, and that if enough people believe in the truth of that proposition and act on it, then we might not solve every problem, but we can get something meaningful done [Obama 2006: 3].

(27) Perhaps more than any other time in our recent history, we need a new kind of politics, one that can excavate and build upon those shared understandings that **pull us together as Americans** [Obama 2006: 7].

Б. Обама считает, что у американцев слишком много общего, чтобы любые существующие центробежные силы могли разделить нацию на части («**what binds us together is greater than what drives us apart**»).

Примеры из публичных выступлений:

Если говорить о публичных выступлениях, то здесь Обама вновь (пример 7) исходит из строк одного из основополагающих для американской демократии документов, «Декларации Независимости»: «We the people, in order to form a more perfect union» [Obama 2008-a] – где ключевыми являются слова «**we**» и «**union**».

чевыми являются слова «a more perfect union», поскольку они позволяют Обаме поместить свой дискурс в рамки самого известного политического документа США. Эту же идею единства нации («unity») он затем выражает своими собственными словами:

(28) They saw **America as bigger than the sum of our individual ambitions**; greater than all the differences of birth or wealth or faction [Obama 2009].

(29) There is not a black America and white America and Latino America and Asian America – there's the United States of America [Obama 2004-a].

Отметим, что этот отрывок из речи 2004 года, пример 29, политик процитировал в своей книге «The Audacity of Hope».

(30) And we are bringing together Democrats and Independents and Republicans; blacks and whites; Latinos and Asians; small states and big states; Red States and Blue States into a United States of America [Obama 2008].

Пример 30 подтверждает стремление политика объединить в своем дискурсе представителей всех социальных слоев, рас и политических групп в единое понятие «Соединенные Штаты Америки». Этот пример с очевидностью доказывает тесную взаимосвязь между политическими выступлениями и автобиографическими книгами Б. Обамы.

Семья

По своей сути обе автобиографические книги Обамы – это истории его семьи. В первой речь идет об отце, матери и родственниках Обамы. Очень большой отрывок в ней посвящен его воссоединению с семьей в Кении. Вторая книга содержит целую главу «Family», где повествуется о той семье, которую Барак создал сам – о его жене Мишель и двух дочерях. Тем не менее, Обама не просто рассказывает о родных ему людях, но и рассуждает об институте семьи вообще:

(31) THERE'S A LOT of talk these days about the decline of the American family. Social conservatives claim that the traditional family is under assault from **Hollywood movies and gay pride parades**. Liberals point to the economic factors – from **stagnating wages to inadequate day care** – that have put families under increasing duress. Our popular culture feeds the alarm, with **tales of women consigned to permanent singlehood, men unwilling to make lasting commitments, and teens engaged in endless sexual escapades**. Nothing seems settled, as it was in the past; our roles and relationships all feel up for grabs [Obama 2006: 193].

В *примере 31* политик перечисляет опасности, которые угрожают институту американской семьи, рассуждает об их влиянии на общество. В публичных выступлениях, тем не менее, прослеживается аналогичная двойственность: с одной стороны, Б. Обама говорит о своей семье (*Пример 32*), с другой, о семье вообще (*Пример 33*).

Примеры из публичных выступлений:

(32) I would not be standing here tonight without the unyielding support of my best friend for the last sixteen years, the rock of our family and the **love of my life, our nation's next First Lady, Michelle Obama. Sasha and Malia, I love you both so much**, and you have earned the new puppy that's coming with us to the White House [Obama 2008-c].

(33) **It begins with a young family** – maybe in Mesa, or Glendale, or Tempe – or just as likely in suburban Las Vegas, Cleveland, or Miami. They save up. They search. They choose a home that feels like the perfect place to start a life. They secure a fixed-rate mortgage at a reasonable rate, make a down payment, and make their mortgage payments each month. They are as responsible as anyone could ask them to be [Obama 2009-g].

Примечательно, что тема семьи в дискурсе Обамы тесно связана с предыдущим мотивом единства нации: тесные родственные узы он проецирует на Америку вообще («**one American family**» в *примере 34*), что делает тему семьи особенно важной для дискурса Обамы:

(34) It is that promise that has always set this country apart – that through hard work and sacrifice, each of us can pursue our individual dreams but still come together as **one American family**, to ensure that the next generation can pursue their dreams as well [Obama 2008-b].

Проблемы молодежи

Характерной особенностью предвыборной кампании Барака Обамы стала направленность на «неучтенный электорат», то есть молодое поколение американцев, которое, как правило, не участвует в выборах [Finding Political News Online, the Young Pass It On]. Для этого будущий президент активно использует средства сети Интернет, массовую культуру и всевозможные поликодовые тексты (комиксы, видео клипы) [Садуов 2010: 135-142]. Неудивительно, что пристальное внимание к проблемам молодежи прослеживается и в выступлениях политика, причем в этом случае они соприкасаются с проблемами семьи и образования.

Так, в *примерах 14* (из «The Audacity of Hope») и *19* (из публичного выступления) проблема образования касается, прежде всего, молодых американцев, которым, по мнению Б. Обамы, должен быть облегчен путь к обучению. Высказывание, содержащееся в *примере 33*, раскрывает трудности, встающие перед молодыми семьями. Таким образом, выступая как аспект каких-то иных сложностей, существующих в американском обществе, проблемы молодежи получают освещение на протяжении всего дискурса политика.

Выше были рассмотрены некоторые ключевые для дискурса Б. Обамы темы, проведен сравнительный анализ их освещения в автобиографических книгах и в политических выступлениях. В качестве завершающего этапа такого анализа представляется логичным привести

примеры из речей Обамы, где он ссылается на собственную биографию:

(35) I am the son of a black man from Kenya and a white woman from Kansas. I was raised with the help of a white grandfather who survived a Depression to serve in Patton's Army during World War II and a white grandmother who worked on a bomber assembly line at Fort Leavenworth while he was overseas. I've gone to some of the best schools in America and lived in one of the world's poorest nations. I am married to a black American who carries within her the blood of slaves and slaveowners – an inheritance we pass on to our two precious daughters. I have brothers, sisters, nieces, nephews, uncles and cousins, of every race and every hue, scattered across three continents, and for as long as I live, I will never forget that in no other country on Earth is my story even possible [Obama 2008-a].

В *примере 35* Б. Обама кратко рассказывает о своей жизни и семье, делая вывод о том, что Америка – это единственная страна, где такая история могла быть возможна («in no other country on Earth is my story even possible»).

Некоторые отрывки из речей явно пересекаются с отрывками из автобиографии. Так, следующий пример отсылает к фрагменту из «Dreams from My Father», где Б. Обама рассказывает о том, как его бабушка однажды испугалась на улице молодого афроамериканца из-за его цвета кожи [Obama 2004: 51]:

(36) I can no more disown him than I can my white grandmother – a woman who helped raise me, a woman who sacrificed again and again for me, a woman who loves me as much as she loves anything in this world, but **a woman who once confessed her fear of black men who passed by her on the street**, and who on more than one occasion has uttered racial or ethnic stereotypes that made me cringe [Obama 2008-a].

Кроме того, некоторые аспекты допрезидентской деятельности Б. Обамы проецируются на его деятельность на посту главы страны. Так *пример 37* повествует, вслед за «Dreams from My Father» о том, что в молодости Обама работал в социальной сфере («community organizer»):

(37) But let me tell you how I came to be here. As most of you know, I am not a native of this great state. I moved to Illinois over two decades ago. I was a young man then, just a year out of college; I knew no one in Chicago, was without money or family connections. But a group of churches had offered me a **job as a community organizer** for \$13,000 a year. And I accepted the job, sight unseen, motivated then by a single, simple, powerful idea – that I might play a small part in building a better America [Obama 2007].

Свои нынешние президентские обязанности Б. Обама воспринимает как уже знакомую ему деятельность, но в большем масштабе: главный лозунг его официального сайта звучит как «Organizing for America» [Organizing for America

Blog], где Америка, по всей видимости, воспринимается как одно большое сообщество («community»). Заметим, впрочем, что это соответствует его представлению о своей стране как об одной дружной семье (*пример 34*).

Таким образом, на основе проведенного сравнительного анализа можно с определенностью говорить о прямой тематической включенности автобиографических книг в политический дискурс Обамы. Тем не менее, остается открытым вопрос о пользе и результатах такой интеграции художественной составляющей творчества политика в его дискурс. В этом случае логичным будет вернуться к высказыванию Саймона Кричли о том, что «субъективность» дискурса Б. Обамы, его направленность на себя, возможно, являются причиной его необычайной популярности: «What fascinates me is what we might call “Obama’s subjectivity” and how it forms his political vision and how this might begin to explain his extraordinary popular appeal and maybe the limits of that popular appeal» [Critchley].

Действительно, субъективность и искренность, с которой Б. Обама рассказывает о себе, очень притягательны. Опора на собственный опыт придает его дискурсу то, что можно было бы охарактеризовать как «жизненность», неподдельность. Стоит заметить, что биография Б. Обамы, типичного американца, несмотря на всю свою исключительность, может быть биографией любого другого американца, поскольку США, по словам самого политика, – это единственная страна в мире, где возможен удивительный жизненный путь, который прошли и он, и члены его семьи (*пример 35*: «in no other country on Earth is my story even possible»). Именно поэтому биография Б. Обамы так легко воспринимается слушателями и читателями. Он никогда не ставит барьеров или преград между собой и любым другим представителем своей нации. Его личные проблемы (такие как дороговизна образования – *пример 16*) – это проблемы любого американца. Его мечты (например, его стремление к семейному счастью и благополучию) – это чаяния любого американца. А его личная история и наследие, которым он гордится, – это история и наследие любого американца. В последнем случае представляется небезынтересным обратить внимание на наличие большого количества прецедентных феноменов как в автобиографических книгах, так и в политических речах Б. Обамы.

Прецедентные феномены, согласно В.В. Красных, это «феномены, 1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [Красных 2002: 58]. Впрочем, по мнению Е.А. Нахимовой, это определение является не совсем точным, поскольку, во-

первых, прецедентные феномены, как правило, знакомы далеко не всем представителям национально-лингво-культурного сообщества, что Е.А. Нахимова убедительно доказывает в своем исследовании; а, во-вторых, невозможно совершенно точно определить, сколько раз то или иное высказывание должно быть зафиксировано в текстах, чтобы стать «постоянно возобновляемым» (В.В. Красных). Поэтому Е.А. Нахимова предлагает, на ее взгляд, более корректное определение: «Прецедентные феномены – это феномены, 1) известные значительной части представителей лингво-культурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым обнаруживается в речи представителей соответствующего лингво-культурного сообщества» [Нахимова 2004: 173; Нахимова 2008: 168]. Понимание термина «прецедентные феномены» в данном исследовании основывается именно на этом определении.

Поскольку прецедентные феномены являются единицами, известными преимущественно представителям данного лингво-культурного сообщества, то их использование индивидом автоматически причисляет его к данному лингво-культурному сообществу. В этом ключе имеет смысл обратить внимание на *пример 7*, в котором приводится выдержка из «Декларации независимости» США. Данный отрывок представляет собой одну из разновидностей прецедентных феноменов, а именно, прецедентный текст (законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу [Красных 2002: 68]), и был взят из одной из речей Б. Обамы. Ссылки на другой не менее известный и важный политический документ, тем не менее, обнаруживаются и в автобиографических книгах политика:

(38) And those like Lincoln and King, who ultimately laid down their lives in the service of **perfecting an imperfect union** [Obama 2006: 212].

В данном случае словосочетание «**imperfect union**» отсылает к следующим словам из Конституции Соединенных Штатов Америки: «We the people of the United States, in order to form a more **perfect union**» [The United States Constitution].

В этом же примере отсылка к Линкольну и М.-Л. Кингу (And those like **Lincoln** and **King**) представляет собой не что иное, как использование другой разновидности прецедентных феноменов, а именно, прецедентного имени (индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относимым к прецедентным (например, *Печорин*, *Теркин*), или с прецедентной ситуацией (например, *Иван Сусанин*) [Красных 2002: 48]).

Многочисленные аналогичные ссылки на прецедентные имена в большом количестве

можно найти и в политических выступлениях Обамы.

(39) This primary season may not be over, but when it is, we will have to remember who we are as Democrats – that we are the party of **Jefferson** and **Jackson**; of **Roosevelt** and **Kennedy**; and that we are at our best when we lead with principle; when we lead with conviction; when we summon an entire nation around a common purpose – a higher purpose [Obama 2008-d].

Более того, в некоторых примерах можно найти одновременно и прецедентное имя, и прецедентный текст. В *примере 40* «Lincoln» выступает как прецедентное имя, а его знаменитые слова – как прецедентный текст.

(40) As **Lincoln** said to a nation far more divided than ours, “**We are not enemies, but friends... though passion may have strained it must not break our bonds of affection**” [Obama 2008-c].

Таким образом, использование прецедентных феноменов в политическом дискурсе является дополнительным инструментом сближения с американским лингво-культурным сообществом, поскольку одной из основных функций прецедентных феноменов является как раз парольная функция [Иванова 2006: 72]. Другими словами знание и использование прецедентных феноменов позволяет Б. Обаме не выглядеть «коммуникативным чужаком» в глазах представителей американского лингво-культурного сообщества, что, разумеется, положительно сказывается на его имидже.

Важным представляется также обратить внимание на использование Обамой личных местоимений. С их помощью он искусно прорывает любые преграды между собой и слушателем.

(41) I offer no unifying theory of American government, nor do these pages provide a manifesto for action, complete with charts and graphs, timetables and ten-point plans. Instead what I offer is something more modest: personal reflections on those values and ideals that have led **me** to public life, some thoughts on the ways that our current political discourse unnecessarily divides **us**, and **my** own best assessment – based on **my** experience as a senator and lawyer, husband and father, Christian and sceptic – of the ways **we** can ground **our** politics in the notion of a common good» [Obama 2006: 8].

Очевидно, что референтная отнесенность местоимений в данном отрывке отличается. Соответственно, различия и семантический объем данных единиц. Необычным является то, что такая резкая смена семантических объемов происходит в микротексте, то есть крайне непродолжительном контексте, абсолютно без каких-либо указаний на то, кто включается в семантический объем данных местоимений. Тем не менее, из того же контекста становится ясно, что местоимения «I», «my», «me» в данном случае относятся к говорящему, то есть Б.

Обаме. В то же время, местоимения «us», «we», «our» включают в себя не только Б. Обаму и его семью, но всю нацию целиком. Представляется, что благодаря такой резкой, но вполне естественной смене семантических объемов местоимений Б. Обама получает возможность максимально сблизиться со слушающей аудиторией, став ее частью.

Таким образом, результатом включенности автобиографических очерков в политический дискурс Б. Обамы является слияние политика со слушающей аудиторией, тесная интеграция в американское общество (что проявляется, например, с помощью искусного использования местоимений), американскую действительность и даже американскую историю (прецедентные феномены).

Подводя итог, имеет смысл повторить, что цель данной статьи состояла в попытке исследовать тематическую включенность автобиографических очерков 44 президента США Б. Обамы в его политический дискурс как способ завоевания популярности. В свете проведенного выше анализа, утверждение английского философа о том, что политический дискурс Обамы построен на его автобиографии, представляется более чем обоснованным. Из настоящего исследования можно с полной уверенностью заключить, что названная автобиографичность является неотъемлемой чертой политического дискурса Барака Обамы. И многочисленные ссылки на изданные автобиографические книги (так же как и ссылки на публичные выступления в книгах), примеры из личной жизни, автобиографические экскурсы и особенно общность рассматриваемых в книгах и в выступлениях тем (что очевидно из проведенного выше сравнительного анализа) подтверждают это.

Очевидно, что благодаря такой необычайно тесной связи между биографией президента и его политическим дискурсом, Б. Обама получает возможность сблизиться со слушающей аудиторией, стать ее частью, сделав свою биографию биографией любого американца, дав понять, что он – часть американской нации, один из американцев.

ЛИТЕРАТУРА

Иванова С.В. О парольной функции прецедентных феноменов // Языковые и речевые единицы в разных языках. 2006. С. 71-81.

Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002, 284 с.

Нахимова Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. 2004. Том 13. С. 166-173.

Нахимова Е.А. Интертексты, прецедентные имена или метафоры? // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 2. С. 118-123.

Садуов Р.Т. Графическая литература как составляющая американского политического дискурса // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 3 (29). С. 101-109.

Садуов Р.Т. Использование музыкального видеоклипа как специфическая характеристика политического дискурса Барака Обамы // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 2 (32). С. 135-142.

Critchley S. Barack Obama and the American Void: видеолекция // URL: www.fora.tv/2008/09/18/Branding_Democracy_Barack_Obama_and_the_American_Void (дата обращения: 07.07.10).

Finding Political News Online, the Young Pass It On // The New York Times. URL: www.nytimes.com/2008/03/27/us/politics/27voters.html?_r=4&hp=&adxnl=1&oref=slogin&adxnlx=1206666163-YpoMNe/u2DIXJ6Q+JgPILQ (дата обращения: 07.07.10).

Obama B. Dreams from My Father: A Story of Race and Inheritance. – Three Rivers Press, 2004. 453 с.

Obama B. Keynote Address 2004 Democratic National Convention on July 27, 2004-a // URL: www.gwu.edu/~action/2004/demconv04/obama072704spt.html (дата обращения: 07.07.10).

Obama B. The Audacity of Hope: Thoughts on Reclaiming the American Dream. – New York: Crown Publishers, 2006. 362 с.

Obama B. Presidential Announcement February 10 2007 // URL: www.obamaspeeches.com/099-Announcement-For-President-Springfield-Illinois-Obama-Speech.htm (дата обращения: 07.07.10).

Obama B. Potomac Primary Night Madison, WI February 12, 2008 // URL: www.obamaspeeches.com/E03-Barack-Obama-Potomac-Primary-Night-Madison-WI-February-12-2008.htm (дата обращения: 07.07.10).

Obama B. A More Perfect Union “The Race Speech” on March 18, 2008-a // URL: www.obamaspeeches.com/E05-Barack-Obama-A-More-Perfect-Union-the-Race-Speech-Philadelphia-PA-March-18-2008.htm (дата обращения: 07.07.10).

Obama B. The American Promise Acceptance Speech at the Democratic Convention on August 28, 2008-b // URL: www.obamaspeeches.com/E10-Barack-Obama-The-American-Promise-Acceptance-Speech-at-the-Democratic-Convention-Mile-High-Stadium--Denver-Colorado-August-28-2008.htm (дата обращения: 07.07.10).

Obama B. Election Night Victory Speech Grant Park on November 4, 2008-c // URL: www.obamaspeeches.com/E11-Barack-Obama-Election-Night-Victory-Speech-Grant-Park-Illinois-November-4-2008.htm (дата обращения: 07.07.10).

Obama B. North Carolina Primary Night Raleigh, NC May 6, 2008-d // URL: www.Obama-speeches.com/E08-Barack-Obama-North-Carolina-Primary-Night-Raleigh-NC-May-6-2008.htm (дата обращения: 07.07.10).

Obama B. Obama Inaugural Address on 20th January 2009 // URL: www.obamaspeeches.com/P-Obama-Inaugural-Speech-Inauguration.htm (дата обращения: 07.07.10).

Obama B. Obama Calls For New Energy Policy, January 26, 2009-a // URL: www.cbsnews.com/blogs/2009/01/26/politics/politicalhotshot/entry4753446.shtml?tag=contentMain;contentBody (дата обращения: 07.07.10).

Obama B. Obama Remarks At Stimulus Signing February 17, 2009-b // URL: www.cbsnews.com/blogs/

2009/02/17/politics/politicalhotsheet/entry4807704.shtml?tag=contentMain;contentBody (дата обращения: 07.07.10).

Obama B. Obama's Speech To Congress on February 24, 2009-c // URL: www.cbsnews.com/stories/2009/02/24/politics/main4826494.shtml?tag=contentMain;contentBody (дата обращения: 07.07.10).

Obama B. Obama's Remarks On Education on March 10, 2009-d // URL: www.cbsnews.com/blogs/2009/03/10/politics/politicalhotsheet/entry4855902.shtml?tag=contentMain;contentBody (дата обращения: 07.07.10).

Obama B. Obama's Strasbourg Remarks April 3, 2009-e // URL: www.cbsnews.com/stories/2009/04/03/politics/100days/worldaffairs/main4918137.shtml?tag=contentMain;contentBody (дата обращения: 07.07.10).

Obama B. Obama And Calderon In Mexico City on April 16, 2009-f // URL: www.cbsnews.com/stories/2009/04/17/politics/main4952650.shtml?tag=contentMain;contentBody (дата обращения: 07.07.10).

2009/04/17/politics/main4952650.shtml?tag=contentMain;contentBody (дата обращения: 07.07.10).

Obama B. Obama's Remarks On Mortgage Crisis February 18, 2009-g // URL: www.cbsnews.com/blogs/2009/02/18/politics/politicalhotsheet/entry4809296.shtml?tag=contentMain;contentBody (дата обращения: 07.07.10).

Organizing for America Blog // URL: www.barackobama.com/index.php?splash=false (дата обращения: 07.07.10).

The United States Constitution // U.S. Constitution Online // URL: www.usconstitution.net/const.html (дата обращения: 07.07.10).

What Makes Obama a Good Speaker? // The New York Observer. URL: www.observer.com/2008/what-makes-obama-good-speaker# (дата обращения: 07.07.10).

© Садуов Р.Т., 2010

Цыцулина С.Г.

Набережные Челны, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ

ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АГОНАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

УДК 808.53

ББК Ш100

Аннотация. В статье раскрывается специфика реализации образа политического деятеля через призму особого рода метафоры, характерной для агональной коммуникации, риторики борьбы. Наряду с традиционными агональными войной и спортом, такие сферы человеческой деятельности, как медицина, музыка, цирк также становятся источниками агональной метафоры, репрезентирующей деятельность политика и его окружения.

Ключевые слова: агональная коммуникация; неориторика; новая живая риторика; агон; логос; этос; пафос; метафора.

Сведения об авторе: Цыцулина Светлана Георгиевна, соискатель, старший преподаватель кафедры иностранных языков.

Место работы: Набережночелнинский филиал Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

Контактная информация: 423831 р. Татарстан, г. Набережные Челны, пр. Х. Туфана, д. 46 (42/07), кв. 126.
e-mail: svetstream@yahoo.com.

Tsytsulina S.G.

Naberezhnye Chelny, Russia

POLITICAL FIGURE

THROUGH THE PRISM OF AGONAL METAPHOR

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.04

Abstract. The article discloses the specific features of representation of a political figure via the prism of a special kind of metaphor which is characteristic of agonal communication (neo-rhetoric, new lively rhetoric). Alongside traditionally agonal war and sports, such spheres of human activity as medicine, music, circus also become the source of agonal metaphor representing a political figure and their milieu.

Key words: agonal communication; neo-rhetoric; new lively rhetoric; agon; logos; ethos; pathos; metaphor.

About the author: Svetlana Tsytsulina, applicant for a degree, senior tutor of foreign languages department.

Place of employment: Naberezhnye Chelny branch of Nizhny Novgorod State Linguistic University.

Предметом данного исследования является реализация принципов агональной коммуникации (далее АК) в современном англоязычном газетном дискурсе. Ранее автором была описана специфика реализации классических коммуникативных стратегий через призму АК. Цель настоящего исследования – рассмотреть специфику реализации метафорических моделей в агональной риторике газетного дискурса. Достижение указанной цели предполагает решение ряда задач: 1) определение понятия АК и выделение специфики АК как новой «живой» риторики); 2) рассмотрение понятия концептуальной метафоры; 3) выявление метафорических моделей; 4) определение специфики концептуальной метафоры при описании политического деятеля в рамках АК.

Цель и задачи исследования обусловили комплексное использование различных методов исследования: метода структурно-содержательного наблюдения, контекстологического метода, метода прагматического анализа и сквозного текстового анализа. В качестве материала исследования использовались публикации в качественных газетных изданиях США (*LA Times, Newsweek, USA Today*).

АК – это новая разновидность риторики, иначе также известная как живая риторика, или неориторика. Термин происходит от греч. *агон* «борьба, состязание» [Агон] и отражает дух соперничества, присущий АК как коммуникации борьбы. АК представляет собой свойство дискурса выражать дух соперничества, при котором, достигается максимальный контакт с адресатом за счёт взаимозамены параметров риторического воздействия, актуализации неис-

пользованных семиологических ресурсов языка, глубокого анализа исследуемого вопроса, а также экспликации целей говорящего [ср. Шатин 2000].

Основными отличиями АК от классической риторики являются смешение логоса, этоса и пафоса, конструирование на основе семиологических ресурсов языка новых выражений [Шатин 1996], необходимость решения изобретательной задачи [Шатин 2000]. Кроме того, ведущим признаком АК является защита как формообразующий элемент. Защита понимается широко, как попытка отстоять собственные взгляды и убеждения, а также повлиять на мнение адресата, изменив его суждения.

В западной лингвистике теоретические положения АК разрабатывали Р. Барт, А.Ж. Греймас, Ж. Женетт, К. Бремон, Ц. Тодоров, Ж. Деррида [Неориторика]. В России основными исследователями живой риторики являются Ю.В. Шатин, Е.А. Гончарова, А.К. Михальская, Н.А. Купина, Ю.В. Рождественский, О.С. Иссерс и др. [Чернявская 2006: 24].

В газетном дискурсе как разновидности АК значительную роль играет метафора как способ структурирования сознания и донесения агональной идеи до адресата-читателя. Как «орудие мышления» [Ортега-и-Гассет 1990: 68] агональная метафора удачно сочетает в себе основные параметры риторического воздействия – как правило, пафос (эмоциональная составляющая аргументации) и логос (её рациональный компонент). Как указывает Макс Блэк, «понимание метафоры подобно дешифровке кода или разгадыванию загадки» [1990: 159]. Этим и объясняется её частотное употребле-

ние в газетном дискурсе как разновидности АК: журналист стремится захватить читателя, вводя интригу, загадку, образ, имеющий несколько толкований. Метафора часто бывает неоднозначна. Это особенно важно для агонального коммуниканта, так как он стремится быть полностью понятым лишь немногими [ср. Шатин 1996]. Помимо того, что метафора является украшением [Блэк 1990: 160], она также является идеальным средством резюмирования основной мысли статьи – способствуя не только её компактному выражению, но и долговременному удержанию в памяти адресата.

подавляющее большинство метафор в речи носителей языка можно распределить по основополагающим метафорическим моделям. А.Н. Баранов определяет метафорические модели как «тематически связанные поля сигнификативных дескрипторов» [Баранов 2004: 33]. Сигнификативные дескрипторы, в свою очередь, репрезентируют понятия из самых разных семантических полей [Кобозева 2001: 133]. Концептуальные метафоры соотносятся с базовыми концептами, отражают тип мышления и культуры нации и представляют собой модели представления информации о какой-либо сфере деятельности субъекта терминами совершенно иной сферы [Будаев, Чудинов 2008; Керимов 2007]. Метафорические модели, содержащие концептуальные метафоры образуют «когерентные концептуальные структуры более глобального содержания» – когнитивные модели. Последние являются психологическими и когнитивными категориями [Баранов 2003].

Так, три типа метафор, выделяемых А.Н. Барановым – конфликтные, органистические и конструктивные – можно назвать когнитивными моделями, поскольку преобладание того или иного типа метафор свидетельствует об особенностях мышления говорящего: конфликтные метафоры (войны, состязания, спорта) указывают на кризисное мышление, в отличие от органистических (растение-дерево, организм), которые свидетельствуют о созидательном характере мыслительной деятельности, конструктивные метафоры (механизм, строение) свойственны рациональному типу мышления [Баранов 2001: 574].

Для АК как риторики борьбы наиболее характерны метафоры из сфер жизнедеятельности человека, напрямую связанных с соперничеством, а именно метафоры войны и спорта. Однако немаловажную роль играют также метафоры, родом из мирных сфер жизнедеятельности человека, традиционно лишённых элемента конкуренции: медицины, музыки, цирка, семьи.

В настоящем исследовании интерес представляет то, какую роль агональная метафора играет в защите журналистом своих убеждений, как она помогает ему защищать того политика, чьи взгляды он разделяет. Для анализа способов репрезентации политического деятеля по-

средством агональной метафоры был выбран лауреат Нобелевской премии мира, нынешний президент США Барак Обама, его администрация и Демократическая партия США, которую он возглавляет.

В защите политического деятеля агональный коммуникант прибегает к ключевой для АК *конфликтной модели*, представленной, в первую очередь, **метафорой войны**:

«Indeed, it's critical in tough times that the president *appear in charge* and that he be presidential as *persuader-, reassurer- and consoler-in-chief* both abroad and at home». (Obama's First Year: A Good Start If Only a Start, Los Angeles Times, Op-Ed) Метафора рисует президента в образе военачальника. Собственно, Барак Обама, и есть главнокомандующий США. Однако этот факт обыгрывается и оживляется автором, так как в повседневной жизни, когда война идёт где-то далеко, обычный житель не осознаёт, что президент страны является главнокомандующим её армии. Сначала агональный коммуникант упоминает этот факт, указывая на то, что в критической ситуации Барак Обама действительно повёл себя как лицо, занимающее ведущее положение в стране: *in charge = in command*. Его следующий шаг – оживление этого образа при помощи градирующих окказионализмов, построенных по аналогии с лексемой *commander-in-chief* «главнокомандующий» (*persuader-, reassurer- and consoler-in-chief*).

«As the president and his team push forward with what they promise is one final drive for passing health care reform, and the Republicans *dig in* feverishly for what they promise is one final effort to defeat it, we can now see the real subject of this *marathon* political drama». (The Future of Capitalism, USA Today, Op-Ed) Автор вскользь упоминает «окапывающихся» республиканцев, но, несмотря на свою краткость, этот пример военной метафоры очень точно передаёт суть отношений между двумя политическими партиями страны, обострившихся в виду затянувшейся процедуры принятия законопроекта реформы здравоохранения. Как это часто бывает, метафора войны дополняется и усиливается метафорой из ближайшей по степени агональности сферы человеческой деятельности – спорта. При этом последняя делает акцент не столько на факторе времени, сколько на возрастании степени утомления участников марафонского забега по мере того, как он близится к завершению.

«...things will be a lot worse if they [Democrats] have to *run under the banner* of a failed president». (A Losing Strategy, Newsweek) Со знаменем бегут атакующие. Невозможно атаковать тому, кто уже проиграл. Таким образом, автор даёт понять, что демократы как солдаты армии президента заведомо проиграют все собственные сражения, если не поддержат лидера в его личной битве.

«It's important for Democrats to get serious, not just about the right policy prescriptions but

about *girding* themselves for *battle* against a formidable, disciplined adversary». (1965 All Over Again?, Newsweek) Статья очень плотно насыщена военными метафорами, которые не столько передают агональный характер политической борьбы, сколько имеют цель настроить как демократов, так и их лидера (пример далее) на эту борьбу – серьёзную схватку с противником – и не одну. Автор пророчит войну и от всей души желает, чтобы демократы её выиграли и не обращали внимания на мелкие поражения, если они возникнут: «But as Roosevelt learned when the court struck down big chunks of the New Deal, signing legislation is often just the beginning of the *fight*. While he lost the *battle* over his court-packing scheme, he won the *war* over the constitutionality of his program».

Метафора спорта занимает вторую позицию. Из различных видов спорта при репрезентации политического деятеля агональный коммуникант отдаёт предпочтение командным игровым (американский футбол), одиночным, связанным с опасностью для жизни (парашютный спорт, прыжки в воду) и высоко конкурентному бегу:

«Obama's First Year: A Good Start If Only a Start» (Los Angeles Times, Op-Ed) Название статьи содержит спортивную метафору: Барак Обама уподобляется легкоатлету, который начал забег на длинную дистанцию. Автору важно подчеркнуть, что год его президентства – это только начало, что дистанция длинная, возможно, марафонская. С учётом этих факторов, Б. Обама «бежит» совсем неплохо.

«Progressives are so dispirited – and, like the rest of the country, so sick of talking about sick people – that they can't wrap their heads around the reality that this is the Big One, *the Super Bowl, for all the marbles*». (A Losing Strategy, Newsweek) Метафоры спортивной игры *the Super Bowl, (to go) for all the marbles* иллюстрируют возможность комбинировать различные виды метафор для усиленного воздействия. Игра и спорт как явления, основанные на конкуренции, каждое само по себе способно передать дух борьбы. Феномен обращения не к одной спортивной игре, но к двум видам свидетельствует о высокой степени агональности материала.

«If the election results close one *door* to reforming the health-care system, you go to the *gate*; if the gate's locked, you climb over the *fence*; if it's too high, you *pole-vault* in; and if that doesn't work, you *parachute* in». (Chairwoman of the Old Boys' Club, Newsweek) Расширенная метафора раскрывает принцип достижения цели спикером Палаты представителей, демократом Нэнси Пелосу. Для неё проблема – это сооружение, в которое надо проникнуть, чтобы завладеть им. В тех случаях, когда она не может проникнуть в него обычным путём, она использует нестандартные пути, атакует, но добивается своего. В приведённом примере – по мере того как проблема становится неприступнее – метафора

сооружения уступает место метафоре спорта, при этом спортивное состязание выступает как исключительно агональный символ борьбы и достижения цели.

«Governing is a *muscle*, too, that requires flexing for peak performance». (1965 All Over Again?, Newsweek) *Flex one's muscle*: играть мускулами, демонстрировать силу. Спортивной метафорой (точнее квазитождеством), истинность которой доподлинно известна всем, автор пытается донести до президента и его соратников мысль о том, что успех *Obamacare*, если его повторять снова и снова, больше не будет даваться с таким трудом и принесёт ещё более ощутимые результаты.

Цирковое представление, как правило, содержит в своей программе немало опасных и сложных номеров. В связи с этим, **метафора цирка** довольно частотна при описании деятельности президента. Метафора цирка относится к сферам деятельности человека, как правило, лишённым элемента борьбы. Однако традиционное положение вещей и АК имеют мало общего:

«What we do know is that Obama has worked hard to *juggle*, manage, experiment and just maybe set in motion what the great sociologist Max Weber described as "proximate solutions to insoluble problems"». (Obama's First Year: A Good Start If Only a Start, Los Angeles Times, Op-Ed) На этот раз Б. Обама предстаёт в образе жонглёра, в руках которого роль мячиков для жонглирования выполняют его отчаянные попытки разрешить сложные проблемы американской экономики эпохи мирового финансового кризиса. Цитата из Макса Вебера, указывая на непростой характер деятельности президента, дополняет образ, созданный метафорой, включая в него такие компоненты как сложность процесса жонглирования, необходимость мысленной концентрации и сила воли, обязательные для того, чтобы процесс пришел в действие ("set in motion"), осуществился.

Агональный коммуникант использует **медицинскую метафору** для репрезентации созидательной деятельности президента:

«The president has stopped the *economic bleeding*...». (Obama's First Year: A Good Start If Only a Start, Los Angeles Times, Op-Ed) Барак Обама облекается в созидательный образ врача скорой помощи. Метафора имеет двойную функцию: подчёркивает как катастрофическое положение страны в начале финансового кризиса, так и созидательную роль президента в его разрешении.

Метафора музыки, исходя из самого названия модели, передаёт гармоничность деятельности президента:

«...the president's *orchestration* of relief to victims of the recent earthquake in Haiti makes Americans feel proud». (Obama's First Year: A Good Start If Only a Start, Los Angeles Times, Op-Ed) Данная метафора относится к сфере музыки

только по своему происхождению. Её основная цель – показать, что президент взял на себя основные функции по организации помощи пострадавшим в Гаити. В кризисной ситуации он ведёт себя, как подобает главе государства. Однако цель музыкальной метафоры не только представить Барака Обаму в образе дирижёра – главы оркестра, но и подчеркнуть гармоничный, сбалансированный характер его деятельности в этой роли.

Метафора семьи. Помимо крупных событий, таких брак или помолвка, семейные отношения складываются также из менее заметных, но не менее важных действий, одним из которых является ухаживание: «...the president would woo back some of the independents that he lost during the healthcare reform fight». (Obama, the GOP, and John Paul Stevens' Supreme Court Retirement, U.S. News & World Report) Метафора *fight* указывает на чрезвычайно острую борьбу, развернувшуюся в Конгрессе по поводу реформы здравоохранения. Президенту необходимо принять как данность, что у этой войны были свои «жертвы» – восстановить союз с которыми можно только при помощи особого аккуратного отношения к ним, такого, которое можно сравнить с ухаживанием.

Как уже отмечалось, **зооморфная метафора** имеет значительный потенциал в АК, который реализуется нестандартно при описании деятельности политика – акцент в зооморфной метафоре делается не на животном, но на человеке, пытающемся его укротить:

«...the administration used both *sticks and carrots*». (A Victory for Obama, Newsweek) В отличие от русского выражения «метод кнута и пряника», английское этимологически восходит к приручению животных. Таким упрямым животным, сложно поддающимся приручению и дрессировке, стал для администрации США Пакистан с его правящей военной верхушкой. Только используя всевозможные средства влияния, администрация Барака Обамы смогла добиться прогресса в отношениях с этой страной.

«President Barack Obama, who rescued health care reform from the brink of extinction by plunging into the debate with his own plan, is setting his sights on something even more daunting than *corralling a herd of congressmen*». (The Heavy Lifting, Chicago Tribune) Президент предстаёт в весьма привлекательном образе пастуха. Его непосредственное вмешательство в проведение через Конгресс законопроекта реформы здравоохранения уподобляется загону стада в стойло. Это сильный образ, поскольку наделяет президента особыми способностями: управлять свободными людьми, а тем более конгрессменами, как стадом животных редко кому под силу.

Таким образом, в агональной зоометафоре важен не образ животного, а то, что с ним может сделать агенс, являющийся агональным деятелем.

Среди метафор **конструктивной модели** при описании деятельности политического лидера ведущую роль играет **метафора транспортного средства**:

«As the first African American president, he looks to Lincoln; inheriting the worst economic crisis since the Depression, he draws a line to FDR; and on the verge of pushing through huge healthcare reform, he sees LBJ (the master legislator) in *the rearview mirror*». (Obama's First Year: A Good Start If Only a Start, Los Angeles Times, Op-Ed) Метафора представляет президентство Обамы в виде автомобиля, а его самого в образе водителя. Однако эта метафора говорит больше, чем эксплицировано вербально. Она рисует образ 44-ого президента США, который в окружении именитых политиков, уверенно ведёт свой автомобиль. Линкольн даёт ему направление, Рузвельт поддерживает, а Линдон Джонсон вдохновляет на проявление законодательной инициативы.

В метафоре транспортного средства при репрезентации политического лидера особую важность приобретает деятель по сравнению с самим транспортным средством: «He [Barack Obama] might try to *jump-start* Middle East negotiations by offering his own peace plan». (The Heavy Lifting, Chicago Tribune) *Jump-start*: to start the engine of (a car) by pushing or rolling it and then engaging the gears. Одна метафора рисует сразу два образа: автомобиль – это переговоры по урегулированию отношений на Среднем Востоке, которые до сих пор принесли мало плода, и водитель, толкающий этот автомобиль в попытке дать ему импульс – президент США, у которого есть собственное видение проблемы. Для реализации агонального замысла важен именно второй образ – он акцентирует внимание на президенте и его созидательной деятельности на международной арене.

В агональном газетном дискурсе можно проследить использование ряда нетрадиционных метафор, отличающихся своей формой: в результате анализа фактического материала были выделены графическая и градуальная метафоры.

Под **графической метафорой** понимается объёмная визуализация «плоских» объектов, то есть того, что является обыденным и привычным. По своему механизму и эффекту графическая метафора близка приёму оживления стёртой образности.

Так, Аарон Миллер, анализируя деятельность Обамы, «оживляет» всем привычный знак вопроса: «His policies, to be sure, are mostly incomplete, with all the attendant uncertainties and questions. He is indeed still *the question-mark president*. Will the Afghan surge produce enough stability to allow the U.S. an exit, and by when? Will the economic stimulus and jobs packages produce economic growth and reduce unemployment? And will his signature accomplishment –

healthcare – even pass, let alone expand coverage, improve care and reduce costs without bankrupting the country?» (Obama's First Year: A Good Start If Only a Start, Los Angeles Times, Op-Ed).

Собственно метафора является коммуникативным центром всего абзаца. В этой связи все остальные элементы работают на её усиление, а именно: предшествующее ей предложение вводит ключевую лексему *question* в её прямом, неметафоричном значении. Все последующие предложения являются вопросами, иллюстрирующими, доказывающими и обосновывающими правомочность метафоры.

Градуальная метафора выстраивается на базе стилистической градации, либо антиклимакса. При помощи градуальной метафоры агональный коммуникант не только защищает своего президента, но и пробует научить его делать то, чего он еще не умеет: «If Michael Deaver, Reagan's image maestro, were still alive, and working for Obama, he would convert these *glimmers of hope* into "Morning in America"». (Five Things Obama Should Do To Be a Liberal Ronald Reagan, Newsweek) Метафора *glimmers of hope* (это те признаки прогресса экономики и выхода из рецессии, которые начали появляться при Б. Обаме) введена ради того, чтобы затем показать президенту, как можно эту «скромную» метафору подать в более масштабном и вдохновляющем ключе.

Ведя речь о признаках выхода из кризиса, автор статьи **For TARP, Stimulus, Give Democrats and Republicans Credit as Economy Turns** (U.S. News & World Report) использует сильную метафору с тем, чтобы затем заменить её на более скромную: «It may not be *morning in America*, folks, but there sure is a *glow on the eastern horizon*». Антиклимакс в данном случае служит той же цели, что и стандартное употребление мейозиса – передаёт скромность оратора: положительные тенденции в экономике страны он оценивает одобрительно, но сдержанно.

Таким образом, агональная метафора, описывающая деятельность главы государства, работает на укрепление его ведущей позиции, в том числе и как главнокомандующего. При этом акцент агональной метафоры смещается на агенс, независимо от сферы-источника. Стремление решить изобретательную задачу приводит агонального коммуниканта к созданию новых моделей метафоры (химии и музыки), а также её новых форм (графическая и градуальная метафоры).

Исследование особенностей агональной метафоры может быть продолжено в русле выделения и описания новых моделей и форм метафор, создаваемых агональными коммуникантами в поисках решения задачи инновационного подхода в публицистике. Результаты данного исследования могут найти применение не только в лингвистике, но будут интересны также журналистам и политологам.

ЛИТЕРАТУРА

Агон // Литературная энциклопедия. 2004. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/litenc/article/le1/le1-6512.htm>.

Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры и типология метафорических моделей // Международная конференция по компьютерной лингвистике «Диалог 2010». 2003. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Baranov.htm>.

Баранов А.Н. Метафорическая интерпретация понятия «коррупция»: языковые грани онтологизации бессознательного // Текст. Интертекст. Культура. – М.: «Азбуковник», 2001. С. 572-593.

Блэк М. Метафора // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. С. 153-172.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2008. № 3. С. 37-49.

Керимов Р.Д. Текстильные концептуальные метафоры в политическом дискурсе ФРГ // Политическая лингвистика. Вып. 3(23). 2007. С. 96-107. URL: <http://philology.ru/linguistics1/kerimov-07.htm>.

Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. 2001. №6. С. 132-149.

Михалёва О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

Неориторика // Википедия. 2009. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Неориторика>.

Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. С. 68-81.

Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.

Шатин Ю.В. Живая риторика. – Жуковский: LINK, 2000. 80 с.

Шатин Ю.В. Фигура ратора в зеркале семиотики // Дискурс: коммуникация – образование – культура. – Новосибирский государственный университет, 1996. №1. URL: http://www.nsu.ru/education/virtual/discourse1_8.htm.

ABBYU Lingvo 12 Европейская версия. – М., 2006.

© Цыцулина С.Г., 2010

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Алексеева Н.В.
Ульяновск, Россия

«ТАШКЕНТСКИЙ РОМАН» Д. РУБИНОЙ
«НА СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЕ УЛИЦЫ»:
социокультурный феномен Города, рожденного
«ветрами исторических потрясений»

УДК 82-3

ББК Ш 5 (2Рос=Рус)6

Аннотация. Полижанровая природа романа с главенством лирического начала и одновременно с опорой на историческую реальность позволяет Д. Рубиной художественно воссоздать процесс рождения и упадка уникальной, «странной цивилизации», прочно связанной с историческими судьбами России. Из множества композиционно – повествовательных «точек зрения», многоликой зрительно – слуховой и цветовой памяти, интегрального смещения пространственно – временных плоскостей рождается хронотопическое единство Ташкента – реального города в Средней Азии, Города – Вавилона, «Ноева ковчега». Ташкентский миф эстетически увековечен в романе в искусстве живописи, сотворенном авторским искусством Слова.

Ключевые слова: тема – образ, память, социум, толерантность, хронотоп, «точки зрения»

Сведения об авторе: Алексеева Надежда Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы.

Место работы: Ульяновский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 432700, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, 4. Кафедра литературы.

e-mail: vladimir@4unet.ru.

Alekseeva N.V.
Ulianovsk, Russia

TASHKENT NOVEL
«ON THE SUNNY SIDE OF THE STREET»
BY D. RUBINA:
the social and cultural phenomenon of the City born
by “the winds of historic upheavals”

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The multigenre nature of the novel and the predominance of the lyrical in it, combined with the realistic picture of history, are the main features of D. Rubina's imaginative reconstruction of the birth and decline of a unique “strange civilization” inseparably connected with the history of Russia. The spatiotemporal unity of Tashkent, the real Central Asian city, a Babylon-resembling city, “Noah's Ark” is created by means of narrative patterns representing various “points of view”, multifaceted visual, auditory and colour memories, the integral shift of time-and-space picture planes. By asthetical means D. Rubina, a remarkable artist of words, creates her own monumental myth, myth of Tashkent.

Key words: topic-image, memory, social, tolerance, time- and- space, “points of view”.

About the author: Alexeeva Nadezhda Vasiljevna, professor, Literature Department of, Doctor of Philology.

Place of employment: Ulyanovsk State Teacher Training University.

Главенство темы Города в романе абсолютно. «Воскресить образ города моего детства и юности» – заявлено в предисловии (129), а в конце романа (гл. 32) автор существенно уточняет, расширяет, формулирует ее как «тему ...города – романа» (412. – *Выделено мною.* – Н.А.) И, что особенно важно, появляется эта формулировка в соотнесении с «другим» городом – Иерусалимом, одним из Вечных Городов, где вершились исторические судьбы народов. Не учитывать этого обстоятельства в нашем исследовании, мы безусловно не имели права.

Уже в первых критических откликах на роман были высказаны различные суждения о его жанровой природе. «Мемуаром» назвал роман В. Курбатов, «поэмой» – В. Муратханов [Курбатов 2008: 202; Муратханов 2008: 179]. С таким же успехом в нем можно увидеть жанровые приметы романа – эссе (столь избирательно и субъективно обращается автор с материалом) или роман в романе (художественный феномен Веры Щегловой, творимый автором по законам поэтики ассоциаций). Возможны и другие варианты, ибо в данном случае мы имеем дело с «открытым», «неканоническим» типом романа.

Полижанровая природа определяет сложность и неоднозначность композиционной структуры произведения. На внешнем, формальном уровне в романе есть все компоненты классической структуры: посвящение («Родителям»), предисловие (благодарственное слово землякам), три части с эпиграфами, эпилог, тоже с эпиграфом. Нет пролога? Но его функцию выполняет «затакт» Части первой романа. Отделенный визуально с помощью курсива и пробельного поля от эпиграфа и основного текста, он оказывается в сильной текстовой позиции, эстетически нагруженной. Прием анафорического негативизма, на котором выстроен пролог, ритмически организует и эмоционально окрашивает исповедальное слово автора. Многократно повторенное, как заклятие, отрицание («Я позабыла тот город... Не помню названия улиц... Я не помню лиц соучеников... Я не помню, не помню, не помню!» [Рубина 2008: 131] (*В дальнейшем цитаты в тексте даются по данному изданию с указанием стр. в скобках*), достигнув предельного, едва ли не эпатажного отречения, неожиданно заканчивается ностальгически вырвавшимся вздохом – вопросом: «В

Ташкент?..» В этом кажущемся противоречии – неоднозначность, двойственность, спонтанность авторской мысли, непредсказуемой и прихотливой, как и сама память. Исповедальный «затакт» в качестве пролога задает, таким образом, тон, настрой произведения, определяет главенство в нем лирического начала.

Трехчастное деление оказывается условным, ибо главы не связаны между собой ни хронологической последовательностью («И нет мне дела до хронологии этого повествования» (302)), ни причинно – следственными связями. Реальная архитектура романа – свободная, фрагментарно – мозаичная, прерывистая, с постоянным смещением пространственно – временных плоскостей, каждая из которых имеет свою образно – смысловую структуру.

Теме-образу Города отведена большая часть текстового пространства романа. Мемуары в нем – лишь одно из слагаемых многослойного и многосоставного образа Ташкента, который слагается из ряда смещенных в пространстве и времени пластов.

Первый, лежащий на поверхности, – естественно – природный и культурно – этнографический пласт. Он возникает из стереоскопического наложения «картинок» памяти автора – персонажа, его близких (отца и матери) и бывших ташкентцев, в разные годы покинувших город и разбросанных по белу свету. У каждого свидетеля – свой «голос», свой город, свой Ташкент, – «роман своей жизни» (144). У одного, бывшего в Ташкенте только в детстве, в эвакуации, покинувшего город шестьдесят пять лет назад, – это некий азиатский город, на который «сваливается миллион вшивого, голодного, оборванного люда» (141). Для другого, «лет эдак тридцать» живущего в Сайт – Лайк – Сити, – это почти по-детски трогательная, светлая память о Шейхантауре – «городе в городе», который он «избегал своими босыми ногами вдоль и поперек» (147). И – нескрываемая боль и недоумение, оттого что, вернувшись в город своего детства, он не нашел его – его просто теперь «нет больше ни на одной карте» (147). Для третьей, родившейся в Ташкенте, прожившей в нем всю свою жизнь вплоть до «политических перемен» – это «обаятельный и милосердный город... который всех нас берег и хранил» (265). «Стихийный интернационал, «Ноев ковчег»... Удивить кого – то тем, что ты армянин, айсор, еврей, грек, татарин, уйгур или кореец было трудно» (261). В нем обитали девятью народами – восемь наций и народностей; в нем «ругались, любили, дрались, воровали и праздничали – каждый свои, а заодно чужие – праздники, и плыл он себе в океане вечности, рассекая волны; плыл, неся на своих палубах всю свою живность, всех чистых и нечистых, равных и неравных, а главное, всех, кому в нем было хорошо и кто не помышлял покинуть его, палимые зноем, палубы...» (264). Но всем им и сегодня «снятся и снятся»: «розовые корни де-

ревьев, шепот арыков, нежный шелк струящихся в воде водорослей», «платаны, карагачи, тополя» (265), «первые маки под еще свежим ветерком» (145), «какая-нибудь мелодия с заезженной пластинки Теодоракиса или Хадзидакиса» (407).

В реальном времени детства и юности автора и «голосов унесенных ветром» Ташкент, его природное пространство, его «лик» изображены объемно, ярко. Он воссоздан в потоках солнечных световых ливней и «эмалевом блеске высокого неба в кронах платанов и тополей». В «музыке улиц», с разрозненными звуками, голосами, припевками, певучими зазывалками: молочниц («Моль-ле-коу! Кислий – пресний мол-ле-ко-у!»), старьевщика; стекольщика или точильщика («всплеск солнца, стекающего с плеча на землю по квадрату стекла; огненный пересверк и брызги фиолетовых искр с лезвия точимого ножа...»); продавца «Джя–аренный кокруз!»; «беспредельного ангельского шатра «Джа-ама-а-а-ай-ки!» (159). А еще – «бесконечный лабиринт переулков, тупиков, бесчисленного множества узбекских дворов» (145); арыки, по которым «просто бежала вода в глиняных бережках. И поливали улицу этой водой, и прохлада от нее шла. И конечно, в ней играли дети» (260). Сквер Революции, «последние старики в зеленых чалмах», сидящие под дувалами, и «старые узбечки, носившие паранджу» (257). «Ну, и чайханы на каждом шагу». А местные «знаменитости»: «женщина – гигант», баскетболистка Рая Салимова, стилиста Хасик Коган, «мужик в женских шальварах из хан-атласа» Маруся...

А «легендарный и грандиозный» – Алайский базар!

«Кто только на нем не торговал!

Поволжские немки из высланных...

Сморщенные пожилые корейки...

Красавцы как один – турки – месхетинцы...

Издаেকে душно благоухали прессованные кубы

багряных и желтых сушеных дынь...

Россыпью драгоценных камней сверкали ряды сухофруктов...

А оранжево – глянцевые кулаки первой хурмы,

А горы багровых... гранатов...

А бледно – желтые плешивые... плоды айвы!

А тяжелые влажные кирпичи халвы – золотистой кунжутной, охристой маковой, урючной...

да и бог еще знает – какой!» (311-312)

Легко узнаваемы и культурно – бытовые приметы времени. Пионерская зорька и утренняя гимнастика по радио, одежда, косметика, прически, танцы в ОДО – «под «Брызги шампанского», «Утомленное солнце», «Дождь идет»... Под «Рио-Риту»... (222), фильмы с Ив Монтаном, Симоной Синьоре; Робертино Лоретти, Има Сумак... За всем этим – не только

жизнь Ташкента, а эпоха советских 40-50 годов в целом.

При всей разнохарактерности и разностильности воспоминаний о городе своего детства и юности «бывшешашкентских скитальцев», автора-персонажа и автора-повествователя в том числе, роднит неизгладимая память о «солнечности» Ташкента, «солнечной стороне улицы» прожитой в нем когда – то жизни. «Сколько за плечами осталось – Саратов, Москва, десятки городов... Вот сейчас и до конца – Марбург, а я и до сих пор, стоит только закрыть глаза, так и представляю...высоченные кроны чинар сплетаются над головою в зеленый солнечный тоннель...» (142); уже упоминаемые потоки солнечных световых ливней и эмалевый блеск высокого неба, которые живут в памяти автора. И даже у самого непримиримого критика «Потерянного рая», когда в его присутствии произносят имя Ташкент, «в памяти возникает гул проснувшихся горлинок за окном. Помните этих, нежно – фиолетовых, словно с византийских мозаик сошедших птичек?... Нигде не слышал такой гурлеж, каким полоскали горлышки ташкентские горлинки... Я, когда устаю и долго не могу заснуть, пытаюсь вызвать в слуховой памяти этот баюкающий безмятежный звук...и если удастся, – если, говорю, удастся! – то засыпаю тогда как младенец...» (408).

Именно в зрительной и слуховой памяти зарождается метафора города-солнца. Не утопического города Кампанеллы, а исторического реализованного цветаевского образа «странноприимного дома» («Москва! Какой огромный / Странноприимный дом! / Всяк на Руси – бездомный. / Мы все к тебе придем») [Цветаева: 63], ставшего в разные годы для обездоленных, отверженных, лишенных крова не просто пристанищем, а «солнечной стороной улицы» их жизни. Заглавие, которое поначалу воспринималось едва ли не как парадоксальное по отношению к развернутому автором драматическим картинам жизни коренных ташкентцев, к трагическим судьбам людей, занесенных ветрами истории, начинает обретать характер символической метафоры. Она набирает силу и полноту звучания по мере того, как в процессе синтеза разноуровневых плоскостей, «интегрального смещения планов» (термин Е. Замятина) обнаруживаются единые точки схождения. Из множества композиционно-повествовательных «точек зрения», то диссонирующих, то обретающих согласие, и оформляется итоговая (в тексте – финальная) авторская концепция темы – города Ташкента как солнечного Города-Дома

«Из дому надо выходить с запасом тепла... – мне до сих пор тепло ...

Солнечное свечение дня ... Солнечная, безлюдная сторона улицы ... карагачи, платаны, тополя – в лавине солнечного света.

Мне до сих пор тепло» (456).

Социокультурное пространство Ташкента, пространство человека и его окружения, веками

формировалось «ветрами исторических потрясений», не единожды пронесившимися над государством российским. Это собственно романтический пласт, художественно сотворенный писателем с опорой на историческую реальность.

Феномен Города заключался в том, что «множество непростой штучной публики» прибывало к нему «волнами разных штормов» (406). «Новоиспеченные иностранцы, закончившие Оксфорды – Кембриджи» и не сумевшие «пробить Московско – Петербургскую стену... основали тут целые династии врачей и ученых»; «отсидевшие срок зека, которым заказано было вернуться в столицы», оседали здесь, преподавали языки и прочие науки; эвакуированные писатели, кинематографисты, актеры, ученые и просто нормальные грамотные люди, которые оказались здесь по воле исторического «случая», – все они, «целительно присутствуя в пространстве», повысили «уровень интеллигентности на душу населения» (407).

Центром, вокруг которого собирается в романе эта непростая, «штучная» публика, является Михаил Лившиц, а проще и точнее, – дядя Миша.

- Тот самый дядя Миша, которого когда-то «приволокла домой со Сквера» (317) маленькая Верка – будущая художник-живописец. «Он был очень похож на того человека с открытки (у старухи-старьевщицы, портрет Исаака Левитана работы Валентина Серова. – Н.А.), с бархатным волооким взглядом испанского аристократа. Исхудалые кисти раскинутых рук, с обломанными черными ногтями, были так же изумительно вылеплены...» (318).

- «Триединый дядя Миша – беспризорник – лагерник – алкаш». Родителей по ложному доносу обвинили в шпионаже. Мишу забрали в детприемник. В 49-м, тогда студента химфака, сослали на семь лет по статье 58-10, за антисоветскую агитацию. В итоге – сломанная жизнь, но не сломленная личность.

- «Святой дядя Миша» – в своем посмертном бытии воспаряющий в солнечной лавине над чинарами Сквера Революции (триптих Веры Щегловой «Житие святого дядя Миши – бедоносца»).

Таков «конспект» жизни, развернутый Рубиной в сюжет трагической судьбы человека, которому достался непомерно тяжелый крест, «сколоченный не для одного человека, а для всего поколения» (326).

Люди «дядимишина» языка, «его покроя», какими они представлены Д. Рубиной, – это «целая компания чудаковатых людей, – совсем не похожих на тех, кто жил вокруг Веры... «Эти люди и друг на друга не были похожи, каждый – наособицу, каждый – обладатель какой-нибудь заковыристой судьбы...» (328). Среди них – «святая женщина» Клара Нухимовна, добившаяся усыновления Миши и любившая его «такого, каков есть». С тех пор и до самого конца он уже никогда не был один.

«Другой «дядимишин» старик» Евгений Петрович Сегеди – граф Сегеди, последний из старинного венгерского рода. Его прапрадед в восьмисотом году заложил поселение в Венгрии. Прадед в середине девятнадцатого века бежал от европейской революции в Россию, а Евгений Петрович – от русской революции в Китай. В конце жизни – Ташкент, лаборант на театральной кафедре, и хоронить его «собретется огромная толпа студентов, педагогов, каких – то странных людей с нездешними лицами» (331); «поселение Сегеди теперь – большой город Венгрии» (330).

Незабываемое впечатление оставляет и неординарная личность Зинаиды

Антоновны, живой портрет которой складывается из воспоминаний множества «голосов». «Из бывших дворян, отсидевшая, разумеется, на всю катушку» (по характеристике автора), она беседовала со своими знакомыми то на английском, то на французском, то на немецком настолько свободно и непринужденно, что продолжала по инерции говорить и с гостями на том языке, на котором только что общалась по телефону (454). «Ученица ... знаменитого композитора», выпускница Смольного института («Смольный институт, Вера, – скажет дядя Миша, – Смольный институт ... это тебе не Алайский базар ... » (329), она учила детей музыке, культуре поведения. Живя одно время в доме малознакомых людей, пыталась и здесь прививать хорошие манеры. «Деточка, – говорила Зинаида Антоновна девочке, вернувшейся с улицы в грязных трусиках, – запомни: у дамы белье должно быть, как для свидания в Версале!». Что такое свидание, а тем более Версаль, я спрашивать не стала, но фразу эту запомнила на всю жизнь» (из воспоминаний русскоязычного издателя в Израиле (260)).

Необходимо отметить, что в текстовом пространстве романа в разных ситуациях и разными нарраторами довольно часто и как бы спонтанно упоминаются одни и те же имена, события, факты. Это могут быть литературные герои (дядя Миша, Леня Волошин, Зинаида Антоновна, Семипалый и др.), эмблемно-знаковые фигуры типа стилиста Хасика Когана или женщины-гиганта Раи Салимовой, звуко-цветовые образы и мотивы, реалии бытового окружения (завсегдатаи Сквера Революции, постоянные обитатели Алайского базара: лагманщик, старуха-старьевщица, «птица-ворон, Илья Иванович, гадатель» и др.). Подобного рода «повторы», разумеется, неслучайны. Они выполняют, по крайней мере, две важнейшие функции: композиционно – скрепляют отдельные «куски мира»

« в одну пространственно-временную раму» (Е. Замятин); содержательно – создают иллюзию фактической достоверности, доподлинности творимого автором Ташкентского мифа.

Свою художественную завершенность и непререкаемость он получает в третьей пространственной плоскости – в живописных полотнах Веры Щегловой – главной героини «романа в романе». Сотворенная творческой фантазией писателя («Я ваш автор»(450), – заявит Рубина своей героине), она как эпический герой обретает статус самостояния в лирической партитуре романа. Волей Промысла она «послана в этот мир для определенной, причем единственной цели – стать свидетелем, да не просто свидетелем, а оценщиком каких-то изначальных нравственных ценностей, оценщиком непредвзятым, взыскательным, беспощадным...» (378).

В картинах Веры Щегловой, которые могли бы составить Ташкентскую картинную галерею, эстетически увековечен «давно утонувший город» (456), та «странная цивилизация, которая короткое время по ряду сошедшихся причин существовала в некоем месте, в Средней Азии ... И исчезла! Была – и нет ее ... » (431).

Проведенный анализ подтверждает заявленную в начале исследования мысль о главенстве в романе Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы» темы – образа Города как феномена, в котором отразились исторические судьбы России. Хронотопическое единство Ташкента – Города рождается в результате взаимопроникновения реального пространства (топоним города) и конкретного хронологического времени (детство и юность), социокультурного пространства Города – Вавилона, обусловленного «ветрами исторических потрясений», и бессмертия эстетического пространства искусства живописи, сотворенного авторским искусством Слова. Все эти «куски мира», если воспользоваться словами Е.Замятина, «вставленные в одну пространственно-временную раму ... – никогда не случайны; они скованы синтезом, и ближе или дальше – но лучи от этих кусков непременно сходятся в одной точке, из кусков – всегда целое» [Замятин 1988: 417]

ЛИТЕРАТУРА

Замятин Е.И. О синтетизме // Замятин Е.И. Сочинения. – М.: Книга. 1988.

Курбатов В. // Дружба народов. 2008. № 2.

Муратханов В. // Октябрь. 2008. № 2.

Рубина Д. На солнечной стороне улицы. // Рубина Д. Избранные романы. – М.: Эксмо, 2008.

Цветаева М. Стихи о Москве // Цветаева М. Сочинения: В 2 т. Т. 1. – М.: Худ. Лит.

© Алексеева Н.В., 2010

Барковская Н. В.
Екатеринбург, Россия

«И ДАЛЕЕ ПО ТЕКСТУ»:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ¹

УДК 82-17

ББК Ш5(2Рос=Рус)6-335

Аннотация. Сопоставление стихотворений 1990-х и 2000-х гг. (А. Левин, В. Строчков, С. Жадан, Е. Фанайлова) выявляет изменение вектора политической сатиры и усиление драматизма. Характерная особенность в поэтическом представлении политических реалий – проецирование на актуальную социальность литературных «сценариев», подчеркнутая интертекстуальность. Действительность осмысливается по литературным образцам по причине повторяемости коллизий и слабой идентичности постсоветского человека. Важная особенность рассмотренных текстов – ироническое дистанцирование автора от precedentных текстов.

Ключевые слова: Политизация лирики, сатирический пафос, аллюзии, интертекстуальность, постсоветская идентичность.

Сведения об авторе: Барковская Нина Владимировна, доктор филологических наук, профессор.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: E-mail: n_barkovskaya@list.ru.

Рубеж XX-XXI вв. ознаменовался настоящим поэтическим бумом. Как когда-то в шестидесятые годы, нынешние авторы выступают на поэтических вечерах и форумах, учреждаются поэтические премии и конкурсы, «стихи вживую» помещаются на сайты, десятки книжных серий представляют авторов самых разных поэтических течений, от мистического андеграунда до «женской» поэзии. Всплеск поэзии (наряду с драматургией) понятен в 90-е гг. – он был спровоцирован распадом советской системы. Характеризующиеся стабилизацией 2000-е гг., казалось бы, не благоприятствуют поэзии, однако стихи продолжают лидировать в литературном процессе, что, по-видимому, обусловлено начавшейся рефлексией в ситуации размытой (проблематичной) идентичности: не вполне ясно, чем российский человек отличается от русского и советского, каковы степень «открытости» нового общества и перспективы его развития, каким образом интеллигенция, перешедшая в разряд «людей безнадежно устаревших профессий» (А. Родионов), может выполнять свою гуманизирующую социокультурную функцию и проч. Сегодня лирика решает задачу, в общем-то, эпическую: она занята социальным анализом, хотя, разумеется, в ин-

¹ Работа выполнена в рамках научного проекта «Современный литературный процесс: тенденции и авторские стратегии» при поддержке Федерального агентства по науке и инновациям (гос. контракт № 02.740.11.5002)

Barkovskaya N.V.
Yekaterinburg, Russia

«THEN FOLLOW THE TEXT AS IT IS»:
POLITICAL REALIA IN MODERN POETRY

ГСНТИ 16.21.27

Код БАН 10.02.19

Abstract. Comparative analysis of poems of 1990-s and 2000-s (by A. Levin, V. Stochkov, S. Zhadan, E. Fanajlova) shows the change of the vector of political satire towards stronger dramatism. The characteristic features of poetic representation of political realia are the projection of literary “scripts” on actual sociality and stressed intertextuality. Reality is being comprehended by means of literary scripts because of repetition of collisions and weak identity of a Soviet citizen. The important peculiarity of texts under study is the ironic separation of the author from precedent texts.

Key words: politization of lyrics, satirical pathos, allusions, intertextuality, post-soviet identity.

About the author: Barkovskaya Nina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

дивидуально-личностном, экзистенциальном аспекте.

Наибольший общественный резонанс вызывает, условно говоря, политизированная поэзия, т.е. стихи тех авторов, которые социальные реалии переживают как личные проблемы. Примечателен скандал вокруг стихотворения В. Пуханова «Александру Секацкому», полемика к официальной версии героической блокады Ленинграда [См., напр.: Львовский 2009; Давыдов 2009]. Авторы общаются с аудиторией не только в поэтической форме: Елена Фанайлова – корреспондент радиостанции «Свобода», ведет страничку на OpenSpace.ru, харьковчанин Сергей Жадан – яркий общественный и культурный организатор, получивший в мае 2010 г. звание «Человек года» в номинации «Писатели». Все это свидетельствует о включенности поэтов в жизнь постсоветского социума. Так, С. Жадан признается: «Для меня всегда было важно ощущать связь с социальной средой, из которой я вышел» [Жадан: http].

Сопоставление выбранных стихотворений двух последних десятилетий («ельцинского» и «путинского») показывает нарастание чувства психологического дискомфорта и разочарованности. В 90-е гг. концептуалисты деконструировали советский официальный, а в 2000-е гг. объект сатиры стал размытым, новых концепций и новых значимых ориентиров не появилось. С. Ушакин отмечает феномен «социального молчания», порожденный недоверием к существующему порядку и слабой идентичностью, а также афазию (невозможность найти адекват-

ную форму для самовыражения) и стремление эксплуатировать старые (привычные) культурные символы, что порождает сложные стратегии вторичности [Ушакин 2009]. Вероятно, потому-то так интересны всем стихи с отчетливой социальной проблематикой. В стихах второй половины 2000-х ощущение тупиковости, «виртуальное отчаяние» (Е. Фанайлова), «прихотливая субстанция страха» (С. Жадан) активизируют мотивы смерти (особенно – близких людей) и усиливают желание «командной поддержки», локтя «другого». Романтическая позиция бунтаря или аутсайдера спровоцирована неприятием общества потребления, в котором «гламур» стал важнейшей «идеологемой», этим же пафосом «контркультуры» можно объяснить стилистический экстремизм: широкое использование просторечий и обценной лексики, наркоманского жаргона, молодежного сленга. Д. Макфадьен пишет, что мат активизировался в литературе 1990-х гг., поскольку он абсурден, натуралистичен, сюрреалистичен и подходил для описания того, чему нет слов в сложившихся противоестественных ситуациях. Аргю, мат и даже полуприличный сленг выполняли номинативную, опознавательную и мировоззренческую функции, но главное – они выполняли катартическую функцию, исследуя полную, невыражаемую картину происходящего и все шире открывающейся общественной пустыни [Макфадьен 2009: 112, 114].

Мы выбрали две пары стихотворений, близких по тематике и написанных, соответственно, в 90-е и 2000-е гг., чтобы продемонстрировать изменение вектора сатиры и эмоциональной доминанты.

Сначала рассмотрим стихотворения, связанные с темой преодоления советского дефицита и обеспечения свободы потребления. Стихотворение А. Левина «В зеркале прессы» (1989) юмористически обыгрывает надежды ранней перестройки на создание открытого общества, по образцу демократического и изобильного Запада.

В зеркале прессы*

В огромном супермаркере Борису Нелокаичу показывали вайзоры, кондомеры, гарпункели, потрясные блин-глюкены, отличные фуфлоеры, а также джинсы с тоником, хай-фай и почечуй. Показывали блееры, вылазеры и плюеры, сосисэджи, сарделинги, потаты и моркоуфели, пластмассерные блюдинги, рисованные гномиксы, хухоумы, мумаузы, пятьсот сортов яиц. Борису Нелокаичу показывали мойкеры, ухватистые шайкеры, захватистые дюдеры, компотеры, плей-бодеры, люлякеры-кебаберы, горячие собакеры, холодный банкен-бир. Показывали разные девайсы и бутлегеры, кинсайзы, голопоптеры, невспейпоры и прочее. И Boris Нелокаевич покаялся, что на родине такой же цукермаркерет народу возведет!
(*Перепечатка из итальянской газеты "Карьера делло серое", #139 за 1987 г. [Левин 2007: 103])

Макаронический стиль, традиционно выполняющий функцию комического, дополняется в стихотворении А. Левина «пластилиновыми» словами («гномиксы»=гномы+комиксы), переиначенной на русский лад иностранной лексикой («вылазеры», «плюеры», «блюдинги», «голопоптеры»); смешно смотрится соседство инновационного «хай-фай» со старинным русским «почечуй». Как отмечает С. Ушакин, разгерметизация советского общества осуществлялась во внешнюю среду, без трансформации внутреннего социального пространства [Ушакин 2009], что и выявляет в данном случае иностранная лексика, приспособленная к привычным русским словам. В этом стихотворении Б. Ельцин выступает в роли доброго волшебника Гудвина, а открытое общество моделируется как общество потребления.

Однако в 2000-х гг. стало очевидно, что консьюмеризм отнюдь не залог счастья («о, эти супермаркеты, эти концлагеря для бюджетников, конвейеры для лохов», – говорит С. Жадан (<http://www.netslova.ru/zhadan/sthi.html>) о войне супермаркетов в Харькове в 2006 г.). Среди лирических персонажей молодого украинского поэта много своеобразных романтиков, готовых ценой жизни вырваться из криминально-рыночной системы. В стихотворении «Михаил Светлов» [Жадан 2008: 158-160] герой – представитель среднего бизнеса, тех «демонов черного нала, которые поднимают с колен республику», признавая только двух настоящих друзей, «друга Стечкина и друга Макарова». Марат «тянул трубу через Кавказ, / и дотягивал ее уже до границы. / Ну, и все было хорошо – / благословение со стороны московского патриархата / и крышевание со стороны областной администрации (...) / интенсивная личная жизнь». Однако «кредит», «растаможка», «нефть», «кровь» и даже любовь, понимаемая как «желание иметь детей после дефолта», не спасли его от тоски. По ночам Марату снилось, что он сидит на белых песках, напевая

о, Андалузия, женщина
с черной кровью,
эта твоя черная кровь
чернее месопотамской нефти.

О Андалузия тишины,
Андалузия страсти.
Я твой пес, Андалузия,
твой беспонтовый бродяга
(...)

Твои черные-черные волосы
длиннее коридоров Рейхстага,
длиннее очереди у Мостиски,
длиннее фамилий венгерских депутатов...

Намеком на сюрреалистичность ситуации выступают также духи «Сальвадор Дали», которые герой выпил во время смертельного запой. Ироническая баллада С. Жадана проник-

нута ощущением абсурда и страха: после смерти Марата три его женщины сидят и спорят, кому достанется тело, потому что больше смерти «каждый из нас боится / остаться / один на один / со своей / жизнью». С литературным прототипом, красноармейцем-мечтателем из «Гренады», героя стихотворения роднит восприятие жизни как непрекращающейся войны и насилия, а также пребывание в лиминальном состоянии, на границе: нефтепровод тянется до границы, Германия, Польша, Венгрия – пограничны с Украиной, а Мостиска – пропускной пограничный пункт, коттедж, где умер Марат, находится в границах кольцевой дороги, Андалузия представлена как демонический персонаж, увлекающий героя за грань сна и смерти. Мотив границы, о-граниченности имеет семантику несвободы, зажатости героя обстоятельствами «среднего бизнеса». В лексике стихотворения можно выделить три группы: 1) книжная лексика, связанная с экономикой («средний бизнес», «социальная группа», «дефолт», «кредит», «частный сектор»), 2) снижено-разговорная лексика, связанная с криминалом («крышевать», «забухал», «бабло», «сто штук»), 3) «балладная» лексика («субстанция страха», «демоны», «сатана»). Соотношение этих трех лексических групп выражает идею связи экономики с преступлением и неизбежным страхом, доводящим до суицида. Герой постсоветского общества так же мечтает о свободе, как и герой Гражданской войны, и по-прежнему свобода – лишь мечта, реализуемая в смерти. Как выразился С. Жадан, «система тебе дверь открывает / только для того, чтобы потом ею защемить твои пальцы». Подобные настроения характерны не только для украинского автора, в одном из стихотворений москвича А. Родионова, также тяготеющего к балладной форме, рассказывается о благополучном бизнесмене, который по ночам, чтобы избыть тоску, выезжает из-за глухой ограды своего особняка и устраивает бешеную автомобильную гонку с такими же, как он, бизнесменами из коттеджей [Родионов 2008: 29-30], явно тяготея к смерти.

Вторая пара выбранных нами стихотворений развивает тему тотального насилия и силы оружия как основы социума.

В 1995 г. В. Строчков написал стихотворение «Братские узи или Песня про калашникова» [Строчков 2006: 157-159]. Тексту предпосланы три эпиграфа: из «Римских элегий. IV» И. Бродского, из стихотворения «Их было 26» М. Сухотина, в качестве третьего приведены одиозные слова Сталина, сказанные по поводу абсолютно беспомощной поэмы молодого Горького «Девушка и Смерть»: «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете». В духе постмодернистского «карнавала» В. Строчков с самого начала стихотворения смешивает совершенно разнородные реалии: советизм «братские узы» и антисемитизм, Сталина и Бродского, купца из поэмы Лермонтова и библейских персонажей, автома-

ты «Узи» и «Калашников», «Фауст» Гете и фауст-патрон, Максима Горького и пулемет «Максим»:

Как сказал о еврейском пистолете-пулемете «Узи» один Прекрасный Иосиф другому Блудному сыну,

«Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете».

Но калашников сильнее Максима!

«Узи» и ловчей, и складней прикладом,
Без усилий впитывает нежное дульное сальце.
Но калашникову ничего не надо! -
Кроме Крепкой Руки или даже пальца...

С его помощью без усилий можно разделить на части шестую часть суши, у него «горячее сердце Франко и холодная ручка Изергиль Ибарурри».

С безграничным запасом братской любви в подсумках

он по свету бродит давно и долго,
недоимки взыскивая с недоумков,
задолжавших интернациональному долгу...

Друзьями Калашникова оказываются Алексей Сурков, Евгений Долматовский, Анна Зегерс, Фучик – и Бармалей с Айболитом. Барабас, «к сердцу простых людей подобранный ключик», Пиночет, Ясир Арафат, Садам Хусейн, Кастро, Мао и проч. Названы двадцать шесть фамилий политиков, думающих о Большом Друге, в том числе:

Лебедь и Грачев, Макашов, Громов,
весь ГКЧП, с хитрым Хасбулатом
пламенный Руцкой, говорящий матом,
грозный Баркашов, краса погромов...

(...)

Крепкою рукой подперев щеку,
С доброю улыбкой шевеля пальцем,
В голове сводя концы и счета,
Думает о нем и в Кремле Ельцин.

Провокативно, задиристо, весело высказывает Строчков свое понимание всякой власти как насилия, Ельцин, по существу, уравнивается со Сталиным, с его доброй улыбкой и крепкой рукой. Аллюзии к героико-романтической «Песне про купца Калашникова...» М. Лермонтова и «Старухе Изергиль» М. Горького вводят тему национального характера, настоящего героя – и комически деконструируют ее, а заодно и концепт «братской любви» народов СССР и солидарности всех трудящихся, в число которых попадают и бандиты: сицилийцы и корсиканцы (мафиози), «люберцы, чеченцы, азербайджанцы...».

Неразличимость политиков и преступников, насилие как коммуникативную норму показывает и Елена Фанайлова в цикле «Черные костюмы». Но текст 2000-х гг. звучит вовсе не весело, а мрачно, взвинченная интонация близка к истерике, доминирует тема смерти: черные кос-

тумы – атрибут не только свадеб, официальных встреч и заседаний, но и похорон.

Е. Фанайлова спорит в чате с молодыми, называемыми ельцинский режим «кровавым» [Фанайлова 2008: 37], в одном из ее стихотворений герой делится впечатлениями от похорон Ельцина: его охрана выглядела более мужественной и достойной, чем путинская – «блистательные самураи», «те защищали его / А эти людей пугают». Герой видит ошибку Ельцина не в том, что введены войска в Чечню, не в том, что он просил прощения 31 декабря 1999 г., перепутав дату миллениума, а в том, что он испугался за близких и «отдал страну гебне» [Фанайлова 2008: 43]. В стихотворении «Отступление: жизнь в Интернете» Фанайлова упрекает молодых за нападки на тех, кто разрушал советскую систему, за социальную амнезию, за неспособность увидеть тупиковую реальность (по словам П. Бурдые, «вновь пришедшие, к тому же самые молодые, ставят под вопрос то, что в предыдущей революции было в оппозиции к предшествующей ортодоксии» [см. также: Литовская 2009: 121-124]):

Революция пожирает своих детей,
А они размножаются, как опарыши.

Вам что, не кажут это кино,
Которое во всех небесах
Крутят, во всех поездах
Смотрят, и уже решено,
Сколько отмерено всем бухла
И алмазов недр, и барахла...

[Фанайлова 2008: 37]

Позиция героини – нонконформизм, абсолютная ненависть, готовность бороться до конца в той тотальной гражданской войне, которая продолжается. Но, по сравнению с предыдущей книгой, «Русской версией», теперь героиня кажется бесконечно одинокой, уставшей, ее вот-вот покинет мужество. Больше всего ее мучает смерть близких людей, перед лицом которой она беспомощна. Так в социальные мотивы вторгаются мотивы экзистенциальные, гневные инвективы чередуются с поэтикой плача или причети («Одолень-трава, Умиление злых сердец, Постои за меня, Москва»), острый взгляд снайпера соседствует с «сумеречной», сновидческой поэтикой («Я разговариваю во сне / Хожу по земле во сне (...) И кому я песни своих поэм / Своей головы поев?»). Героиня сознает повторяемость истории, указывает на неизжитость травматического опыта рабского труда, Холокоста, политического предательства, делая это путем использования соответствующих – не законченных, потому что хрестоматийно известных – цитат:

В полном разгаре страда деревенская
И далее по тексту
(...)

Граждане
Эта сторона улицы
И далее по тексту
Римские граждане
Доколе наше терпение
И далее по тексту
Римского гражданина-выкреста...

Ее задача – напоминать о том, что «это было, бывало, было», потому что «если бы все доверяли только личному опыту, / История повторялась бы дважды / На пепелище». В финале стихотворения все же звучит надежда на то, что «будет другая история / И какой-то другой мир...».

Ощущение новой социальной закрытости и, одновременно, недоверие к существующему порядку выражено в стихотворении Антона Очирова «Тридцатник» [Очмров 2008: 61-62]. Молодой герой стихотворения, выросший уже в постсоветское время (А. Очиров – 1979 г.р., он на пять лет моложе С. Жадана), слышит искушающий голос соблазна, предлагающий деньги, наркотики, секс, путешествия... Но герой, осознающий, что вступил в возраст «акмэ» (А. Блок в 30 лет написал «Ямбы»), отвергает известные удовольствия: «это все ясно / это все просто / это дежурно». Итог, к которому приходит герой в финале стихотворения, говорит о социальной заинтересованности и презрении к потребительским удовольствиям (правда, в голосе, как нам кажется, есть оттенок глумливости):

а что же ты хочешь? что же ты хочешь?
– я хочу, чтобы в моей стране
образовалось гражданское общество

Характерная особенность в поэтическом осмыслении политических реалий – проецирование на актуальную социальность литературных «сценариев»: Ельцин увиден А. Левиным «в зеркале прессы», герой С. Жадана примеряет на себя роль хлопца из «Гренады» М. Светлова, насквозь литературны «Братские узи» В. Строчкова, Е. Фанайлова вспоминает тексты, маркирующие «минуты роковые». Почему действительность разворачивается по литературным образцам? Помимо общей для постмодернизма тактики интертекстуальности, свою роль играет, очевидно, факт повторяемости русской социальной истории: резкое изменение внешних обстоятельств, даже кардинальная «перестройка» 90-х гг. не меняют существа общества. Опираясь на исследования социологов, Т.А. Круглова утверждает, что «изменения не затронули его глубинных слоев, унаследованных от советской эпохи» [Круглова: 69]. Не случайно возникает ощущение, что в первое десятилетие XXI «пародируется застой» (Е. Фанайлова). Кроме того, герои современных авторов опираются на литературные прецеденты еще и в силу слабой собственной идентичности.

Правда, все чаще в основе социальных коллизий, отраженных в стихах, лежат не литературные «сценарии», а киносюжеты, поскольку видео (во всех его формах) потеснило словесность в плане влияния на массовое сознание. Наконец, следует отметить также обязательное ироническое дистанцирование от прецедентного текста, который все же остается условной маской, не вполне совпадающей с лицом современного героя.

ЛИТЕРАТУРА

Львовский Ст. «Видит горы и леса»: История про одно стихотворение Виталия Пуханова // Новое литературное обозрение. 2009. №2.

Жадан С. Интервью. URL: http://www.chaskor.ru/article/sergej_zhadan_politicheskikh_ubegdenij_u_meny_a_net_14064.

Ушакин С. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии // Новое литературное обозрение. 2009. №100.

Макфадьен Д. Русские понты: бесхитростные и бессовестные. – М.: Альпина нон-фикшн, 2009.

Левин А. Песни неба и земли: Избранные стихотворения 1983-2006 годов – М.: Новое литературное обозрение. 2007.

Жадан С. Chicago Bulls // Сетевая словесность. URL: <http://www.netslova.ru/zhadan/sthi.html>

Жадан С. Из цикла «Украинские свадебные и рекрутские песни» // Воздух: Журнал поэзии. 2008. №1.

Родионов А. Люди безнадежно устаревших профессий. – М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Строчков В. Наречия и обстоятельства. 1993-2004. – М.: Новое литературное обозрение. 2006.

Фанайлова Е. Черные костюмы. – М.: Новое издательство. 2008.

Литовская М. А. Социалистический реализм как предмет рефлексии постсоветской прозы // Советское прошлое и культура настоящего. Т.1. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2009.

Очмров А. Ластики: Книга стихов. – М.: АРГО-РИСК; Книжное обозрение, 2008.

Круглова Т.А. Ценности и символы «коммунальной коллективности» сквозь призму диалога поколений // Советское прошлое и культура настоящего. Т. С. 69.

Давыдов Д. Виталию Пуханову // Воздух: Журнал поэзии. 2009. №3-4.

© Барковская Н.В., 2010

Багдасарян О.Ю.
Екатеринбург, Россия

**«ВЗРОСЛАЯ ДОЧЬ
МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА» И
«ПАМЯТНИК НЕИЗВЕСТНОМУ СТИЛЯГЕ»
В. СЛАВКИНА:
ПОКОЛЕНИЕ 1950-Х В ЭПОХУ ЗАСТОЯ¹**

УДК 82-2

ББК Ш5(2Рос=Рус)6-336

Аннотация. В статье анализируются некоторые особенности поэтики произведений В. Славкина – одного из авторов «новой волны», особое внимание уделяется тому, как реконструируется автором образ «поколения стилияг», какую эмоциональную и эстетическую оценку получает этот образ, а также как конфликт и тип героя пьесы «Взрослая дочь молодого человека» интерпретируется в спектакле А. Васильева.

Ключевые слова: творчество В. Славкина, драматургия «новой волны», драматический конфликт, образ стилияги, 1950-80-е гг.

Сведения об авторе: Багдасарян Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: E-mail: alol1@k66.ru.

Bagdasaryan O.Y.
Yekaterinburg, Russia

**“THE GROWN-UP DAUGHTER OF THE YOUNG
MAN” AND “THE MONUMENT TO THE
UNKNOWN STILYAGA” BY V. SLAVKIN:
THE GENERATION OF 50-S DURING THE
STAGNATION EPOCH**

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article focuses on the poetics of V. Slavkin's works – one of the “New Wave” authors. The main attention is paid to the author's reconstruction of the “stilyagas' generation” image; to the emotional and the aesthetic assessment of it; and also to the interpretation of the conflict and the character type in the performance based on the play “The grown-up daughter of the young man” directed by A. Vasiliev.

Key words: works by V. Slavkin, plays of “the New Wave”, drama conflict, image of a stilyaga, 1950-80-s.

About the author: Bagdasaryan Olga Yurievna, Candidate of Philology, Assistant Professor.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Феномен стилияги 50-х не раз осмыслился в литературе мемуарной, художественной, культурологической, становился объектом социологических исследований [Козлов 1998; Аксенов 1987; Зубкова 2000; Стеблов 2000; Славкин 1996 и мн. др]. Причин тому несколько: стилияга воспринимается как символ яркой индивидуальности, бросивший вызов «суконному сталинскому быту», соответствует типичным представлениям о молодости как об особом периоде жизни, «когда энергия кипит, обязанностей мало и все кажется по плечу». В историческом контексте стилияга был «идеальной эмблемой «коттепели»: он индивидуалист, но при этом – элемент нового советского общества, которое, обретя свободу самовыражения и сорвав железный занавес, может раз и навсегда оставить позади свое тяжкое прошлое. Неудивительно, что стилияга – любимец истории: он словно завис во времени как квинтэссенция возможностей, квинтэссенция надежды» [Рот-Ай 2004].

Пьеса «Взрослая дочь молодого человека» (первое название – «Дочь стилияги») была написана В. Славкиным в 1979 году и поставлена А. Васильевым на сцене Театра Станиславского. Спектакль имел шумный успех, по праву считаясь одной из интереснейших постановок того времени. Автор пьесы, будучи другом режиссера, художником, близким ему по духу и эстетическим воззрениям, принимал деятель-

ное участие в подготовке спектакля. В 1992 году Славкин вернулся к образу поколения 50-х, написав книгу «Памятник неизвестному стилияге». Рассмотрим особенности поэтики пьесы и книги В. Славкина, обращая внимания на то, как реконструируется автором образ «поколения стилияг», какую эмоциональную оценку получает этот образ, а также как тип героя пьесы интерпретируется в спектакле А. Васильева.

В основе сюжетов пьес драматургов «новой волны», как правило, лежит какое-то вполне тривиальное событие, побуждающее героев к размышлениям над собственной жизнью, осознанию разобщенности окружающих и тотального неблагополучия. Так, завязкой пьесы «Взрослая дочь молодого человека» становится «встреча однокашников» с естественным для подобных мероприятий «подведением итогов»: Бэмса – в студенческие годы «первого стилияги факультета ... покорителя женских сердец», ныне – среднего инженера; Прокопа, когда-то ближайшего друга Бэмса; Люси – жены Бэмса, в молодости – певицы из кинотеатра «Орион»; и «пенька» Ивченко – бывшего комсомольского работника, в 50-е ведущего активную борьбу против тлетворного влияния Запада на молодые советские умы, сейчас – проректора вуза. У этих довольно разных людей «общее прошлое»: проведенные вместе годы учебы, история с «Чучей» – когда за исполнение заграничной песенки Бэмса отчислили из университета, а Люсю и Прокопа стали считать «неблагонадежными» (к этой истории постоянно возвращается «четверка» в своих воспоминаниях). Бэмса, Люсю и Ивченко связывает еще и любовная интрига, осложняющая драматическое действие.

Разное отношение к прошлому и, в частности, к «стиляжым» студенческим годам, раз-

¹ Работа выполнена в рамках научного проекта «Современный литературный процесс: тенденции и авторские стратегии» при поддержке Федерального агентства по науке и инновациям (гос. контракт № 02.740.11.5002)

граничивает героев и помогает прояснить их жизненные позиции. Для Прокопа история с «Чучей» – приятное воспоминание («Я свое прошлое поставил на полку... Как первый том моей жизни. Оно там стоит, а я на него люблюсь...»). Люся уверена, что они в таком возрасте, «когда все, что было, лучше того, что есть», «Чуча» для нее, как и для Прокопа, воспоминание о ярком прошлом: «Что прошло, то ушло. Живи», – говорит она Бэмсу. Но его эта история не отпускает, как не отпускает она и Ивченко – и пьеса превращается в целую дискуссию о жизни, о том, кто был прав ТОГДА, и кто прав СЕЙЧАС.

Действие пьесы и основывается на этом «споре», однако данным не в прямом слове героев, а, скорее, в диалоге основных интонационных линий, выделяющихся в общем потоке болтовни, воспоминаний, студенческих прибауток, песен и т.п. Эти линии (интонации) можно условно обозначить как «прозаическую» и «лирическую». В пьесе они соотношены с фигурами 2-х главных героев: Ивченко и Бэмса. Первый всю жизнь чувствовал, что в том образе жизни, знаками которого были джаз, кока-кола и пресловутое «Падн ми, бойз...» и который усердно порицался официальной властью и им самим («чтоб в сердце не закралась плесень»), упустил самое главное, какую-то душевную составляющую. Он иронично «упрощает» прошлое, делает попытки «объяснить» то, что происходило в их молодости, с исторических позиций, вроде бы объективных, или пытается «вульгаризировать» порывы стиляги Бэмса (Что мы представляли себе? Мы представляли, что сидят там все в ресторанах, в клетчатых пиджачках, дымят сигаретами, ноги на стол, ну и, конечно, джаз рубает, девочки ножками дрыгают... и вот некоторые годами жили этой ложной моделью [Славкин 1990: 142]).

Для другого героя – Бэмса – характерна интонация «острого лиризма», особенно в моменты воспоминаний о студенческих годах, о джазе, Хэме и Пикассо (Ты знаешь, если бы меня сейчас спросили, что бы я хотел, ну, самое такое фантастическое, если бы можно... Я бы знаешь чего хотел – вот где-нибудь примоститься между двумя нотами, ну, например, в композиции Дюка Эллингтона «Настроение индиго», примоститься там, пригрезиться, и больше ничего не надо, до конца жизни ничего не надо... [Славкин 1990: 142]).

Эти эмоциональные линии даны в обрамлении общей речевой «разноголосицы» эпохи (где сленг и песенки 50-х смешиваются с реалиями «Жигули-лэнд»), переплетаясь и сталкиваясь, они «ведут действие», в разных эпизодах определяя реконструируемую автором атмосферу времени.

С воспоминаниями героев, главными интонационными «потоками» связан основной лейтмотив пьесы, семантизирующийся по мере развития действия. Это песня «Чаттануга-чуча» – Гарри Уоррена и Мака Гордона. «Чуча» – песенка Бэмса и Прокопа, в прошлом – их «визитная карточка». «Чуча» потому и не

отпускает героев, что в годы их юности, в 60-е, она была своего рода «проверкой» на внутреннюю свободу, которую выдержали не все. Отношения из юности переносятся и на гораздо более позднее время, когда собственно «игры» уже нет, есть только воспоминание. Однако Ивченко, не приобщенный в молодости к «стиляжничеству», так и остается чужим для Бэмса, Прокопа, Люси. Особенно для Бэмса, соблюдающего «правила игры» даже после того, как она закончилась для остальных ее участников. В его случае страстная приверженность к джазу не просто приятное воспоминание, а своего рода форма протеста против усредненности жизни в «Жигули-лэнд» (1970-е гг.), верность идеалам юности.

Кроме того, «Чаттануга-чуча», джаз – музыка «стиляг» – связана с восприятием героями своей юности как праздничного «мюзик-холла» и контрастна по отношению к их настоящему: в обстановочной ремарке подчеркивается спокойная «усредненность» сценического пространства – квартиры, в которой обитает семья Куприяновых, настоящее ощущается героями пьесы (Люсей и Бэмсом) как бессобытийное, ассоциируется со старостью («Да, было дело... Где сейчас эти танцы?... Может, это действительно старость?»), «безвременьем» («В кино теперь не поют перед сеансом. А больше я ни на что не гожусь...»), скукой («Дома скучно»). Вот как Люся метафорически характеризует состояние своего мужа – Бэмса: Жизнь, видите ли, не удалась, блеска не получилось... Он вот, слышишь, насверлил дырок, полки собрался делать, потом бросил... Дырки целый год сверкают. И заделывать не дает. По воскресеньям подойдет, дощечку примерит, штукатурку колупнет и стоит вздыхает... [Славкин 1990: 121]

Диссонанное соположение эмоциональных линий, контраст между ярким, многообещающим прошлым и тривиальным настоящим выявляют важнейшую сторону конфликта, в который втянут герой «новой волны». Переживая все возможные варианты столкновения с миром (бытовые, семейные неурядицы, социальные и идеологические противостояния), он более всего страдает от внутренней нереализованности, раздвоенности, дисгармоничности собственного мироощущения. Покорность героя обстоятельствам, усталость, духовная «неустойчивость» диссонирует со стремлением преодолеть собственную зависимость, «текучесть», вырваться из быта в «другую жизнь». По словам В. Славкина, «усталость от бесконечных иллюзий и их крушений», и «инфантильность – в непонятно откуда каждый раз возрождающейся готовности снова и снова этим иллюзиям поддаться» [Славкин 1989: 178] – определили характер его поколения – и характер героя «новой волны». Такой тип человека оказался притягателен для психологического театра того времени.

Спектакль Анатолия Васильева, по мнению П. Богдановой, интересен именно тем, что режиссеру удалось реализовать «бесконфликт-

ную размытую структуру пьесы», создать образ стилияги – «в прошлом обладателя кока и неотразимой походочки, а в настоящем (1979) – обитателя стандартной малогабаритной двухкомнатной квартиры, человека с обочины» [Богданова 2007: 43], при этом избежав чрезмерной акцентуации социальности, «характерной для режиссуры старшего поколения». Пьеса Славкина и спектакль Васильева, по мнению критика, были лишены «тенденциозности». Это была история не о ретрограде Ивченко и прогрессивном борце Бэмсе, а о разных «мирочувствованиях», реконструированных авторами на уровне атмосферы произведений.

По признанию самого режиссера, необходимость такой театральной поэтики мотивирована своеобразием драматургии, на которую она опирается: герой «новой волны» – человек из поколения «стиляг», которому в конце 70-х гг. было уже за 40 – герой без ясности и определенности намерений, в его линии поведения отсутствует «ход на длинную дистанцию», в его жизни «все определяет случай» [Богданова 2007: 67], это человек «компании», герой «расслоившегося быта», он – частица «огромного, многообразного потока действительности» [Богданова 2007: 68], в котором легко потеряться.

Более позднее произведение Славкина – «Памятник неизвестному стилияге» (1992) – возвращает читателя к образу человека 50-80-х гг. Книга представляет собой контаминацию текстов самого разного типа и характера: в нее вошли разбитая на несколько частей пьеса «Взрослая дочь молодого человека», мемуарные заметки об истории создания пьесы, о театральных перипетиях ее постановки, о жизни молодых людей 50-80-х гг., а также посвященные стилиягам и рецепции этого явления «выдержки» из книг, журналов, газет, «случАи» из жизни молодежи, «стильные» песенки и стихи той эпохи, дописанные автором и не включенные в текст пьесы монологи героев: Бэмса, Люси и Прокопа, фотографии, фотоколлажи, рисунки и т.д.

Несмотря на авторскую репрезентацию («Я хотел бы предстать не писателем, не мемуаристом, не социологом, а старым трепачем Прокопом, который вываливает на стол все, что он знает и помнит, не слишком заботясь о смысле и композиции, не особенно отличая главное от второстепенного, не очень-то следя за последовательностью излагаемого и совершенно не боясь произвести при этом несерьезное впечатление на читателя. Книга эта не для чтения, а для просмотра...») [Славкин 1996: 18] и мозаичную структуру книги, она представляет собой художественное единство.

Мозаику фрагментов организует уже упомянутая пьеса «Взрослая дочь молодого человека». Даже на формальном уровне самым значительным оказывается текст драматический: он будто вставлен в раму всех остальных элементов книги, приводимых, в отличие от пьесы, автором целиком и не предполагающих продол-

жения. Книга создает исторический, культурный, социокультурный контекст для пьесы, позволяя рассматривать «Взрослую дочь молодого человека» как линию генеральную, рисуящую перипетии частной жизни на фоне многих других судеб. По тому же принципу осуществляется перенос некоторых **особенностей поэтики пьесы на книгу в целом**:

- так, коллизия «встречи с прошлым» становится завязкой не только пьесы, но и сюжета всей книги, с той лишь разницей, что количество сталкивающихся, осмысляющих ситуацию, противостоящих друг другу сознаний, в «Памятнике...» многократно увеличено.

- как и действие пьесы, повествование книги основывается на двух основных эмоциональных линиях (лирической / ностальгической и прозаической / прагматической): закрепленные в пьесе за героями, в книге эти интонации перераспределены между отрывками текста и между многочисленными субъектами сознания, среди которых сам автор, критики журнала «Крокодил», журналисты, писатели, поэты, Бэмс, Люся и Прокоп, выведенные автором за пределы пьесы и рассказывающие о «случаях» из стилияжьей жизни «эпохи застоя», анонимные сочинители «стильных» песенок.

Естественно, в ансамбль с нарочито прозаизированной линией Ивченко в книге входят голоса «официальной культуры»: статьи из «Крокодила» (в том числе статья Д. Беляева «Стиляга» 1949 г. – первая статья, посвященная критике стилияг), газет («Правда», «Советская культура», «Литературная газета», «Комсомольская правда» и др.), выдержки из книг. Обозначенная эмоциональная линия получает в книге целый спектр нюансов (критика с позиций идеологических – критика эстетическая – ирония – негодование – снижение). В соседстве с критикой идеологически неблагонадежных тенденций – попытки обозначить верный путь развития советского человека:

И недаром мы все чаще

Убеждаемся сейчас:

Даже сахар русский слаще

И табак вкусней у нас.

Лучше нашей водки нету,

Лучше хлеба не найдешь,

Поищи пойдя по свету

Ты еще такую рожь!

И ботинок русский тоже

Сам о многом говорит,

Если он из русской кожи,

Если он по-русски шит.

Если шуба из Калуги,

Значит, ей не страшны вьюги.

Если вещь из Ленинграда,

Значит, сделана как надо...

(В. Масс и А. Червинский «Это сделано у нас...», 1947 г.) [Славкин 1996: 50-51]

Вторая линия в книге отчетливее всего связывается с речью автора, «новыми» монологами Бэмса, Люси и Прокопа, цитатами из «Пушкинского дома» А. Битова, «Отзвуков века джаза» Ф.С. Фицджеральда, с диалогами Славкина и Аксенова. Возникают переключки с пьесой, с

детальными быта героев, с их репликами и монологами. Естественно, что и в этом случае диапазон интонаций только условно может быть сведен к общему «лирическому» знаменателю, на самом деле он гораздо шире и включает в себя интонацию рассказа о прошлой жизни, лирические миниатюры-воспоминания, пронизанные элегической грустью, размышления о ходе времени и мн. др.

- и в пьесе, и в книге «достраивается» временная перспектива: в первом случае, в систему персонажей вводится поколение 18-летних (детей героев, активно «хиппующих»), во втором – обозначается преемственность субкультур: стилиги – хиппи – рокеры – панки.

Это далеко не все черты, связывающие книгу и пьесу, однако даже перечисленное вполне отчетливо отсылает нас к основному конфликту книги: столкновению двух типов мировосприятия, один из которых в определенное время был признан «верным», правильным, второй же получил статус маргинального, «враждебного». Сложившийся конфликт и пытается осмыслить автор, внося в книгу новые – по сравнению с пьесой – смыслы.

Как отдельная сюжетная линия в «Памятке...» представлена история создания пьесы, постановки ее в театре, история рецепции пьесы и спектакля («Два звонка», «Встреча», «Добавить аргументов», «Смех в зале», «Это театр!», «Ягуаровый стиль» и т.д.). Раскрывая литературную и театральную «кухню» приготовления художественного целого, именно эта часть книги способствует формированию нового образа пьесы, в котором литературное и жизненное сплавлено. Обнаруживается зависимость творчества от жизненных ситуаций, в результате чего привычные образы значительно усложняются (так, глава «Добавим аргументов» рассказывает о трансформации образа Ивченко под действием высказанного Ю. Гусманом – после прочтения первого варианта пьесы – замечания. В результате отказа от героя «отрицательного» конфликт пьесы интериоризировался, перенесся линию «разлома поколения» из мира внешнего в мир внутренний).

Отвечая на нападки критики, когда-то во множестве сыпавшиеся на молодую драматургию, Славкин, привлекая голоса режиссеров, актеров, своих друзей-писателей, пытается «проговорить» основные эстетические положения «новой волны»: интерес к человеку «аморфному», «обочинному», в себе не разобравшемуся, стремление сделать драматический текст максимально естественным, «нетеатральным», повышенное внимание к тональности, атмосфере пьес. Установка на передачу эмоциональной атмосферы действия наиболее отчетливо обозначена в главе «Ягуаровый стиль», повествующей о сценической истории пьесы. Интересно соотнести ее с драматургическим вариантом.

В пьесе значительное место отведено музыке: она – и в речи героев (как тема разговора), в интонации (с воспоминаниями о джезе связывается поэтически приподнятый тон ре-

чи), в текст вводится звучащая музыка, песни и танцы в стиле 50-60-х. И если разговоры персонажей передают их наблюдения над жизнью, то музыка (во всех вариантах звучания) – способствует передаче впечатлений, реконструирует эмоциональную атмосферу юности. В связи с этим концептуальным кажется замечание автора по поводу сценографии пьесы. Первоначальный макет исключал глубину сцены, выводя все действие на авансцену, второй – располагал стену-развертку квартиры по диагонали. И «диагональ решила дело! Треугольник сцены, который образовался после установки декораций по косой, приобрел какие-то мистические свойства. Когда герои сидели у стенки, они были в квартире. Когда они удалялись от нее, они попадали в какое-то свободное неопознанное пространство, теперь они находились неизвестно где, где угодно – на улице, в космосе, в своем прошлом... И танцы, намеченные в пьесе ремарками в соответствии с бытовой логикой, приобретали на сцене символический смысл» [Славкин 1996: 82]

В проговаривании нереализованных когда-то задумок или, напротив, вариантов того, что было найдено в театральной постановке, но не запечатлено в пьесе, создается новая версия жизни драматического и театрального произведения: «не удалось в театре, попробуем в книге» [Славкин 1996: 18]. Установка автора на договаривание не случившегося определяет ряд новых интегральных образов, чуждых пьесе, но принципиальных для книги.

Так, мотив «оборота» первоначально подан в тексте как шутка – история с «методом обратной стороны». Получилось так, что единственная летопись «стильной жизни», по которой можно восстановить историю стилигов – это «Крокодил» и ряд газетных статей, посвященных критике стилигничества. В. Славкин приводит статьи целиком или фрагментарно, а чтобы определить временной слой, в который происходили события, «переворачивает» газету, натываясь на обороте на хронику «официальной жизни» народа: вручение международной Ленинской премии, выставка студентов-учеников Глазунова после поездки на БАМ, указание на утверждение плана семинара «...нинской эстетики» и т.д.

«Метод обратной стороны» оказывается применим не только к недатированным материалам, но и к человеческой жизни вообще. По указанному принципу развивается линия Бэмс «литературный» – Бэмс настоящий: три встречи с прототипом героя переворачивают образ, переводя его в иной регистр – соотносящийся, скорее, с героем-антагонистом Ивченко:

Прокоп. Дороже?! Во, деятели! А говорят, у них там все дешевле.

Ивченко. Да брось ты, Прокоп! Возьми Америку, иди поешь в хороший ресторан – штанов не хватит. [Славкин 1996: 24] («Взрослая дочь молодого человека»)

Бэмс («Третий Бэмс»): В ресторан – надо иметь что-то за пазухой. Когда я видел, как подъезжают в рестораны – я как наблюда-

тель только был. Я даже не мог попасть, пройти – мне было стыдно... Я посмотрел, думаю, мама миа! Я не мог при всем желании. Даже если бы были деньги! ... Потому что я не имел такого лоска, какого-то статуса, уровня... [Славкин 1996: 278].

Эта трансформация героя включается в книгу в ряд других историй о жизни бывших стилияг (баллада о трубаче Волде, решившем заработать в «Кабачке 12 стульев», изображая вдохновенную игру на инструменте под фонограмму, и в итоге отказавшегося играть в ансамбле Лундстрема, потому что там действительно нужно было работать; история напарницы Люси из «Ориона» и т.д.).

С подобными «переворачиваниями» связан и лейтмотив книги – «*Двадцать лет понадобилось...*». «Двадцать лет им понадобилось для того, чтобы понять, что кока-кола – это просто лимонад и ничего больше». С этой фразы, произнесенной когда-то В. Аксеновым, начинается длинная череда «им понадобилось»: 20 лет для того, чтобы понять, что «чувингам» – это обычная жевательная резинка, Пикассо – это всемирно известный художник, джаз – это музыка, а танки в Праге – это вторжение во внутренние дела другого государства. Изменения в сознании – с 20-летним опозданием – в книге Славкина существуют только в паре с цитатой из пьесы «Серсо» – «*Поздно*». Поздно – потому что «*калеки, инвалиды и уроды не могут сделать даже двух шагов, чтобы выйти из строя...*», потому что «*съедена жизнь. Лучшие наши годы употреблены в пищу любителями полакомиться чужими судьбами... Едоки проглотили этот кусочек, так и не заметив его и им не насытившись*» [Славкин 1996: 311].

В результате создается образ «советской жизни» как двуликой, но в тот момент, когда изнанка становится стороной лицевой, это уже не меняет сути (...«*Поздно*» ...*Оно и ваше, дорогие товарищи... Вы потратили свои силы на борьбу с нами, а мы... Фу, какая глупая история!*) [Славкин 1996: 311].

Однако «последнее слово автора» предлагает еще один вариант «переворачивания» (символично оно еще и потому, что последняя страница уже не имеет ничего на своем «обороте»): «*...автор ... нет-нет и пускался в философские рассуждения и словесные экзерцисы, растворяя крупицу факта, растирая, размешивая и взбивая получившуюся при этом литературную массу до пенного состояния. Передайте вашему компьютеру, чтобы проделал обратную работу, отжал, отсеял и уплотнил... И вот когда весь мой труд он собьет в одну маленькую кругленькую пилюльку, возьмите ее и положите на язык. Подержите так секунду, другую, и вы почувствуете легкую горечь. Знайте – это мы!*» [Славкин 1996: 314]. Таким образом, книга, представляющая собой «разросшуюся» пьесу, пьесу, включенную в многочисленные контексты своей эпохи, в финале возвращается автором к своей основе, превращаясь в метафору: история стилияг как

пицца для беспокойных умов потомков (история с привкусом «легкой горечи»), как поучительное напоминание о повседневности, времени и истории, поглощающих человека (каждая отдельная жизнь для них – только «пилюлька»).

Еще один вариант мотива «оборота» – в самом выборе типа героя. В книге (в отличие от пьесы 1979 года) последовательно выстраивается оппозиция «стилияга – советский человек». Они соотносятся как «верх» и «низ» («*наверху шла схватка гигантов..., а внизу копошились стилияги*») [Славкин 1996: 8]), как линия магистральная и непрерывная («советский ребенок, подросток, молодой человек, взрослый трудящийся, старик») и линия «обочинная», тротуарная и прерывистая (возникла она в том случае, если вдруг «советский молодой человек» не желал принимать участия в «прогрессе застоя», делал «оборот» – и уходил в сторону) – одиночество в микромире, но со своей музыкой, книгами, картинами. С историей такого «двойного существования» связана логика самосознания автора. В главке «Прокоп в своем репертуаре» автор указывает на то, что хотел бы предстать перед читателем именно Прокопом (почему не Бэмсом, фигура которого много поэтичнее и тоньше, симпатичнее автору? Тем более, по ходу повествования возникает параллели: Бэмс – автор: «*Я узнал себя. Это был Бэмс*» [Славкин 1996: 44]). Раскрывается интрига только в финале, когда автор делает два важных замечания (1 – он стоял в почетном карауле у гроба Сталина, 2 – он никогда не был стилиягой). И Прокоп, и автор оказываются «фанатами стилия», но не главными героями рассказанной ими истории, и тот и другой – на обочине движения, они никогда «не кидали брейк по Броду», но, как и главные герои, мучаются вопросом: «*где они ошиблись – то ли тогда, когда поверили в свободу духа, то ли тогда, когда поверили, что с этим надо бороться*» [Славкин 1996: 111].

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов В. В поисках грустного бэби: книга об Америке. – Нью-Йорк: LibertyPublishingHouse, 1987
- Богданова П. Логика перемен. Анатолий Васильев: между прошлым и будущим. – М.: НЛЮ, 2007. 376 с.
- Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество. – М., 2000.
- Козлов А. «Козел» на саксе. – М., 1998.
- Рот-Ай К. Кто на пьедестале, а кто в толпе? Стилияги и идея советской «молодежной культуры» в эпоху «оттепели» // Неприкосновенный запас. 2004. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/4/ra4.html>
- Славкин В. Взрослая дочь молодого человека: Пьесы. – М.: Сов. писатель, 1990. 285 с.
- Славкин В. Памятник неизвестному стилияге. – М., 1996
- Славкин В. Памятник неизвестному стилияге. – М.: «Артист. Режиссер. Театр», 1996. 314 с.
- Славкин В. Рядом с пьесой // Современная драматургия. 1989. № 3.
- Стеблов Е. Против кого дружите? – М., 2000.
- © Багдасарян О.Ю., 2010

Коноваленко И.В.
Омск, Россия

КОНЦЕПТ «ЗАКОН»
В ЖАНРЕ ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАН
В ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИНСТАНЦИИ

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье рассмотрены компоненты концепта «закон» при анализе обращений граждан в официальные инстанции, проанализированы представления, ассоциации и эмоции адресанта при его интерпретации феномена «закон».

Ключевые слова: закон, обращение граждан в официальные инстанции.

Сведения об авторе: Коноваленко Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии.

Место работы: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.

Контактная информация: 644119 г. Омск ул. Крупской 1-238
e-mail: irkonovalenko@yandex.ru

Konovalenko I.V.
Omsk, Russia

CONCEPT «LAW» IN THE GENRE
OF APPEAL OF THE CITIZENS
TO THE OFFICIAL INSTANCES

ГСНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.01

Abstract. The article examines components of the concept «law» in the appeals of the citizens to the official bodies. Images, associations and emotions of the addressee that appear while interpreting the phenomenon of «law» are analyzed.

Key words: law, appeal of the citizens to the official instances.

About the author: Konovalenko Irina Vladimirovna, Candidate of Philology, Assistante Professor of the Chair of German Philology.

Place of employment: The Dostoevsky Omsk State University.

Жанр обращения граждан в официальные инстанции в последнее время начинает привлекать внимание исследователей в связи с изменениями в социальной жизни нашего общества. Специфику официально-делового стиля на материале жанра обращения рассматривает О.П. Сологуб [2009], с социолингвистической стороны анализу данного феномена посвящены работы Е.А. Богдановой [2002], И.В. Утехина [2004]. Нас будет интересовать интерпретация личностью пишущего концепта «закон» как основной, ядерной составляющей жанра обращения граждан в официальные инстанции.

В связи с этим необходимо указать следующую тезис: обращение представляет собой гипержанр – «макрообразование, речевые формы которого сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своем составе несколько жанров» [Седов 1996: 41], то есть данный жанр, на наш взгляд, объединяет жалобу, предложение, обращение.

При работе с концептом, в силу множественности определений данного понятия, укажем понимание концепта «закон» в нашем исследовании. Концепт «закон» мы трактуем, вслед за Ю.С. Степановым, как «представления рядового человека, не юриста, о «законном» и «противозаконном»... «Пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово закон» [Степанов 1997: 40].

Толковый словарь русского языка дает определение слова «представление» через «знание» и «понимание»: «представление – знание, понимание чего-нибудь» [Ожегов 2006], таким образом, «знание», «понимание», «представление» в нашем исследовании являются синонимичными. Определение «переживания» словарь трактует как «душевное состояние, вызванное какими-нибудь сильными эмоциями, впечатлениями» [Ожегов 2006].

Исходя из вышеуказанного понимания концепта «закон» целью исследования явилось выделение и анализ компонентов, «слоев» данного концепта, при интерпретации адресантом обращения феномена закона. Мы попытаемся охарактеризовать представления, ассоциации и эмоции адресанта обращения в официальные инстанции и его «видение» закона.

Такого рода исследования на данном временном этапе важны не только для лингвистики, но и для государственных (юридических, общественных) органов, так как их цель – максимально эффективно построить коммуникацию между обращающимся за помощью к государственной власти и самой властью, разрешить проблему адресанта в рамках закона.

Материалом исследования послужили обращения граждан в официальные инстанции г. Омска за 2007-2009 гг.

Коротко представим анализ обращений граждан с точки зрения государственных органов, так как характеристика образа адресанта и интерпретация им определенных концептов данного жанра невозможна, на наш взгляд, без характеристики образа адресанта, в данном случае – государственной службы. При анализе обращений государственные органы учитывают так называемый «паспорт» адресанта, где указаны возраст обращающегося, ФИО, адрес, а также категория пишущего: многодетные семьи, предприниматели и т.д. Анализ подвергается и тематика обращений (выделено 17 разделов), например, труд и занятость населения, хозяйственная деятельность. Итог рассмотрения обращений представляет собой следующий пункт классификации: обращение может быть удовлетворено / удовлетворено частично / не удовлетворено (тогда указываются причины отказа).

С точки зрения лингвистического анализа нас интересует характеристика 1) представле-

ний, 2) ассоциаций, 3) эмоций адресанта при его интерпретации феномена «закон».

1. При характеристике представлений важно указать, что концепт «закон» в обращениях граждан охарактеризован полярно (соблюдение / нарушение закона) и иллюстрируется следующими компонентами: с одной стороны, «справедливость», «правовое государство», «право», с другой – «нарушение», «преступление». Надо отметить, что пишущий определяет себя по одну сторону закона (он соблюдает законные интересы), а описываемый им субъект, организация, которые привели адресанта к инициированию обращения, находятся по другую сторону (нарушают закон).

На материале исследования мы выделили следующие составляющие концепта «закон» с точки зрения адресанта: закон и правовое государство (закон – право); закон и справедливость; / закон и нарушение прав (закон – нарушение закона); закон и преступление. Проиллюстрируем примерами.

1.1. Закон и правовое государство: «Прошу у вас помощи и надеюсь на справедливую поддержку в этом вопросе. Мы строим правовое государство и должны следовать закону, а не идти на поводу у отдельных личностей, которые своим делом жизни избрали постоянное кляузничество и угрозу» / Закон и право: «Прошу защитить мои конституционные права. В конституции сказано, что перед судом все равны, где же справедливость?» / «Обидеть человека легко, а отстоять и защитить его права намного сложнее. Хуже всего, когда обижают и попирают нашими правами всенародно избранные «любимцы» (сохраняется стиль оригинала)».

1.2. Закон и справедливость. «Я жил с моими родителями с самого рождения. Родители умерли. Брат и сестра решили воспользоваться моим положением. Подали в суд о наследстве и заявление что не могу участвовать на суде и предоставить документы так как нету возможности. Суд прошел без меня присудя брату и сестре долю. Хотя меня не лъзя лишить жилой площади. Прошу мне помочь найти справедливость и взять меня во внимание как человека российской Федерации» (сохраняется стиль оригинала, пишет осужденный) / «Помогите нам разобраться в справедливости ситуации. Есть ли разрешение на строительство, а если есть, законно ли его получение?»

1.3. Закон и нарушение закона: «Мы возмущены действиями чиновников, которые поставили земельный участок на кадастровый учет с грубейшими нарушениями закона. Фактически одни незаконные действия повлекли за собой другие незаконные действия. Убедительно просим вас восстановить грубо нарушенные права жильцов» / «Видимо, депутат наделен очень властными, особыми полномочиями. Что ему соблюдение законов и жизнь избирателей» / Нарушение прав: «Власти нарушают права лю-

дей всего частного сектора, отбирают муниципальные бани, последнее, чем мы могли пользоваться».

1.4. Закон и преступление: «А здесь, как мы считаем, совершено преступление по отношению к березам – идет варварская их вырубка. С вырубкой берез нарушается экология, что отрицательно отразится на здоровье жителей».

2. Представим анализ данного концепта с точки зрения ассоциаций. Здесь в качестве источника зрения использовались данные русского ассоциативного словаря (реакции респондентов на слово-стимул «закон») [Караулов 2002]. Респонденты на данный стимул дают следующие частотные реакции, которые, можно сказать, образуют ядро ассоциаций: суров(ый), строгий, государство, власть, выполнять, соблюдать, нарушение, недействующий, правосудие. Данный ряд ассоциаций подтверждает выделенные нами составляющие концепта «закон» с точки зрения «представлений» адресанта. И лишь далеко на периферии в словаре на данный стимул отмечены такие реакции, как «сила», «справедливый».

3. Рассмотрим данный концепт с точки зрения переживаний, или эмоций. Здесь еще раз обратимся к тезису Ю.С. Степанова: «В отличие от понятий в собственном смысле термина (таких, скажем, как «постановление», «юридический акт», «текст закона»), концепты не только мыслятся, они *переживаются*. Они – предмет эмоций» [Степанов 1997: 40]. Этот тезис как раз и подтверждают примеры обращений. Сама ситуация, вынудившая человека писать в органы власти, невозможность разрешить долгое время жизненно важную проблему, не может оставить человека равнодушным.

В рамках данного исследования мы рассмотрели эмоциональность на лексико-семантическом уровне, на уровне высказывания, стилистическом, логическом. Представим выводы.

На лексико-семантическом уровне переживания адресанта характеризует наличие лексем, понятийно, когнитивно выражающих отрицательные эмоции: «возмущение», «обида», «гнев»; многочисленное использование глаголов с отрицательной частицей: «не выполняют» / «не дают» / «не разрешают»; императивов: «помогите», «проясните», «решите»; употребление интенсификаторов: «очень властные полномочия» / «грубейшие нарушения» / «это последнее, что осталось».

На уровне высказывания эмоциональность пишущего показана через обилие восклицательных / вопросительных предложений (возможно даже в рамках одного письма): «Почему никто не несет наказания? Нарушен закон! Или тут тоже коррупция? Какое безобразие! Какой беспредел! (подчеркнуто пишущим)».

Эмоциональность проявляется также в нарушении пишущим норм официально-делового стиля, что понимает и подчеркивает сам адресант обращения. Об этом свидетельствуют

многочисленные высказывания пишущего: «Извините за излишнюю эмоциональность. Очень жаль, уж больно нечестно» / «Извините за эмоциональность. Нет сил терпеть больше эти унижения».

На уровне логических норм построения текста эмоциональность адресанта проявляется в нарушении им логики, связности текста. Например, пишущий может несколько раз возвращаться к теме, в силу важности для него поставленной проблемы, используя повторы, описывать один аспект в жалобе, а в заключение просить другое.

Надо отметить, что письменный дискурс в меньшей степени, чем устный, позволяет учитывать невербальную манифестацию эмоций, но и здесь есть элементы невербального проявления эмоций. Это подчеркивания, выделения другим шрифтом определенной информации.

Итак, представим выводы, какие компоненты, слои концепта «закон», выделены и проанализированы нами при работе с обращениями граждан в официальные инстанции.

В рамках исследования мы рассмотрели закон с точки зрения представлений, ассоциаций и переживаний адресанта при его интерпретации феномена «закон».

На уровне представлений были выделены и проанализированы следующие компоненты концепта «закон»: закон как справедливость; закон и правовое государство (закон – право); закон и справедливость; / закон и нарушение прав (закон – нарушение закона); закон и преступление. Пишущий характеризует себя как соблюдающего законы, а «виновного» в сложившейся ситуации (субъекта, организацию), как нарушающего нормы закона.

На ассоциативном уровне ядро ассоциаций образуют следующие реакции: «суров(ый)», «строгий», «государство», «власть», «выполнять», «соблюдать», «нарушение», «недействующий», «правосудие», что подтверждает выделенные нами выше компоненты концепта «закон» с точки зрения анализа «представлений» граждан, обращающихся в официальные инстанции.

Эмоциональность нами рассмотрена на лексико-семантическом, стилистическом, логическом уровнях, уровне высказывания. Примеры обращений граждан в силу тяжелой сложившейся ситуации для адресанта имеют большой эмоциональный (в большей степени

отрицательный) потенциал, что проявляется, например, на лексико-семантическом уровне через лексемы, когнитивно выражающие отрицательные эмоции, обилие императивов, слов-интенсификаторов, на уровне высказываний – в использовании большого количества вопросительно-восклицательных предложений. На уровне логических норм построения текста эмоциональность адресанта проявляется в нарушении пишущим логики, связности текста. Стилистические нормы официально-делового текста (определенная клишированность, безэмоциональность) нарушаются пишущим в силу его эмоциональности, а также гипержанровости феномена обращения.

Общение власти и гражданина должно проходить в рамках закона. Как «видит» закон гражданин, обращающийся в официальные инстанции, как интерпретирует этот феномен. Решение таких вопросов, на наш взгляд, не только позволяет более полно охарактеризовать поведение обращающегося в органы власти с точки зрения лингвистики, но и способствует успешному диалогу власти и гражданина, оптимизации деятельности в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

Богданова Е.А. Газетные жалобы как стратегии защиты потребительских интересов. Позднесоветский период // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2002. № 6. С. 44-48

Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. – ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2002. 784 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка – М.: ИТИ Технологии, 2006. 944 с.

Седов К.Ф. Жанровое мышление языковой личности (о риторике бытового общения) // Вопросы стилистики. Язык и человек. – Саратов, 1996. Вып. 26. С. 38-43.

Сологуб О.П. Современный русский официально-деловой текст: функционально-генетический аспект: Дис. ... док. филол. наук. – Кемерово, 2009.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. С. 40-76.

Утехин И.В. Из наблюдений за поэтикой жалобы // Studia Ethnologica: Труды факультета этнологии. – СПб: Изд-во Европейского Ун-та в Санкт-Петербурге. 2004. Вып. 2. С. 274-305

© Коноваленко И.В., 2010

Кретов А.А.
Воронеж, Россия

ДИНАМИКА МАРКЕМ В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ
КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ПРОЦЕССОВ¹

УДК 821.161.1.09:81'38
ББК Ш 100.3

Аннотация. Анализирует динамика маркем в текстах русских авторов 18-начала 20 вв. Устанавливается их связь с социокультурными процессами исследуемого периода.

Ключевые слова: русская литература, маркема, социодинамика, социокультурные процессы.

Сведения об авторе: Кретов Алексей Александрович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики.

Место работы: Воронежский государственный университет.

Контактная информация: 394000, г. Воронеж, пл. Ленина, д. 10, к. 13.
e-mail: tipl@rgph.vsu.ru.

Kretov A.A.
Voronezh, Russia

DYNAMICS OF MARKEMES IN THE RUSSIAN
LITERATURE OF XVIII-BEGINNING OF XX
CENTURIES AS A REFLECTION OF THE SOCIAL
CULTURAL PROCESSES

ГЧНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.04

Abstract. The paper deals with the dynamics of markemes, i.e. the most significant words, in the texts of Russian Literature of 18 – beginning of the 20-th cc. The connection of dynamics of markemes with the social and cultural processes is investigated.

Key words: Russian Literature, markeme, social dynamics, social and cultural processes.

About the author: Kretov Alexey Alexandrovich, Doctor of Philology, Theoretical and Applied Linguistics Department, Professor and Chairman.

Place of employment: Voronezh State University.

Цель данного исследования – проследить связь между поведением словоформ в текстах русской литературы и социокультурными процессами, стоящими за этим поведением.

Объектом исследования являются тексты 112 русских авторов XVIII – начала XX веков (после имени автора следует номер хронологического периода): Богданович И.Ф., 1; Державин Г.Р., 1; Дмитриев И.И., 1; Кантемир А.Д., 1; Капнист В.В., 1; Карамзин Н.М., 1; Княжнин Я.Б., 1; Крылов И.А., 1; Ломоносов М.В., 1; Львов Н.А., 1; Майков В.И., 1; Муравьев М.Н., 1; Новиков Н.И., 1; Радищев А.Н., 1; Сумароков А.П., 1; Тредиаковский В.К., 1; Фонвизин Д.И., 1; Хемницер И.И., 1; Херасков М.М., 1; Баратынский Е.А., 2; Батюшков К.Н., 2; Бестужев-Марлинский А.А., 2; Веневитинов Д.В., 2; Вяземский П.А., 2; Гнедич Н.И., 2; Гоголь Н.В., 2; Грибоедов А.С., 2; Давыдов Д.В., 2; Дельвиг А.А., 2; Жуковский В.А., 2; Загоскин М.Н., 2; Кольцов А.В., 2; Кюхельбекер В.К., 2; Лермонтов М.В., 2; Нарезный В.Т., 2; Одоевский В.Ф., 2; Погорельский А., 2; Полевой Н.А., 2; Пушкин А.С., 2; Рылеев К.Ф., 2; Языков Н.М., 2; Аксаков К.С., 3; Аксаков С.Т., 3; Анненков П.А., 3; Белинский В.Г., 3; Герцен А.И., 3; Гончаров И.А., 3; Григорович Д.В., 3; Григорьев А.А., 3; Дружинин А.В., 3; Киреевский И.В., 3; Леон-

тьев К.Н., 3; Майков А.Н., 3; Некрасов Н.А., 3; Никитин И.С., 3; Островский А.Н., 3; Писемский А.Ф., 3; Плещеев А.Н., 3; Полонский Я.М., 3; Салтыков-Щедрин М.Е., 3; Толстой А.К., 3; Тургенев И.С., 3; Тютчев Ф.И., 3; Фет А.А., 3; Хомяков А.С., 3; Апухтин А.Н., 4; Гаршин В.М., 4; Добролюбов Н.А., 4; Достоевский М.М., 4; Достоевский Ф.М., 4; Короленко В.Г., 4; Лесков Н.С., 4; Мельников-Печерский П.И., 4; Михайловский Н.К., 4; Надсон С.Я., 4; Писарев Д.И., 4; Помяловский Н.Г., 4; Слепцов В.А., 4; Случевский К.К., 4; Соловьев Вс.С., 4; Соловьев Вл.С., 4; Страхов Н.Н., 4; Толстой Л.Н., 4; Успенский Г.И., 4; Успенский Н.В., 4; Фофанов К.М., 4; Чернышевский Н.Г., 4; Чехов А.П., 4; Эртель А.И., 4; Андреев Л.Н., 5; Анненский И.Ф., 5; Ахматова А.А., 5; Бальмонт К.Д., 5; Белый А., 5; Блок А.А., 5; Брюсов В.Я., 5; Бунин И.А., 5; Волошин М.А., 5; Горький М., 5; Гумилев Н.С., 5; Есенин С.А., 5; Иванов Вяч.И., 5; Кузмин М.А., 5; Мандельштам О.Э., 5; Маяковский В.В., 5; Мережковский Д.С., 5; Пастернак Б.Л., 5; Розанов В.В., 5; Сологуб Ф.К., 5; Ходасевич В.Ф., 5; Цветаева М.И., 5; Шмелев И.С., 5.

Выделение хронологических срезов и принцип отнесения авторов к ним были обоснованы ранее в работах А.А. Фаустова [Фаустов 1997, Фаустов 1998]: 1 – XVIII век, 2 – первая треть, 3 – вторая треть, 4 – третья треть XIX века, 5 – начало XX века.

Мы стремились к максимально полному охвату творчества указанных авторов, но наши возможности были ограничены количеством и качеством текстов, доступных в электронном виде.

Кроме того, были наложены некоторые ограничения на дискурсный состав этих текстов: исследовались художественные и публицистические тексты и не учитывались эпистолярные,

¹ Данная статья выполнена в рамках проекта «Универсалии русской литературы (XVIII – начало XX вв.)» [грант Федерального агентства по образованию (Рособразования) 2.1.3 / 4705] и использует понятия *ИнТеМа* (индекса тематической маркированности словоформ) и *маркемы* – подробно описанные и исследованные в статьях [Кретов 2007; 2008; 2009а; 2009б; 2009в; 2009г; 2010а; 2010б; 2010в; Фаустов 2009а; Фаустов 2009б].

а также официально-деловые и научные тексты.

Общая длина текстов, привлечённых к исследованию, составляет более 43.134.000 словоформ. В среднем на каждого из 112 авторов приходится около четырёх томов – приблизительно объём «Войны и мира» Л.Н. Толстого.

Все тексты одного автора были собраны в единый файл. Каждый из файлов обрабатывался специальной программой «ТемАЛ» (тематического анализа лексики), вычисляющей ИнТеМ – индекс тематической маркированности словоформ – и ранжирующей их в порядке убывания значений индекса. (Идея – д.ф.н, проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики ВГУ А.А. Кретьова, руководство – к.т.н., доц. каф. программного обеспечения и администрирования информационных систем ВГУ И.Е. Ворониной, исполнение – студентки 4 курса ф-та прикладной математики и механики ВГУ Ирины Поповой.) Идея ИнТеМа состоит в том, что частота словоформ в тексте является равнодействующей двух закономерностей: языковой и авторской. Каждая словоформа в тексте имеет два веса: по длине и по частоте. Для того, чтобы получить авторскую составляющую, необходимо вычесть из частотного веса словоформы её вес по длине.

Результат, полученный с помощью программы «ТемАл», обрабатывался программой ADD-2, осуществляющей лемматизацию словоформ (автор – сотрудник отдела качества ВГУ Михаил Катов).

В результате использования указанных программ из текстов каждого из 112 авторов были извлечены 50 маркем, на последующем анализе которых (включая анализ величин ИнТеМа каждой из маркем) и строится наше исследование.

Гипотеза исследования такова. Каждый автор может быть охарактеризован самыми «важными» для его текстов словами-маркемами – 50 словоформами, имеющими максимальный индекс тематической маркированности (ИнТеМ) в его текстах и прошедшими через серию фильтров: 1) частеречный (только существительные); 2) грамматический (только словарные формы существительных); 3) грамматико-семантический (отсеиваются онимы и одушевленные существительные, кроме слова человек); 4) тематико-семантический (настраивается на конкретное произведение и конкретный жанр, к примеру: *явление* и *действие* в пьесах; воинская терминология у Д.В. Давыдова и Л.Н. Толстого; названия поэтических жанров; название месяцев и дней недели; имена животных – героев рассказов и басен; артефактов, если последние не обрели символических значений; и т.д.); 5) стилистический (отсеиваются стилистически окрашенные слова – диминутивы и т.п.); 6) диалогический (исключаются обращения, звательные формы: *Боже, княже, старче, отче, мати; батюшка, матушка* и т.п.); 7) классификационный (отфильтровыва-

ются слова-классификаторы, фигурирующие в конструкциях «Сущ. И.п. + Сущ. Р.п.», не несущие собственной семантики, как, например, слово *множество* в конструкциях *множество плодов, множество врагов, множество красавиц, множество знамен* и т.д.).

Получив суммированием авторских списков маркем список из 50 маркем по каждому из 5 срезов, мы можем аналогично получить список 50 маркем для всех пяти срезов в целом. Таким образом, мы можем выделить «самые важные» слова для каждого из 5 периодов и для всего хронологического полигона нашего исследования в целом.

Предметом дальнейшего анализа будут маркемы русской литературы XVIII – начала XX вв., полученные в результате двукратной интеграции (авторов в срез и срезов в хронологический полигон), а также изменение параметров этих маркем на шкале времени.

При этом каждая из маркем будет характеризоваться двумя параметрами: суммарным ИнТеМом и количеством авторов, у которых отмечена данная маркема.

Третьим параметром, особенно интересным для исследования динамики, является временной: в каких срезах отмечена та или иная маркема. При этом важны две величины: количество срезов, в которых отмечена маркема и номера срезов, в которых она отмечена.

Количество срезов можно трактовать как величину стабильности маркемы: чем в большем числе срезов она представлена, тем выше её стабильность, и одновременно – как величину специфичности (своеобразия) маркемы: чем в меньшем числе срезов она представлена, тем выше её специфичность, тем ярче она характеризует своё время.

Кроме того, хронологическая распределённость маркемы может быть сплошной, например, 1-2-3 срезы или 3-4-5 срезы, а может быть разорванной, например, 2-3-5 или 2-4-5. Исходя из того, что «природа не делает скачков», а также из того, что из 62 маркем, встретившихся более 1 раза разорвано на шкале времени распределены только 12 и при этом лишь в одном случае разрыв составляет более одного среза, заподозрим в качестве причины хронологического разрыва случайный, т.е. гносеологический, а не онтологический фактор. Случаи разрыва в один интервал будем считать сомнительными и требующими перепроверки.

Итак, какие же маркемы демонстрируют максимальную стабильность на всём хронологическом полигоне исследования?

Это маркемы: *воображение; 19.84; 52; справедливость; 19.60; 57; удовольствие; 19.34; 52; спокойствие; 17.92; 56; состояние; 12.52; 39* (первая цифра после маркемы – ИнТеМ, вторая – число авторов, в произведениях которых маркема отмечена).

Динамика маркемы *воображение* при этом имеет своим максимумом первую половину

XIX века – эпоху романтизма. Резкий всплеск её популярности сопровождается менее резким падением. См. Рис. 1. В начале XX века значение ИнТеМа опустилось даже ниже, чем это было в веке XVIII.

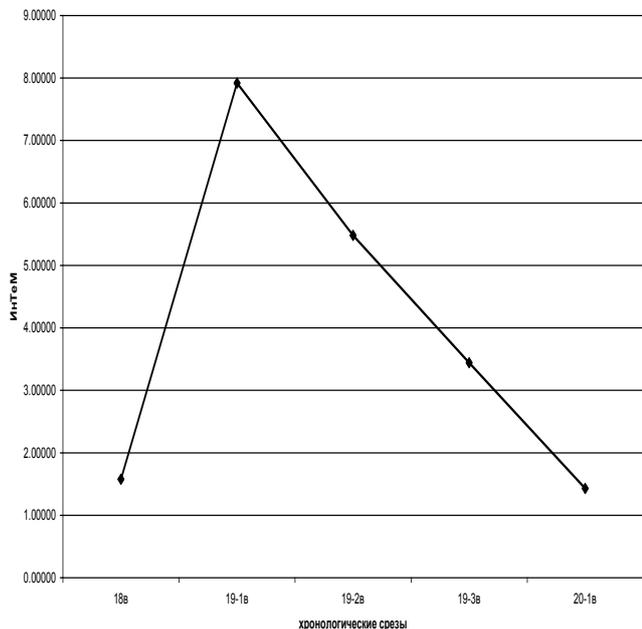

Рис. 1. Динамика ИнТеМа маркемы *вдохновение*.

Динамика числа авторов по срезам подтверждает в целом закономерность с тем уточнением, что между третьим и четвёртым срезами падение интереса к воображению было не столь резким, как от второго к третьему и от четвёртого к пятому. А кроме того, число авторов, в текстах которых представлена маркема *вдохновение*, в XX веке осталось более высоким, чем в XVIII.

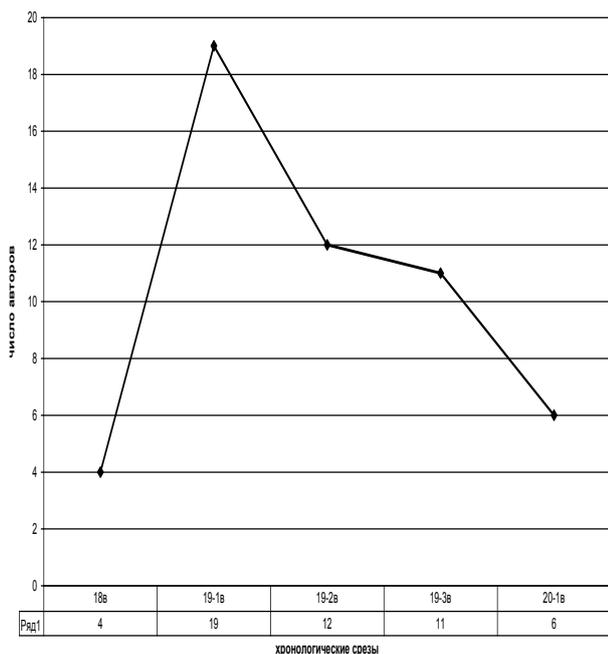

Рис. 2. Динамика числа авторов, употреблявших маркему *вдохновение*.

Сходную динамику имеют маркемы *справедливость*, *удовольствие* и *состояние* (см. Рис. 3).

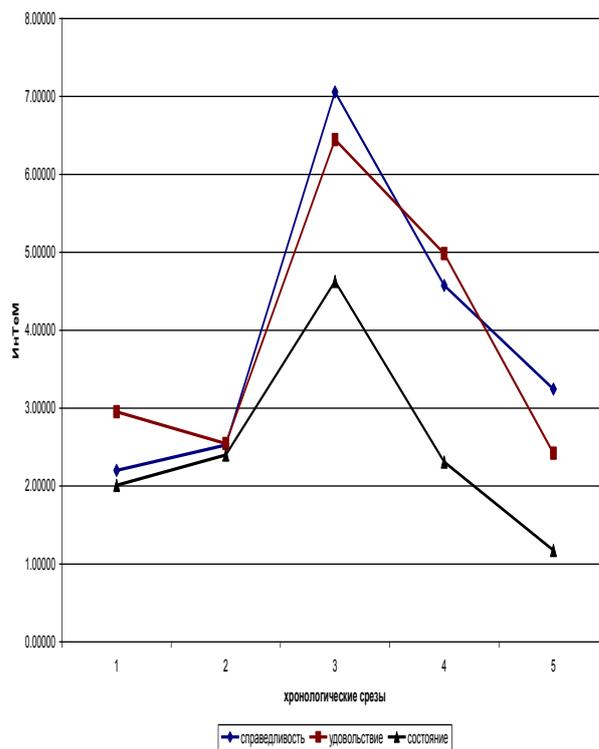

Рис. 3. Динамика ИнТеМа маркем *справедливость*, *удовольствие*, *состояние*.

Как видим на Рис. 3, пик популярности этих маркем приходится на революционную вторую треть XIX-ого века.

Динамика числа авторов, пользовавшихся этими маркемами, представлена на Рис. 4.

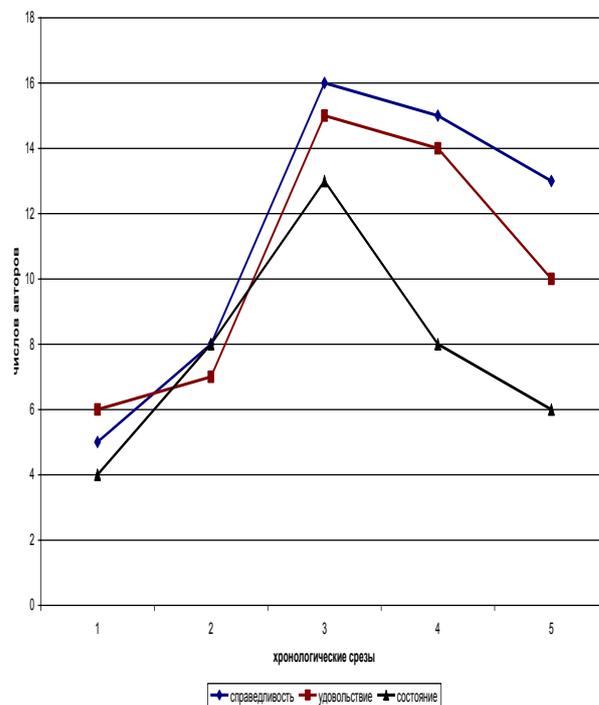

Рис. 4. Динамика маркем *справедливость*, *удовольствие*, *состояние* по числу авторов.

Рис. 4 показывает, что и у этих маркем снижение популярности по числу авторов было менее резким, чем по значению ИнТеМа.

Маркема *состояние* требует дополнительного изучения, ибо слово состояние многозначно и в разные эпохи на передний план могли выходить разные значения: «Социальное положение, звание», «Имущество, капитал, собственность» или «Положение, в котором кто/что-л. находится». Последнее значение столь абстрактно, что правомерность его отнесения к маркемам вызывает сомнения.

Последняя из наиболее стабильных маркем – *спокойствие*.

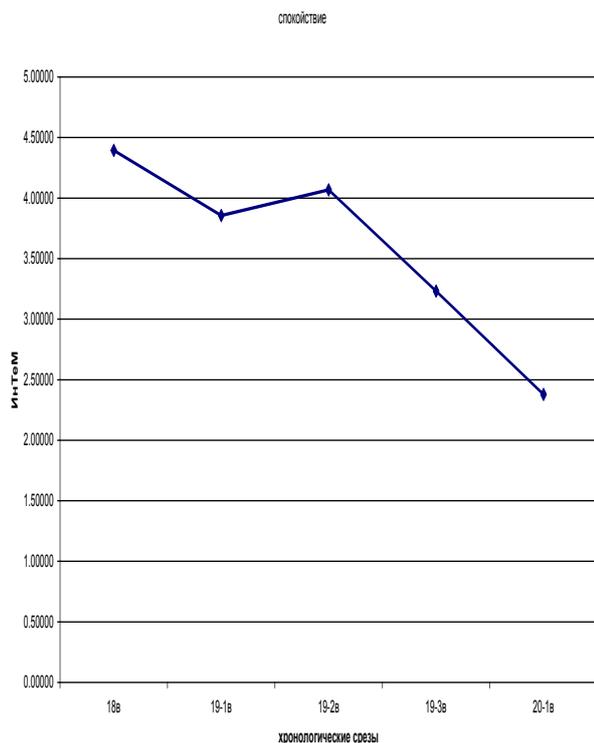

Рис. 5. Динамика ИнТеМа маркемы *спокойствие*.

С XVIII по вторую треть XIX века *спокойствие* составляло относительно устойчивую ценность, однако с последней трети XIX-ого века её ценили всё меньше и меньше. В итоге за период наблюдения маркема *спокойствие* имеет отрицательную динамику, приведшую к уменьшению её ИнТеМа почти вдвое.

Зато динамика по количеству авторов (Рис. 6) показывает высокую стабильность этой маркемы.

К указанным пяти маркемам примыкает также маркема *человек*, представленная в 4-ех срезах. Как это ни парадоксально, доминантная по суммарному значению ИнТеМа маркема *человек* в начале XX века пропадает. И это вряд ли случайность: с первого по 4-ый срез значение ИнТеМа этой маркемы уменьшилось вдвое. В этом свою роль сыграла маркема *человечество*, находящаяся с маркемой *человек* в отношениях дополнительного распределения (см. Рис. 7).

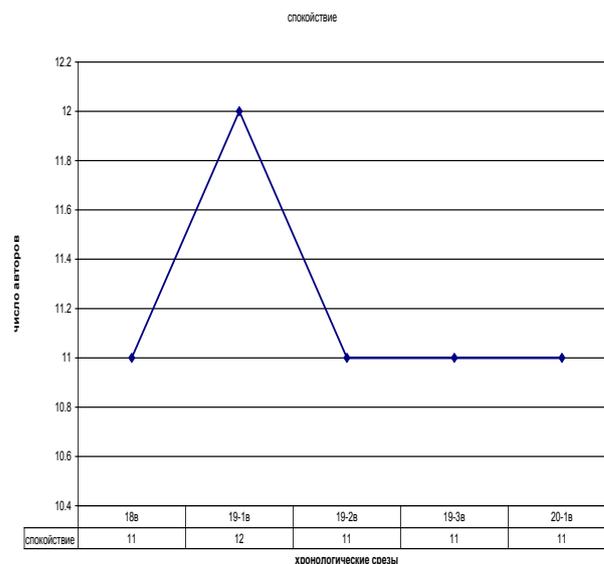

Рис. 6. Динамика маркемы *спокойствие* по числу авторов.

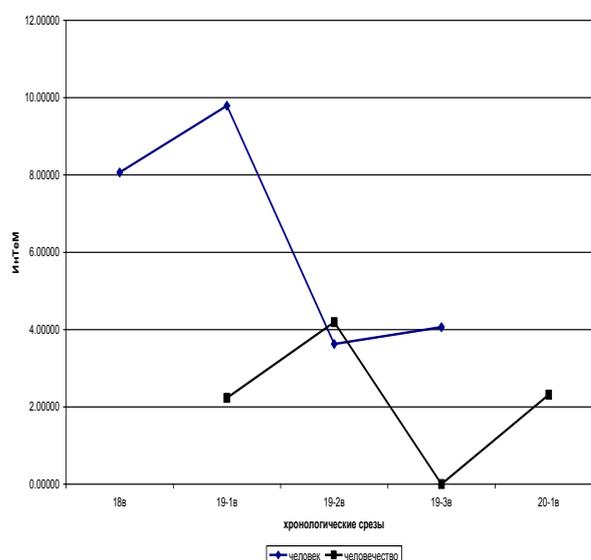

Рис. 7. Динамика ИнТеМа маркем *человек* и *человечество*.

Похоже, что в спокойные периоды развития общества (первая и последняя трети XIX-ого века) внимание литературы обращается к *человеку*. А в кризисные эпохи (вторая треть XIX-ого века, начало XX-ого века, внимание переносится с *человека* на *человечество*. Так, маркема *человечество* имеет свои максимумы в 3 и 5-ом срезах, а маркема *человек* – в 1-2 и 4-ом срезах. В начале XX-ого века русская литература *человека* фактически «теряет», замещая его *человечеством*.

Ещё одной маркемой, примыкающей к наиболее стабильной, является маркема *пространство*, по-видимому, случайно отсутствующая среди маркем 2-ого среза.

Её пики (по ИнТеМу) также тяготеют к кризисным эпохам (срезы 3 и 5). Причём максимум приходится не на 5-ый срез, как можно было бы ожидать, а на 3-ий (см. Рис. 8).

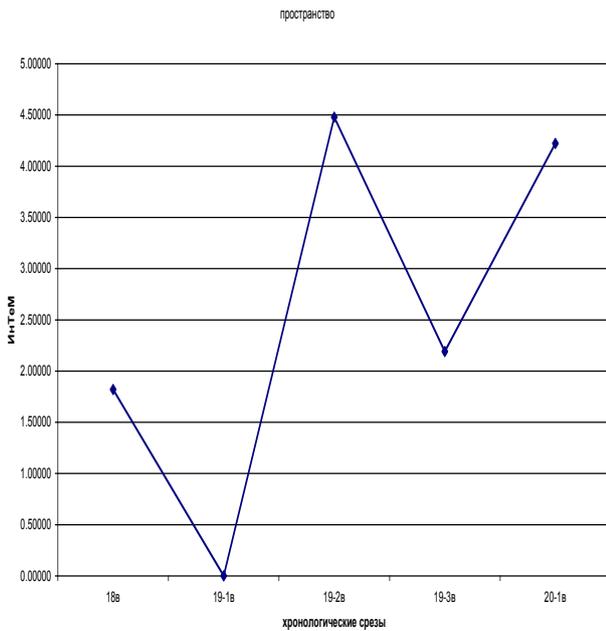

Рис. 8. Динамика ИнТеМа маркиемы *пространство*.

Следующая группа из шести маркем, представленных в 4-х срезах, дружно появляется в начале XIX века в эпоху романтизма: *впечатление*; 19.77; 56; *воспоминание*; 14.39; 46; *необходимость*; 12.38; 36; *внимание*; 12.17; 43; *доказательство*; 11.59; 35; *возможность*; 11.06; 40. На первый взгляд, они составляют две группы: первая, семантически созвучная романтизму: *впечатление*, *воспоминание*, *внимание*, а вторая – диссонирующая с ним, но предвещающая революционную эпоху 1860-ых годов: *необходимость*, *возможность*, *доказательство*.

Как позволяет понять Рис. 9, в действительности всё обстоит сложнее.

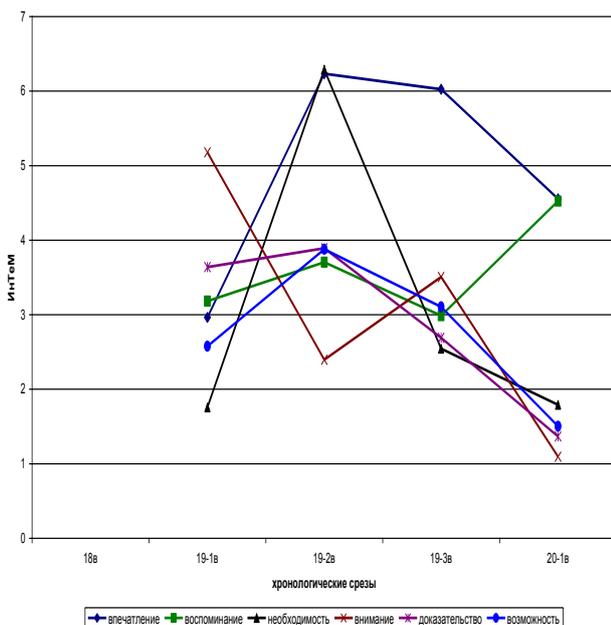

Рис. 9. Динамика ИнТеМа маркем *впечатление*; *воспоминание*; *необходимость*; *внимание*; *доказательство*; *возможность*.

Как видим, собственно «романтической» (имеющей максимум во втором срезе) является только маркема *внимание*. Никогда впоследствии её ИнТеМ не будет столь же высоким. Правда, она будет вторично востребована в конце XIX века – в эпоху импрессионизма.

Подготавливающими будущее и относящимися к эпохе революционных 1860-ых являются маркемы, имеющие свой максимум в третьем срезе: *необходимость*, *доказательство* и *возможность* и, как ни странно, *впечатление*. Самой специфичной из них для второй трети XIX-ого века является маркема *необходимость*, чей ИнТеМ резко возрастает и столь же резко падает в последующем срезе. К началу XX века интерес к *необходимости* продолжает убывать, хотя и не столь резко. Маркема *возможность* воспроизводит её судьбу в более смягчённой форме: не столь резкий взлёт и не столь стремительное падение. Маркема *доказательство* была востребована в первой-второй третях XIX века, а чем дальше, тем, видимо, реже возникала потребность утруждать себя доказательствами: в XX веке ИнТеМ этой маркемы уменьшился почти в четыре раза.

О маркеме *впечатление* можно сказать, что хотя она появилась в первой трети XIX века, но её звёздный час был впереди: даже в 20-ом веке её ИнТеМ в полтора раза выше, чем в начале XIX века.

Интересно поведение маркемы *воспоминание*. Она находилась в гармонии с началом XIX века, но динамика её заставляет предположить следующую закономерность: воспоминания активизируются в эпохи кризиса и бурных перемен. Так, отмена крепостного права вызвала к жизни идиллические воспоминания об эпохе крепостного права, но и это не идёт в сравнение с интенсивностью воспоминаний первой трети XX века о дореволюционной России, которую одни «унесли с собой», а другие «потеряли». И, соответственно, в относительно спокойные эпохи – 2-ую и 4-ую, воспоминания утрачивают свою актуальность. На Рис. 9 легко заметить, что *воспоминание* и *внимание* находятся в отношении дополнительного распределения. Они плохо совместимы: благополучие активизирует *внимание*, неблагополучие – *воспоминания*.

Перейдём к рассмотрению маркем, представленных в трёх срезах.

Как следует из Рис. 10, во второй трети XIX века русская литература потеряла *сердце* и *счастье*, в последней трети XIX века – *достоинство* и *благодарность*. И если *сердце* и *счастье* ещё вернулись слабым отголоском в последней трети XIX века, то *достоинство* и *благодарность* были утрачены безвозвратно. Все четыре маркемы, появившись в XVIII веке, были специфичны именно для первой трети XIX века – эпохи романтизма, золотого века русской поэзии.

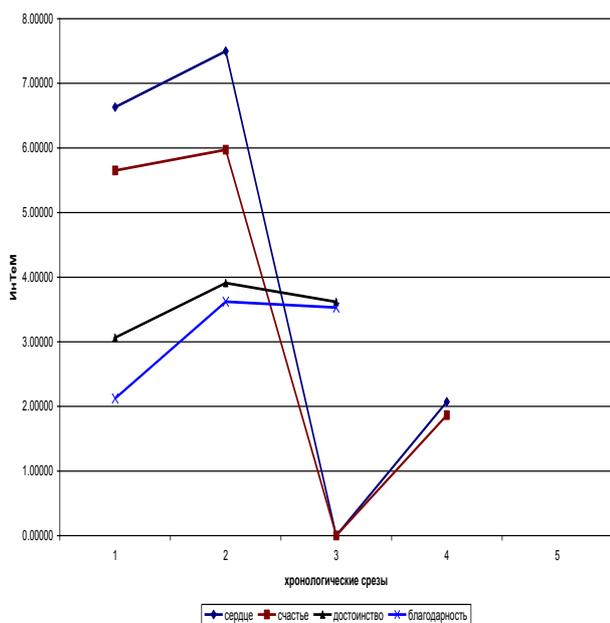

Рис. 10. Динамика ИнТеМа маркем *сердце, счастье, достоинство, благодарность*.

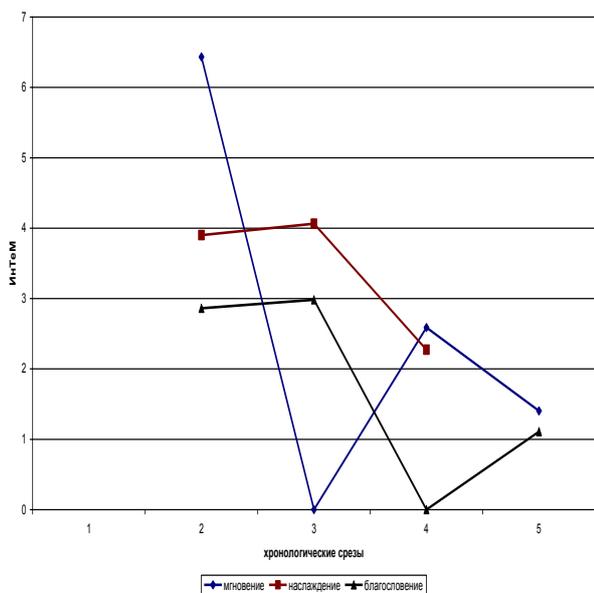

Рис. 11. Динамика ИнТеМа маркем *мгновение, наслаждение, благословение*.

Как видно из Рис. 11, маркама *мгновение* не только ярко отражает специфику романтизма, но и указывает на внутреннее родство этой эпохи с эпохой импрессионизма (отсутствие этой маркиемы в третьем срезе, в принципе, закономерно, но, тем не менее нуждается в проверке), маркиемы *благословение* и *наслаждение* почти в равной мере характеризуют вторую и третью трети XIX века. Однако «возвращение» маркиемы *благословение* в последнем срезе косвенно указывает на типичность её для второй трети XIX века как для кризисного периода.

Маркемы *обстоятельство, действительность, существование, направление, деятельность, отсутствие* специфичны для третьего срезе (второй трети XIX века): все они имеют максимальные значения ИнТеМа именно

в этом срезе. Однако, как показывает Рис. 12, их последующая судьба различна.

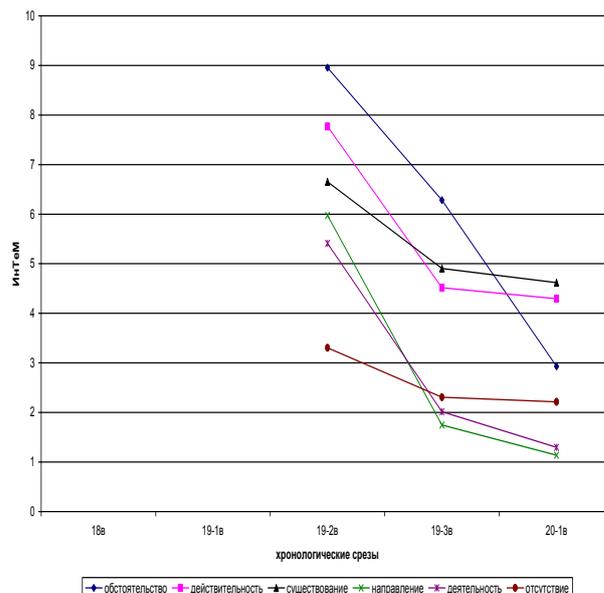

Рис. 12. Динамика ИнТеМа маркем *обстоятельство, действительность, существование, направление, деятельность, отсутствие*.

ИнТеМ маркиемы *обстоятельство, направление, деятельность* постоянно убывает от срезе к срезе, а вот у маркием *действительность, существование, отсутствие* значение ИнТеМа после падения стабилизируется и в 4-5 срезах меняется несущественно. Если тенденция сохранится, то первые три маркиемы будут утрачены, в последние три – удержаны в наборе маркием русской литературы.

Сходную с последними тремя судьбу имеют маркиемы *представление* и *противоположность* (см. Рис. 13).

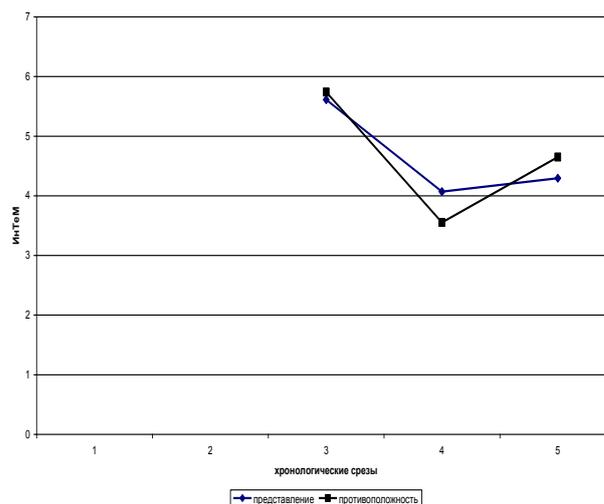

Рис. 13. Динамика ИнТеМа маркем *представление* и *противоположность*.

Принципиальное отличие двух последних состоит в том, что их ИнТеМ после падения в 4-ом срезе не убывает и не стабилизируется, а возрастает. Это обстоятельство позволяет в маркиемах *представление* и *противоположность* видеть

маркемы кризисных эпох. По крайней мере, для маркемы *представление* такой вывод не выглядит тривиальным: чисто интуитивно её можно было бы отнести к маркемам эпохи импрессионизма (последней трети XIX века).

Динамика маркем позволяет предположить, что в кризисные эпохи люди не только вспоминают «утраченный рай», но и воображают себе «рай обрётённый», ожидающий их после чистилища.

Представленные в трёх срезах и вошедшие в русскую литературу маркемы *происхождение* и *образование* принадлежит разным эпохам и демонстрируют разные тенденции.

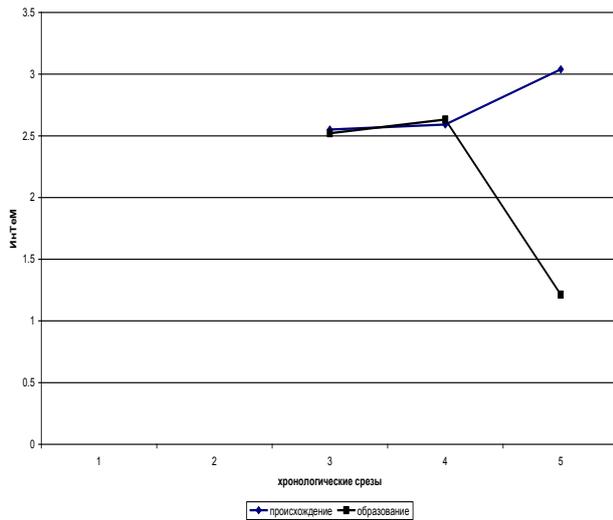

Рис. 14. Динамика ИнТеМа маркем *происхождение*, *образование*.

Как показывает Рис. 14, у ИнТеМа маркемы *происхождение* динамика положительная, и максимум приходится на последний срез. Таким образом, *происхождение*, появившись среди маркем русской литературы во второй трети XIX-ого века, сделало карьеру, оказавшись максимально востребованным в первой трети XIX-ого века. По-видимому, это обстоятельство вызвано последствиями социалистической революции, после которой *происхождение* на всю советскую эпоху превратилось в основание на деление людей на «своих» и «чужих» и стало одним из определяющих пунктов в анкете граждан РСФСР и СССР.

Что касается *образования*, то оно ещё в большей мере, чем во второй трети XIX-ого века, было значимо в конце XIX-ого века. В первой же трети XX века ИнТеМ маркемы *образование*, свидетельствующий о социальной значимости образования резко пошёл вниз: важнее *образования* стало *происхождение*.

Рассмотрим маркемы, представленные в двух срезах.

Маркемы *добродетель*, *искусство*, *блаженство*, *богатство*, *солнце*, *любовь* представлены 1-2 срезах и отражают специфику XVIII-ого века: динамика значений их ИнТеМа отрицательная (см. Рис. 15).

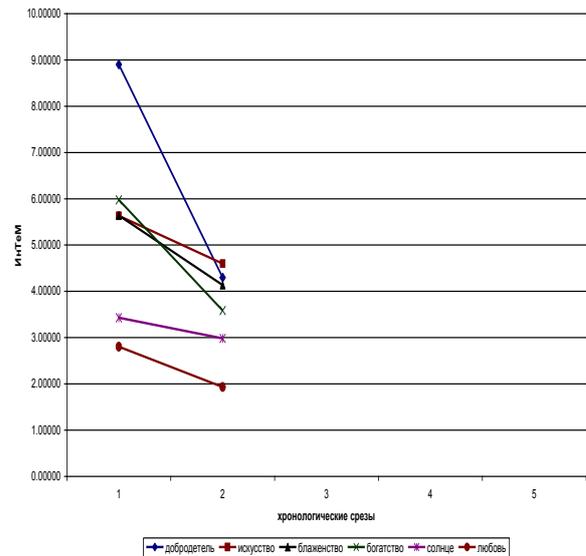

Рис. 15. Динамика ИнТеМа маркем *добродетель*, *искусство*, *блаженство*, *богатство*, *солнце*, *любовь*.

Как видим, резче всего падает ИнТеМ *добродетели*, чуть менее резко убывает ИнТеМ *богатства*, за ними следуют *блаженство*, *искусство* и *любовь*. Как ни странно, но и солнца в русской литературе становится меньше: ИнТеМ маркемы *солнце* также убывает, хотя и наименее резко.

Из маркем с положительной динамикой ИнТеМа в XVIII-ом веке появились маркемы *отечество*, *природа*, *радость*, *время*, *здоровье*, *сладость*. Это означает, что все эти маркемы специфичны не столько для XVIII-ого века, сколько для первой половины XIX-ого – «золотого века русской поэзии», эпохи романтизма. Маркема *отечество* практически в равной мере характеризует 1 и 2 срезы. Но если в 1-ом срезе она отражает специфику классицизма, то во втором срезе она является не только «эхом» классицизма, но и отражением всплеска патриотического самосознания, связанного с Отечественной войной 1812 года. Что касается маркемы *природа*, то она отражает ценности сентиментализма, унаследованные и преумноженные романтизмом. По аналогии с *изоглоссами* – линиями соединяющие пункты, в которых зафиксированы те же слова, *изобарами* – линиями, соединяющие пункты с одинаковым давлением, *изофенами* – линиями, соединяющими пункты с одинаковыми ценами, можно предложить термин *изомаркема* – маркемы, соединяющие разные хронологические срезы. *Отечество* и *природа* являются ярко выраженными *изомаркемами*. Это же можно сказать о маркемах *здоровье* и *сладость*. Следует уточнить, что вряд ли будет верным считать *изомаркемой* любую маркему, встретившуюся в двух данных срезах. Правильнее будет считать *изомаркемой* такую маркему, ИнТеМы которой в двух данных срезах различаются несущественно. За границу существенности можно принять треть или четверть значения ИнТеМа. При

этом маркема, значения которой различаются менее, чем на треть, но более чем на четверть будем считать *слабой* изомаркемой, а маркему, значения ИнТеМов которой в двух срезах различаются менее, чем на четверть, будем считать *сильной* изомаркемой. Это означает, что если частное от деления меньшего ИнТеМа на больший будет располагаться в интервале 0,66-0,75, то мы имеем дело со *слабой* изомаркемой, если же частное от деления меньшего ИнТеМа на больший превышает 0,75, мы имеем дело с *сильной* изомаркемой – и тем более сильной, чем ближе дробь к 1.

В таком случае *отечество* со значением 0.9934, *природа* со значением 0.9401 *здоровье* – 0.8442 и *сладость* – 0.8637 окажутся сильными изомаркемами, а *любовь* (1.93011: 2.80220 = 0.6899) – слабой изомаркемой для 1 и 2-ого хронологических срезов.

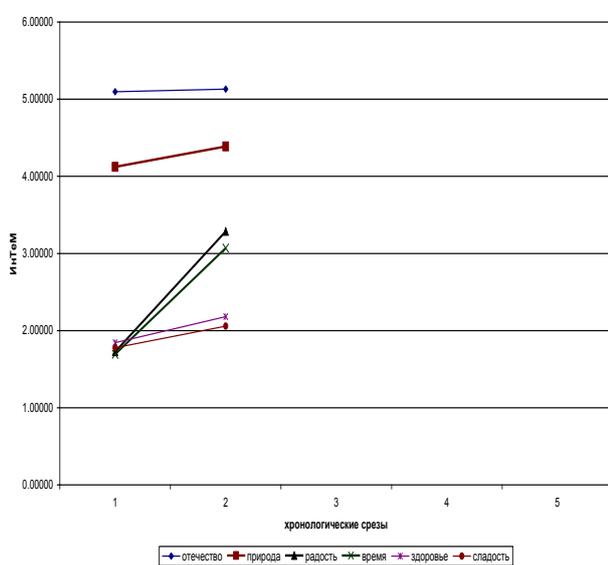

Рис. 16. Динамика ИнТеМа маркем *добродетель, искусство, блаженство, богатство, солнце, любовь*.

Резкое (почти в два раза) возрастание значений ИнТеМа у маркем *радость* и *время* свидетельствует об их специфичности для маркем *радость* и *время*.

Итак, мы можем сказать, какая из исследованных эпох была самой счастливой и радостной: это первая треть XIX-ого века, на которую приходит максимум значений ИнТеМа маркем *счастье* и *радость*.

Что касается исчезновения маркемы *время* во второй трети XIX-ого века, то этот вопрос следует изучить отдельно: не исключено, что при обработке материала последующих срезов оно было отфильтровано в силу его высокой абстрактности.

Подведём итог исследованию маркем, вошедших в русскую литературу в XVIII-ом веке. Следует сказать, что интервал 1-2 срезов весьма целостен: он противопоставлен остальным срезам, к которым маркемы 1-2 срезов не встречаются. После 2-ого среза русская литература навсегда (разумеется, в рамках исследуемого периода) утрачивает *добродетель*,

13.20, 28; *искусство*, 10.23, 27; *отечество*, 10.23, 24; *блаженство*, 9.77, 26; *богатство*, 9.56, 27; *природу*, 8.51, 26; *солнце*, 6.41, 22; *радость*, 5.01, 17; *время*, 4.76, 20; *любовь*, 4.73, 18; *здоровье*, 4.02, 12 и *сладость*, 3.83, 13 как маркемы – смыслы, находящиеся в центре внимания литературы, а значит – и общественного сознания.

Рассмотрим маркемы, представленные в двух срезах и вошедшие в русскую литературу в первой трети XIX-ого века. К ним относятся *просвещение, чувство, молчание, характер* и *вдохновение*.

Маркемы этой группы характеризуются максимальной разорванностью во времени: лишь одна из пяти имеет сплошное распределение, соединяя 2-ой и 3-ий срезы: это маркема *просвещение*, имеющая отрицательную динамику ИнТеМа. Это, единственная уникальная сильная изомаркема (0.8025), соединяющая первую и вторую трети XIX-ого века.

Остальные маркемы в следующем срезе не представлены, но встречаются через срез (*чувство, молчание, характер*) или через два среза – *вдохновение*. При этом изомаркемой для 2-ого и 4-ого срезов является только *характер* (0.886). *Чувство* и *молчание* характеризуют поэтику романтизма, своеобразным эхом которого представляется импрессионизм конца XIX-ого века.

Что касается *вдохновения*, то оно, безусловно, специфично для первой трети XIX-ого века, а его на треть ослабленный ИнТеМ в начале XX-ого века является слабым эхом «золотого века русской поэзии» в её «серебряном веке». Таким образом, 2-ой срез предстаёт как противопоставленный третьему и созвучный четвёртому. Созвучие второго среза с третьим или пятым – единично.

Следующую группу составляют маркемы, вошедшие в русскую литературу во второй трети XIX-ого века: *положение, нравственность, самостоятельность, предчувствие, присутствие, выражение, расположение*. Из них только две последние не выражают специфики 3-его среза: максимум ИнТеМа маркем *выражение, расположение* приходится на 4-ый срез. Между *положение, нравственность, выражение* и *расположение* являются сильными изомаркемами, соединяющими 3 и 4-ый периоды. Маркемы *предчувствие* и *присутствие* представлены в кризисных срезах: 3-ьем и 5-ом, но изомаркемами для этих срезов не являются: слишком велики расхождения в значениях ИнТеМов.

Рассмотрев все 12 маркем с разорванной хронологической распределённостью, мы можем сделать некоторых обобщения. Во-первых, в случае разрыва, ИнТеМ маркемы в последующем срезе всегда меньше, чем в предыдущем. Из этого следует, что разрыв в хронологической распределённости указывает на отрицательную динамику ИнТеМа. Единственное исключение – маркема *человек*, по-видимому, случайно отсут-

ствующая во втором срезе. Во-вторых, в случае разорванной хронологической распределённости маркемы, расположенные по обеим сторонам разрыва, не являются изомакмемами. Единственное исключение – маркема *характер*, связывающая второй и четвёртый срезы.

Последняя группа маркем, представленных в двух срезах вошла в русскую литературу в последней трети XIX-ого века: *настроение, преступление, беспокойство, последовательность, противоречие, миросозерцание, ответственность*. При этом маркемы *настроение, преступление, беспокойство, последовательность, противоречие* имеют максимум ИнТеМа в 4-ом срезе и таким образом, специфичны, прежде всего, для него. Маркемы *миросозерцание, ответственность* имеют максимальные значения ИнТеМа в 5-ом срезе и, тем самым, специфичны для него. Следует сказать, что у 4-5-ого срезов больше общего, чем различного: их объединяет 5 сильных изомакмема: *преступление* – 0.945, *миросозерцание* – 0.936, *ответственность* – 0.879, *последовательность* – 0.787, *противоречие* – 0.704 и одна слабая изомакмема: *настроение* – 0.669. С этой точки зрения только маркема *беспокойство* является специфической для конца XIX-ого века. Зная, что за ней последовало, мы можем интерпретировать маркему *беспокойство* как показатель предкризисной эпохи. Интересно, что в кризисную эпоху, значение ИнТеМа этой маркемы упало почти вдвое: ср. 2,86 в 4-ом срезе и 1,35 – в 5-ом.

А теперь рассмотрим маркемы, встретившиеся лишь в одном из хронологических срезов, и в силу этого обладающие максимальной специфичностью.

Поскольку количество маркем в каждом из срезов равно 50, то количество уникальных маркем можно в первом приближении считать мерой специфичности, своеобразия среза. Расположим наши срезы в порядке убывания числа уникальных маркем и предварительно оценим уникальность исследуемых срезов (см. Рис. 17).

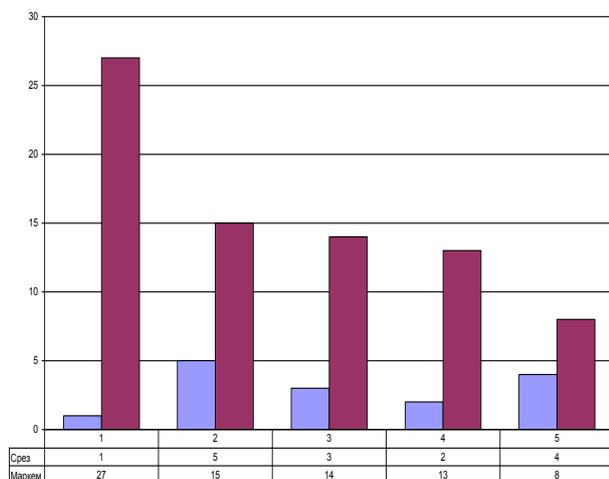

Рис. 17. Распределение хронологических срезов по количеству уникальных маркем.

Как видим, наиболее уникальным их срезов является первый – XVIII-ый век. Наименьшим своеобразием характеризуется 4-ый срез (последняя треть XIX-ого века), имеющий много общего как с предшествующим – 3-им, так и с последующим – 5-ым. После первого среза наибольшим своеобразием отличаются кризисные срезы: 5-ый (революция снизу) и 3-ий (революция сверху). Близок к ним и 2-ой срез с его эпохой Отечественной войны 1812-ого года и декабристским восстанием. А главное – с переходом от классицизма к романтизму.

По сумме ИнТеМа всех маркем среза картина несколько иная (см. Рис. 18).

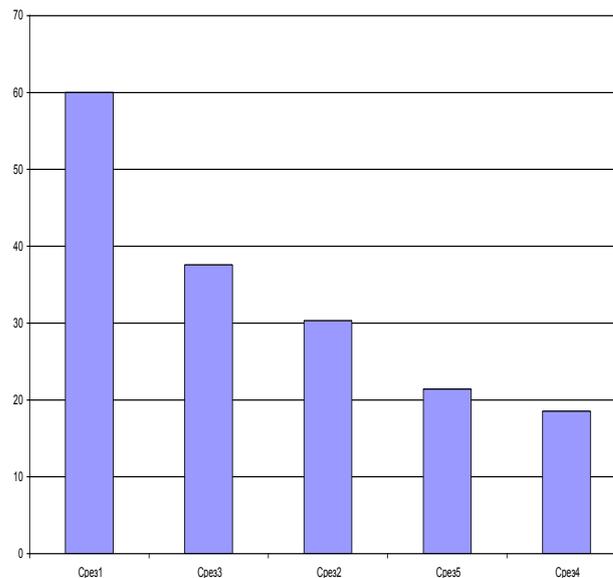

Рис. 18. Распределение срезов по суммарному значению ИнТеМа уникальных маркем.

Сравнение Рис. 16 и 17 показывает, что самый своеобразный и самый обычный срезы остались прежними. На второе место по своеобразию вышел третий срез, на третье – второй, а пятый с небольшим отрывом от четвёртого занял предпоследнее место. Учитывая минимальный разрыв в значениях 2, 3, 5 срезов на Рис. 16, перераспределение их мест на Рис. 17 не должно особенно удивлять.

Обобщая данные, можно сказать, что противопоставленность 18-ого века 19-ому выражена очень ярко. Значения 4-ого среза почти в 3 раза меньше значений 1-ого. Внутри 19-ого века своеобразие 3 среза по сравнению с 4-ым составляет 2 раза. В то же время противопоставленность 20-ого века 19-ому в первой трети XX-ого века ещё не сформировалась: своеобразие 5 среза больше своеобразия 4-ого, но меньше своеобразия 2 и 3-его срезов.

А теперь посмотрим, какие же маркемы составляют уникальную специфику каждого из срезов.

Для XVIII-ого века уникальные маркемы (в порядке убывания значений ИнТеМа) таковы: *должность*, 3.48, 9; *надежда*, 3.26, 11; *смертный*, 2.88, 8; *красота*, 2.71, 9; *воздух*, 2.67, 9;

премудрость, 2.62, 6; *престол*, 2.54, 7; *источник*, 2.47, 7; *несчастье*, 2.42, 7; *невинность*, 2.41, 6; *приятность*, 2.39, 7; *праздник*, 2.33, 7; *причина*, 2.17, 6; *чувствительность*, 2.16, 5; *смерть*, 2.16, 8; *храбрость*, 2.11, 6; *страсть*, 2.06, 7; *невежество*, 1.98, 5; *торжество*, 1.86, 6; *предмет*, 1.80, 6; *отчаянье*, 1.76, 4; *благополучие*, 1.72, 4; *дружество*, 1.66, 5; *склонность*, 1.62, 4; *сокровище*, 1.59, 5; *гордость*, 1.57, 5; *преимущество*, 1.56, 4.

Для первой половины XIX-ого века уникальны маркемы: *любопытство*, 4.13, 10; *провидение*, 3.65, 10; *страдание*, 2.42, 6; *движение*, 2.25, 7; *веселье*, 2.18, 7; *обязанность*, 2.16, 7; *задумчивость*, 2.16, 7; *самолюбие*, 2.13, 6; *бессмертие*, 1.92, 5; *прелесть*, 1.90, 7; *история*, 1.86, 6; *свобода*, 1.82, 5; *отчаяние*, 1.74, 5.

Специфику второй половины XIX-ого века отражают маркемы: *односторонность*, 3.38, 5; *образованность*, 3.08, 5; *осуществление*, 2.98, 4; *характеристика*, 2.92, 4; *привязанность*, 2.74, 5; *предположение*, 2.74, 7; *исключительность*, 2.58, 3; *национальность*, 2.56, 3; *предложение*, 2.56, 7; *отвлеченность*, 2.52, 3; *воспитание*, 2.51, 7; *определение*, 2.41, 3; *противодействие*, 2.36, 4; *несостоятельность*, 2.22, 3.

О своеобразии последней трети XIX-ого века говорят маркемы: *удовлетворение*, 2.92, 8; *благодарность*, 2.90, 7; *неудовольствие*, 2.51, 8; *негодование*, 2.27, 8; *недоразумение*, 2.10, 8; *вознаграждение*, 2.01, 6; *распространение*, 1.98, 5; *несправедливость*, 1.84, 5.

Уникальными для первой трети XX-ого века являются маркемы: *интеллигенция*, 3.15, 11; *мировоззрение*, 1.89, 7; *освобождение*, 1.63, 7; *бесконечность*, 1.44, 7; *стремление*, 1.39, 7; *возвращение*, 1.34, 6; *соединение*, 1.27, 6; *индивидуальность*, 1.24, 4; *электричество*, 1.22, 5; *одиночество*, 1.19, 6; *разочарование*, 1.18, 5; *индивидуализм*, 1.14, 4; *прикосновение*, 1.13, 5; *несоответствие*, 1.11, 4; *революция*, 1.09, 6.

Думается концентрирование в этом срезе маркем *соединение* (что предполагает разъединённость), *индивидуальность*, *одиночество*, *индивидуализм*, *разочарование* (как отчуждение от очаровавшего прежде), *несоответствие*, *стремление к освобождению* даёт ответ на вопрос, почему оказалось возможным крушение государства, находившегося на подъеме, но не сумевшего обеспечить единства своих граждан, что в конечном итоге и привело к *революции* и Гражданской войне.

ЛИТЕРАТУРА

Кретов А.А. Метод формального выделения тематически нейтральной лексики (на примере старославянских текстов) // Вестник ВГУ. Серия Системный анализ и информационные технологии. 2007. № 1. С.81-90.

Кретов А.А. Опыт выявления архетипов поэзии А.В. Кольцова // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Випуск 16 [Укл.: Анатолій Загнітко (наук. ред.) та ін.] – Донецьк: ДонНУ. 2008. С. 353-366.

Кретов А.А., Катов М.В. Сквозь призму маркем: Н.В. Гоголь в ближайшем контексте русской литературы // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009а. № 2. с. 12-21.

Кретов А.А., Катов М.В., Фаустов А.А. Опыт лингвистической генеалогии (на примере Н.В. Гоголя) // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции [А.Д. Черенкова (науч. ред.); ред. кол.]. – Воронеж: ВГПУ. 2009б. С.76-83.

Кретов А.А. Архаисты и новаторы в русской литературе XVIII – начала XX вв. // Универсалии русской литературы: сб-к статей. – Воронеж: Воронежский государственный университет; Издательский дом Алейниковых. 2009в. С.29-48.

Кретов А.А., Катов М.В. Поэзия А.В. Кольцова в контексте русской литературы XVIII – начала XX вв. // А.В.Кольцов вчера, сегодня, завтра: Материалы Межвузовской научной конференции – Воронеж: Издатель О.Ю. Алейников. 2009г. С. 137-150.

Кретов А.А. Концепция словаря поэзии А.В. Кольцова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 28-29. – Воронеж: Воронежский ун-т. 2009д. с. 83-104.

Кретов А.А., Катов М.В., Фаустов А.А. Лингвостатистическая генеалогия в русской литературе XVIII – начала XX вв. // Проблемы компьютерной лингвистики: Сборник научных трудов [Под ред. А.А. Кретьова] Вып. 4. – Воронеж 2010а С.114-125.

Кретов А.А., Селезнёв Г.Д. Кластерный анализ массива маркем русских писателей // Проблемы компьютерной лингвистики: Сборник научных трудов [Под ред. А.А. Кретьова] Вып. 4. – Воронеж. 2010б. С.272-279.

Кретов А.А. Словарь поэзии А.В. Кольцова // Поэтика и эстетика слова: Сборник научных статей памяти В.П. Григорьева. – М.: ЛЕНАНД. 2010в. С. 365-371.

Фаустов А.А. Авторское поведение в русской литературе: середина XIX века и на подступах к ней. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та. 1997. 106 с.

Фаустов А.А. Язык переживания русской литературы: на пути к середине XIX века – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1998. 125 с.

Фаустов А.А. От ключевых слов к литературным универсалиям: несколько методологических соображений // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009а. № 2, с. 7-11.

Фаустов А.А. Литературные универсалии: на пути к терминологической демаркации // Универсалии русской литературы: сб-к статей. – Воронеж: Воронежский гос. университет; Издательский дом Алейниковых. 2009б. С.8-28.

© Кретов А.А. 2010

Лазарева Э.А.
Тельминов Г.Н.
Екатеринбург, Россия

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ
СТРАТЕГИЙ ВЕЖЛИВОСТИ
В АМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЕ**

УДК 811.111
ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье впервые рассматриваются стратегии вежливости через призму рекламного дискурса в глобальной сети Интернет. Дается теоретическое обоснование различных типов вежливости.

Ключевые слова: Интернет, реклама, средства массовой коммуникации, позитивная вежливость, негативная вежливость.

Сведения об авторе: Лазарева Элла Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории архитектуры и профессиональных коммуникаций.

Место работы: Уральской государственной архитектурно-художественной академии.

Контактная информация: 620075, г. Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, д. 23.
e-mail: elazareva@r66.ru.

Сведения об авторе: Тельминов Геннадий Николаевич, ассистент кафедры английской филологии и сопоставительного языкознания УрГПУ (Екатеринбург), аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620066, г. Екатеринбург, ул. Блюхера, д. 77, кв. 51.
e-mail: telminov@aol.com.

Человек в современном социуме находится на огромном, многообразном, многомерном коммуникативном поле. Свойства его и процессы, происходящие здесь, постоянно изменяются, будучи тесно связаны с выполняемыми функциями. Применяются новые или видоизмененные виды массовой коммуникации (МК) – пользователи, члены социума – вырабатывают соответствующие способы их интерпретации, существования в видоизмененном коммуникативном пространстве. «Коммуникативный процесс – процесс взаимодействия между различными субъектами коммуникации, при котором осуществляется обмен информацией. Коммуникативный процесс включает в себя динамическую смену этапов формирования, передачи, приема, расшифровки и использования информации в обоих направлениях при взаимодействии коммуникантов» [Шарков 2004: 20].

Ф. Шарков говорит о том, что «использование различных приемов поддержания коммуникативного процесса и факторов, способствующих воздействию средств массовой коммуникации на индивидов и социальные группы, позволяет коммуниканту направлять процесс обмена информацией в нужное русло и добиваться поставленных им целей» [Шарков 2004: 31], при этом МК выполняют побудительную и регулятивную функции. Становится очевидным, что

Lazareva E.A.
Telminov G.N.
Yekaterinburg, Russia

**USE OF COMMUNICATIVE
POLITENESS STRATEGIES
IN THE AMERICAN INTERNET ADVERTISING**

ГЧТИИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. This article is the first attempt to observe politeness strategies through the prism of advertisement discourse in the Internet. Theoretical justification of various types of politeness is described.

Key words: Internet, advertisement, mass media, positive politeness, negative politeness.

About the author: Lazareva Ella Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Theory of Architecture and Professional Communications.

Place of employment: Ural State Academy of Architecture and Arts.

About the author: Telminov Gennady Nikolaevich, Assistant Teacher of the Chair of English Philology and Comparative Linguistics, Post Graduate Student of the Chair of Theoretical and Applied Linguistics.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

побудительная направленность средств массовой коммуникации определяет необходимость оптимального построения бытующих на этом поле дискурсов.

Действительно, при создании таких, например, дискурсов МК, как Интернет, реклама, применяются вербальные и невербальные знаки, коммуникативно-прагматические приемы, представлены поведенческие характеристики героев. Все это требует учета не только вербальной составляющей произведения, но и широкого спектра невербальных средств – современный подход к СМК основан на всестороннем учете взаимодействия всех компонентов дискурса.

Единой отправной точкой при анализе современных СМК (пресса, реклама, Интернет и др.), по нашему мнению, становится коммуникативный подход. Именно с позиции выявления особенностей этого явления коммуникации возможно адекватное описание его, учитывающее все многосторонние особенности и соотношения частей, часто имеющих разнородную природу. Этот подход позволяет вовлечь в сферу анализа и экстралингвистическую сторону данного дискурса, позиции автора произведения и внешний контекст – явления, происходящие в жизни общества и имеющие отношение к массовой коммуникации.

Человек в процессе своего существования находится в некоем определенном дискурсивном пространстве. Так, в настоящее время коммуникативистика оперирует множеством различных классификаций видов, форм и стилей общения, выделенных на различных основаниях. Мы кратко остановимся на классификации И.А. Стернина [Стернин 2001: 11-20] и воспользуемся предложенным им делением типов общения (соответствующим дискурсов) в соответствии с целями коммуникации на политическое, научное, бытовое, религиозное, фило-софское, учебно-педагогическое, воспитательное и др.

Нам представляется важным, что именно бытовая межличностная коммуникация отражает особенности типов личностей, формирующих нацию, а значит – и особенности ее менталитета. В процессе становления и существования общности формируются и нормы жизни, оптимального коммуникативного взаимодействия, вырабатываются определенные правила, в том числе и правила вежливого общения. Каждый народ имеет свои индикаторы вежливости, у него есть так называемые собственные «формулы вежливости». Следовательно, у каждого народа сложилась определенная языковая «картина вежливости». Если ею пренебрегать, то можно оказаться непонятым, неудобным в общении. В процессе общения теория вежливости играет большую роль, и именно ей придается большое значение в зарубежной лингвистике [Brown, Levinson 1987, Kasper 1996, Fraser, 1990].

Остановимся на работе П. Браун и С. Левинсона «Вежливость: некоторые универсалии языкового использования» [Brown, Levinson 1987], поддерживаемой и некоторыми отечественными исследователями [Формановская 2002, Ратмайр 2003, Земская 1994]. В указанной теории различают два типа вежливости: **позитивная и негативная**. Авторы определяют данные типы вежливости двумя стремлениями: стремлением совершать действия без помех и стремлением заслужить одобрение.

Негативная вежливость обеспечивает независимость личности человека, стремление к отсутствию нарушения ее границ. При такой вежливости возникает неловкость при коммуникации и определенная дистанция между собеседниками. Примерами негативной вежливости могут быть официальность, сдержанность и выражение уважения [Holmes 1995: 154], Brown, Levinson 1978: 135-137].

Позитивная вежливость служит для выражения говорящим своей симпатии к адресату. В качестве примеров позитивной вежливости можно привести комплименты, стремление к отсутствию конфликтов и разногласий, проявление внимания, образование комфортной атмосферы.

Индивиды в процессе поведенческой коммуникации вырабатывают определенные пра-

вила оформления своего дискурса – вербальные и невербальные. Такие правила помогают людям чувствовать себя комфортно при общении и строить тексты так, чтобы они выполняли цели индивида, причем следует заметить, что зачастую приемы оформления дискурса вырабатываются в процессе жизни и применяются интуитивно. Мы считаем возможным привести классификацию данных правил на основе рекомендаций, сформулированных П. Браун и С. Левинсон [Brown, Levinson 1987].

Именно такие приемы могут быть использованы и при создании различных дискурсивных произведений, в частности, – рекламы.

Обратимся к некоторым проявлениям элементов негативной и позитивной вежливости, зафиксированных в современной рекламе, помещенной в Интернете.

Приведем примеры выражения **негативной вежливости**.

1. Выражайтесь косвенно.

We believe there is nothing like being there [on a trip] to fully appreciate the environment and the people we share it with. Мы считаем, что нет ничего лучшего побывать там [в походе], с тем чтобы полностью оценить обстановку и участников. В данном примере рекламодатель рекламирует поход (предмет рекламы) и призывает оценить его достоинства. Автор рекламы дает общие рассуждения. Желанный для рекламодателя поступок потребителя предопределен, т.к. происходит совпадение внутренних и внешних стимулов, регулирующих поведение личности. Изнутри актуализируются желания, извне воздействуют убедительные обещания. В этом предложении ситуация такая же – прямолинейность высказывания смягчена словосочетанием *We believe*, которое направлено на рекламодателя, а не адресата и в виду этой конструкции навязчивость нейтрализуется.

Бывает так, что рекламодатель не дает даже свое юридическое название в рекламе, просто называя себя объектом, выполняющим рекламное действие: ***Seller assumes all responsibility for this listing.*** Продавец берет на себя всю ответственность за этот список (Далее представлен в Интернет-рекламе список рекламируемых товаров). В этом объявлении косвенность прослеживается еще в большей степени за счет вуалирования названия компании.

2. Задавайте вопросы.

Looking for a gift for the man who has everything? Then head to Jack Spade, which specializes in vintage and new "guy toys." Ищете подарок для мужчины, у которого все есть? Тогда отправляйтесь в магазин Jack Spade, который специализируется на спиртных напитках и «игрушках для мужчин». Конечно, под словом *ищете* рекламодатель предполагает «зайдите к нам в магазин и выберите». Но тем не менее, он вежливо задает вопрос о

предмете рекламы (подарок) не призывая адресата зайти к нему. В сознании адресата возникает семантико-когнитивная ассоциация – соотнесение реальной ситуации (отсутствие подарка с вопросом *Ищете...?*) И подобных просительных конструкций в рекламе существует большое множество.

Experiencing financial difficulty? Get help if you're having trouble making your home loan payments. *Испытываешь финансовые трудности? Получи помощь, если у тебя проблема с оплатой займа на жилье.* Адресат может ответить как утвердительно, так и отрицательно. Это не информативное, а воздействующее рекламное объявление. Предмет рекламы – финансовый заем. Банк намекает клиенту при помощи вопроса (воздействует на адресата) воспользоваться его услугами в связи с возможным отсутствием у адресата финансовых средств. Достижение коммуникативной цели зависит и от того, насколько адресант владеет речевыми методами, чем лучше он владеет этими методами, тем свободнее он их использует, тем полнее и ярче раскрывает в них свою индивидуальность и более гибко и тонко отражает неповторимую ситуацию общения – тем совершеннее он осуществляет свободный рекламный замысел.

3. Минимизируйте свои предположения о желании адресата.

Sure, Backroads provides amazing leaders, superb accommodations and meals, and opportunities you could never arrange on your own. *Конечно, компания Backroads предлагает замечательных руководителей, превосходное размещение и питание, и благоприятные возможности, которые вы никогда самостоятельно не смогли бы заиметь.* Туристическая компания Backroads, говоря о себе, использует *sure* (конечно), как вводное слово-утверждение (она может за себя отвечать), а когда речь заходит о клиентах, то компания использует *could* (смогли бы), поскольку она не может отвечать за клиентов, чем смягчает предположение.

Shopping Tip: The Pavillion is probably the best shopping centre is less than 100m away. *Совет покупателю: Павильон, возможно, является самым лучшим шоппинг-центром, находящимся менее чем за 100 метров.* Как было указано выше, на сайте как предмет рекламы представлена гостиница. Но чтобы показать, что она расположена в удобном месте города ссылка дается на шоппинг-центр, где постояльцы гостиницы могут сделать покупки. Автор рекламы не призывает адресата остановиться в ней, он просто указывает на выгодность расположения гостиницы для постояльца относительно шоппинг-центра и даже не утверждает, что данный шоппинг-центр является самым лучшим, а говорит, что он, возможно, самый лучший.

Остановимся на примерах проявления **позитивной вежливости**.

1. Уделяйте внимание интересам и желаниям слушающего.

В Интернет-рекламе можно встретить приветствие и благодарность: ***Thank you for your time.*** *Спасибо за ваше время.* Так, туристическая фирма *Backroads* благодарит пользователей сайта за время, потраченное на его посещение.

А вот как туристическая фирма приветствует на сайте адресата: ***Hello, how are you?*** (*Привет, как дела?*) Вот ее напутствие-пожелание: ***Have a lovely week-end with your family on your trip.*** *Проведите прекрасный уикэнд с вашей семьей в вашей поездке.*

Данные средства выражения вежливости моделируют ситуацию общения между хорошо знакомыми, даже близкими людьми. Прагматическая функция данных средств – сказать что-то приятное адресату, продемонстрировать интерес к нему, расположить его. Заметим, что, в действительности, не бывает неформального общения в сфере потребления, однако рекламодатель создает, имитирует близкое общение с адресатом в своих целях убедить его, стимулировать к приобретению предмета рекламы.

2. Преувеличивайте (интерес, одобрение, симпатию к собеседнику).

Для американской Интернет-рекламы характерно использование оценочных прилагательных, наречий, лексических и грамматических суперлативов: ***The mountains are absolutely beautiful and you may see the sunrise at dawn.*** *Горы совершенно прекрасны и вы можете увидеть восход солнца на рассвете.*

The Cleverest of Intelligent Vehicles. *Самые умные из умных машин*) Мы видим, что автор рекламы использует оценочное наречие ***absolutely*** (совершенно) и лексический суперлатив ***beautiful*** (прекрасны), а во втором – грамматический суперлатив ***cleverest*** (самые умные).

Американский автомобильный дилер, обращаясь через Интернет к своим клиентам и предлагая им обменять свои старые автомобили на новые по системе *Trade in*, называет их *Dear car owners*. Прилагательное *dear* сигнализирует о стратегии сближения дилера с владельцами автомобилей. В русском языке использовалось бы официальное **многочуваемые**.

3. Делайте подарки слушающему.

Автор рекламы может польстить или дать необычно высокую оценку потенциальным клиентам.

The Posada Los Delfines, a hotel with an excellent view of the sea, is a different kind of place, for special people who appreciate the quality of lodgings and a great attention at a reasonable price...

The Posada Los Delfines, отель с отличным видом на море совершенно другое место для особых людей, которые ценят качество размещения и большое внимание по разумной це-

не.) Автор рекламы льстит своим клиентам, называя их *special people who appreciate the quality of lodgings and a great attention at a reasonable price* (особые люди, которые ценят качество размещения и большое внимание по разумной цене).

Вот как телекоммуникационная компания делает комплимент своим клиентам: *Enhanced Voicemail. For customers who need a little more from their voicemail service – see comparison table below.* Голосовая связь с дополнительными свойствами. Для покупателей, которым нужно немного больше от их голосовой связи – смотрите для сравнения таблицу внизу. Любой покупатель хочет показаться и признать себя знающим и разбирающимся в телекоммуникации. Автор рекламы заранее использует это желание покупателя.

4. Выдвигайте общее мнение, точку зрения, отношение, знание, эмпатию.

Чтобы больше понравится покупателю, автору рекламы приходится быть на его стороне и всегда оказывать ощутимую поддержку. Рассмотрим несколько примеров.

When you visit our banking centers, our knowledgeable associates and welcoming environment will make you feel at home. Когда вы посещаете наши банковские центры, то наши знающие коллеги и доброжелательная атмосфера заставят вас почувствовать себя как дома. В этой рекламе банк старается продемонстрировать порядочное отношение к своему клиенту. Для этого банк утверждает, что его персонал – знающий – *knowledgeable associates* (знающие коллеги) и что здесь приятно находиться – *welcoming environment* (доброжелательная атмосфера). Кроме того, клиент будет чувствовать себя в банке как у себя дома – *you feel at home* (чувствовать себя как дома).

If you can't find an answer to your questions, please don't hesitate to contact us. In order for us to give you the best possible help please make sure that you get in touch with the correct person or department. Если вы не смогли найти ответ на ваши вопросы, то пожалуйста, свяжитесь с нами. Для того, чтобы мы могли предоставить вам самую лучшую помощь, пожалуйста, убедитесь, что вы связались с нужным лицом или отделом. На этом сайте автор подробно давал всю необходимую информацию об автомобиле и если, все-таки, клиент не нашел нужной информации, автор предлагает адресату задать любой вопрос, связанный с покупкой автомобиля. Для большей кооперации с адресатом автор рекла-

мы предлагает со своей стороны *самую лучшую помощь (best possible help)*. Он не равнодушен к клиенту и готов вместе с ними работать над разрешением всех появляющихся вопросов.

Вот похожий пример рекламы банка: *We can help you re-engage in your retirement strategy. Let us know when you'd like to meet with a Financial Advisor.* Мы поможем вам еще раз выбрать вашу пенсионную стратегию. Дайте нам знать, когда вы бы хотели встретиться с консультантом по финансам. Автор тоже готов к кооперации с клиентом, он вместе с ним, он предлагает помощь.

Подводя итог рассмотрению приемов использования в тексте рекламы сигналов вежливости (негативной и позитивной), заметим, что моделирование такого типа межличностной коммуникации, кроме существенной оптимизации общения с адресатом, передает и особенности ментальной сферы носителей того или иного языка. Надо особо отметить, что такая живая реклама может существовать в интерактивной среде – Интернете, где присутствие автора рекламы ощущается в реальном времени.

ЛИТЕРАТУРА

Земская Е.А. Категория вежливости в контексте речевых воздействий // Логический анализ языка: Язык речевых действий. – М., 1994. С. 131-136.

Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. – М.; Языки славянской культуры, 2003.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж, 2001. С. 11-20.

Формановская, Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М., 2002.

Шарков Ф.И. Основы теории коммуникации. – М., 2004. С. 20.

Brown P., Levinson S. Universal in Language Usage: Politeness phenomena // Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction [Eds. Goody E.N.] – Cambridge; Cambridge University Press, 1978. PP. 56-289.

Brown P., Levinson S., Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge [Перевод: П. Браун и С. Левинсона «Вежливость: Некоторые универсалии языкового использования» (1987)] – UK: Cambridge University Press, 1987. 352 p.

Fraser B. Perspectives on Politeness // Journal of Pragmatics, 1990. № 14. PP. 219-236.

Holmes, J. Women, Men and Politeness – Longman, 1995. 254 p.

Kasper G. Linguistic Politeness; Current Research Issues // Journal of Pragmatics. 1990. № 2. PP. 193-218.

© Лазарева Э.А., Тельминов Г.Н., 2010

Макеева С.О.

Екатеринбург, Россия

**КОННЫЙ ГОРОДСКОЙ ПРОКАТ
В ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ
ТРЕХ ЛИНГВОКУЛЬТУР**

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье рассматривается профессиональный концепт **КОННЫЙ ГОРОДСКОЙ ПРОКАТ** в сопоставлении русской, ирландской и американской лингвокультур. Представлен анализ причин, обусловивших коммуникативную потребность в повторном моделировании концепта. Выявлена когнитивная релевантность слагаемых *деятель – инструмент – локус и хронотоп – действие и его результат – клиент – наблюдатель*. Исследовательские процедуры, задействованные в статье, традиционны для когнитивистики; материал впервые получает лингвистическую интерпретацию.

Ключевые слова: Концепт, дискурс, дискурсивная практика, профессиональная коммуникация, оценочная модальность, субкультура.

Сведения об авторе: Макеева Светлана Олеговна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620027, г. Екатеринбург, ул. Свердлова, д. 60, кв. 21.
e-mail: Soutrider@e1.ru.

Makeeva S.O.

Yekaterinburg, Russia

**URBAN HORSE INDUSTRY
IN DISCOURSE PRACTICE
OF THREE CULTURES**

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article presents a survey of the concept **URBAN HORSE INDUSTRY** in Russian, Irish and American professional discourse. It gives an overview of socio-economic factors that caused remodeling of the concept in present day. There is an attempt at contrastive analysis of concept constituents: *agent – instrument – locus – act – client – observer – their cognitive relevance in concept structure*. Research procedures, employed in the article, are traditional for cognitive linguistics. Linguistic material introduced in the article has not yet been subjected to analysis.

Key words: Concept, discourse, discourse strategies, professional communication, modality, subculture.

About the author: Makeeva Svetlana Olegovna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Head of the English Language Department.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Address: 60, kv. 21, Sv. Sverdlova St., Ekaterinburg.

Фигура деятеля, совокупности лиц, объединенных общим занятием либо промыслом, является ключом к исследованию профессиональной коммуникации и стабильно привлекает внимание лингвистов. Исследование наименований лиц по профессии осуществлялось в отечественной лингвистике с различных позиций: рассмотрение структурно-семантических характеристик [Шкатова 1967; Загоруйко 1999], историко-ономасиологический анализ [Шкатова 1987], исследование через призму единой ментальной категории деятеля [Голованова 2004], наименование деятеля как концепта профессионального дискурса определенного периода [Смылова 2007], речевое поведение деятеля и стереотипные ожидания клиента [Харченко 2003] и ряда других ракурсов.

Изменение социально-экономических условий осуществления профессиональной деятельности в ряде сфер (особенно эта перестройка затронула сферу «человек-природа»), изменение ценностных ориентиров общества позволяет выделить еще один аспект изучения фигуры деятеля – дискурсивной практики* по формированию переосмысленного образа, моделирования **н о в о г о** концепта деятеля на основе привычного наименования в различных лингвокультурах. По тональности данная речевая практика сближается с современным политическим дискурсом. Ср.: «Специфику этого [политического] дискурса в значительной степени определяют характерные для социального

сознания концептуальные векторы тревожности, подозрительности, неверия и агрессивности, ощущение «неправильности» существующего положения дел и отсутствия надежных ... ориентиров...» [Чудинов 2001: 17].

В статье предпринята попытка сопоставления стратегий дефинирования **конного городского проката**, как частного примера занятия, традиционного в ряде этнокультур, но в данный период переживающего переосмысление в общественном и профессиональном сознании. Мы рассмотрим эволюцию структуры самого концепта в русской, ирландской и американской лингвокультурах, попытаемся, насколько это позволит объем работы, выявить когнитивную релевантность слагаемых: *деятель – инструмент – локус и хронотоп – действие и его результат – клиент – наблюдатель*.

Конный городской прокат является современной трансформацией профессии городского извозчика. Данная профессия имеет многовековую историю, отличается жесткой регламентацией профессиональных ролей, закрытой, устоявшейся терминосистемой, сложившейся корпоративной культурой. В ряде европейских и американских городов профессиональное занятие не претерпело существенных изменений: изменилась сама городская среда, ставя под угрозу существование профессии. В крупных городах России занятие перерождается: меняется гендер деятеля, степень начальной подготовки, способ «труда» и получения вознаграждения.

дения и т.д. В Ирландии занятие трансформируется в парадоксальную часть городской молодежной субкультуры, но осознается как главное занятие.

Мутация профессионального занятия вызывает неоднозначную реакцию как общественности, так и корпоративной группы «лошадников», вызывает потребность в его переосмыслении, реструктуризации профессионального концепта в дискурсивной практике.

Городской прокат в русскоязычном дискурсе можно определить как промысел или непрофессиональное занятие корпоративной группы конных клубов, находящихся в черте больших городов. Узкокорпоративная группа «покатушечников» выделилась около 20 лет назад, с началом перестройки. Появление данного промысла обусловлено целым рядом социальных факторов. Прекращение государственного финансирования конезаводов и конно-спортивных клубов, развал колхозов превратили содержание лошадей в нерентабельное, затратное предприятие. Длительные задержки зарплаты работников спортивных и колхозных конюшен, всеобщее попустительство явились причиной массовой потери поголовья, злоупотреблений, моральной деградации части профессиональной группы. Клубы и частные владельцы были вынуждены заняться прокатом, чтобы прокормить поголовье; некоторые продолжали промысел с целью легкой наживы, не соблюдая элементарных требований к содержанию животных, доводя их до гибели и приобретая новых. В конном мире сформировалась так называемая **контркультура**, т.е. «субкультура, ценности которой вступают в конфликт, открыто противоречат доминирующим» [Персикова 2002: 116–117].

Последнее стало возможным в связи с появлением нового вида «покупателя услуг» – городского жителя, для которого лошадь является экзотикой, не способного определить пол, возраст животного, его общее физическое состояние, не имеющего элементарных представлений о поведении животных и пр. Утилитарная и регулятивная зоны интерпретационного поля концепта ЛОШАДЬ, отношение к лошади как к кормилице, работнице, свойственное русской этнокультуре, отсутствует. То, что в сознании многих горожан – носителей русской лингвокультуры теряется смысловозначительный потенциал, свойственный миру живой природы вокруг нас, и многие имена концептов воспринимаются только как знак тематической отнесенности [Карасик 2007], по всей видимости, необратимый процесс. Тем не менее, в последние годы «сжатие» ряда концептов в языковом сознании горожан приобрело черты культурного коллапса. Вопросы: *Где Вы для нее [лошади] столько мяса берете? Можно ли прокатиться на пони (о маленьком жеребенке)* автору данной статьи взрослые и вполне вменяемые люди задавали неоднократно. Опыт

наблюдения апатичных, измученных лошадью «покатушек» формирует у горожан своеобразную псевдонорму восприятия, когда здоровое, энергичное животное воспринимается как отклонение: *Что это с ней? Она у Вас бешеная!* (лошадь нетерпеливо перебирает ногами, «просит» посылать в галоп). Таким образом, ПОКАТУШЕЧНИЧЕСТВО в какой-то мере уникальный род занятия, т.к. существует благодаря **невежеству** клиентов и **профессиональному невежеству** и деградации агентов.

ПОКАТУШНИЧЕСТВО – наименование, на первый взгляд тяжеловесное и неблагозвучное, подчинено традиции наименования профессиональных деятелей: «начиная с древнерусского периода деятельность лица, в том числе профессиональная, регулярно обозначалась посредством отсубстантивных существительных на -ство. В данных наименованиях отражен процесс транспозиции, в результате чего из двух ядерных сем в значении производящего слова актуализируется процессуальная сема» [Коряковцева 1998: 121]. Покатушечничество как специальный концепт находится в процессе становления: корпоративная группа конников затрудняется с выделением инвариантных признаков социально осуждаемого занятия, пытаясь размежевать его с вынужденным и в силу этого этически оправданным занятием. ПОКАТУШНИЧЕСТВО / ГОРОДСКОЙ ПРОКАТ в ряде контекстов взаимозаменяемы, в ряде контекстов выступают как знаки ориентации – ситуативные антонимы. Само *пространственное осмысление* промысла «городской прокат» – множество лиц, объединенных общим местонахождением – в какой-то мере семантически избыточно. Одновременно функционируют варианты номинации деятеля: *'покатушник', 'покатушчик', 'покатушечник'*; занятия: *'покатушничество', 'покатушечничество', 'покатушки'*.

ПОКАТУШНИК/ПОКАТУШНИЧЕСТВО обладают большей встречаемостью и, скорее всего, утвердятся как общепринятые. Этому способствует форма слова: *покатушник* (мотивирующая основа *'покатушки'* + -ник – стилистически нейтральный суффикс, обозначающий деятеля) воспринимается как пейоратив в силу сходства звучания с *'домушник', 'мокрушник'* и пр. Возможно, изначально заданная оценочная контаминация – решающий фактор при выборе наименования данной группы лиц.

Временной аспект и локус в осмыслении данного промысла создают своеобразную оценочную шкалу. *Откатывать елку, откатать детский садик, покатушки на Масленицу* задают жесткие временные рамки использования лошадей в целях развлечения и являются в какой-то мере допустимыми с профессиональной точки зрения заработками. *Прокат у цирка, катать у Тюза* – знаки привязки к определенному локусу без ограничения во времени – указывают на целевое использование лошадей для заработка «легких денег». Неслучайно кон-

текстные замены – обозначения лиц, занятых в данном виде городского проката, базируются на метафорическом переносе наименований «классических» деклассированных групп: *конные побирушки, садисты-прокатчики, нищие с животными, попрошайки у кафе, «мамочки», «мадам».*

Вероятно, стоит говорить об узкокорпоративной специализации значения, т.к. в целом в досуговой области «покатушки» обозначают прокат транспортных средств (велосипеды, квадроциклы и под. любителям, для развлечения) – при общем шутивно-ироническом звучании аксиологический пласт практически не выявляется. Если рассматривать более широкий контекст (досуговые услуги в целом) можно отметить проявление оценочной энантиосемии, т.е. сосуществования положительного и отрицательного оценочного знака в одном значении, например: *Покатушки там классные, рули – не хочу! // Наконец-то в парке покатушники с квадроциклами.*

ПОКАТУШНИЧЕСТВО является одной из наиболее актуальных на сегодняшний день тем интрапрофессиональной коммуникации, катализатором формирования установок, этических норм в условиях коммерциализации конного дела. Кроме того, растет число публикаций, ориентированных на «аутсайдера»: их цель – информационное манипулирование потребителями «антиуслуг» и в конечном итоге уменьшение их числа.

Коммуникативная потребность в моделировании данного концепта «вовне», так называемом «овнешествлении», подтверждается результатами простейшего ассоциативного эксперимента; участникам было предложено назвать 1-2 слова, которые в первую очередь ассоциируются с: покатушниками (теми, кто катает, т.е. стереотип восприятия *деятеля*); теми, кто катается (стереотип восприятия клиента); лошадьми (инструмент).

Участниками опроса стали 100 респондентов – студентов и преподавателей языковых специальностей педагогического университета, а также учителя языковых гимназий города Екатеринбурга. Возраст опрошенных – от 18 до 70 лет; поскольку автор предполагал выявить ряд гендерных стереотипов, особый акцент был сделан на привлечении респондентов – мужчин. Обработка анкет позволила сгруппировать актуализированные семы трех слагаемых ПОКАТУШНИЧЕСТВА как занятия в следующие значения:

ДЕЯТЕЛЬ: 1) вариативные наименования лиц, имеющих отношение к конному делу: *наездники 20, спортсмены 12, инструктор 8, люди, конюх 5, извозчики, тренеры 4, клуб, дед Мороз со Снегурочкой, катальщики, дяденьки в санях 2, кучер, девушки с конями 1*; 2) животные, воспринимаемые как субъект деятельности: *лошади 18, пони 13, кони 5, ослики 2*; 3) общая и нравственная оценка деятеля: *сме-*

лые, храбрые 8, любят лошадей 7, спортивные 4, дружелюбные, умелые, веселые 2, заботливые, суровые, удовольствие 1; 4) утилитарная зона: *заработок, деньги 3, сбор средств, аттракцион 2, кризис 1*. Выявленные реакции свидетельствуют о том, что образ деятеля для респондентов либо неактуален (он маскируется, затмевается образом второго актанта – лошади), либо моделируется на основе стереотипных фасцинативных представлений о спортсмене-наезднике.

КЛИЕНТ: 1) возрастные и гендерные характеристики: *дети 38, девушки 9, молодежь 6, маленькие 3, взрослые, которые сидят в санях 1*; другие характеристики: *любители лошадей 11, богатые 3, больные 2, рыцари 1*; 2) когнитивный признак «характер и результат досуга»: *радость 8, развлечение 6, отдых 5, праздник 4, веселье, хорошее настроение 3, восторг 2, опасность, баловство 1*; 3) общая и нравственная оценка клиента: *смелые 7, ловкие 5, отважные 3, жизнерадостные 2, любопытные, лентяи 1*. Как видим, восприятие «клиента» характеризуется большей согласованностью ответов и моделируется в основном двумя когнитивными признаками: **дети и праздник.**

ИНСТРУМЕНТ (лошади): 1) перцептивные когнитивные признаки: *большие 11, сани 5, тройка 4, быстрые, белые 3, упряжь, подковы, грива, тепло 2, которые лягут, навоз, седло 1*; 2) признаки оценочной зоны: *красивые 9, хорошие 6, добрые 5, гордые, умные 3, грация, великодушные, мудрые, восхитительные, послушные 2, бедные, терпеливые, яркие, статные, ласковые, интересные, думающие 1*; 3) энциклопедическая зона: *галоп, усталость 2, обучение верховой езде, конная прогулка, нервные, булка хлеба, голодные, пот 1*; 4) вариативные наименования: *пони 5, кони 4, животные 2*; 5) случайные ассоциации: *Пегаз, Собчак, Путин, коврик, игрушка и пр. – 23*; 6) отказ от ответа «не знаю», прочерк 4;

Моделирование аутсайдерами ментальной картины «инструмента» покатушечничества осуществляется в целом на основе сложившегося этнокультурного концепта ЛОШАДЬ. Следует отметить отсутствие зависимости характера ответов респондентов от возраста либо гендера. В целом ПОКАТУШНИЧЕСТВО реализуется в непрофессиональном сознании как рефлексивный концепт: ср. «рефлексивные концепты демонстрируют низкую согласованность ответов испытуемых, низкую яркость большинства когнитивных признаков либо **яркость преимущественно оценочных и ложных признаков**» [Попова 2007: 195] (выделение наше).

Статьи о покатушечничестве по ряду формальных параметров можно однозначно отнести к выделенному Н.Н. Кохтевым жанру рекламной консультации, даваемой специалистами, о пользовании услугами [Кохтев 1981: 26]. Коммуникативные задачи, которые призваны решить данные публикации, весьма сложны,

противоречивы и выходят за рамки рекламных текстов. Вот далеко неполный перечень задач, которые решаются данной подборкой:

а) формирование либо корректировка у клиентов концептуального спектра относящихся к ПОКАТУШНИЧЕСТВУ информационно-фоновых знаний, особенно в отношении актанта «лошадь»;

б) формирование субъектного, а не объектного восприятия лошадей как главного условия городского проката;

в) корректировка социальных представлений о ПРОКАТЧИКАХ, создание отталкивающего образа «профессионального деятеля»;

г) корректировка стереотипной самооценки клиента – пользователя данного вида услуг (не «экстремал», «ковбой», а неумный человек, являющийся участником постыдного по своей сути занятия);

д) разрушение положительных стереотипов аутсайдера в отношении услуги ПРОКАТА (дети + лошади ⇒ общение с живой природой ⇒ положительный фактор воспитания), профессиональная оценка **этической** стороны приобретения данной услуги.

Поскольку жанр рекламной консультации достаточно жестко ограничивает объем публикации, решение разноплановых задач достигается в большой мере за счет оценочной модальности, насыщения (иногда перенасыщения) текста единицами аксиологической семантики. Вспомним: «...эмоциональное состояние говорящих носит в структуре человеческой деятельности мобилизующий или компенсаторный характер. Компенсация проявляется в том, что эмоции позволяют принимать решения при недостаточной информации» [Гак 1982: 14].

Оценочная модальность – это связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией говорящего/слушающего и обозначаемой реальностью (точнее, ее свойствами и аспектом), оцениваемой положительно или отрицательно в соответствии со стандартом бытия вещей. Обязательными элементами оценочной модальной рамки являются эксплицитный или имплицитный субъект оценки, обозначающий лицо или социум, с точки зрения которого дается оценка, объект оценки (лицо, предмет или событие), сам оценочный элемент, а также точку отсчета, включающую шкалу оценок и оценочные стереотипы [Телия 1986: 22]. В нашем случае субъектом оценки выступают представители более или менее профессиональных конно-спортивных клубов; объектами оценки являются как агенты, так и клиенты «покатушечных» услуг, причем ПОКАТУШНИК зачастую используется как наименование-зонтик как для агентов, так и для клиентов: ср. ...и в приличном клубе встречаются люди-покатушники, которые приходят в клуб или на конюшню не за лошадью ухаживать, а только скакать на ней, даже спортсмены есть такие; им глубоко наплевать, сыта лошадь или голодна, уставшая

или нет, им главное поскакать – ЭТО ПОКАТУШНИКИ.

Рассмотрим на конкретных примерах развертывание оценочной модальной рамки в текстах о ПРОКАТУШНИЧЕСТВЕ:

а) Утилитарный аспект (здесь и далее классификация оценочных значений аксиологической семантики по Л.В. Сретенской [см.: Сретенская 1994: 10]; его основными средствами выражения является рационально-оценочная лексика) в нашем случае задается уже на уровне квазисловарного определения. Используется классическое описательно-логическое толкование через парадигматический идентификатор и конкретизирующую часть: *Покатушечничество – это вид попрошайничества, где способом попрошайничества является лошадь // покатушничество, как и другой вид деятельности, есть бизнес, хоть и нелегальный, представляющий определенный вид услуг // Покатушники – это люди на конях в городе, которые произносят фразу: "А ребенка на лошадке прокатить не желаете?" // Покатушничество – это предпоследняя ступень на жизненном пути лошади перед мясокомбинатом.* Целью является не столько раскрытие профессионального понятия, сколько формирование негативного отношения к нему. Эксплицируется оценка типовых ситуаций проката с точки зрения их вреда для пользователей: *Катание на хромой, больной, измученной лошади может привести к травме у всадника и необратимым последствиям для животного // Лошади больны, причем не только травмы и незаразные болезни, но в т.ч. и заразные.*

б) Нормативный аспект: в профессиональном дискурсе конных клубов действует устойчивая нормативная шкала, на одном полюсе которой эксплицированы требования к содержанию лошадей, уровень профессиональных умений и навыков конного спорта. На другом – вековая этнокультурная норма содержания и использования лошадей в крестьянском хозяйстве.

Эта «крестьянская» норма содержания в профессиональном сознании выступает как планка шкалы, ниже которой опускаться нельзя; это сигнал выхода за пределы профессиональной группы: *Даже крестьянская лошадка не заслуживает подобного обращения, а тем более рысак // в бескормицу крестьяне солому с крыш драли, чтобы прокормить скотину, а этим что... Сыпанут сухих отрубей и все // Ни один крестьянин даже в самый голодный год не стал бы на такой ляле работать. Поэтому что потом бы эта лошадь ему долго не прослужила // Это равносильно тому, если бы ребёнка в 7 или 6 лет отправили бы на склад работать грузчиком. Лошадь заезжать-то нужно не раньше, чем в 3 года. А тут год с лишним. В деревне бы не потерпели подобного кощунства и под. Скорее всего, данная шкала является базовым профессиональным*

конструктом. Ср.: «конструкт определяется как классификационно-оценочный эталон, сконструированный человеком, проверенный им на практике, с помощью которого осуществляется восприятие и понимание окружающей действительности, прогноз и оценка событий. В самом общем виде конструкт – это биполярный признак, альтернатива, противоположные отношения и способы поведения... и далее: как правило, конструкт не просто дискретная оппозиция, но зачастую создает континуум некоторого свойства, и с помощью приложения конструкта объекты можно расположить между полюсом сходства и полюсом различия, т.е. «измерять» объекты, а не только судить об их включенности и **невключенности** в некоторый класс». [Касавин 2008: 419].

в) Эстетический аспект: следует подчеркнуть, что речевому поведению профессиональной группы конников в целом свойственно навязывание профессионального эстетического мировосприятия [подр. см. Макеева 2009], что вполне закономерно, т.к. русская лингвокультура в целом характеризуется высокой импозитивностью. Основными объектами эстетической оценки в отношении ПОКАТУШНИЧЕСТВА являются:

1) лошади, их внешний вид: *готовый преломиться в позвоночнике полутруп // больные страшные, тощие лошади // натуральный скелет // Иногда за сотни метров чувствуешь, что сейчас где-то будут кони, т.к. люди, работающие с такими лошадьми, не утруждают себя ни чистой самой лошади, ни места ее пребывания дома // живой труп // жалкие клячи // она не чищенная или амуниция на ней рваная и под.;*

2) прокатчики, их: а) внешний вид и поведение: *барышни, не обремененные интеллектом // навозные девочки // кобыла, кило под 70-80 // наглые прокатские девицы // девочки и мальчики с матом и пивом, пьянящие // гадские прокатные девочки.* В номинациях актуализируется гендерный аспект, что могло бы свидетельствовать о нарушении гендерных ожиданий в отношении «деятеля»; тем не менее, стереотип «неженское занятие» не прослеживается: отторжение вызывает конфликтно-агрессивный тип языкового поведения, не соответствующий гендерным ожиданиям: *я сделала ей замечание, так как сама была с ребёнком, на что она мне ответила: да достали вы все умные нашлись, при этом показала факью и пошла дальше. А ведь даже не знала, что я лошадица, разговаривала, как с клиентом;* б) эстетический аспект умения ездить верхом: *болтаются в седле как мешок с... [инвектива] // они утряслись галопом // взгромоздиться на лошадь;*

3) пользователи услуг проката, их внешний вид: *сил нет смотреть на придурка, взвалившего свою задницу на полутруп // пьяные мужики, которые «залазят» и «слазят» // попо-*

кататели // толстые лохи // слонopodobные и пр.;

4) оценки смешанного типа, где «коннотативная модальность ориентирована на экстенционал аналогии (сравнения, метафоры)» [Телля 1986: 26]: *вечный ад городских покатушек // "покатушничество" – зачастую смертный приговор // "покатушечная" – это вообще труба // Не тратьте деньги на зло!*

Следствием подобного разрывания контекстной дефиниции является стойкая негативная оценочная контаминация конного проката как занятия и группы, выходящих за рамки профессиональной этики. В данном случае действует закон прямой зависимости контекста и значения: «чем шире значение слова, тем больше его зависимость от контекста: только абсолютно однозначная единица может функционировать без помех для коммуникации вне зависимости от контекста» [Колшанский 1980: 130].

ПОКАТУШНИК/ПОКАТУШНЫЙ в конноспортивном дискурсе развивает и ряд переносных значений: 1) лицо / клуб, занимающийся лошадьми непрофессионально, по-дилетантски: *Фаворит – истинно покатушный клуб // Источник скатился до уровня покатушечников // это не спортивные лошади, а покатушные клячи;* 2) беспородная, рабочая (о лошади): *60 тысяч за покатушную клячу? Я не говорю, что лошадь плохая, но 60 тысяч – это дорого!*

По справедливому замечанию Е.И. Головановой лица, выделяющиеся по профессиональному или непрофессиональному занятию (промыслу) в составе коллективных прозвищ, названия лиц по профессии выполняют не только классифицирующие, но и характеризующие функции. Иными словами, эти обозначения не только указывают на участие конкретной группы жителей в профессиональном разделении труда, но и выражают определенную оценку их деятельности [Голованова 2004: 99].

Как видим, становление концепта ПОКАТУШНИЧЕСТВО позволяет эффективно вводить фрустрирующий элемент (см. [Лазарева 2005: 42]) в текст рекламного объявления конных клубов – жанра, получившего стимул к развитию лишь в последние годы и нуждающегося в собственном манипулятивном инструментарии в связи со спецификой целевой аудитории и самих услуг.

Перейдем к рассмотрению образа КОННОГО ПРОКАТА в ирландской дискурсивной практике. Ирландские «покатушечники» воспринимаются как субкультура, но не контркультура. Субъектом оценки выступают представители макросреды, а не корпоративного сообщества; в силу этого ценностный аспект концепта получает социальную, а не профессиональную интерпретацию. Лексическая репрезентация в ирландском дискурсе: *Irish equestrian culture // Irish urban horse culture // suburban horse culture // alternative horse culture.* Внутренняя форма ус-

тойчивого словосочетания может в данном случае выступать как источник сведений о характере концепта: 'culture' – следует трактовать как универсалию культуры, идею, схему сознания и поведения, элемент коллективного бессознательного [Касавин 2008: 281]. Явление не выходит за рамки этнокультурных традиций; напротив, рассматривается, как своеобразная защитная реакция на бурный экономический рост, урбанизацию; воспринимается как возврат к «корням», традициям ирландских цыган либо бродяг – 'travellers'.

Базовыми словами – репрезентантами наименования деятеля являются: *teenage children // pony kids // children of the urban dispossessed // young owners // Dublin's teenage cowboys // bored youngsters // wild children // urban cowboy kids // suburban equestrians*. Как видим, актуализируется возрастная, а не гендерная характеристика деятеля. Гендерные ожидания в ирландском контексте не нарушены: Ирландии свойственна культура с мужским началом, «лошадниками» являются преимущественно мальчики. Разнообразие синонимических репрезентаций при отсутствии выраженного предпочтения свидетельствует об «открытости» группы; описываемое явление следует рассматривать в социальном, а не корпоративном контексте.

Любопытна в данном контексте трансформация значения HORSE – инструмент либо второй актант «покатушек»: в англоязычном молодежном сленге 'horse' обозначает героин, 'go for a ride' – принять дозу. В дискурсивной практике актуализируются оба значения слова, при декодировании номинации читатель вовлекается в языковую игру, основанную на приеме умолчания либо иносказании: *an alternative source of cheap thrills for bored, alienated kids // other forces waiting to fill that gap // that bleak choice // an important form of escape*. Корректировка стереотипа идет в направлении большей толерантности: городские лошадники скорее заслуживают поддержки, потому что альтернатива – наркотики – гораздо хуже.

Данная интерпретация в большой степени определяет и компоненты образа 'horse': как и в русском языке, актуализируются семы *undernourished, ill-treated, neglected, starving*; тем не менее, когнитивный признак «истощенный» оказывается менее релевантным для ирландского сознания (отсутствие метафорических номинаций, интенсификаторов). Более релевантным оказался когнитивный признак 'stray'/'wild' (бродячий, дикий). Ср.: «к явлениям, реализуемым личностью в процессе коммуникации в определенной социокультурной среде, можно отнести и такие явления, как владение языковыми формами выражения элементов синонимической аттракции (темы, занимающие видное место в интересах и деятельности того или иного коллектива, привлекают и большее число синонимов)» [Прохоров 2004: 108]. Для ирландского коллективного сознания в большей степе-

ни недопустимо нарушение территориальных границ: *running wild on parks and back gardens, on greens and waste ground // horses wandering into traffic // stray horses grazing alongside main roads and on waste ground and public parks // roam everywhere // nomadic ponies // infesting suburbia // city literally overrun with horses etc.* Таким образом, локус (вернее, его неопределенный характер) входит в ближнюю периферию концепта URBAN HORSE. Значимым элементом в структуре локуса выступает урбаноним *Smithfield* – рынок Дублина, в результате эпонимизации развивший зафиксированное в большинстве словарей значение *нечестная игра, обман, надувательство*. Появление данного элемента в соположении с лексическими репрезентациями «деятеля» неизбежно приводит к определенной оценочной контаминации.

Когнитивный признак 'способ, характер выполнения действия' репрезентируется всего двумя лексемами: *to ride bareback // to ride without a saddle* – и, тем не менее, чрезвычайно важен для понимания структуры концепта: отсутствие седел обозначает ограничение эксплуатации лошадей в условиях городского проката: *клиент* в ирландской дискурсивной практике не эксплицирован.

Позиция наблюдателя в ирландской дискурсивной практике переосмыслена как отношение общества взрослых, «макрокультуры», к неоднозначному явлению молодежной субкультуры и сводится к предсказуемому набору коммуникативных ожиданий: *to instruct // to teach how to take proper care // to provide benefits while avoiding dangers etc.* Это в какой-то мере подтверждает наблюдение, что «ирландская культура характеризуется низкой степенью боязни неопределенности, терпимостью ко всему необычному, высоко ценится гибкость в принятии решений, готовность идти на риск» [Персикова 2002: 50].

В американской дискурсивной практике, в отличие от русской и ирландской, задача определения границ контркультуры либо оценки субкультуры не ставится. Подборка текстов решает задачу переосмысления **доминирующей**, традиционной корпоративной культуры, запрета на городской прокат как профессионального занятия, невозможного и неэтичного в урбанистической среде**.

Наименование сферы профессиональной деятельности 'horse carriage industry' также подвергается изначальной оценочной контаминации, хотя не столь явной, как в русскоязычном дискурсе. Ср.: *Industry – an activity or business that has become very successful, especially one that you think makes an unfair profit or is not successful* ([Macmillan English Dictionary 2002]; разрядка наша). Особенностью осуществления профессиональной деятельности городского проката в крупных американских городах (в частности, Нью-Йорке) является полный запрет на использование лошадей «под верх» в

целях безопасности клиентов-аутсайдеров; используется гужевой транспорт (прогулочные, кареты, фаэтоны, запряжка мощных лошадей – тяжеловозов), условия эксплуатации лошадей четко регламентированы местным законодательством. Данная специфика изначально «диктует» высокий профессиональный уровень и гендер *деятели* (базовое слово – репрезентант ‘driver’, синонимические варианты ‘whip’, ‘teamster’). Случайный характер и бедность оценочных маркеров в отношении деятеля свидетельствуют о низкой когнитивной релевантности данного «слагаемого» ментальной картины.

На первое место выдвигается л о к у с, переосмысленный как агрессивная среда, в которой лошади не место. В структуре *локуса* актуализируются семы *опасность, угроза*, которые в свою очередь ранжируются, и на текстовом уровне представляют собой субъективную градацию:

а) опасность, вред от городского транспорта: *going amongst all that traffic in a city is like playing frogger, just asking for trouble // Many animals are too spirited and easily spooked to pull a carriage safely in a large city. // Modern city traffic simply does not allow for the safe usage of horse drawn carriages. This is not only dangerous for the horse itself, it is also extremely dangerous to the driver* и под.;

б) угроза от плохой экологии: *horse contracted breathing problems due to the exposure to smog // slip on the road surfaces, which are very slippery to a plain steel shoe // the horse has to breathe exhaust fumes from cars spewing toxic fumes right in its face // dreadful and harmful conditions* и под.;

в) угроза от плохого содержания: *suffer the worse abuse // horrendous treatment of horses // inhumane treatment of carriage horses // acts of cruelty to animals // mistreat the animal* и пр. Данная группа репрезентируется набором клише, позволяющими без труда определить, кто является **субъектом оценки**: члены групп защиты прав животных, не принадлежащие к «конному миру».

Хронотоп задан оппозицией ‘*in the past / now*»; предпочтение видовременных форм Past Habitual *used to, would*, временной маркер *till 20-s -30-s* четко определяют позицию адресанта по отношению к профессиональному занятию: конный городской прокат изжил себя и актуален лишь как часть исторической реконструкции.

HORSE в американской дискурсивной практике реализуется как этнокультурный концепт, выводится из контекста профессиональной деятельности. Яркими (профилирующими) и, следовательно, ядерными в равной степени оказались и компоненты образа, и компоненты интерпретационного поля: *a majestic animal // gentle animals // amazingly tolerant // magnificent // beautiful, intelligent and all-round admirable animals // lovely creatures // Horses are an integral*

part of the American culture // They provide a window to the past // horses – they are part of the heritage and beauty of North America и под.

Мелиорация образа лошади и пейоризация локуса – городской среды лежит в основе создания контраста на метатекстовом уровне. ЛОШАДЬ / ГОРОД воспринимаются как контекстные антонимы, что неминуемо приводит адресата к заранее заданному набору выводов.

Следует отметить, что изменение модели занятия КОННЫЙ ГОРОДСКОЙ ПРОКАТ осуществляется в полном соответствии с доминантами речевого поведения русской, ирландской и американской лингвокультур; новая коммуникативная задача решается в рамках устойчивой лингвокультурной традиции [Подр. см. Кузьменкова 2005; Тер-Минасова 2000].

Зоной исследовательских интересов автора является моделирование речевого портрета городского проката как малой профессиональной группы. Ракурс рассмотрения профессионального занятия и деятеля, предложенный в статье, является одним из набросков, необходимых для создания цельной картины. Этот набросок подводит к формулировке вопросов, требующих панорамного обзора: всегда ли смерть, угасание профессионального занятия вызваны «естественными причинами» (отсутствие спроса на продукцию, необходимых материалов, условий производства, специалистов и пр.)? В какой мере оценка профессии социумом влияет на «продолжительность жизни»? В чем причина негативного отношения профессиональной корпоративной группы к занятию дилетантов: насколько неприятие дилетантского занятия обусловлено сложившимися корпоративными стереотипами и системой ценностей, насколько – социальной опасностью стихийного занятия любителей в области, требующей серьезной специальной подготовки? Данные вопросы в какой-то мере задают перспективу развития темы.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Дискурсивная практика в данной статье рассматривается как «специфическая форма использования языка для производства речи, посредством которой осуществляется изменение концепта (модели) окружающей действительности, трансформация личностных смыслов субъекта» [Касавин 2008: 414].

** В статье использованы результаты опроса 508 респондентов-американцев (материалы блога “The Carriage horses of NY City / Encyclopedia Britannica’s Advocacy for Animals”). URL: <http://advocacy.britannica.com/blog/advocacy/2008/03/the-plight-of-new-york-city-carriage-horses/> (дата обращения 15.03.10).

ЛИТЕРАТУРА

Гак В.Г. Прагматика, узус и грамматика речи // ИЯШ. 1982. № 5. С. 11-17.

Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля (формирование, развитие, статус в языке): монография. – Челябинск: Челяб. гос.у-нт, 2004. 330 с.

Загоруйко Ж.С. Профессиональный «портрет» малой социальной группы: структурно-семантическое и стратификационное описание: Автореф. дис. ... канд филол. наук. – Пермь, 1999. 14 с.

Карасик В.И. Языковые ключи: монография. – Волгоград: «Парадигма», 2007. 520 с.

Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. 544 с.

Колшанский Г.В. Контекстная семантика: монография. – М: Наука, 1980. 150 с.

Коряковцева Е.И. Имена действия в русском языке: история, словообразовательная семантика. – М.: Изд-во ин-та рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 1998. 362 с.

Кохтев Н.Н., Розенталь Д.Э. Язык рекламных тестов: монография. – М: ВШ, 1981. 127 с.

Кузьменкова Ю.Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения. – М.: издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. 371 с.

Лазарева Э.А., Булатова Э.В. и др. Политический и рекламный дискурс и его влияние на социум: коллективная монография. – Екатеринбург: УрГПУ, 2005. 145 с.

Макеева С.О. Посадка/Seat: инволюция и актуализация концептов в сопоставительном аспекте // Система и среда: человек, язык, общество: сб. науч. тр. – Нижний Тагил: Изд-во НГСПА, 2009. С. 67-78.

Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: учебное пособие. – М.: Логос, 2002. 224 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учебное издание. – М.: «Восток-Запад», 2007. 314 с.

Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. 224 с.

Смыслова С.Л. Концепт «Учитель» в русском педагогическом дискурсе рубежа XIX – XX веков: Автореф. дис. ... канд филол. наук. – Тюмень, 2007. 26 с.

Сретенская Л.В. Функционально-стилистическая категория оценки в научных текстах разных жанров: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – СПб, 1994. 16 с.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц: монография. – М: Наука, 1986. 143 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. 316 с.

Харченко, Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении: монография. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. 337 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография. – Екатеринбург, 2001. 238 с.

Шкатова Л.А. Наименования лиц по профессии современного русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1967. 268 с.

Шкатова Л.А. Терминологические наименования лиц в русском языке (историко-этимологический анализ): Дис. ... д-ра. филол. наук. – Челябинск., 1987. 357 с.

© Макеева С.О., 2010

Малышева Е.Г.

Омск, Россия

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГЕМА 'СПОРТ':
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА¹

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Статья посвящена исследованию репрезентации этнокультурной специфики универсальной идеологии 'Спорт' в спортивном дискурсивном пространстве. Операциональными единицами описания являются доминантные когнитивные стереотипы, объективированные в текстах изучаемого типа дискурса. В статье предлагается методика анализа текстовой реализации изучаемых ментальных феноменов и делаются выводы о когнитивной специфике универсальной идеологии 'Спорт'.

Ключевые слова: дискурс, спортивное дискурсивное пространство, универсальная идеология, когнитивный стереотип; национальная специфика.

Сведения об авторе: Малышева, Елена Григорьевна кандидат филологических наук, доцент.

Место работы: Омский государственный университет.

Контактная информация: 644074, г. Омск, ул. Ватутина, д. 28. кв. 2.

E-mail: malysheva_eg@mail.ru.

Идеологическая составляющая концепта 'Спорт', как показывает наш анализ, отчетливо демонстрирует, кроме всего прочего, национальную специфику содержательной структуры данного феномена, которая определяется прежде всего факторами внелингвистического порядка.

На наш взгляд, одной из самых продуктивных методик скрупулезного описания национально и культурологически релевантных когнитивных признаков многоуровневого концепта (каковым является и универсальная идеология 'Спорт') является методика выявления и описания когнитивных стереотипов, интерпретирующих названный феномен.

Понятие когнитивного (ментального) стереотипа неразрывно связано с понятием концепт: именно в стереотипах отражается «интерпретация» тех или иных базовых концептов, которая задается всей совокупностью бытовых, социально-экономических, социально-политических, исторических, природных, этнических, культурологических факторов.

В лингвистической науке существует достаточное количество определений когнитивного (ментального) стереотипа, но во всех имеющихся дефинициях так или иначе подчеркива-

Malysheva E.G.

Omsk, Russia

UNIVERSAL IDEOLOGEM 'SPORT':
ETHNO-CULTURAL SPECIFICITY

ГЧТИИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article is devoted to the representation of ethno-cultural specifics of universal ideologem 'Sport' in the discursive space of sport. Operational units descriptions are the dominant cognitive stereotypes, that are presented in the texts of the discourse type under study. This article proposes a methodology for analysis of the text implementation of mental phenomenon studied and draws conclusions about cognitive characteristics of universal ideologem 'Sport'.

Key words: discourse, discursive space in sports, universal ideologem, cognitive stereotype, national specificity.

About the author: Malysheva, Elena Grigorievna candidate degree in philology, associate professor.

Place of employment: Omsk State University.

ются базовые, дифференциальные признаки исследуемого феномена.

Когнитивный (ментальный) стереотип понимается как мифологическое по сути, устойчивое типизированное представление о действительности или ее элементе (предмете или ситуации) с позиций обыденного массового сознания [Маслова 2001: 109-110], как «содержательная форма кодирования и хранения информации» [Красных 2002: 23]. В.В. Красных подчеркивает, что когнитивный стереотип характеризуется относительной устойчивостью и повторяемостью, схематичностью, стандартизованностью, однозначностью, массовостью, оценочностью, национально-культурной спецификой.

Таким образом, практически любой когнитивный стереотип может быть назван этнокультурным, отражающим особенности того или иного сообщества, объединенного по национальному и/или государственному признаку.

Думается, однако, что вовсе не в каждом дискурсивном пространстве названные когнитивные универсалии эксплицируются так явно и частотно и с таким языковым разнообразием, как это происходит в спортивном дискурсе, поскольку, как справедливо замечают теоретики журналистики Нейл Блейн и Раймонд Бойл, «модели освещения в СМИ спорта становится источником – возможно, уникальным источником – информации о том, каковы наши убеждения и мнения, какова наша культура в широком смысле этого слова» (выделено мной. – Е.М.) [Блейн, Бойл 2005: 471].

¹ Работа выполнена по гранту «Разработка концепции многовариантности медиаобразования» (государственный контракт № П1310) в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы».

Заметим далее, в том числе и в связи со сказанным выше, что нам не кажется неоспоримой эксплицированная в большей части определений такая характеристика способов языковой объективации когнитивного стереотипа, как *стандартизованность* и *клишированность*.

Думается, что разнообразие средств экспликации когнитивного стереотипа в языке находится в зависимости *от типа дискурса*, в котором эта объективация происходит, *от типа субъекта дискурса и его коммуникативной позиции*.

Так, например, определенная субъективность позиции адресантов спортивного дискурсивного пространства (*агентов*, в терминологии дискурсивной социолингвистики): журналистов, спортсменов, тренеров, болельщиков – позволяет говорить о том, что вербализация названных феноменов в этом типе дискурса характеризуется разнообразием и относительной нестандартностью.

Однако мы можем сделать безусловный вывод о том, что при языковой репрезентации исследуемых концептуальных доминант спортивного дискурса отражаются стандартизованные, повторяемые, частотные, национально-специфичные и повышено оценочные *представления* носителей русского языка не только о спорте и о спортивных победах или поражениях, но и – шире – о собственном государстве, стране, Родине, власти – с одной стороны, и о русском характере, этических и моральных принципах русских, об их отношении к Родине, отечеству, его истории сквозь призму спорта и спортивных достижений – с другой.

В.В. Красных полагает, что когнитивный стереотип имеет две разновидности – стереотипы-поведения и стереотипы-представления.

Для нас актуальными оказываются прежде всего *стереотипы-представления*, основными видами которых являются, по мнению исследователя, *стереотипы-ситуации* и *стереотипы-образы*.

В основе стереотипов-ситуаций находится некоторое стандартизованное представление о ситуации (например, о *поведении болельщиков на трибунах*), а в основе стереотипов-образов – типизированные представления о предмете, лице, феномене (например, профессиональные и поведенческие стереотипы-образы *спортсмен, тренер, спортивный фанат, болельщик*; национальные *русский, француз, финн*; социумные (*легенда спорта, звезда спорта*). Они выполняют предикативную функцию, определяют, что следует ожидать от какой-либо ситуации или предмета реальной действительности.

На наш взгляд, необходимо выделить еще одну разновидность стереотипов-представлений – *стереотипы-суждения*, которые, мы полагаем, могут быть определены как *схематичная, типизированная, национально марки-*

рованная интерпретация содержания абстрактных концептов, прежде всего этических и идеологических.

Так, например, в русской национальной картине мира отражено стереотипное, национально-специфическое суждение, связанное с национально специфичной интерпретацией победы вообще и *спортивной победы* в частности как победы «любой ценой», «вопреки всему», более того, как победы, почти всегда *тождественной военной*.

Таким образом, на наш взгляд, стереотипная, национально маркированная интерпретация ядерных или периферийных когнитивных слоев тех или иных многоуровневых концептов (таких, например, как концепты 'Спорт', 'Олимпиада', 'Победа/Поражение', 'Спортсмен', 'Патриотизм') представляет собой *сочетание* стереотипов-ситуаций, стереотипов-образов и стереотипов-суждений и, кроме того, находит свое отражение в стереотипах-поведениях.

Выделение и описание стереотипов-суждений, использование их в качестве одной из базовых операциональных единиц лингвокогнитивного анализа, на наш взгляд, чрезвычайно продуктивно, поскольку позволяет, во-первых, обнаружить национально специфичные «векторы» интерпретации содержания того или иного многоуровневого концепта как в картине мира, продуцируемой спортивными СМИ, так и в наивной картине мира адресата; а во-вторых, проанализировать специфику языковой объективации заданных представлений в определенном типе дискурса.

Заметим также, что лингвокогнитивный анализ интерпретации концептов посредством когнитивных стереотипов неразрывно связан с лингвокультурологическим и лексико-семантическим описанием концептов.

Разноаспектные выводы, к которым приходит исследователь в результате использования *совокупности* разнонаправленных методов и методик исследования, отличаются большей степенью объективности и верифицированности.

Если говорить о своеобразном *метаязыке* описания *когнитивных стереотипов-суждений* в лингвистике, то можно констатировать, что названной ментальной единице соответствует сформулированная исследователем – в результате проведенного анализа – своеобразная «*этическая максима*» (Н.А. Кузьмина), то есть некоторое высказывание, характеризующееся модусами должествования, констатации и/или оценки, которое представляет собой когнитивно-пропозициональную структуру, называющую объект или субъект характеристики ('*Победа*', '*Спорт vs Спортивная борьба*', '*Русский спортсмен vs Русский тренер vs Русские в спорте*', '*Русский спортивный чиновник*') и его доминирующий признак (признаки): *Русские в спорте – максималисты / Русские спортсмены признают только победу и под.*

Нами уже подчеркивалось, что посредством когнитивных стереотипов, объективирующих концепт 'Спорт', транслируются общие представления носителей русского языка об особенностях русского характера, о специфике российского жизнеустройства, об отношении гражданина и государства, о русском патриотизме. Так, например, выявленный нами стереотип *«Российских спортсменов в мире не любят и всегда засуживают»*, очевидно, коррелирует с более общим ментальным стереотипом *«Русских в мире не любят»*.

Это наблюдение подтверждает уже высказанную мысль о том, что в журналистском спортивном дискурсе, в сфере медиаспорта, отражаются как определенные идеологические и мировоззренческие «установки» современных носителей языка, так и особенности русского национального менталитета.

Итак, любая когнитивная структура, будь то концепт, концептуальная модель или описывающий их когнитивный стереотип, эксплицируется в языке – вербализуется в разных типах дискурсов.

Лексическими и лексико-синтаксическими маркерами когнитивных стереотипов в тексте могут являться, во-первых, частотно повторяемые, отчасти клишированные высказывания, коррелирующие с пропозициональной структурой, посредством которой формулируется стереотип, а во-вторых, разнообразные сегменты текста – от словосочетания до нескольких взаимосвязанных предложений, в которых репрезентируется *содержательная структура* стереотипа.

Материалом для исследования, предпринятого в данной статье, стали печатные и электронные тексты журналистского спортивного дискурса, в которых репрезентированы базовые для этого типа дискурса концепты 'Спорт', 'Победа/Поражение', 'Патриотизм'.

Подчеркнем, что все названные когнитивные феномены отличает многоуровневый характер, наличие обширной периферии поля концепта, а также взаимопроникновение, наложение и пересечение полей концептов.

Более того, когнитивный феномен *'Спорт'*, как уже говорилось в предыдущих параграфах данной главы, может рассматриваться как концептосфера, в которую, в качестве составных частей, входят концепты 'Победа'/ 'Поражение', 'Патриотизм', 'Тренер', 'Спортсмен', 'Спортивный чиновник' и мн.др.

Наконец, скажем, что стереотипы-суждения, интерпретирующие данные концепты, репрезентируют, на наш взгляд, прежде всего периферийные когнитивные слои концептов, которые тем не менее могут характеризоваться актуальностью, содержательной значимостью и разнообразием языковых (и внеязыковых) средств, участвующих в их объективации в дискурсивных практиках.

В результате анализа текстов печатных и телевизионных СМИ, объективирующих спор-

тивный журналистский дискурс и характеризующихся жанровым, прагматилистическим разнообразием, нами зафиксировано достаточно большое количество частотно эксплицируемых когнитивных (ментальных) стереотипов, которые репрезентируют содержательные особенности изучаемого концепта/концептосферы.

Нами выделено *пять групп когнитивных стереотипов*, которые описывают представление носителей языка о спорте как таковом и о спортивных победах; о советском спорте и о советских и российских спортсменах и тренерах; об отношении граждан других государств к нашей стране вообще и ее спортсменам в частности; наконец, представление о нашем государстве и его чиновничьем аппарате, опосредованное спортивной сферой.

Заметим, что из всех выделенных нами когнитивных стереотипов лишь один характеризуется *модусом должествования*, остальные носят *констатирующий характер*, однако аксиологический модус присущ всем описываемым стереотипам без исключения.

Итак, назовем базовые когнитивные стереотипы, посредством которых объективируется этнокультурная специфика концептосферы 'Спорт':

1. Когнитивные стереотипы, репрезентирующие концепты 'Русский спортсмен' и 'Русский тренер':

- *Русские спортсмены должны победить любой ценой / Русские спортсмены должны быть всегда готовы к спортивному подвигу.*

- *Русские в спорте – максималисты / Русские спортсмены признают только победу.*

- *Русские спортсмены – «коллективисты» / У русских спортсменов сильнее других развит «командный» дух, чувство коллектива / Для русских спортсменов подвести команду страшнее, чем проиграть, выступая «за себя».*

- *Русский спортсмен должен быть патриотом / Русский спортсмен должен побеждать прежде всего ради престижа государства.*

- *Русские тренеры – лучшие в мире.*

2. Когнитивные стереотипы, репрезентирующие концепты 'Спорт' и 'Победа':

- *В спорте ярко выражено объединяющее начало.*

- *Победы в «большом» спорте – это высшее проявление патриотизма.*

- *«Большой» спорт – это политика и идеология / Победы в спорте – это прежде всего политические победы.*

- *Спортивные победы для русских почти тождественны военным.*

- *Русские часто побеждают не благодаря обстоятельствам, а вопреки им.*

3. Когнитивные стереотипы, репрезентирующие представления носителей языка об отношении к русским в мире сквозь призму спорта:

• *Русских в мире спорта боятся и не любят / Русских спортсменов всегда засуживают / Русскому спортсмену, чтобы победить, необходимо быть наголову выше всех остальных.*

4. Когнитивные стереотипы, репрезентирующие концепты 'Государство' и 'Чиновник':

• *Российское государство «неблагодарное» по отношению к спортсменам и тренерам / Российское государство не ценит великих спортсменов и тренеров.*

• *Русские спортивные чиновники не выполняют возложенных на них обязанностей.*

5. Когнитивные стереотипы, репрезентирующие концепт 'СССР':

• *СССР был самой мощной спортивной державой.*

• *Современный российский спорт силен традициями советского спорта.*

На наш взгляд, принципиально закрытого списка этого рода когнитивных феноменов, представленных в виде сформулированных исследователем высказываний – типовых логических суждений, не может быть создано, поскольку открытый и отчасти динамический характер имеет совокупность и когнитивных стереотипов нации вообще, и когнитивных стереотипов, репрезентирующих базовые концепты того или иного фрагмента наивной картины мира, в том числе концептосферы 'Спорт'.

Далее нами будут описаны наиболее устойчивые и частотно реализуемые в журналистском спортивном дискурсе когнитивные стереотипы-суждения, объективирующие концептосферу 'Спорт', вербализация которых отличается относительным разнообразием.

Русские спортсмены должны победить любой ценой / Русские спортсмены должны быть всегда готовы к спортивному подвигу

Реконструкция соответствующего названному стереотипу фрагмента картины мира, представленного в текстах журналистского спортивного дискурса, выглядит следующим образом: преградой для сильных духом российских спортсменов не могут стать никакие внешние неблагоприятные обстоятельства (давление судей, сила соперников, травмы, болезни, бытовые и семейные проблемы, спортивные интриги и скандалы, отсутствие материально-технической тренировочной базы, достойного вознаграждения, плохие погодные условия и т.д.). Разумеется, в спортивных репортажах, аналитических статьях и интервью со спортсменами и тренерами объективные причины могут перечисляться, однако они, как правило, не признаются достаточными и вескими основаниями для проигрыша.

Более того, в спортивном дискурсе эксплицирован следующий, близкий к уже названному, когнитивный стереотип: ***Русские часто побеждают не «благодаря», а «вопреки»:***

Как, не имея нормальных условий для тренировок, не имея современного оборудования, наши бобслеисты умудряются побеждать, – загадка для всего спортивного мира (Д. Губерниев, «Неделя спорта», телеканал «Россия-2», 13.04.2009).

Частотной для спортивного дискурсивного пространства является языковая экспликация причин (*отсутствии тренировочной и соревновательной базы, современного спортивного оборудования, медицинского обслуживания, чиновничий беспредел* и пр.), по которым российские спортсмены **объективно не могут** побеждать на соревнованиях высшего уровня. Однако не менее частотной оказывается констатация факта победы русских атлетов вопреки всем вышеперечисленным факторам, что объясняется, как в приведенном выше высказывании, «загадочностью» русского менталитета.

Подтверждением сказанного является еще один контекст:

В этой борьбе (спортивной. – Е.М.) мы всегда оставались для всего мира загадкой. Побеждали даже тогда, когда было тяжело и голодно. Даже когда страна разваливалась на части, побеждать продолжали. И оттого становились еще более необъяснимыми («СЭ», 23.02.2001).

Заметим, что спортивные журналисты используют и в печатных текстах, и в устной публичной речи стилистические приемы, характерные для публицистического дискурса вообще: градацию, парцеллированные конструкции, синтаксический параллелизм, лексические и семантические повторы ключевых слов.

В целом стереотипным, на наш взгляд, является постоянно вербализуемое в спортивном дискурсе представление о том, что спортивные победы «вопреки» объективным обстоятельствам детерминированы именно особенностями русского национального характера, который проявляется прежде всего в экстремальных ситуациях, каковой и является выступление на соревнованиях высокого уровня, когда спортсмен выступает не только «за себя», но прежде всего «за страну, за флаг, за гимн»:

Актер Е. Миронов: Не знаю почему... но нашим надо было умереть, но победить («Прерванное танго. Пахомова и Горшков»). Документальный фильм, РТР, 27.12.2006).

За олимпийское золото они заплатили одной ценой – своим здоровьем (о фигуристах Е. Плющенко и А. Ягудине) («Раскаленный пьедестал», Первый канал, 23.10.07).

Любопытно, кстати говоря, что в журналистском спортивном дискурсе частотно эксплицируется стереотипное суждение о «загадочности» русской души и русского человека вообще, непонятности и непонятости России представителями других народов и государств.

Таким образом, формулы «умереть – но победить», «отступить некуда – позади Мо-

сква», «*пусть синим все горит огнем, медали Родине даем*» (любимое высказывание советского тренера по фигурному катанию С. Жука) и подобные остаются весьма актуальными и релевантными для современных коллективных представлений россиян о спортивных состязаниях, несмотря на то что характеристики спорта высших достижений, который сочетает в себе черты шоу, бизнес-индустрии и является сугубо профессиональным, претерпели значительные изменения.

Сказанное выше объясняет и то обстоятельство, что обсуждение поражений российских спортсменов на крупных спортивных состязаниях (например на Олимпийских играх), какими бы объективными причинами оно ни было обусловлено, всегда заканчивается выводом о недостатке патриотизма современных спортсменов, о недостаточности усилий, которые ими были приложены для победы. Так, однозначно негативный аксиологический модус значения сопровождал все многочисленные комментарии интервью биатлонистки С. Слепцовой, которая после очередного поражения своей команды на Олимпийских играх в Ванкувере заявила в телевизионном эфире: «*Мы (спортсмены. – Е.М.) никому ничего не должны*». Спортивные журналисты и болельщики в печатных, телевизионных и интернет-текстах обвинили спортсменку в «*отсутствии патриотизма*» и заставили дать несколько интервью с извинениями за непродуманные высказывания.

Однако обращает на себя внимание и другая этноспецифичная особенность отношения к спортивной победе и спортивному подвигу: если русский спортсмен проиграл, но продемонстрировал настоящую *волю к победе*, показал, что сделал для победы все возможное и невозможное, то он оценивается как *победитель*, как человек, одержавший моральную победу прежде всего над собой.

В этом смысле характерна оценка выступления на Олимпийских играх 2004 года в Пекине дзюдоиста Дмитрия Носова, который выиграл бой за бронзовую медаль с тяжелой травмой руки.

Проанализируем статью, посвященную этому событию, на предмет своеобразия экспликации в журналистском спортивном дискурсе ментальных стереотипов *Русские спортсмены должны быть всегда готовы к спортивному подвигу и Русские часто побеждают не «благодаря», а «вопреки»*:

Вчера мы видели настоящий подвиг. Его совершил 24-летний парень из Москвы. Он выиграл одной правой рукой решающую схватку. Левую Дмитрий травмировал в предыдущей. Но попросил докторов зафиксировать ее и вышел на татами.

Несчастье случилось в полуфинальной схватке с греком Илиадисом. Началась она с того, что Дмитрий Носов, действовае на

опережение, сбил соперника в партер и пытался провести удержание. Не удалось, судья не открыл счет. Потом соперник провёл бросок через спину. Хороший бросок. Кто другой рухнул бы на спину и сразу бы проиграл, но Дмитрий выкрутился. Однако, падая, он вывернул левый локоть. Раздался хруст. Теперь уже грек провёл прием удержания, и россиянин не сумел вырваться – было очень больно.

И хоть на татами принесли носилки, гордый Носов не стал на них ложиться. Он поднялся и, шатаясь, пошел сам. Мало кто верил, что теперь он выйдет бороться за бронзу. Говорили, что его сопернику Мехману Азизову из Азербайджана повезло: он уже может поздравить себя с бронзой.

Не может. Схватку этих двух дзюдоистов мы все же увидели. А еще – рассеченную бровь Дмитрия, его повисшую и ставшую практически бесполезной левую руку и сумасшедшие глаза. Носов ждал момента для одного-единственного броска. И он ему удался!

В смешанной зоне Дмитрий, преодолевая боль, подошел к журналистам. Главный тренер мужской сборной по дзюдо Абель Казаченков, глядя на него, сказал:

– Такое можно совершить только в состоянии аффекта!

– Я сделал это для страны, – говорил Дмитрий и вдруг застонал. Кто-то, проходя мимо, задел его по руке (Советский спорт, 18.08.2004).

Уже начало данного текста содержит прямую оценку того, что продемонстрировал во время соревнования российский спортсмен, – *подвиг*. Согласно дефиниции, закрепленной в толковом словаре, подвиг – это «героический, самоотверженный поступок» [Ожегов, Шведова 1995: 523]. При том что узуальное значение данного слова отмечено для носителей языка безусловными положительными коннотациями, автор статьи «усиливает» его семантику сочетанием с прилагательным *настоящий*. Примечательно, что спортсмен, совершивший подвиг, в начале статьи даже не назван по имени – автор прежде всего подчеркивает его гендерную, возрастную и гражданскую характеристику – *24-летний парень из Москвы*, чем имплицитно подчеркивает, что на подвиг способен практически любой, ничем не примечательный, простой российский спортсмен.

Любопытно, что прямых характеристик Дмитрия Носова, кроме определения *гордый*, текст не содержит: адресату предоставляется право самому оценить то, что журналист называет *подвигом*. А поэтому логично, что весь текст выдержан в повествовательной модальности: автор последовательно описывает происходящие на его глазах события, практически никак их не комментируя. Однако косвенно его рассказ содержит маркеры отношения адресан-

та к поединкам с участием российского атлета: подчеркивается сила духа, стойкость, выносливость и спортивное умение нашего дзюдоиста (*Кто другой рухнул бы на спину и сразу бы проиграл, но Дмитрий выкрутился; мы увидели... рассеченную бровь Дмитрия, его повисшую и ставшую практически бесполезной левую руку и сумасшедшие глаза; Носов ждал момента для одного-единственного броска. И он ему удался; невозможная боль; вдруг застал*).

Необходимого иллюкативного эффекта журналист достигает, используя в оппозитивной конструкции повтор-подхват и парцелляцию (*Говорили, что его сопернику Мехману Азизову из Азербайджана повезло: он уже может поздравить себя с бронзой. Не может*), а также противопоставляя оценку произошедшего тренером и самим спортсменом (*в состоянии аффекта – сделал это для страны*).

Несмотря на то что Дмитрий Носов выиграл только бронзовую медаль, третье место, завоеванное *таким образом*, однозначно оценивается субъектами спортивного дискурса как победа. Кстати заметим, что в качестве приемлемой и понятной и адресанту, и адресату спортивного дискурса причины того, что спортсмен выступает на пределе физических возможностей, рискует здоровьем и преодолевает физические страдания, называется причина «духовного порядка» – *патриотизм русского спортсмена*, его представление о том, что он побеждает не ради себя, а ради своей страны. Экспликация данных представлений коррелирует с выявленным нами стереотипом *Победы в «большом» спорте – это высшее проявление патриотизма*.

Еще одним примером экспликации в текстах журналистского спортивного дискурса рассматриваемых когнитивных стереотипов является статья под «говорящим» названием «*Русский мужик Легков*», лид которой представляет собой цитату из интервью с российским лыжником А. Легковым, занявшим в тяжелой борьбе 4 место на Олимпийских играх 2010 года в Ванкувере: *«Извините. Я боролся...»*.

Автор статьи репрезентирует важную национально специфичную особенность русского отношения к победам, о которой мы уже упоминали, – русские воспринимают как победу *волю к победе, проявление лучших черт русского характера*. В этом случае они считают победителем даже проигравшего:

Победы бывают и без медалей. Происходит это в том случае, когда не хватает секунд – но не воли, очков – но не жажды борьбы, метров – но не характера. А Легков в субботу выиграл больше, чем проиграл...» («СЭ», 22.02.2010).

Однако сам спортсмен оценивает свое выступление как однозначное поражение, о чем свидетельствуют приведенные выше слова из его интервью, которые оцениваются адресан-

том и адресатами спортивного дискурса безусловно положительно.

Полагаем, что последний текст демонстрирует косвенную связь с еще одним частотным когнитивным стереотипом, представленным в спортивном дискурсе, – *Русские в спорте – максималисты / Русские спортсмены признают только победу*.

Названный стереотип репрезентирован в речи спортивных комментаторов, в новостных спортивных программах, в интервью со спортсменами, тренерами и спортивными чиновниками.

Приведем примеры экспликации названного стереотипа:

Третье место – тоже, конечно, медаль. Вот только заголовок обширного интервью, которое Татьяна дала автору этих строк пару месяцев назад для рубрики «Олимпийцы-2004», он не оставляет сомнений в том, какие чувства испытывала она на олимпийском стадионе Афин: «Ниже первого для меня мест нет» («СЭ», 25.08.04).

Разъяренный чернорылый борец валтузил 21-летнего швейцарского мальчишку по коврику так, что за того было страшно. Этот смерч продолжался минуту и семь секунд. При счете 10:0 судьи досрочно остановили – нет, не схватку, а избивание. Борец с черной бордой стал обладателем бронзовой медали Афин. А потом пошел в сторону раздевалки. И все увидели, что на нем лица нет. Что медаль эту он хоть сейчас спрятал бы в самый дальний угол своего дома, чтобы никогда ее оттуда не вынимать («СЭ», 27.08.04).

А. Карелин: *«Унизительнее второго места нет ничего... Сын говорит... когда я из самолета вышел: «Медаль давай... – посмотрел так... – хм... белая... Нам таких не надо»* (Документальный фильм «Олимпиада как шоу», телеканал «Спорт», 07.08.2008).

А. Карелин: *«Борцов мирового класса готовят во многих странах... но только в нашей стране... готовят чемпионов...»* (Документальный фильм «Испытание Пекином. Год спустя», Первый канал, 8.08.2009).

Примечательно, что рациональная точка зрения, отраженная, кстати говоря, в иностранных печатных и телевизионных спортивных СМИ, состоит в том, что в условиях современного «большого» спорта, когда конкуренция необычайно велика, медаль любого достоинства является достижением. Справедливости ради надо отметить, что в русском спортивном дискурсе также эксплицировано такое представление об итогах спортивных состязаний, однако более частотным и актуальным является суждение, которое состоит в следующем: эмоционально российский спортсмен (как и российский болельщик), в силу уже названных максималистских качеств, не способен искренне радоваться любому месту на пьедестале, кроме первого:

«Их (русских хоккеистов советской «закалки». – Е.М.) *иногда никто не понимает... Для них есть только первое место... Вот на Олимпиаде в Нагано... все чернее тучи... Я им говорю: «Очнитесь, опомнитесь! Вы выиграли бронзовую олимпийскую медаль! Радоваться надо! Вы третьи в мире!»* Знаете, как для того, чтобы выиграть бронзу, надо пахать?» (Лада Фетисова, жена хоккеиста В. Фетисова (об Олимпиаде в Нагано, где ее муж был главным тренером сборной России по хоккею и где наша команда выиграла бронзовую медаль). «Вячеслав Фетисов. Полвека славы». Документальный фильм, Первый канал, 20.04.2008).

Очевидно, что сквозь призму спорта данный стереотип отражает особенности русского характера вообще, которому несвойственны полумеры, полутона [см. подр.: Колесов 2007: 290-297], который требует делать все «по максимуму», особенно в тех сферах деятельности, которые считает «национально специфичными».

Отметим, что в большинстве зафиксированных нами текстов вербализация данного когнитивного стереотипа построена на смысловой оппозиции рационального, объективного, общепринятого – и эмоционального, субъективного, национально специфичного отношения к спортивным победам и поражениям. Высказывания, подобные таким, как «ниже первого для меня мест нет», «унизительнее второго места нет ничего», «для них есть только первое место», «только в нашей стране готовят чемпионов», являются чрезвычайно частотными и повторяющимися в текстах спортивного дискурса, а вербализация оценки самими спортсменами «проигрыша» – «вторых» и «третьих» мест – отличается языковым разнообразием и регулярностью: *нам таких (медалей. – Е.М) не надо; все чернее тучи; третье место, конечно, тоже медаль; медаль эту он хоть сейчас спрятал бы в самый дальний угол своего дома*. Приведенные контексты изобилуют маркерами негативной оценки «незолотых» медалей как самим спортсменами, так и адресантами журналистского спортивного дискурса, при этом в данной функции могут использоваться и средства косвенного характера – указательные местоимения *такой, эта*, союз *тоже*, модальное слово *конечно* и подобные, в семантической структуре которых актуализируются элементы 'плохого качества', 'не-нужный', 'позорный'.

Еще одним доминантным когнитивным стереотипом, получающим регулярное языковое воплощение в спортивном дискурсе, является стереотип *Русских в мире спорта боятся и не любят / Русских спортсменов всегда засуживают / Русскому спортсмену, чтобы победить, необходимо быть наголову выше всех остальных*

Названный стереотип, без сомнения, соотносится с более общим когнитивным стереоти-

пом, характеризующим наше представление о том, как оценивается наша страна и ее жители в мире: *Русских в мире не любят и боятся*.

Причина такого отношения, как кажется россиянам, – прежде всего в геополитической роли нашего государства в мире, в специфике истории нашего государства, в том числе и недавней истории Советского Союза.

«У российских болельщиков давно уже сложилось впечатление, что наших не любят и при любом удобном случае засуживают. И это действительно так... Россия воспринимается наследницей Советского Союза. А от советских побед устали» («Раскаленный пьедестал». Документальный фильм, Первый канал, 23.10.2007).

Обращает на себя внимание констатирующий характер высказываний журналиста («И это действительно так») и его обобщающий вывод, в котором спортивная ситуация экстраполируется на восприятие России и Советского Союза вообще.

«...Еще мой папа говорил: «Чтобы победить, мы должны быть на две головы выше всех». Очень тяжело – быть на две головы выше... но надо...» («Школа злословия». Татьяна Тарасова. НТВ, 1.09.2008).

Приведенному высказыванию из интервью Т.А. Тарасовой предшествовала следующая, весьма показательная коммуникативная ситуация: задавая вопрос Т.А. Тарасовой о том, правда ли, что «нас засуживают, Россию», ведущая программы А. Смирнова называет это «обывательским мнением» и, увидев протестующую невербальную реакцию собеседника, спрашивает: «Нет? Ерунда?..». В ответ на процитированное суждение тренер Т. Тарасова пытается «развенчать» этот стереотип посредством другого, не менее устойчивого: *Россия – великая и сильная страна, в том числе и в спорте*.

Приведем ее ответ полностью: «Нет, нет! Никто нас не засуживает... Знаете... Что там говорить?! Кто это нас... будет засуживать? Кто посмеет, я не пойму?!»

Показательно, что аргументации своей позиции, кроме риторических вопросов-восклицаний («Что там говорить?!» и «Кто посмеет?!»), Т.А. Тарасова не приводит. Напротив, именно после этих слов она начинает рассказывать о последних примерах засуживания российских фигуристов на последнем чемпионате мира, о сговоре судей против российской пары и т.д. Именно это заставляет ее сделать вывод, который нами процитирован вначале. К стати говоря, ссылка Т.А. Тарасовой на слова ее отца, знаменитого советского хоккейного тренера, позволяет говорить о чрезвычайной устойчивости выделенного нами когнитивного стереотипа и о его объективном характере.

Интересно, что нами обнаружено достаточное количество контекстов, в которых синонимичными вербальными средствами объективи-

рован рассматриваемый когнитивный стереотип:

«Нам, чтобы побеждать, нельзя давать ни малейшего повода, чтобы не зацепились. Надо быть на две головы выше...» (Из интервью Л. Латыниной, многократной чемпионки мира и Олимпийских игр по спортивной гимнастике).

Николай Дурманов: *«Все говорят: «Нас не любят». Да не нужна нам ничья любовь, мы сами по себе»* (Sport.ru 16.02.09).

Таким образом, можно констатировать, что представление и адресантов, и адресатов спортивного дискурса о том, что к российским спортсменам, как когда-то к советским, в мире относятся необъективно и предвзято, носит устойчивый характер, частотно вербализуется в текстах данного дискурсивного пространства и соотносится с более общими воззрениями россиян на отношение к ним со стороны граждан других стран. Впрочем, заметим, что в некоторых случаях такое отношение – «не любят и боятся» – трактуется как репрезентация признания силы и мощи и российских спортсменов, и страны вообще, а это может становиться предметом особой гордости говорящих:

Ну, на игру с нашей сборной любая команда настраивается особо. Боятся русской хоккейной красной машины. И не зря... (Из репортажа с чемпионата мира по хоккею. Первый канал, 08.05.2009).

Таким образом, можно констатировать, что спортивный дискурс является пространством, в сфере которого в «концентрированном виде» репрезентируются важнейшие когнитивные

стереотипы, характеризующие – сквозь призму спорта – национально специфические представления россиян об особенностях русского характера, русского менталитета, о базовых принципах русской ментальности, о специфике восприятия русскими «своих» и чужих».

Подчеркнем, что названные метальные черты позволяют реконструировать этически и идеологически значимые фрагменты национальной картины мира, которые, своеобразно преломляясь в разных видах спортивного дискурсивного пространства, не теряют при этом своего исконного содержания.

ЛИТЕРАТУРА

Блейн Н., Бойл Р. Спорт как жизнь: СМИ, спорт и культура [под ред. А. Бриггза, П. Кобли; пер. с англ. Ю.В. Никуличева // Медиа. Введение: Учебник для студентов вузов, обучающихся по гуманитарно-социальным специальностям (020000) и специальностям «Связи с общественностью» (350400) и «Реклама» (350700). 2-е изд. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С.464-475.

Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 624 с.

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М., 2002.

Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [Российская АН.; Российский фонд культуры; 2-е изд., испр. и доп.] – И.: АЗЪ, 1995. 928 с.

© Малышева Е.Г., 2010

Филипацци Ю.А.
Екатеринбург, Россия

**ОБРАЗЫ РУССКИХ
В ИТАЛЬЯНСКОМ КОМИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ**

УДК 821.131.1

ББК Ш 5 (4Ита)

Аннотация. Дана характеристика функций итальянского комического театра и рассмотрена его связь с календарными праздниками, предлагается ключ к восприятию итальянского юмора носителями других культур, предпринимается анализ нескольких современных театральных пьес, в которых упоминается Россия и действуют русские персонажи, как отражение опыта реального культурного взаимодействия итальянцев и русских в Италии.

Ключевые слова: итальянский комический театр, сатира, культурные и экономические контакты, образы русских женщин, образ русского мужчины, самоирония итальянцев.

Сведения об авторе: Филипацци Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института Иностранных языков/

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: Московская область, г. Королев, 141070, ул. Калинина, д. 15, кв. 35.

E-mail: juliaflip@gmail.com.

Filipazzi Y.A.
Yekaterinburg, Russia

**IMAGE OF RUSSIANS
IN ITALIAN COMIC THEATRE**

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The present article characterizes functions of Italian comic theatre and describes its connection with public holidays. There is an attempt to describe perception of Italian humor by representatives of a different culture. The author analyzes several modern theatre plays in which Russia is mentioned and Russian characters are portrayed, which serves a reflection of cross-cultural interaction between Italians and Russians in Italy.

Key words: Italian comic theater, satire, cultural and economic contacts, images of Russian women, image of a Russian man, self-irony of Italians.

About the author: Filipazzi Yulia Aleksandrovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Foreign Languages.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Address: Moscow region, Korolev, 141070, ul. Kalinina, d. 15, kv. 35.

Комический театр в Италии необычайно популярен и развит, несмотря на то, что его аудиторию и функции частично перехватило телевидение. Сатиры и фарсы, которые с давних времен показывали на площадях итальянских городов, имели очень важную функцию: нелюбезно и откровенно высказать свое мнение о событиях и человеческих поступках, произошедших за истекший период времени. Обычно театральные представления устраивались по случаю важных религиозных праздников, которые и служили точкой отсчета некоего временного цикла. Традиция периодически подводит итоги социальной жизни, выплескивая через комедию пережитое, в первую очередь нечто отрицательное – это, по сути, жизненно важный обряд очищения и освобождения, позволяющий вступить в новый временной цикл с обновленным сознанием, не неся груза воспоминаний и впечатлений из прошлого.

До эры телевидения, когда жизнь еще по большей части протекала на улице, а не в квартирах, театральные представления ставились и самими жителями домов или кварталов. Например, в романе Васко Пратолини «Повесть о бедных влюбленных» («Le cronache dei poveri amanti» 1957 года), где рассказывается о судьбах обитателей одного дома во Флоренции тридцатых годов XX века, автор отводит особое место описанию праздника фонариков, сведения о котором можно найти теперь в любом путеводителе или энциклопедии. Праздник фонариков – Festa di rificolona (rificolona – искаженное fiericolona, от fiera – ярмарка и colone –

фермер) – проводится в канун рождества Девы Марии 7 сентября. Ночью во Флоренцию с зажженными фонарями спешили крестьяне со всей округи, чтобы днем продать свой товар на ярмарке; сейчас этот экономический аспект праздника ушел в прошлое, но дети по-прежнему зажигают фонарики и бегают с ними по темным улицам. По завершении фестиваля совершается торжественное шествие во главе с кардиналом, после которого город погружается в атмосферу большой вечеринки, а на улицах выступают многочисленные уличные театральные труппы. На вопрос, откуда берутся эти театральные коллективы, ответил Васко Пратолини: из самого народа. В его романе два соседа, хранителя традиций, а больше того – любителей пошутить, выбирают, кому из жителей дома они посвятят сатирические стихи в этом году. Смысл этого действия заключается в том, чтобы выбрать, кто из жителей дома больше всех отличился за истекший год, и сочинить на скорую руку сатирические стихи. Правила игры таковы, что и сам сочинитель стихов должен быть честен перед самим собой и перед социумом и иметь мужество осмеять самого себя, если есть за что. В ожидании появления театральной процессии в сопровождении детей с фонарями жители дома с трепетом вспоминают все события года, вопрошая собственную совесть, и гадают, не останутся ли шутники именно под их окнами. Сцена в повести флорентийского автора, где объектом осмеяния оказываются перипетии любовной жизни одной супружеской пары, заканчивается тем,

что супруги, несмотря на чувство стыда, выглядывают из своего окна и благодарят артистов за выступление, ведь обижаться в этом случае было не принято. Глубокая мудрость народа, долгие века жившего тесными и замкнутыми коллективами, заключается в том, чтобы выплеснуть эмоциональный балласт в театральном представлении и начать жизнь с новой страницы (в русских деревнях аналогичная функция реализовывалась, по всей видимости, через сочинение и пение частушек).

Какое отношение эта традиция имеет к русским? Дело в том, что, поскольку весь комический театр Италии пропитан этим духом острого и откровенного (но в глубине души не злого) осмеяния, носящего характер физиологического очищения (в социальном смысле), появление русских персонажей в современных театральных пьесах говорит лишь о том, что русские тоже чем-то отличились и напросились на антикомплимент со стороны итальянцев. Обижаться на прямолинейную сатиру не стоит прежде всего потому, что она объективна и отражает лишь то, что действительно имело место быть. Само собой разумеется, что присутствие любых иностранных персонажей в итальянском театре говорит в первую очередь об активном культурном контакте.

Основным материалом для исследования послужила электронная библиотека сценариев – собрание пьес театральной компании «Анти Нати» (www.gliantinati.it), включающую около трех тысяч сценариев. Дополнительно были привлечены материалы некоторых авторских сайтов, в частности личные сайты писателей-комедиографов Камилло Виттичи и Итало Конти.

Свидетельством старинных и глубоких экономических и культурных связей между итальянскими и русскими землями выступает пьеса мэтра итальянского театра – венецианского комедиографа Карло Гольдони «Один из последних вечеров карнавала» (дата первой постановки на сцене – 1762 год) (<http://www.gliantinati.it/copioni2.php>). Главный герой пьесы – венецианский мастер по нанесению рисунка на ткани сиор Андзолетто – получил приглашение от венецианских же ткачей приехать к ним в Московию для росписи тканей. Московия, исторический аналог современной России, в глазах действующих лиц комедии представляется далекой, но отнюдь не дикой страной: тот факт, что приглашение адресовано строго определенному лицу как признанному мастеру своего дела, говорит о том, что государство, куда сиор Андзолетто не раздумывая соглашается ехать, нуждается в квалифицированных специалистах, и он, следовательно, может рассчитывать и на хороший гонорар, и на возможность профессионального роста. Ему жаль расставаться с возлюбленной, которую отец не готов отпустить так далеко от себя, однако эта проблема имеет простое решение: в конце кон-

цов в Московию едут трое – сиор Андзолетто, его невеста и ее отец, который готов оставить свою отлаженную торговлю в Венеции на управляющего. Подобный шаг дорогого стоит, вероятно, тут не обошлось без взвешивания купцом всевозможных рисков и выгод, а если он решил все же ехать, то это говорит и об экономической привлекательности тогдашней России.

Переносясь в современный итальянский театр, мы находим уже не итальянцев в России, а русских в Италии – вынужденных эмигрантов, приехавших на Апеннинский полуостров в 90-е годы XX века, немалую часть которых составляли женщины, нуждавшиеся в легком и быстром заработке и искавшие личного счастья. В сатирической комедии ломбардского автора Камилло Виттичи «*Ci son cascato come un pollo*» («попал как кур во щи», *перевод автора*) показана неприглядная проза жизни: Алессандро, садовник в доме престарелых, женат на русской женщине Маруске, «сбежавшей из России, где все умирали от голода» и где «не было ничего, кроме помидоров и кабачков» (<http://www.gliantinati.it/copioni2.php>). Алессандро искренне считает, что ему повезло, ведь он «никогда не мог завязать отношений с женщинами». Действительно, незавидное социальное положение преградило ему дорогу к браку с соотечественницей, но он не догадывается, что женился на русской проститутке, которой нужен не он, а возможность получить итальянский паспорт. Комизм заключается в том, что все окружающие понимают, чем именно занимается Маруска, тогда как слеп один лишь Алессандро, неправильно толкующий двусмысленный рассказ супруги о ее ночных похождениях. Маруска просит мужа устроить судьбу ее сестры-близнеца – Галины Сбатилловой, тоже проститутки. Героиня представлена сатирически: имя Галина совпадает с тем, как в речи северной Италии произносится слово «курица», Сбатиллова (с ударением на «о») означает «взбей яйца»: глубокого смысла в этом нет, просто так смешнее. Показывая хитрость и цинизм русской девушки, итальянский автор не щадит и своих соотечественников-мужчин, падких на любовные похождения и не обиженных самомнением. Жертва обмана Нандо, несмотря на преклонные годы, нисколько не сомневается в том, что девушка искренне влюбилась в него, когда, проходя мимо, увидела его за забором дома престарелых во время прогулки, ведь против латинского шарма трудно устоять женщине любой национальности. В итоге хитрость удалась, практический результат получен, а это, несмотря ни на что, итальянцы, сами пережившие трудные годы и вынужденные массово эмигрировать, умеют если не ценить, то, по крайней мере, не осуждать.

У этой пьесы есть продолжение – «*Ti sposerei ma mi costi troppo*» («Я бы женился на тебе, но уж очень дорого ты мне обходишься» –

перевод автора), в которой Маруска бросает незадачливого Алессандро, вынужденного теперь искать себе самому невесту в доме престарелых (<http://www.gliantinati.it/copioni2.php>).

С этими незамысловатыми комедиями перекликается другая – «Concorso a premi» («Розыгрыш приза» – *перевод автора*) генуэзского автора Джованни Де Молинера, в которой, правда, в неприглядной роли выступает уже не русская, а украинская девушка (что с точки зрения итальянцев почти одно и то же): «Грация Черви балансирует на грани нервного срыва с тех пор, как ее муж, Марио Маркато, благополучно вышел на пенсию. Его единственное занятие теперь – целыми днями смотреть по телевизору реалити-шоу, ток-шоу и прочую дребедень. Когда Марко выиграл конкурс, приз в котором заключается в том, что он на весь день должен принять у себя в гостях украинскую старлетку Галину, Грация понадобится вся ее решительность, чтобы разрешить эту ситуацию, чреватую непредвиденными последствиями» (<http://www.gliantinati.it/copioni2.php>). По ходу пьесы выясняется, что шоу – фальшивка, хорошо продуманное мошенничество, и вместо телезвезды домой к Марио «менеджер» шоу приводит подобранную на улице девушку, с помощью которой пытается обобрать его на три тысячи евро. Здесь образ девушки тоже снижается за счет сравнения ее с курицей: когда девушка вместо обещанного шоу с трудом выдает, делясь из себя какие-то непристойные стишки, демонстрируя отсутствие голоса, слуха и дара соображения, все присутствующие говорят, что она не Кочимилова, а Спеннакьятова – «ощипанная». Синьора Грация требует, чтобы проходимцы убрались вон вместе со своим «пернатым животным».

Любопытно, что оба автора ввели в произведение представителя старшего поколения – карикатурный образ ностальгирующего коммуниста: в пьесе Виттичи это свекр-большевик, передвигающийся по дому на кресле-каталке, по прозвищу Antico – «древний», а в пьесе Де Молинера – старик Ческино, воинствующий антиклерикал, который в своей комнате в доме престарелых вместо распятия повесил красное знамя с серпом и молотом, а на стенах развесил портреты Ленина и Сталина. На голове у последнего, по замыслу автора, даже имеется меховая шапка – прямой намек на Россию. Функция обоих персонажей – употребить как можно больше слов, связанных в массовом сознании с красной Россией: «верховный совет», «капиталистический враг», «контрреволюционер», «коммунизм», «гулаг», «интернационал». Ни тот, ни другой не имеют никакого отношения к происходящим событиям, а лишь создают сатирическую декорацию, исходя из принципа народного итальянского юмора, что слишком много смешного не бывает, а потому, раз уж зашла речь о России, то надо использовать все средства по максимуму. О том, на-

сколько было сильно влияние коммунистической идеологии в Италии, свидетельствует проникновение некоторых слов в итальянскую фразеологию, особенно в центральных регионах страны, где было сильно движение левых. Так собрание поговорок, восклицаний и пословиц флорентийцев, составленное Ренцо Радди, включает в себя выражение avere un vecchio troschi «иметь старое (старого? старую?) троски» (этот набор звуков в итальянском языке не имеет лексического значения), которое автор объясняет следующим образом: «[говорится] о старой и плохо сохранившейся вещи, не вышедшей пока полностью из употребления и время от времени использующейся в случае необходимости. Речь может идти равным образом об автомобиле, часах, велосипеде и т.п. Существует мнение, что этот неологизм был заимствован приблизительно в 30-е годы и связан с перипетиями политической жизни Троцкого (Лео Давидович или Лейба Бронштейн – 1877-1940 гг.), без особых церемоний изгнанного из собственной страны» (*перевод автора*) [Raddi 1994: 34]. Как видим, сейчас уже и образ ортодоксального коммуниста напоминает старую, ненужную вещь – таковы образы Древнего, передвигающегося на каталке, и Ческино, доживающего свои дни в доме престарелых.

В отличие от русско-украинских героинь обнаруженный нами в пьесе Итало Конти «E le mie sei mele?» («А мои шесть яблок?») (<http://www.italoconti.com/06 MELE.PDF>) русский персонаж-мужчина вовсе не является одиозным. Это, скорее, собирательный образ человека, слишком много пережившего за свою жизнь как плохого, так и хорошего. Пьеса затрагивает тему крайней русской нищеты и невероятного русского богатства. В диалектной пьесе автора из региона Лацио, построенной на палиндромах (палиндромом является также и название пьесы), мы знакомимся с приятным, благородным и галантным, хотя и побитым жизнью Игорем Руджи, который рассказывает на ломаном итальянском историю своей жизни: «Я рабочий в России, служащий на большая фабрика. Сейчас нет! Я пережить большие проблемы с деньгами, моя молодая жена умирать от нищеты. Невыносимая жизнь, только работа и жизнь на зарплату. Затем мне очень повезло! Я выигрывать рубли в русскую лотерею. Я приехать Италия, чтобы вести переговоры о покупке Гранд Отель Хилтон». В перечне персонажей пьесы он так и заявлен: «Игорь Руджи, мужик с рублями» (в итальянской версии концовка этой фразы является палиндромом: il bigino con i rubli), а его проживание в скромном пансионе, которым управляют итальянская супружеская пара, объясняется необходимостью сохранять инкогнито: «Я уже решил все проблемы своей жизни и сейчас думать об инвестиции! Если другие знать, что у меня есть много денег, это не есть хорошо для переговоров. А я с бизнес не люблю шутить». Образ рус-

ского оказывается довольно противоречив: бывший рабочий ведет себя как опытный и хваткий предприниматель, думающий о своей выгоде, при этом он щедро раздает чаевые и заявляет, что презирает деньги.

Рядом с русским богачом карикатурно представлен образ немолодой итальянской актрисы Ирене, утратившей былую популярность и красоту и думающую только о том, как устроить свою старость. Узнав о том, что Игорь – тайный миллиардер, она тут же принимается называть его *Igo scissu* «Игореша» и бросает все силы на то, чтобы женить его на себе. Присутствовавшие на свадьбе гости рассказывают, что мэр, который проводил церемонию, даже произнес прекрасную речь о хороших отношениях Италии и России. Следует отметить, что речь Игоря представляет собой грамотную лингвистическую реконструкцию: автор украшает пьесу многочисленными русскими вставками в итальянской транскрипции (например, «*moshna vaiiti*», «*piet*», «*spassiba*», «*rashalsta*», «*da*» и другими) и превосходно копирует русский акцент, имитируя произношение гласных на русский манер (*suonto* вместо *sonto*, *ieuro* вместо *euro* и т. п.). В этой пьесе тоже не обошлось без использования стереотипных юмористических приемов, подобных сравнению Галины с курицей: автор обыгрывает сходство слова *russo* «русский» с глаголом *gussare* «храпеть»: Ирене, только что жаловавшаяся хозяевам гостиницы на невыносимый храп русского, узнав о его богатстве, заявляет, что не имеет ничего против русских, быстро переводя разговор с храпа на интересующую ее тему: *non ciaco niente contro i russi!*

Смысл произведения, однако, заключается вовсе не в анекдотичной женитьбе потрепанных жизнью русского эмигранта-нувориша и бывшей итальянской актрисы: концовка пьесы неожиданно заставляет задуматься о более серьезных и трагических аспектах жизни в многокультурном обществе. В какой-то момент в пансионе появляется молодая итальянка, представившаяся жертвой бывшего супруга-мошенника, который ее обобрал и скрылся с деньгами и который, по ее расчетам, сейчас прячется в гостинице. Все итальянские персонажи пьесы сразу проникаются к ней сочувствием и пытаются помочь. Подозрение немедленно падает на русского, возникшего ниоткуда с большой суммой денег. Ему устраивают проверку: оставляют одного с сумкой супруги, в которую она специально кладет все свои драгоценности, после чего разыгрывается следующая сцена: «Игорь берет сумку и приближается к дивану. Он садится и

потирает руки, затем спокойно кладет сумку к себе на колени, открывает ее, просовывает в нее руку, а в этот момент сын хозяев пансиона бьет его большой сковородой по голове. Игорь теряет сознание и падает, его рука остается в сумке». Радость от поимки вора длится недолго: очень скоро оказывается, что Игорь – не мошенник, он всего лишь хотел воспользоваться зеркальцем жены, что само по себе, конечно, комично, но не преступно. Далее подозрение поочередно падает на проживающих в гостинице англичанина и немца (видимо, в порядке вероятности совершения ими данного преступления), и лишь в самом конце оказывается, что молодая итальянка нарочно устроила переполох, чтобы под шумок вынести из гостиницы все ценное. Все эти события заставляют их участников с печалью заключить, что часто люди готовы приписать все прегрешения чужим только потому, что они чужие и изначально внушают меньшее доверие, чем соотечественники.

Итак, можно заключить, что образы лиц русской национальности, представленные в современных итальянских комедиях, имеет негативный характер, что определяется спецификой итальянского комического театра, реагирующего на самые неприятные моменты культурного взаимодействия. К чести итальянцев нужно отметить, что они готовы от души посмеяться, но в глубине души не осуждают поступки героев, попавших в непростую жизненную ситуацию, а также не скупаются на самоиронию, сталкивая русских комических персонажей – мужчин или женщин – с итальянскими, по принципу «мы тоже хороши».

ЛИТЕРАТУРА

Conti I.E. *le mie sei mele?* URL: http://www.italoconti.com/06_MELE.PDF (дата обращения: 08.08.2010).

De Moliner G. *Concorso a premi* URL: <http://www.gliantinati.it/copioni2.php> (дата обращения: 08.08.2010).

Goldoni C. *Una delle ultime sere del carnevale* URL: <http://www.gliantinati.it/copioni2.php> (дата обращения: 08.08.2010).

Raddi R.A. *Firenze cosi'. Frasarario moderno delo vernacolo fiorentino.* – Firenze: Libreria S.P. 44, 1994. p. 34.

Vittici C. *Ci son cascato come un pollo* URL: <http://www.gliantinati.it/copioni2.php> (дата обращения: 08.08.2010).

Vittici C. *Ti sposerei ma mi costi troppo* URL: <http://www.gliantinati.it/copioni2.php> (дата обращения: 08.08.2010).

© Филипацци Ю.А., 2010

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Гриббин У.
Виржиния, США
Перевод И.С. Поляковой

МЕТАФОРА «ДЖАГГЕРНАУТ» В АМЕРИКАНСКОЙ РИТОРИКЕ

УДК 81'373.2
ББК Ш 103.1

Аннотация. Перевод на русский язык статьи Уильяма Гриббина, опубликованной в США в 1973 г. Автор описывает известную метафору «Джаггернаут», которая стала активно использоваться в XVIII веке и не утратила актуальности и сегодня. Анализ данной метафоры позволил раскрыть характер взаимоотношений США и стран Востока.

Ключевые слова: метафора, идол Джаггернаут, слоган, восточная культура, миссионерство, политическая коммуникация.

Сведения об авторе: Уильям Гриббин, кандидат исторических наук, доцент, университет Виржинии.

Сведения о переводчике: Полякова Ирина Сергеевна, ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: Россия, 620073, г. Екатеринбург, ул. Крестинского. д. 49/1, к. 181.
E-mail: irene22@live.ru.

Gribbin W.
Virginia, USA

Translated by I. Polyakova

THE JUGGERNAUT METAPHOR IN AMERICAN RHETORIC

ГЧНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. This is a translation of the article by W. Gribbin published in 1973 in the USA. The author describes the metaphor "Juggernaut" which came into use in the 18th century and is still actively used. The analysis of the given metaphor helps reveal the important features and trends in the relations between the USA and the Orient.

Key words: metaphor, idol Juggernaut, slogan, Oriental culture, missionary work, political communication.

About the author: William Gribbin, Assistant Professor of History, Virginia Union University.

About the translator: Polyakova Irina Sergeevna, Assistant Teacher of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: The Ural State Pedagogical University.

Общеизвестно, что вербализованный образ какого-либо человека является не только результатом общения с ним в прошлом, но также способен определять и характер взаимоотношений с другими людьми в будущем. Если это утверждение верно по отношению к межличностному общению, то можно предположить, что оно применимо и к межнациональному. Это объясняется тем, что сила слова с наибольшей очевидностью проявляется в риторических моделях, с помощью которых люди, принадлежащие к одной культуре, характеризуют людей другой культуры. Стереотипы, возникающие из-за непонимания другой культуры, часто переживают феномены, их породившие, и слова, превращаясь в своего рода заклятия, приобретают более широкое значение, чем реалии, благодаря которым они возникли.

Этот естественно протекающий процесс таит в себе опасности. Как и любой другой инструмент, неверно употребленное клише способно дискредитировать цель, для достижения которой оно было предназначено. При межличностных контактах это может стать причиной недоразумения, при межнациональных – привести к катастрофе. Существует бесконечное количество примеров, которые наделали много шума в дипломатии за последние десятилетия, когда культивирование восприятия обществом какого-либо феномена приобретало беспрецедентную важность. Какие бы ни были на то причины, но это особенно четко проявляется во взаимоотношениях Америки со странами Вос-

тока. Желтая опасность, бремя белого человека, тория домино, аграрные реформаторы, третий мир – какой эффект производили данные сочетания, когда американская политика, часто вслед за общественным мнением, неудачно использовала эти не всегда отвечающие действительности высказывания?

Дело не в том, что слоганы намеренно создаются с целью манипуляции. Это происходит скорее из-за склонности общественного деятеля выразить объемную мысль в сжатой форме и из-за естественного нежелания отказываться от метафоры до тех пор, пока он не убедится на собственном опыте, что ее содержание устарело. Однако и в этом случае не стоит вычеркивать эти клише из международного политического словаря как ошибочные. И хотя такими они часто и являются, тем не менее, эти метафоры могут красноречиво рассказать об отношениях и убеждениях Америки, которые руководили ее официальными взаимоотношениями с другими странами.

Хотелось бы рассмотреть метафору «Джаггернаут», которая настолько прочно вошла в нашу речь, что обычно мы не ощущаем надобности обращаться к ее происхождению. Ее истинное значение настолько сильно стерлось из-за активного использования, что сегодня торговцы автомобилями из Детройта могут дать это имя одной из своих скоростных машин, не осознавая подлинного значения слова и возможности его соотнесения с выпускаемым продуктом. Когда американцы впервые познакоми-

лись с этой метафорой в трудах Клавдия Буканана, британского ученого, члена англиканской церкви и миссионера в Индии, она казалась убедительной, яркой, и в то же время вызывающей негативные эмоции, внушающей страх.

Буканан посвятил свою жизнь обращению Востока в христианство, занимал пост проректора колледжа Форт Вильям в Бенгале, переводил Писание, призывал своих сограждан к христианской вере. К концу своей жизни, а умер он в 1815 году, он стал поистине героическим персонажем в ту эпоху популярности миссионерства. Англоговорящие народы распространяли его пылкие идеи, высказанные в таких книгах как «Звезда Востока», «Христианские исследования в Азии». Эти книги стали бестселлерами и в Америке, и в Европе, их цитировали практически все газеты и журналы, в передовицах содержались призывы бросить все силы на борьбу [1]. Труды Буканана издавались и в соседних странах [2]. Для американцев в то время начиналась эпоха своей собственной рискованной миссионерской деятельности в Азии, установка моделей поведения и формирование отношений, которые просуществуют еще очень долго. В книге «Христианские исследования в Азии» Буканан пламенно отстаивал свои убеждения, так как был потрясен всем происходящим. Буканан сообщал, что инквизиция по-прежнему правила в португальском Гоа, в то время как после свержения Наполеона она практически утратила власть в Европе; что Ост-Индская компания мешала миссионерской работе, опасаясь негативного влияния на стабильность британского управления; что миллионы азиатов были настолько развращены, что в это было трудно поверить. Главной же историей в его повествовании, своего рода символическим итогом, стал рассказ о празднике Джаггернаута.

Начиная с XII века последователи Хинду поклонялись богу Вишну в храме Джаганатхи, Кришны как Владыки Вселенной, который находился в городе Пури штата Орисса. Во время летнего праздника Ратха-ятра идола Джаггернаута, как его называли англичане, везли сквозь пески на огромной колеснице в его дом, который располагался в двух милях от храма. Некоторые фанатичные приверженцы веры отдавали свою жизнь этому божеству, бросаясь под колеса колесницы, на которой везли его статую, были и такие, которые становились случайными жертвами возбужденной толпы.

Буканан не мог оставаться сторонним наблюдателем этой церемонии. «Я видел Джаггернаута, – писал он. – Я полагаю, ни в одной книге, описывающей древнюю или современную историю не найти полного описания этой Долины Смерти; все происходящее можно сравнить с «Долиной Хинном». Идол по имени Джаггернаут считается Молохом современности» [3]. Неоднократно называл он этого идола Молохом и подчеркивал, что происходящие

время от времени смерти под колесами повозки – это банальное варварство. Ему было сложно анализировать сексуальные аспекты, присутствующие в церемонии, да и литературные традиции того времени не позволяли излагать факты ясно. Действительно, он ранее признавался другу: «Достаточно сказать, что все услышанное – это правда. Можно описать все происходящее, но я на данный момент не намерен раскрывать философию Джаггернаута. Надеюсь, что это никогда не понадобится» [4]. Без сомнения, он был поражен увиденным, так как он отмечал: «Я чувствовал, что поступаю нехорошо, наблюдая все это». Полагаем, то же самое чувствовали и читатели его рассказа о том, что «стены и ворота сплошь были покрыты непристойными эмблемами в виде крупных барельефов», и что «башня была разрисована непристойными изображениями, нанесенными специально по поводу торжества, повсюду были картины сексуального характера, которые могли рассматривать представители обоих полов» [5]. И хотя насмешливые высказывания о половом подавлении и проектах борьбы с похотью со стороны миссионеров – не просто газетная утка, любой, кто знаком с миссионерской литературой XIX века заметит беспокойство этих проводников религии по поводу неправильного сексуального поведения и странный неуклюжий акцент на извращениях. Очевидно, что американские периодические издания выбирали для публикации те отрывки из «Христианских исследований в Азии», которые ярко описывали происходящую бойню, пытки и разврат. Особенно популярным было описание Букананом каннибализма, саможжения вдов, утопления детей в Ганге и религиозной проституции самого праздника Джаггернаута [6].

Как рассказывал Буканан, Ост-Индская компания собирала налог с паломников, направляющихся на фестиваль; часть выручки тратилась на содержание храма божества, а именно на содержание куртизанок и девадаси (танцовщиц при храме). Все это придавало такому грязному действу еще большую гнусность. Это привело к тому, что любой, кто был связан с этой компанией, особенно европейские владельцы акций, в той или иной степени был повинен в потакании язычеству, а западная цивилизация явилась соучастником деградации Востока. «Христиане должны задуматься над этими отвратительными фактами, – зывали журналисты. – Ни один человек не будет оправдан перед лицом Господа Бога, его совесть никогда не будет спокойна, если он не обратит должного внимания на важность проблемы, поднимаемой Доктором Букананом» [7]. Многие американцы соглашались со священником из штата Делавэр, который восклицал: «Какая ужасная порочность и непостоянство присущи Британской нации... Не собственная ли выгода должна быть главным принципом жизни?» [8]. Это резкое суждение было смягчено, когда в

устав компании была внесена поправка, гарантирующая «выделение достаточных средств на финансирование пропаганды христианства в Индии» [9]. Однако это не повлияло на впечатление, которое книга Буканана произвела на сознание американцев. Представление нации о себе изменилось быстро и навсегда; восприятие Америкой Востока приняло новую форму и нуждалось в новых стратегиях и оценках.

Это проявилось в той скорости, с которой риторика Буканана вошла в американскую речь и стала частью национального метафорического фонда. Его влияние с достаточной очевидностью нашло отражение в энтузиазме и стиле Обращения Генеральной ассоциации пресвитерианской церкви к верующим в 1814 г. «Алтари Востока будут опрокинуты, – убеждали верующих. – Образ Молоха будет низвергнут; и вопрос только в том, кто сделает это, и кто будет наслаждаться результатами – ты или кто-то другой» [10]. В проповедях священников чувствовалось, что они тоже были знакомы с книгами Буканана, и верующие без труда замечали и понимали отсылки к его работам. «Библию теперь начинают читать и на некоторых восточных языках, и в большинстве случаев люди, которые еще совсем недавно поклонялись грязным низменным идолам, знакомятся со спасительным и милосердным Господом Богом!». Натан Беман обратился однажды к верующим: «Храм Молоха, этого жестокого и кровавого языческого божества начинает пустеть» [11]. Когда Джесс Апплтон, президент колледжа Боудин, в 1815 году подбирал слова, чтобы выразить свою ненависть к недавней войне против Британии, он заявил, что, развязывая войну, христиане тем самым показывают свою преданность божеству куда более отвратительному, «чем Молох индусов» [12].

Даже пишущие о политике авторы с радостью отмечали, что «идолы и инквизиторские суды Востока начинают трепетать, предчувствуя в британском устремлении к Богу и душе свою гибель» [13].

Однако эти восхваления не были в полной мере альтруистическими хотя бы потому, что излагались в «Трентонском федералисте» – откровенно пристрастной газете, проклинающей войну против священной Британии и проводящей кампанию в поддержку кандидатов от федералистской партии на приближающихся выборах в Нью-Джерси, а также настроенной категорически против переизбрания Джеймса Мэдисона на осенних президентских выборах. Одна из причин, по которой образы, созданные Букананом так прочно вошли в сознание американцев, состоит в том, что эти образы были ментально политизированы, причем не только такими ярыми федералистами, как упомянутый выше издатель в Нью-Джерси, но даже в большей степени самими республиканцами. Ссылки на Джаггернаута и индусского Молоха превратились в слоганы избирательной кампании в

военные годы, и это объясняет, почему американцы продолжали использовать их в течение такого долгого времени. В то время как англофилы считали, что Буканан представляет собой проявление Британской набожности, и ссылались на его авторитет, чтобы доказать, что Франция была нехристианской нацией, [14] англофобы использовали «Христианские исследования в Азии» в своих целях.

Эта кампания началась, возможно, в газете «Колумбийский Феникс» штата Род Айленд, в которой в конце 1812 года была опубликована серия статей, высмеивающих утверждение губернатора штата Массачусетс Калеба Стронга о том, что Британия являлась «оплотом» христианской религии. Как раз наоборот, англиканская церковь потворствовала Джаггернауту, взимая налоги с язычников [15]. Во время торжества по поводу второй инаугурации Мэдисона республиканцы из Провиденса заявили: «На доходы от Джаггернаута содержат христианских священников, покупают американские скальпы, финансируют Алжирских пиратов, оплачивают лживую консервативную прессу» [16]. Принадлежащий Г. Нильсу влиятельный балтиморский «Еженедельный Журнал» своим примером заставил другие средства массовой информации по всей стране вновь обратить внимание на эту тему. Цитируя заметки Буканана, Г. Нильс провёл параллели между Британской внешней политикой и преследованием сектантов в древности, а также недавним отказом американским миссионерам вести свою деятельность в Индии. «Правительство немедленно приказало им отправляться обратно, и они вернулись домой, – заявлял он яростно. – *Доходы от Джаггернаута неприкосновенны!*» [17]. Еженедельник регулярно обращался к верующим американцам от имени многострадальной Индии; во времена, когда в сознании нации господствовали идеи миссионерства, избранная тактика была чрезвычайно эффективной. «Скупость вместе с жадной *господства*, вот какому божеству поклоняется британское правительство, – сетовал он. – Доказано, что именно доход от храмов Джаггернаута заставляет закрывать глаза на человеческие жертвоприношения во имя идола» [18]. Даже преступления Бонапарта меркнут по сравнению с тем фактом, что «Великобритания получает прибыль с жертвоприношений идолу, именуемому Джаггернаут!» [19].

Вероятно, ведущаяся республиканцами пропаганда в некоторых случаях искажала действительность, но она была чрезвычайно полезна. Так, «Балтиморский Патриот» открыто заявил о безобразном попустительстве со стороны Британии по отношению к «непристойным кровавым оргиям Джаггернаута в Индии»; филадельфийская «Аврора» написала, что распущенному герцогу Йоркскому место скорее на ритуалах Джаггернаута, чем на заседаниях библейских обществ; Нью-Йоркские издатели раздули военную лихорадку против тех, кто

«поклонятся Джаггернауту» [20]. «Рутланд Геральд» публиковала подобные статьи в Вермонте, Исаак Хилл был еще более едким в своих публикациях в «Патриоте» штата Нью Гемпшир [21]. Республиканцы попали точно в цель, используя проблему Джаггернаута в тех частях страны, где идеи миссионерства были наиболее популярны, где люди жертвовали свои деньги иностранным евангелистам.

Обернув риторику федералистов против них самих даже после войны, республиканцы торжественно заявляли: «Основа нашей религии – это текст Библии и миссионерские общества, разоблачение интриг и коррупции, сущности храма Джаггернаута» [22]. Мы сможем лучше понять роль послевоенной Америки в международных делах, если вспомним, что мирный договор, заключенный в Генте, не изменил мнения, красноречиво высказанного его преподавателем Корнелиусом Демарестом в августе 1814 года. Согласно утверждению Демареста две сотни патриотов, собравшихся для работы по укреплению Нью-Йорка, были воинственно настроены по отношению к «правительству, трон которого запачкан кровью святых, которое препятствует развитию миссионерского движения, которое поддерживает Молоха на Востоке и Антихриста на Западе, подавляет или снисходительно терпит то, что является благом в своей собственной стране. Мы объявляем войну такому правительству, которое воюет с самим Богом!» [23]. Была ли эта война окончена, когда Генри Клей и Джон Квинзи Адамс пришли к соглашению с представителями Британии вернуться к исходному положению, существовавшему до войны? Динамика развития американского миссионерского движения и всплеск американского национализма могут служить ответом на этот вопрос.

Так, например, Гудзонское Миссионерское общество Нью-Йорка в 1814 году выразило мнение, что «христианам досталась неотъемлемая обязанность и вместе с тем огромная честь» «передать свет, свободу и мир Писания тем, кто живет в глухих уголках планеты, где господствует насилие» [24]. Целое поколение американцев повторяли слова Клавдия Буканана. Периодические издания даже после его смерти использовали его высказывания в своей пропаганде, издатели продолжали печатать рассказы об отвратительных кровопролитиях в Бирме; в содержании типичного журнала можно было найти такие статьи как «Аморальные нравы суматранских батаков» и «Испорченные нравы кафров Бенкулу» [25]. Присутствие идей Буканана было ощутимо в том интересе, который янки проявляли к Востоку, когда восхваляли себя, говоря, что «на равнинах Индостана, где колесит кровавая повозка Джаггернаута, где процветают и разрастаются языческие храмы, где популярны человеческие жертвоприношения, можно сейчас видеть и христианские церкви с величественными шпилями, вздымающи-

мися вверх, чтобы провозгласить славу Христу» [26]. Публицисты описывали набожным женщинам ужасные картины: «вот ребенок, льнувший к груди своей умирающей матери, над которой уже кружат стервятники в ожидании, когда жизненные силы покинут ее» [27]. Буканан первым описал море пролитой крови, и американцы вплоть до 1820 года использовали этот образ вместе с наводящими ужас стихами о так называемой «Эпохе Молоха»:

*Скрипит и стонет колесница,
Среди молитв, среди танцев, вдруг,
Кровопролитный карнавал
Сменяет пиршество дневное;
И звезды в небе скорбно гаснут,
Чтоб все пороки тенью скрыть;
И только солнце, мир спасая,
Весь ужас дня должно открыть [28].*

Джаггернаут превратился в символ всех грязных и отвратительных азиатских традиций.

Принимая это во внимание, мы можем лучше понять, как религиозные и политические активисты использовали образы, созданные Букананом, чтобы шокировать публику или обесчестить врага. Популист анти-евангелистского толка в 1825 году в своей попытке осудить влияние элиты на национальные колледжи спрашивал: «Должны ли наши храмы быть прибежищем еще более гнусных утех, чем храмы Джаггернаута?» [29]. Когда один из представителей Новой Церкви обвинял кальвинистов в чрезмерной вере в предопределенность, он иронично заявил: «Для этих верующих зверства Джаггернаута – это милость и спасение. Они убивают тело, чтобы оно не разрушило душу» [30].

Когда нью-йоркские универсалисты в 1825 году провозгласили, что пресвитерианцам едва не удалось превратить свою религию в государственную, они заявили, что если бы более способные люди возглавили эту интригу, то «колеса американского Джаггернаута проехали бы по шеям наших сограждан, умертвив дух американской свободы» [31]. Делегат первого конституционного съезда в штате Мэн заявил, что в рамках государственного положения о свободе вероисповедания «в том числе и индуизма, если таковые имеются в стране, обязаны давать показания в наших судах, даже если им придется свидетельствовать против самого Джаггернаута – божества, которого они боятся» [32]. Когда комитет законодательной власти Пенсильвании во главе с Тадеусом Стивенсом в 1835 году изучал силу масонского ордена, один из свидетелей, являющийся членом этого братства, мистер Спроул, осудил слушания и сравнил их с колесницей Джаггернаута. После этих слов Стивенс ударил молотком по столу, чтобы заставить свидетеля замолчать, не дав ему тем самым закончить высказывание. Хотя Стивенс слышал за свою жизнь немало оскорбительных замечаний, он не мог вынести этого унижительного сравнения Спроула [33].

Писатели, в свою очередь, активно использовали шокирующий эффект азиатского божества. В одной из своих лучших комедий, Уильям Данлап высмеивал европейских почитателей аристократии: «Подобно поклонникам индусского идола они прислуживают кричащему безвкусоному образу, чья колесница-трон давит их своими колесами» [34]. Джеймс Полдинг сравнивал кроважидную религию американских индейцев с восточной, подтверждая тем самым их сходство: «жрецы убеждают верующих подвергать себя всевозможным пыткам во время праздника Джаггернаута и жертвовать свою жизнь во имя веры» [35]. Неудивительно, что Теодор Паркер, который родился уже после того, как книга Буканана «Христианские исследования в Азии» вышла в свет, заявил в 1856 году: «Рабство для южан – то же самое, что Книга Мормона или колесница Джаггернаута для своих верующих» [36]. Это осуждающее высказывание Паркера подтверждает, насколько живы были образы Буканана даже много лет спустя после публикации его книги.

Этот факт может быть чрезвычайно важен для тех, кто изучает национальный дух Америки прошлого. Во-первых, это помогает нам оценить силу метафоры Джаггернаута в политических выступлениях, проповедях и религиозных трактатах. Ссылки на Джаггернаута не покажутся всего лишь украшением речи, если мы почувствуем всю силу значения этого слова для тех американцев, которые вознамерились переделать мир по своим меркам. Современным ученым довольно легко дойти до сути, скажем, антирабовладельческих тирад Теодора Паркера – им остается только слить «литературную пену». Однако использование ярких образов для выражения эмоций раскрывает идеи и верования человека гораздо лучше, чем сухая рассудительная проза. В этом смысле мы не сможем правильно оценить ошеломляющее воздействие метафоры Джаггернаута, если не осознаем важность наследия Буканана для христианской Америки.

Во-вторых, скорость, с которой метафора Джаггернаута вошла в речь и частота ее использования говорят о том, что янки были глубоко обеспокоены пороками Восточной цивилизации и считали своим долгом направить людей на путь истинный. Джаггернаут стал доминирующим элементом в концептуализации американцами Восточной культуры. Эта метафора употреблялась по отношению ко всему, что казалось спорным в восточной культуре. Каждый раз, когда путешественник рассказывал о празднике Джаггернаута, всякий раз, когда оратор упоминал Молоха Индии, они с новой силой пробуждали весь комплекс отношений и эмоций по отношению к Азии. Таким образом, эта фигура речи была одновременно и доказательством взаимоотношения Америки с другими народами, и в то же время была значитель-

ным фактором, повлиявшим на формирование роли Америки в мире будущего.

Вопрос о мировой роли Америки выходит за рамки данной статьи, однако мы должны отдавать себе отчет в том, что война против Джаггернаута не была чисто теологическим предприятием. Когда мы видим, что американцы-христиане, соревнуясь с Букананом в изображении языческих культур враждебными силами, предлагали планы тотальной борьбы с ними, возникает вопрос: Можно ли сказать, что эти намерения были совершенно аполитичны? Когда они рассматривали азиатских детей как потенциальную пятую колонну Вавилона, которая при правильном воспитании и образовании «в нужный момент предоставит легкий доступ к неохраямому проходам и отдаст город в их распоряжение», могла ли их набожность не повлиять на отношения Америки с Востоком [37]. Если они называли китайскую библию «ключом к великой империи, которая до этого была закрыта для какого-либо влияния извне» и радовались, что «несмотря на враждебность императора Китая по отношению к распространению библии среди народа, он не мог предотвратить этого», то возможно ли, чтобы их считали в Азии чем-то помимо разрушительной силы? [38]

Это был опасный путь, который американцы избрали для себя. Возможно, то же самое произошло бы и не будь книги Буканана, но, без сомнения, она сыграла роль катализатора. Как ничто иное, его не совсем точное изображение происходящего во время страшной бойни Джаггернаута пробудило американцев, воодушевило их на войну с его врагами и указало на их трансатлантическую мировую роль.

Конечно, на сегодняшний день метафора Джаггернаута потеряла свой эмоциональный потенциал по сравнению с тем временем, когда содержание книг Буканана было живо в сознании американцев. Но, тем не менее, миссионерское отношение к востоку, которое породила эта метафора, и заинтересованность евангелистов в востоке по-прежнему живы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hugh Pearson, *Memoirs of the Life and Writings of the Rev. Claudius Buchanan, D.D.* (Boston: Samuel T. Armstrong, 1818), *passim*; Claudius Buchanan, *The Star in the East*, 8th American ed. (Boston: Munroe, Francis, & Parker, 1809); *Two Discourses Preached Before the University of Cambridge ... To Which Are Added Christian Researches in Asia* (Boston: Samuel T. Armstrong, 1811). Early American missionary activity in Asia is discussed in Clifton Jackson Phillips, *Protestant America and the Pagan World: The First Half-Century of the American Board of Commissioners for Foreign Missions, 1810-1860* (Cambridge: Harvard Univ. Press, 1969).
2. *Ohio Federalist and Belmont Repository*. 29 June 1815.
3. Buchanan, *Two Discourses*, pp. 103, 105.
4. Pearson, *Memoirs*, p. 229.
5. Buchanan, *Two Discourses*, pp. 103, 111.

6. *Christian Monitor and Religious Intelligencer*, 5, 12, 19 Sept. 1812; *Panoplist*, 4 (Oct.1811), 221-229; *Evangelical Record and Western Review*, 1 (Mar. 1812), 89-93.
7. Buchanan, *Two Discourses*, p. 110; *Vermont Evangelical Magazine*, 4 (May & July1812), 158, 205.
8. *Christian Monitor and Religious Intelligencer* , 3 Oct. 1812.
9. *Massachusetts Baptist Missionary Magazine*, 3 (Dec. 1813), 359.
10. *Extracts from the Minutes of the General Association of the Presbyterian Church in the United States of America A. D. 1814* (Philadelphia: Jane Aitken, 1814), p. 120.
11. Nathan Beman, *A Sermon delivered at the meeting house of the Second Parish in Portland, August 20, 1812, on the occasion of the National Fast* (Portland: Hyde, Lord & Co.,1812), p.10.
12. Jesse Appleton, *A Sermon delivered at Brunswick, April 13, 1815, appointed as a day of National Thanksgiving, by the President of the United States, on account of the peace recently established between this country and Great Britain* (Hallowell: Ezekiel Goodale, 1815), p. 8.
13. *Trenton Federalist*, 27 Jan. 1812.
14. *Trenton Federalist*, 27 Apr. 1812; *Washingtonian* (Windsor, Vt.), 21 Sept. 1812.
15. *Columbian Phenix*, 7. 28 Nov. 1812; 27 Feb., 21 Aug. 1813.
16. *Columbian Phenix*, 6 Mar. 1813.
17. *Niles' Weekly Register*, 30 Jan. 1813, pp.347-348.
18. *Niles' Weekly Register*, 30 Oct. 1813, p.144; 8 Jan. 1814, p. 312.
19. *Niles' Weekly Register*, 28 Jan. 1815, p.338
20. *Baltimore Patriot*, 28 Apr. 1813; *Aurora*, 27 Apr. 1813; *Military Monitor and American Register*, 11 Jan., 8 Mar., 18 Sept. 1813; *Long Island Star*, 6 Dec. 1812.
21. *Rutland Herald*, 13 Jan., 9 June 1813; *New Hampshire Patriot*, 9 Feb., 2 Mar., 21 Sept.1813; 16 Aug. 1814; 30 May ,1815; *Herald of Gospel Liberty*, 11 Dec. 1812.
22. *Long Island Star*, 26 July 1815.
23. *New York Columbian*, 6 Sept. 1814; *New Hampshire Patriot*, 4 Oct. 1814.
24. *Columbia Magazine*, 1 (Sept. 1814), 23-24.
25. Advertisement for *Panoplist* in *Boston Recorder*, 3 Jan. 1816; *Christian Secretary*, 21 Feb.1825; *Christian Journal and Literary Register*, 8 (Dec, 1824), index.
26. *Christian Messenger*, 10 May 1817.
27. *Abolition Intelligencer and Missionary Magazine*, 1 (Mar. 1823), 174.
28. *Maryland Gazette*, 21, 28 Nov. 1822.
29. *Reformer*, 6 (Sept. 1825), 136.
30. *New Jerusalem Church Repository*, 1 July 1817, p. 193.
31. *Gospel Advocate*, 12 Aug. 1825.
32. Ronald F. Banks, *Maine Becomes a State. The Movement to Separate Maine from Massachusetts, 1785-1820* (Middletown: Wesleyan Univ. Press, 1970), pp. 155-156.
33. Sister M. Theaphone Geary, *A History of Third Parties in Pennsylvania, 1840-1860* (Washington, D.C.: Catholic Univ. of America Press, 1938), p. 5.
34. William Dunlap, *A Trip to Niagara or Travelers in America*, in Richard Moody, *Dramas from the American Theatre 1762-1909* (Cleveland: World Publishing Co., 1966), p. 179.
35. James K. Paulding, *Koningsmarke, the Long Finne* (2 vols.; New York: Charles Wiley, 1823), II, 107.
36. Theodore Parker, *The Present Crisis in American Affairs: The Slaveholders' Attempt to Wrench the Territories from the Working People, and to Spread Bondage Over All the Land* (Boston: B. H. Greene, 1856), p. 57, cited by David B. Davis, *The Slave Power Conspiracy and the Paranoid Style* (Baton Rouge: Louisiana State Univ. Press, 1969), pp. 53-54.
37. *American Baptist Magazine*, 4 (Nov. 1825), 220.
38. *Christian Secretary*, 12 Oct. 1824; *Christian Advocate*, 2 (Aug. 1824), 383.

© Гриббин У., 1973

© Полякова И.С. (перевод), 2010

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Дементьев В.В.
Саратов, Россия

ЯЗЫКОВЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ: РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ И ОППОЗИЦИИ

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Рецензия на монографию Казимежа Люциньского «Языковые заимствования и ментальность: О влиянии заимствованных языковых средств на ментальность лингвокультурного коллектива. На материале русского языка в сопоставлении с польским» (Кельце, 2010. 193 с.)

Ключевые слова: заимствования, семантика, когнитивная лингвистика, посткоммунистическая эпоха.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет.

Контактная информация: E-mail: dementevvv@yandex.ru.

Dementyev V.V.
Saratov, Russia

LANGUAGE BORROWINGS: RUSSIAN-POLISH SIMILARITIES AND OPPOSITIONS

ГСНТИ 16.21.27

Код БАН 10.02.19

Abstract. This is a review of the monograph by Kazimierz Lucinsky «Language Borrowings and Mentality: On the Influence of Borrowed Language Means upon Mentality of Lingo-cultural Community. On the Basis of the Russian Language compared with Polish (Kielce, 2010.193p.)»

Key words: borrowings, semantics, cognitive linguistics, post-communist epoch.

About the author: Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

И лингвисты, и нелингвисты согласятся с тем, что вопрос английских заимствований в русском языке, как и польском, – вопрос и важный, и непростой. Действительно, одной из самых актуальных проблем современной русистики и полонистики является анализ английских заимствований, их семантики, судьбы в языке и речи, с обязательным привлечением широкого культурно-исторического фона, параметров соответствующих культурных и языковых картин мира, вплоть до особенностей национального характера и острозлободневных политических тенденций, которые обуславливают те или иные реакции на соответствующие слова.

В монографии Казимежа Люциньского «Языковые заимствования и ментальность: О влиянии заимствованных языковых средств на ментальность лингвокультурного коллектива. На материале русского языка в сопоставлении с польским» анализируются новейшие английские заимствования посткоммунистической эпохи (и некоторые неанглийские, но ставшие весьма заметными, такие как пришедшее из испанского слово *мачо*, греческого – *харизма*).

Актуальность и, я бы сказал, современность рецензируемой монографии подчеркивается тем, что автор использует чрезвычайно активно развивающуюся в последние годы и в русистике, и в мировой лингвистике когнитивную теорию, методику и терминологию, которая, конечно же, дает для названных целей очень многое. Языковая судьба заимствований неразрывно связана с когнитивной судьбой представлений, которые, собственно, и заимствуются,

формируются, трансформируются (или **не** заимствуются – но автор, по-видимому, считает, что слов-заимствований **без** новых представлений вообще не бывает: по крайней мере, такое впечатление складывается из приводимой на с.94 классификации заимствований по функциям и семантическим отношениям с уже существующими словами).

Автор обнаруживает обширную эрудицию, опирается на, несомненно, наиболее значительные, а также новые и новейшие идеи как из западной когнитивной науки, так и соответствующих восточных – славянских. (Впрочем, здесь иногда возникают и недоразумения: так, автор очень хорошо знаком с действительно глубокой книгой И.В. Приваловой, однако представляющиеся принципиально важными для его исследования когнитивные идеи В.И. Карасика о разных типах концептов, стоящих за заимствованиями, цитирует по Приваловой (с.6), хотя целый ряд книг Карасика вышел в том же московском издательстве «Гнозис», что и книга обильно цитируемой автором Приваловой.)

В то же время оригинальный подход Казимежа Люциньского демонстрирует не только творческий потенциал самого автора, но и способность когнитивной науки к здоровой экспансии, модернизации с учетом особенностей нового материала. Так, центральная единица анализа, которой оперирует автор, – *логоэпистема* – заимствована даже не из когнитивной науки (или, так сказать, из науки «самой когнитивной» – философии). Автор исходит из того, что «вхождение новых слов со значениями, ранее неизвестными принимающему языку, ведет к появлению средств для формирования и но-

вой идеи <...> концептуальной метафоры» (с. 28-29).

Следует подчеркнуть, что автор, рассуждая о русском языке в значительной степени как outsider, «со стороны», демонстрирует не только замечательное владение русским языком, причем новейшего периода (автор в целом хорошо чувствует русский язык, если прибегнуть к такому нелингвистическому, но по своему очень точному выражению, – за редким исключением: я, например, никак не включил бы слова *метросексуал* и *яппи* в число «ключевых слов новой эпохи», в отличие от *гламура* или *креатива*), но и замечательно обширные знания в области новейшей русской истории, культуры, в том числе – политики и целого ряда популярных, влиятельных и просто модных тенденций, «трендов», таких как последствия глобализации, формирование новой «культуры потребления» и «культуры глянцевого журнала», «клиповое восприятие реальности», новые гендерные тенденции в молодежной культуре, наконец, формирование «телесного императива».

Как лингвист, я не могу не отметить замечательно глубокий собственно лингвистический анализ концептов *лицо* и *тело*: в монографии находим более или менее детальный, но несомненно добросовестный семантический анализ таких ярких заимствований в данных сферах, как *имидж*, *модель* (квазисиноним слова *манекенщица*), *шейпинг*, *кастинг*, *фэшн*, *боди* и *бодибилдинг*, *лифтинг*, *визажист* и др.

Следует отметить, что выбор именно этих концептов представляется удачным: во-первых, вся логика культурологического анализа Казимежа Люциньского как будто бы подводит к мысли о постепенной победе материальных, «телесных» – но развившихся в обществе, ставшем более свободным, – ценностей над ценностями духовными – но в значительной степени навязываемыми насильно.

Во-вторых, если говорить о данных (и других) концептах в свете и терминологии лингвокультурологической концептологии, в которой выделяются понятийный, образный и ценностный компоненты концепта, взгляд автора представляется мне ярко выраженным **образно-ориентированным**. Этим обеспечивается, с одной стороны, то, что книга Казимежа Люциньского представляет собой необыкновенно захватывающее чтение благодаря образному «кинематографичному» языку, с другой – становится вполне понятным, почему именно *лицо* и *тело* в этом образном отношении представляют совершенно особый интерес.

В-третьих, детальное изучение именно образного компонента концепта предполагает самый широкий анализ **метафорических** производных (особенно концептуальных метафор, которые складываются в прямой зависимости от исходного образа), с позиций традиционной и новой – когнитивной – семантики.

Автор прекрасно понимает это. Цель книги, как ее определяет он сам, – «сквозь призму заимствованной лексики посмотреть на ключевые понятия современной культуры, задающей прототип развития в наших странах, и попытаться осмыслить формы влияния этих заимствований на менталитет/ментальность носителей принимающих культур» (с.191). Главный вывод, который делает автор, состоит в том, что нынешняя культура – это *шопинг-культура*, которая и формирует *the metaphors we live by*: человек – артефакт, тело – неодушевленный объект, лицо – маска, мир – супермаркет, политика – это маркетинг.

В целом в книге Казимежа Люциньского читатель находит **множество** интересных, «вкусных» **находок**, нетривиальных наблюдений как **общего** характера, из области «ценностной картины мира» в целом, таких как сравнение современного экстралингвистического контекста с приходом заимствованной лексики в Петровский период (ср.: «Книжность заимствований в советскую эпоху сопоставима с заимствованием лексики из церковных книг в период причащения к христианству языческой Руси, соответственно, окруженной ореолом “эксклюзивности”» (с.37), так и детализированного **частного** характера, например, рассуждения об отличиях *имиджа* от *образа* и *вида*: «В памяти оставался образ любимой / любимого (*светлый образ / милый образ / образ матери*). Представьте теперь синонимическую замену: *светлый образ* – “*светлый имидж*”» (с.62) или *модели* от *манекенщицы*: «*модель*, кроме того что ее деятельность связана не только и столько с показом одежды на подиумах, сколько с фото-видеосъемками, отличается от *манекенщицы* тем, что призвана задавать параметры, по которым выстраивают себя или должны выстраивать себя те, кто стремится к производству должного впечатления в обществе, где господствуют визуально воспринимаемые ценности. См. первое значение слова *модель* ‘образцовый экземпляр изделия, а также образец для изготовления чего-л’ (МАС)» (с.72-73) – или рассуждения об отличиях заимствований в русском и польском языках, например *мега* – как интенсификатор качества в русском языке и его отсутствие в польском (с.56).

Справедливости ради следует отметить, что не всегда решения автора и проводимые им содержательные параллели вызывают согласие, в том числе – решения общего характера, например, принимаемая им некритично социологическая (или политологическая) идея о том, что Россия – это «полигон испытания новых культурных моделей, связанных с процессом глобализации» (с.30).

В целом принятая автором модель – идеология потребления, характерная для капиталистического общества, пришедшего на смену коммунистическому, порождающая иной взгляд на мир и соответственно иные дискурсивные

практики, а главное (с точки зрения автора) – новые метафоры, выглядит у б е д и т е л ь - н о, будучи перенесенной с собственно потребления, «шопинга» на глянцево-журналы, рекламу и политическую коммуникацию.

В то же время некоторые параллели, которые проводит автор, производят впечатление «спрямления углов», упрощения, например: «В советском прошлом политические отношения определялись через метафоры борьбы: соответственно, политические субъекты занимали позиции борцов, выступали на переднем крае борьбы за коммунизм и побеждали врагов самого передового общественного строя. В недавнем прошлом, когда на смену выборам с заранее запланированным итогом пришли демократические “сражения”, политика стала ассоциироваться с шоу» (с.125) – но ведь самые популярные современные шоу и есть *агональные* [Дешевова 2010].

Понятно, что невозможно «объять необъятное», однако у меня сложилось впечатление, что монографию *обедняет* отсутствие исследования некоторых явлений: в частности, думается, стоило прокомментировать такие новейшие заимствования, как *киллер* и *бойфренд*, за каждым из которых стоит целая идеология (причем если *киллер* еще как-то вписывается в «идеологию общества потребления», о которой говорится в монографии, то *бойфренд* – вряд ли).

С моей точки зрения, недостаточно внимания уделено интереснейшему слову *гламур*: автор хотя и признает, что слово «стало маркой, стилем, ориентиром жизни тех, кто хочет выглядеть богатым и успешным» (с.83-84), не учитывает интересных тенденций: *гламур* было признано «словом года» в 2007 году [Эпштейн 2008], несмотря на то что содержание данного концепта еще только формируется и во многом остается неопределенным: *гламур* – это и утонченность ~ и дурновкусие; и элитарность ~ и неразборчивость; и острота эксперимента, эпатаж ~ и приторная, «розовая» слащавость; и пестрота ~ и однообразие; требованиям «гламурности» трудно соответствовать ~ и гламур означает упрощенность и «уплощенность» мыслей, чувств, отношений...

Кажется несколько механистичным вывод на с. 163-165: то, что американский “*Glamour*” – женский журнал, а в современной России не являются аномальными выражения *мужской гламур*, *гламур для мужчин*, автор считает свидетельством унисекса, метросексуальности современной российской культуры. Но вряд ли есть смысл оценивать явления одной культуры с точки зрения того, что они значат (или значили до своего заимствования) в совсем другой культуре – англо-американской.

Думается, что для правильного понимания значения слова *гламур* в современной русской культуре было бы полезно провести параллель между сегодняшней экспансией *гламура* и оче-

видно сущностно близкой экспансией *светского* стиля в русскую культуру приблизительно два с половиной столетия назад. Нередко *светский* и *гламурный* абсолютные синонимы, как в следующих примерах:

Ксения отправится по светским вечерам, фитнес-центрам, выставкам и концертам – местам, где можно встретить претендента на руку и сердце. Комсомольская правда; 14.02.2008.

Пользуясь журналистскими связями, доставала ей приглашения на гламурные вечеринки, где подруга заводила новые знакомства. Комсомольская правда; 20.12.2008.

На мой взгляд, противопоставление *дендизма* как старого стиля и *гламура* как нового стиля (с. 158-159) малоинформативно: исторически *дендизм*, заимствованный из английского романтизма, был противопоставлен *светскому стилю*, заимствованному из куртуазной французской культуры [Лотман 1994], поэтому выражение *светский денди*, строго говоря, оксюморон, однако это противопоставление уже давно и прочно забыто (Онегина называли *светским денди* еще критики начала XX века, например Анна Ахматова). Как и Казимеж Люциньский, я не знаю, почему в современной Польше традиции романтизма (и *дендизм* в их числе) забыты более прочно, чем в России, но общение со знакомыми поляками подтверждает правоту исследователя: даже Мицкевича, гордость польской литературы, сегодняшняя польская молодежь в целом знает гораздо хуже, чем русская – его современника Пушкина.

Думается, все то, что автор говорит об «аристократическом» *дендизме*, противопоставляя его современному «потребительскому» *гламуру*, должно быть сказано о *светском* стиле, поскольку сам по себе *дендизм* был явлением далеко не массовым и кратковременным, складывался практически одновременно с гораздо более повлиявшим на русскую культуру *декабризмом* и очень быстро перестал быть противопоставлен *светскому* стилю. Сегодняшние «светские люди» и «гламурные люди» – «утонченные прожигатели жизни», но при этом *светский человек* – это изначально аристократ, «представитель власти», *гламурный* же человек изначально представитель буржуазного общества, «потребитель».

Как нередко бывает с оригинальными исследованиями, некоторые недостатки монографии Казимежа Люциньского являются продолжением ее достоинств.

Складывается впечатление, что для точки зрения автора имели значение преимущественно *социальные* – ценностные и психологические – тенденции и ориентации в обществе, отказавшемся от официальной коммунистической идеологии, стремящемся поскорее перейти к «образу жизни развитого капитализма». В этом смысле увлечение социологическими факторами кажется несколько из-

быточным, поскольку в результате исследования иногда недостает учета собственно лингвистических факторов. Впрочем, если учесть, что исследование посвящено влиянию заимствованных слов на ментальность – феномен, имеющий не только (и не столько) лингвистическую, сколько социопсихологическую природу, автора можно понять.

В заключение еще раз подчеркну: нельзя – и не надо! – «обнимать необъятное». Мне лично очень по душе «польскость» стиля Казимежа Люциньского, которую я вообще очень люблю и в науке, и в публицистике, и в художественной литературе, – но дело, конечно, не в этом, а в том, что «польский взгляд» на актуальные процессы русского языка – фактор, по моему убеждению, позитивный. Во-первых, «взгляд со стороны» всегда дает некоторую дополнительную объективность по сравнению с *native speakers*; во-вторых – польский язык (как и другие современные европейские – славянские и неславянские – языки) переживает похожую «варваризацию» как на уровне лексического состава, так и более глубоких лингвокогнитивных механизмов; в-третьих, польский и русский языки (и культуры) хотя и разные, но все-таки близкие – как и польские и русские современные научные традиции говорить о языковых процессах, и автору действительно «дано наблюдать параллелизм и даже тождество процессов в области экспансии “чужих” слов в два известных ему языка» (с. 4).

Конечно, было бы наивным ждать от новых английских заимствований в современном русском языке, что они будут вести себя совершенно по-другому, чем заимствования

в других языках и в другие периоды; как и ждать от новой когнитивной методик, что она полностью перевернет всю сложившуюся в лингвистике предшествующих периодов систему представлений о заимствованиях вообще, – очень хорошо разработанную (хотя и до когнитивной революции) теорию языковых контактов, интерференции и билингвизма, субстратов и адстратов и т.д.

Казимеж Люциньский и не предлагает революций и «простых эффективных решений» (впрочем, реконструкция концептуальных метафор на основе пришедших в язык заимствованных слов, внедряемых в сознание, есть безусловное новшество предлагаемого исследования), как и не претендует на то, чтобы сказать о таком сложном и неоднозначном явлении, как английские заимствования, «всё». Но он предлагает, с одной стороны, скрупулезный «честный» анализ, с другой стороны – нетривиальный взгляд знающего и яркого исследователя, и именно в этом, по моему мнению, состоит главная ценность монографии Казимежа Люциньского, которую я рекомендую как лингвистам-профессионалам, так и «широкой аудитории».

ЛИТЕРАТУРА

Дешеева В.В. Агональность в телевизионном дискурсе (на материале современных российских телешоу): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 2010.

Эпштейн М. Слова года: Гламурный год под знаменем политконкретности // Независимая газета НГ Ex Libris. 17.01.2008.

Лотман Ю.М. Дендизм // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб., 1994.

© Дементьев В.В., 2010

Мухин М. Ю.
Екатеринбург, Россия

**СИСТЕМНЫЙ ВЗГЛЯД
НА ЯЗЫК СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Рецензия на монографию Э.В. Будаева и А.П. Чудинова «Лингвистическая советология», Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. 292 с.

Ключевые слова: лингвистическая советология, политическая лингвистика, система, язык советского периода.

Сведения об авторе: Мухин Михаил Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка.

Место работы: Уральский государственный университет.

Контактная информация: 620026, г. Екатеринбург, ул. Куйбышева, д. 105, кв. 57.

E-mail: mfly@sky.ru.

Mukhin M.Y.

Yekaterinburg, Russia

**SYSTEMIC VIEW ON THE LANGUAGE
OF THE SOVIET PERIOD**

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. This is the review of the monograph by E.V. Budaev and A.P. Chudinov «Linguistic Sovietology», Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2009. 292 p.

Key words: linguistic sovietology, political linguistics, system, language of the Soviet period.

About the author: Mukhin Mikhail Yurievich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Modern Russian Language.

Place of employment: Ural State University.

Известный переводчик и исследователь творчества В. Набокова Геннадий Барабтарло, настаивая на сохранении в тексте недавно изданного романа «Лаура и ее оригинал» некоторых черт старой русской орфографии (написания приставок типа без-, раз- и др. исключительно с буквой «з»), пишет, что это «просто вешки, столбики или крестики на дорожной обочине, напоминающие о произошедшей здесь некогда катастрофе». «Пишу я так вследствие искреннего отвращения от всякого советского даже мало-мальского изобретения», — поясняет переводчик [Барабтарло 2010: 97-99]. Это свежий пример тому, как обсуждение лингвистических вопросов окрашивается в социально-политические тона, а отношение ко «всякому советскому изобретению» даже образованному человеку, обладающему языковым чутьем, мешает объективно оценивать языковые факты. В приставках на -з/-с действительно можно было бы отказаться от фонетического принципа, но это вопрос исключительно орфографической прагматики, а не политики и кризиса культуры. Заметим, что у того же Г. Барабтарло наряду с написаниями типа *безформенный, рассказывал, черезчур, разсылный, разстелила* встречаются *благорасположенный, происхождение, распрямление, растраниженный, расходы* и т. п. Естественность фонетического письма и графическая память (влияние современных текстов) побеждают «искреннее отвращение».

Направление, которое получило название «лингвистическая советология», сложилось не только из множества статей и монографий, но и из таких частных суждений. Конечно, оно по определению не может быть узконаучным, так как должно иметь в виду не только лингвистические, но и социокультурные, политические, экономические аспекты. Некоторые советологи (например, Н. Лейтес) привлекают для рассуждения о политике поведенческие модели, свя-

занные с литературными персонажами: образами Карамазова, Раскольникова, Мышкина и др. В связи с этим трудно выделить изолированный объект и методологию советологии, так как советологические суждения разных времен не в состоянии избежать зависимости от политических взглядов, идеологии, конъюнктуры. Неслучайны и вполне объяснимы перекосы, заблуждения, отраженные, например, в статье какого-нибудь эмоционального эмигранта из Советского Союза, ругающего без разбора все, что относится к советской действительности, или, наоборот, некоего современного гражданина России, так же без разбора ностальгирующего по советскому прошлому.

На этом фоне монография Э.В. Будаева и А.П. Чудинова «Лингвистическая советология», наверно, первая книга, в которой объективно систематизированы самые разные политико-лингвистические взгляды на язык советского периода. Базу реферативной части монографии составляет около 250 советологических источников, среди которых 180 (!) зарубежных. В книге они комментируются взвешенно, с известной критикой. См., например, обсуждение работы Андре Мазона (с. 23), настаивавшего на неудачности формул «Религия – опиум для народа» (вместо более верного, с его точки зрения, «Религия – народу опиум») и «Революция – локомотив истории» (вместо «Революция – паровоз истории»). При всей трудности периодизации советологии Э.В. Будаев и А.П. Чудинов логично выделяют пять этапов ее развития, начиная с революционного периода и до сегодняшних дней. Исторический экскурс, представленный в книге, впечатляет своей подробностью и блестящим знанием фактографии.

Жизнь показывает, что в современной России советология не теряет своей актуальности, а обращение к историческим фактам позволяет объяснить новые реалии. Например, авторы монографии цитируют М. Раша (с. 8), который в

1958 г. констатировал становление «культы Хрущева» на основании того, что в речи Хрущева обнаружались «типичные словечки Сталина». Сегодня вопросы о культе личности французские журналисты задают В.В. Путину, а некоторые (в основном зарубежные) исследователи в использовании «силовой» лексики в его выступлениях видят реставрацию тоталитарного режима в России. Схематичные выводы некоторых современных западных советологов часто упрощают коммуникативную ситуацию и, следовательно, политическую риторику: например, эффективность дискурса российского президента [Путина] можно видеть (по исследованию М. Горхема) только лишь в умелом использовании пяти автообразов: *технократ, деловой, силовик, мужик и патриот* (с. 44). При этом в «Лингвистической советологии» подчеркивается мысль о том, что по речи политической элиты, люди могут узнать «и о том, как элита соотносит себя с народом (включает себя в социальную общность с населением или отдаляется от народа)» (с. 46).

Анализ истории советологии связан с выводами о современной российской политической коммуникации, которая «следует общемировым тенденциям и вместе с тем сохраняет национальные особенности» (с. 48). Невозможно не замечать, что идеологизированность как вне-российских, так и внутривосточных интерпретаций политической речи сохраняется в постсоветские времена. Постсоветский дискурс, по справедливому суждению авторов, сохраняет многие черты советского. Так же, как и в период «холодной войны», сегодня многие пытаются объединить советскую и фашистскую политическую речь, что связано с острой дискуссией об итогах Второй Мировой войны. «Объективная» советология разводит сталинский и фашистский дискурс, связывая различия с оппозициями «интернационализм – национализм», «коллективизм – индивидуализм», «обращенность к будущему – культ прошлого» (см. анализ работы Д. Вайса, с. 50).

В книге поднимается вопрос и о языковой ситуации в постсоветских государствах – Украине, Белоруссии, прибалтийских странах. Авторы констатируют, что на ее оценку до сих пор влияют стереотипы, сложившиеся во времена холодной войны. К сожалению, эти стереотипы очень сильно корректируют образ современной России в сознании западной общественности. Лингвистическая советология рассматривает факты социокультурных влияний на коммуникацию. Именно с ними связаны ошибки в западной трактовке слова «консерваторы» (так называли в период перестройки коммунистов) или в понимании различия между словами «русский» и «русский».

В качестве сфер своего интереса советологи выделяют противопоставленные языковые подсистемы: с одной стороны, это «тоталитар-

ный», «официальный», «казенный» язык, а с другой стороны, «подпольный», «антисоветский» язык людей, сопротивляющихся официальной идеологии. К этим людям можно отнести и заключенных ГУЛАГа. «Советологи, – пишут Э.В. Будаев и А.П. Чудинов, – осознали, что определенные элементы русской лексики остаются малопонятными, что связано не только с их жаргонной замкнутостью, но и с тем, что в языке заключенных появились именно советские новообразования, прежде неизвестные исследователям русского тюремного жаргона» (с. 33). Советология напрямую связана с изучением неологии, так как разные этапы развития советского государства связаны с появлением в языке целых лексических пластов. В пример можно привести слово *федеративная*, которое в революционные годы обозначало проститутку, общедоступную женщину, а *перестройка, гласность, ускорение* – это уже черты языка горбачевского периода. Советология привлекает людей еще и потому, что она на большую часть публицистична, освещает острые культурно-языковые проблемы, проявляет яркую индивидуальность авторов. Эксперты-советологи пишут «о том, что особенно интересно их читателям в данный исторический момент» (с. 68).

Практическую пользу своей работы авторы видят в плане «более полного понимания общей истории советологии, во-вторых – в качестве важной части истории русского литературного языка, а в-третьих – в рамках общей теории коммуникативистики и изучения тоталитарного дискурса» (с. 11). То, что советологические исследования позволяют выявить в политических текстах проявления оппозиций «свое и чужое», «случайное и закономерное», «общечеловеческое и национальное», сближает их методы с когнитологическими.

Вторая часть монографии, «Антология лингвистической советологии», является обширной хрестоматией, представляющей разные этапы развития советологии. Такой сборник необходим хотя бы потому, что многие из представленных работ совершенно неизвестны широкой публике, а ряд переводов выполнен специально для монографии, т. е. эти тексты впервые публикуются на русском языке.

Несомненно, монография Э.В. Будаева и А.П. Чудинова «Лингвистическая советология» – полезный источник сведений о направлении, которое волнует многих и вызывает жаркие споры. Лингвистическая и историческая компетентность авторов вместе с хорошим стилем изложения делают эту книгу информативной и интересной.

ЛИТЕРАТУРА

Барабтарло Г. «Лаура» и ее перевод // Набоков В. Лаура и ее оригинал: Фрагменты романа. – СПб: Азбука-классика, 2010. С. 75-104.

© Мухин М.Ю., 2010

Пименова М.В.
Кемерово, Россия

ЛЕТНЯЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ ШКОЛА
«КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА
И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»
(1-9 июля 2010 г., Омск)

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье дается обзор прошедшей в ОмГУ в июле 2010 г. международной научной школы «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования».

Ключевые слова: Летняя школа, когнитивная лингвистика, концептуальные исследования.

Сведения об авторе: Пименова Марина Владимировна, чл.-корр. САН ВШ, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания и славянских языков.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Контактная информация: 650004, г. Кемерово, ул. Соборная, д. 7, кв. 37.

E-mail: pimenovaMV@rambler.ru.

Pimenova M.V.
Kemerovo, Russia

INTERNATIONAL SUMMER
SCIENCE SCHOOL
“COGNITIVE LINGUISTICS
AND CONCEPTUAL INVESTIGATIONS”
(July, 1-9, 2010, Omsk)

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The paper touches upon the subject of the Summer Science School “Cognitive Linguistics and Conceptual Investigations”, took place in Omsk in July 2010.

Key words: Summer School, Cognitive Linguistics, Conceptual Investigations.

About the author: Pimenova Marina Vladimirovna, Corresponding Member of Siberian Academy of Science in Higher Education, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of General Linguistics and Slavic Languages.

Place of employment: Kemerovo State University.

1-9 июля 2010 года в Омском государственном университете состоялась очередная выездная Летняя научная Школа «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования». Традиционным председателем оргкомитета Летней школы выступает чл.-корр. САН ВШ, д.ф.н., проф. Марина Владимировна Пименова (зав. кафедрой общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета), координатором школы от Омского государственного университета была д.ф.н., проф. Татьяна Павловна Рогожникова (зав. кафедрой исторического языкознания Омского государственной университета им. Ф.М. Достоевского).

Огромную работу проделала проф. Т.П. Рогожникова и оргкомитет от ОмГУ, это отметили все слушатели Школы: переписка с будущими участниками, организация встречи слушателей Школы, обеспечение мультимедийными средствами лекций, регистрация участников, организация экскурсий, пикника и банкета, публикация программы Школы. В оргкомитет Летней Школы вошли: Бутакова Лариса Олеговна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка ОмГУ им. Ф.М. Достоевского; Ваганова Ксения Ринатовна – лаборант кафедры русского языка (технический секретарь); Васильева Оксана Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры исторического языкознания ОмГУ им. Ф.М. Достоевского; Дьячкова Ирина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры исторического языкознания ОмГУ им. Ф.М. Достоевского; Ермакова Татьяна Георгиевна – лаборант кафедры исторического языкознания (технический секретарь); Иссерс Оксана Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической и прикладной

лингвистики, декан филологического факультета ОмГУ им. Ф.М. Достоевского; Коротун Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ОмГУ им. Ф.М. Достоевского; Юнаковская Алла Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры исторического языкознания ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Хотелось бы от всего сердца поблагодарить оргкомитет за замечательную проделанную работу и Татьяну Павловну Рогожникову в особенности!

Летние научные Школы «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования» имеют свою историю. Первая школа с таким названием прошла в августе 2006 г. на базе Кемеровского государственного университета, вторая – в июле 2009 г. там же. Третья Летняя школа состоялась за пределами России и была организована в Севастополе и проведена прямо на берегу Черного моря, на базе им. Мокроусова. Среди лекторов предыдущих школ были такие ведущие ученые России, ближнего и дальнего зарубежья, как С.Г. Воркачев (Краснодар), Э.Ш. Генюшене (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург), А.А. Камалова (Ольштын, Польша), В.И. Карасик (Волгоград), А.В. Кравченко, Г.Н. Манаенко, М.Вас. Пименова (Владимир), М.Вл. Пименова (Кемерово), А.Н. Приходько (Запорожье), Т.П. Рогожникова (Омск), Е.А. Селиванова (Черкассы, Украина).

Основная цель Школы состояла в том, чтобы ознакомить аспирантов, докторантов, преподавателей, доцентов и докторов наук с новыми парадигмами когнитивной лингвистики. Когнитивная лингвистика – одно из самых молодых научных направлений исследований языка, которое изучает глубинные структуры сознания. Каждый язык и каждая культура имеют свою историю. История развития сознания и

самосознания народа с учетом языковых данных – это накопление знаний науки о языке в целом и отдельных языках в частности, разнообразие лингвистических теорий и совершенствование методик лингвистического анализа. История учений о ментальности последовательно прослеживает пути формирования человеческого знания о языке, культуре, способах постижения мира.

В задачи школы входило:

1. Чтение лекций по вопросам когнитивной лингвистики и концептуальным исследованиям.

2. Распространение знаний о существующих лингвистических школах по данной тематике (Волгоградская, Кемеровская, Уральская).

3. Расширение информационной базы об изданных трудах по когнитивной и лингвистике и концептуальным исследованиям в России и за рубежом.

4. Знакомство слушателей школы с печатными и электронными изданиями лекторов школы.

В работе международной Летней научной школы приняли участие более 100 учёных из разных уголков России и ближнего зарубежья: из гг. Алматы, Барнаула, Волгограда, Грозного, Екатеринбурга, Канска, Кемерово, Красноярска, Кургана, Магнитогорска, Новокузнецка, Новосибирска, Омска, Оренбурга, Павлодара, Семипалатинска, Сургута, Уфы, Челябинска, Читы, Шадринска.

Пленарное заседание Летней Школы открыл ректор ОмГУ им. Ф.М. Достоевского Владимир Иванович Струнин. Он приветствовал слушателей Школы, отметив при этом, что «Объединение усилий ученых разных регионов России и ближнего зарубежья позволяет по-новому взглянуть на науку о языке. Лингвисты, представляющие разные школы и направления, взаимообогащают знаниями не только аспирантов и докторантов ОмГУ, но и всех приехавших на эту школу».

Лекции на Школе читали известные когнитологи страны:

1. Бутакова Лариса Олеговна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск.

2. Гуц Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск.

3. Галич Галина Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск.

4. Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, декан филологического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск

5. Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета, г. Волгоград.

6. Колесов Игорь Юрьевич, доктор филологических наук, доцент кафедры английской филологии Алтайской государственной педагогической академии, г. Барнаул.

7. Пименова Марина Владимировна, чл.-корр. САН ВШ, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.

8. Пименов Евгений Александрович, чл.-корр. САН ВШ, доктор филологических наук, профессор, декан факультета романо-германской филологии, зав. кафедрой немецкой филологии Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.

9. Рогожникова Татьяна Павловна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой исторического языкознания Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск.

10. Чудинов Анатолий Прокопьевич, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург.

В период Школы были прочитаны следующие лекции: «Понятие языкового сознания. Проблема структуры сознания и структуры языкового сознания» (проф. Л.О. Бутакова), «Когнитивная грамматика: ранние версии и новые вопросы» (проф. Г.Г. Галич), «Психолингвистический эксперимент как метод изучения языкового сознания. Использование метода свободных ассоциаций в психолингвистике» (проф. Е.Н. Гуц), «Новые дискурсивные практики и методы их описания» (О.С. Иссерс), «Теория лингвокультурных типажей», «Проблемы лингвоперсонологии» (проф. В.И. Карасик), «Концептуализация воспринимаемого мира в языке» (проф. И.Ю. Колесов), «Национально-культурная специфика речевого общения. Межкультурная коммуникация и перевод как проявление взаимодействия этнических языковых сознаний» (проф. Е.А. Пименов), «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования на современном этапе развития науки о языке», «Язык и ментальность», «Реликты ментальности народа в его языке и стереотипах», «Ментальность народа сквозь фольклорную картину мира» (проф. М.В. Пименова), «Когнитивная теория метафоры», «Политическая метафорология» (проф. А.П. Чудинов). Лекторы Школы провели мастер-классы и индивидуальные консультации для слушателей.

II, III и IV, прошедшая в Омске, Летние школы проходили под эгидой Международной распределенной лаборатории когнитивной лин-

гвистики и концептуальных исследований (ЛКЛИКИ), созданной в 2006 г. в г. Кемерово (филиалы которой располагаются в Севастополе (Украина), Армавире и Ставрополе), которую возглавляет доктор филол. наук, проф. Марина Владимировна Пименова. Филиалами лаборатории руководят: в Севастополе – доц. Лариса Валерьевна Адонина, в Армавире – проф. Сергей Григорьевич Воркачев, в Ставрополе – проф. Геннадий Николаевич Манаенко.

В рамках Школы «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования» на базе Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского состоялась I Международная научно-практическая конференция «Язык и культура: XXI в.». В соответствии с программой работали шесть тематических секций: «Языковая картина мира сквозь призму категорий грамматики, семантики и прагматики», «Различные ипостаси существования картины мира», «Методология когнитивных и концептуальных исследований», «Художественная картина мира как способ освоения мира автором», «Концептуализация, категоризация, концепты, способы формирования и вербализации», «Концепт и культура: сопоставительный аспект». В работе конференции приняли участие лингвисты из гг. Алматы, Барнаула, Волгограда, Грозного, Екатеринбурга, Канска, Кемерово, Краснодар, Красноярск, Кургана, Липецка, Магнитогорск, Новокузнецк, Новоуральск, Новосибирск, Омск, Оренбург, Павлодар, Семипалатинск, Сургут, Ульяновск, Уфы, Челябинск, Читы, Шадринск.

Следующая – V Летняя научная Школа – будет именоваться «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования: русский мир и восточнославянская ментальность». Она состоится с 3 по 12 июля 2011 г. на Украине, на базе Горловского государственного педагогического института иностранных языков. Среди лекторов – известные когнитологи России, Украины, Белоруссии, Польши (Виктор Алексеевич Виноградов, Николай Николаевич Болдырев, Сергей Григорьевич Воркачев, Эмма Ширяздановна Генюшене, Валерий Михайлович Калинин, Алла Алексеевна Камалова, Владимир Ильич Карасик, Геннадий Николаевич Манаенко, Валентина Авраамовна Маслова, Евгений Александрович Пименов, Марина Васильевна Пименова, Марина Владимировна Пименова, Анатолий Николаевич Приходько, Татьяна Павловна Рогожникова, Елена Александровна Селиванова, Вячеслав Исаевич Теркулов, Анатолий Прокопьевич Чудинов). Слушатели Школы смогут принять участие в научных и образовательных мероприятиях (среди которых лекции, семинары, мастер-классы, Круглые столы, индивидуальные консультации лекторов, получение научных материалов в электронном виде). Заявки на участие в работе Летней школы и свои вопросы можно присылать на электронный адрес:

PiTer_summer_school@rambler.ru на имя Теркулова Вячеслава Исаевича и summerschool2011@rambler.ru на имя Пименовой Марины Владимировны.

Слушатели Школы высказали свои мнения о ее организации и проведении, а также пожелания по поводу последующих школ. Так, Екатерина Михайловна Гирняк (ОмГПУ) отметила: «Хочу выразить благодарность Вам за организацию школы по когнитивной лингвистике в нашем регионе, за привлечение мэтров современной отечественной лингвистики, за интересные и познавательные лекции, а также за новые мысли и идеи, появившиеся в наших головах. Я являюсь преподавателем китайского языка в Омском педагогическом университете, в связи с этим, единственным пожеланием будет расширять языковую географию школы и привлекать специалистов по разным языкам (востоковедов в частности), если будет такая возможность». Ирина Владимировна Винантова (ЧелГУ) так выразила свои впечатления: «Большое Вам спасибо за организацию Летней школы-2010! Сказано уже много добрых слов, идей и пожеланий. На самом деле, все это время мы были как "огурцы" в когнитивном "рассоле" – даже если кто-то из нас и не занимался когнитивной лингвистикой, все равно все мы впитали в себя много-много нового, интересного. Говорю это из своего опыта: рядом с тетрадью для записей лекций всегда лежал блокнот для записи "озарений". И теперь, уже дома, анализирую огромный список идей, мыслей, которые ждут реализации, и которые вряд ли посетили меня, не будь Летней Школы».

Галкина Ирина Васильевна (ОмГУ им. Ф.М. Достоевского) сказала: «Это замечательная возможность начинающим исследователям послушать лекции и непосредственно пообщаться с выдающимися лингвистами, которых мы цитируем "через строчку" в своих статьях и исследованиях». Тарасова Лилия Борисовна (Новосибирская государственная медицинская академия) заметила: «Спасибо за такую интереснейшую школу, я столько новых и интересных людей смогла встретить». Смагулова Гульдархан Нургазиевна (Казахский национальный университет им. аль-Фараби) написала: «Хочу поблагодарить за интересную и содержательную программу летней школы! Очень хорошо справились!».

А Сумина Екатерина Сергеевна из Шадринска так выразила свои впечатления о Школе: «Спасибо Вам огромное за предоставленную возможность поучаствовать в Летней Школе лингвистов-когнитологов! Понравилось очень многое, польза огромная, впечатления от города Омска и от общения с выдающимися профессорами когнитивной лингвистики самые приятные! Я написала отзыв о Школе в форме алфавитных ассоциаций, очень люблю такую нетрадиционную форму систематизации материала:

А – Ачаирский монастырь (эта коллективная экскурсия помогла нам всем сблизиться, это было незабываемо!).

– Азовское море (именно там состоится следующая Летняя школа, где нас всех ждут и куда каждому очень хотелось бы поехать).

Б – Банкет (было здорово, очень понравился и стол, и организация, и общение в такой обстановке!).

– Бутакова Лариса Олеговна (одна из первых, кто читал нам лекции и делился своим опытом, ее психолингвистический эксперимент запомнится надолго!).

В – Владимир Ильич Карасик! (о знакомстве и личном общении с этим милым, умным, интеллигентным человеком можно было только мечтать – мечта сбылась!).

Г – Галич Галина Георгиевна (очень приятно было с ней познакомиться и присутствовать на ее лекциях).

Д – Достоевский Ф.М. (столько нового и интересного узнали из жизни этого великого писателя, посетив музей, посвященный ему).

Е – Евгений Александрович Пименов (кто как ни он знает всё-всё о когнитивной лингвистике? Конечно же, очень приятно было познакомиться!).

Ж – Жизнь в общежитии (очень благодарна оргкомитету за организацию комфортного и недорогого проживания в общежитии; кроме того, в общежитии мы многие познакомились друг с другом поближе).

З – Замочки (их так много (!) на развилке Иртыша на Набережной). На чугунной ограде моста через Иртыш молодожены прикрепляют замочки для крепости семейного счастья (М.П.).

И – Иртыш (вечерние прогулки по Набережной этой реки также останутся в памяти).

– Иссерс Оксана Сергеевна (интересно и увлеченно рассказывала нам о новых дискурсивных практиках и методах их описания, спасибо!).

К – Конференция (для всех нас выступление на конференции было важным, поскольку это очень хороший способ поделиться своими идеями и выслушать пожелания).

– Колесов Игорь Юрьевич (общительный, интеллигентный, поведал нам полезную информацию о когнитивно-дискурсивном подходе).

Л – Люба (очень запомнился памятник этой молодой девушке – жене генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда Любови Фёдоровне, умершей в 1852 г. в возрасте 23 лет).

– Лекции (их было по 4 в день, вспомнилось своё студенчество...).

М – Марина Владимировна Пименова!!! (наш организатор, наш вдохновитель, очень умный, интеллигентный, приятный в общении человек... Спасибо Вам огромное!).

Н – ноутбуки (они в нашей Школе были очень востребованы, т.к. получить научную информацию о диссертациях, сборниках и монографиях в электронном виде хотелось всем!).

О – Омск и ОмГУ (этот город и этот университет приютил нас на время летней Школы).

– Оргкомитет (отдельное спасибо всем членам оргкомитета!).

П – Пикник (это было так и неожиданно, и очень приятно!).

Р – Рогожникова Татьяна Павловна (очень приятно было общаться и до Школы и во время Школы, спасибо!).

– Розы (они стояли на столе во время каждой лекции, почему-то запомнились).

С – Степаныч (этот увековеченный в камне Сантехник, выглядывающий с разводным ключом в руке из канализационного люка на Любинском проспекте, также останется в памяти; говорят, что омичи по доброте душевной и из уважения к человеку нелегкой профессии даже регулярно дают ему закурить).

Т – Таблица Менделеева (если бы лекции были скучными, то ее можно было бы выучить наизусть за время Школы – она висела за спиной лекторов, но этого делать не пришлось – лекции были интересными!).

– Тарские Ворота (говорят, если загадать желание и пропрыгать под ними на одной ножке, желание сбудется). Почти все лекторы Школы пропрыгали на одной ноге сквозь Тарские Ворота (М.П.).

У – Удостоверения (долгожданный момент вручения удостоверений о повышении квалификации также останется в памяти).

Ф – Флешки (очередь желающих получить на них информацию в электронном виде всегда была огромной).

Фотосессии (всем слушателям Школы хотелось сфотографироваться с лекторами!).

Х, Ц – Царевна-Лягушка (эта и другие русские народные сказки открылись для нас в новом свете благодаря увлекательным лекциям Марины Владимировны).

Ч – Чудинов Анатолий Прокопьевич (его все очень ждали, и он все-таки приехал и порадовал нас своими лекциями!).

Ш, Щ – Э – Экскурсии (в свободное от лекций время мы где только не побывали; больше всего запомнилась экскурсия в музей Врубеля, в частности, зал омского художника-микроминиатюриста А.И. Коненко).

Большое спасибо всем замечательным лекторам Школы!

Все слушатели прошедшей Школы с нетерпением ждут следующую. До встречи на Азовском море!

© Пименова М.В., 2010

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узко специализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представления рукописей и на иных языках. Публикация статей производится на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств редакции.

Авторы, предлагающие статьи для публикации должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы.

1. Политическая коммуникация. Включает статьи, посвященные институциональной и личной политической коммуникации. Политическая коммуникация понимается широко, т.е. и как коммуникация, в которых политики выступают как адресанты или адресаты, и как коммуникация, связанная с политическими проблемами в рамках политического медийного, научного или иного дискурса.

2. Язык – общество – политика – культура. В этом разделе представлены статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия языка, общества, культуры и политики, в том числе имеющие важное социальное значение вопросы медиалингвистики и рекламной коммуникации. Подобные исследования, разумеется, связаны с социальной жизнью и политической культурой общества, но уже не настолько непосредственно, как публикации, включенные в первый раздел.

3. Классика политической лингвистики. В данном разделе представлены исследования, созданные на предшествующих этапах развития политической лингвистики и сохраняющие свою научную значимость в современных условиях.

4. Хроника. Рецензии. Письма в редакцию.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двенадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 мая, 1 сентября и 1 декабря. Единственное ограничение – статьи должны полностью соответствовать проблематике сборника. Наиболее интересные статьи печатаются вне очереди.

Все статьи, представленные в журнал, направляются на рецензирование. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента. В случае отрицательного решения автору направляется копия рецензии.

Мы не платим гонораров, но и не берем с авторов деньги за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника. Это относится ко всем авторам, в том числе к начинающим исследователям (аспирантам и др.).

Журнал выходит ежеквартально. Срок выпуска каждого номера – не более двух месяцев. Наш журнал своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Статьи печатаются именно в том варианте, в каком они присланы автором, который несет полную ответственность за содержание статьи и ее оформление. Редакция не считает нужным оплачивать работу литературного редактора и корректора. Поэтому вся ответственность за содержание и оформление статьи лежит на авторе.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343); 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности А.П. Чудинов). Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ar_chudinov@mail.ru.

Наш журнал включен в Каталог Роспечати и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, т.е., помимо основного текста, содержать следующие сведения, представленные на РУССКОМ и АНГЛИЙСКОМ языках.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

- фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы);
- должность, звание, ученая степень
- полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы каждого автора. (Если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно);
- подразделение организации
- контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

3. АННОТАЦИЯ

4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)

- УДК и/или ГРНТИ, код ВАК по разделам номенклатуры научных специальностей
- либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы;

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ:

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76–86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75-85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. №. 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум – механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. – М.: Науч. мир, 2003. С. 340-342.

МОНОГРАФИИ:

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. – М.: Проспект, 2006. С. 305–412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 199 с.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. ... канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. 18 с.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2002. С. 54–55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. 39 с.

ПАТЕНТЫ:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. – Ярославль, 2003. 350 с.

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. С. 125-128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ:

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логина Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер=366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).